WARHAMMER 40,000

A Space Marine Battles Novel

ARCHITECT OF FATE

EDITED BY
CHRISTIAN DUNN

FEATURING SARAH CAWKWELL, BEN COUNTER
DARIUS HINKS AND JOHN FRENCH

Annotation

Космические десантники способны противостоять Тьме, и все же на бесчисленных полях сражений они — лишь марионетки в руках Судьбоплета. На обреченном мире Илисс, на боевых палубах «Усилия воли», на границе Ока Ужаса себя — друзья и враги следуют великому плану, приведенному в движение многие тысячи лет назад. Но Архитектор Судьбы может предвидеть свой рок, подстерегающий его на горизонте сорок первого тысячелетия. Печально известный Кайрос Судьбоплет, великий демон Тзинча и мастер манипуляций, обнаружил пределы своей власти...

- АРХИТЕКТОР СУДЬБЫ
  -
  - Сара Коуквелл
    - I
    - II
    - III

- IV
- V
- VI
- VII
- Дариус Хинкс
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
- Бен Каунтер
  - Часть 1

- Часть 2
- Часть 3

- Джон френч
  - I
  - II
  - III
- Об авторах

Архитектор судьбы

Под редакцией Кристиана Данна

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин тириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишащий демонами варп, единственный путь между далекими

звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов. Быть человеком в такое время — значит быть одним из триллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во

траке будущего есть только война. Нет
мира среди звезд, лишь вечная бойня и
кровопролитие, да смех жаждущих богов.

Сара Коуквелл

ПРОКЛЯТАЯ ВЕЧНОСТЬ

+++

Зашифрованное сообщение, уровень секретности — пурпурный, код Тета Гамма Четыре Три Девять. По приказу Ордо Маллеус адресовано капитану Шестой роты Звездных Драконов Танеку, в настоящее время командующему Флотом Сдерживания Каппа. Приветствую и требую безотлагательного соблюдения вами соглашения. Сообщено об обнаружении корабля, соответствующего содержащемуся в архивах описанию «Проклятой вечности».

Данной мне властью и в соответствии с моим положением в священных ордосах, вам приказано привести флот в место, координаты которого я передам после этого сообщения. Данное сообщение служит основанием для вашего прибытия.

Конец сообщения.

+++

Неуправляемое судно несли бесконечные волны космоса. Частично скрытое клубящимся пылевым облаком, оно появилось из тьмы подобно чудовищному левиафану, неуклюже поднимающемуся на поверхность из далеких глубин за глотком жизнетворного воздуха. Аналогия была небезосновательна.

Окруженный со всех сторон беспощадными кораблями сопровождения, скиталец происходил из легенд и мифов. Возможно, когда-то он был боевой баржей, но никто не смог уничтожить сопутствующий ему флот и приблизиться достаточно близко, чтобы точно установить, что это такое и кому принадлежит. Он не отвечал на приветствия. Как только к нему для расследования направлялся флот, возникали необъяснимые варп-шторма и корабль исчезал. В лучшем случае, он оставался видимым пять часов, чего едва хватало, чтобы просто зарегистрировать

его присутствие. Однако за ним неминуемо следовал Хаос вместе со своими спутниками: безумием, разложением и смертью.

За долгие годы корабль заслужил себе имя — «Проклятая вечность». Многие не придавали ему значения, считали всего лишь выдумкой, которую рассказывали шепотом работающие на нижних уровнях матросы и которой ради забавы делились друг с другом младшие офицеры. Ветераны космоса находили в этом мало смешного. Они знали, что проще всего отмахнуться от зла варпа.

Корабль-призрак. Его спектральное эхо затерялось в волнах. Предания гласили, что, возможно, его населяют призраки бывших членов экипажа, скованные в вечной пытке. А может быть, его пустые палубы населяли обольстительные сирены Губительных Сил, ожидающие момента, чтобы завлечь невинную жертву и обречь ее на самую постыдную смерть.

Что бы ни находилось на борту, оно было порождением варпа. В этом сходились все истории. Внутри

извращенного корпуса скрывалось что-то или кто-то большой важности, что подтверждало наличие эскорта. Но это был не тот приз, на который хватило бы духу покуситься простым смертным.

Прошло сто лет с момента последнего обнаружения этого флота. Сто лет, в течение которых у истории о его происхождении было время развиться и исказиться, пока она не стала тем, чем не являлась. Она стала легендой. Она стала мифом. Расшифрованные записи о битве столетней давности никогда не подтверждались. Считалось, что никто в действительности не узнает о смертях в Баланоре.

В последние несколько десятилетий одинокий корабль стал появляться все чаще и чаще и, тем не менее, его всегда замечали мельком, этакой вспышкой, образом чего-то, что могло быть боевой баржей, а могло и не быть. Описания корабля ни разу не наводили на мысль о физической необычности. Он был таким же, как и любой другой корабль, несмотря на окружавшие его легенды. Никто не

сообщал о внешних знаках принадлежности, а общее состояние корабля по большой части оставалось неизвестным.

Он стал синонимом несчастья. Увидеть «Проклятую вечность», даже на краткий миг, предвещало смерть и разрушения.

Вслед за внезапным, необъяснимым появлением флота астропатические хоры Империума Человечества срочно активизировались в поисках надлежащего ответа. Со всех сторон летели все более эмоциональные сообщения, которые ожидал невозмутимый и тщательно взвешенный ответ.

+++

По приказу Ордо Маллеус Священной Инквизиции система Баланор и все корабли в ее пределах считаются traitoris in extremis. Во имя Его, мы идем.

Теперь эта ситуация под нашим контролем.

+++

Ситуация точно не находилась под контролем. Небольшой флот Ордо Маллеус ворвался в реальный космос с полностью заряженными орудиями, готовыми исторгнуть свою ярость. Батареи безжалостно открыли огонь по флоту Хаоса, непрерывные потоки света разрезали бесконечную тьму. На краткий и невероятный миг показалось, что они добьются своего. На скоротечную секунду создалось впечатление, что они возьмут вверх. Казалось, корабли Хаоса готовятся к отступлению. Но они не отступили.

Флот Хаоса состоял из пяти неопознаваемых кораблей, гордо несущих на носу изображение восьмиконечной звезды. Они одновременно отошли от эскортируемого флагмана и, мучительно медленно изменив курс, безрассудно устремились к флоту Инквизиции. Четыре имперских эскортных корабля, оказавшись на пути крейсеров Хаоса, были мгновенно уничтожены, увеличившими скорость хищниками. Из разбитых судов

вытекли воздух, топливо и тела, обломки не преградили путь ударным крейсерам. Корабли Хаоса держали твердый курс сквозь бойню.

Ни один выстрел не был дан с орудийных палуб флота Хаоса. Каждый уничтоженный корабль Ордо Маллеус стал жертвой решительного тарана.

Непреклонные суда Инквизиции удерживали позиции с неутолимой и достойной похвалы яростью. Они снова атаковали корабли Хаоса и уничтожили два из них свирепым и безжалостным залпом главных орудий. Однако после их уничтожения не осталось ничего, что подтверждало бы их существование. Ни перекрученного, разорванного металла, ни следов огня... Ничего. Словно их никогда не было.

И только когда флот Инквизиции сравнялся в численности с врагом, был отправлен сигнал флоту Сдерживания Капна.

Госпожа Керис Ябиру, псайкер-примарис флагмана Звездных Драконов

«Ладон», была худощава. Когда-то ее, возможно, считали стройной, гибкой и изящной, но сейчас она выглядела почти дистрофичной. Годы на службе Империуму отняли всю ее молодость, красоту и энергию, которые некогда поражали людей. Ее жизнь на службе Трону Терры сказалась на ней, физически и ментально. Но, несмотря на это, она все еще была способна держаться заносчиво.

Когда Керис стремительно шла по тускло освещенным коридорам, в ее движениях не было ни капли женственности. Походкой она напоминала важную, длинноногую водную птицу. Даже голова слегка покачивалась с каждым шагом. Злые языки могли назвать такую походку комичной.

Несмотря на слепоту, ее психические чувства позволяли ей ловко и непринужденно двигаться по огромному кораблю. Скорость, с какой она передвигалась, служила лишь слабым выражением той безотлагательности, с которой, по мнению астропата, следовало передать последнюю полученную ею

информацию. С тех пор, как она получила и передала сообщение от Инквизиции, приказы начали метаться вперед и назад, но этот был адресован лично капитану, и ей, в чем она призналась бы только себе, любопытно было увидеть, как будет воспринято его содержание.

Керис служила Звездным Драконам более двадцати лет, и хотя сохранила должное чувство страха и уважения к Адептус Астартес, установила за эти годы хорошие взаимоотношения с капитаном Шестой роты. Она не боялась его.

По крайней мере, не слишком боялась.

Было сложно не любить капитана Танека. Несмотря на то, что на поле битвы это был свирепый, суровый и, по слухам, жестокий воин, вне боя он демонстрировал другую сторону своей личности, не лишенную приветливости. Со своими подчиненными и теми, кто служил им, он обращался справедливо, активно поощряя в них желание высказывать свое мнение. Танек утверждал, что такая открытость очень

важна. Его воины чуть ли не боготворили капитана; смертная часть экипажа «Ладона» боготворила его в прямом смысле слова. Он считал это немного неудобным и делал все, что мог, чтобы убедить людей отказаться от такого преклонения. Однако подобная скромность лишь усугубила ситуацию.

Керис повернула за угол и сбавила скорость. Кожа на ее бледных щеках, тонкая и сухая из-за воздействия рециркулируемого воздуха «Ладона», порозовела от напряжения. Седеющие волосы, стянутые в простой хвост, растрепались и свисали тонкими, легкими прядями вокруг изможденного лица. Плотно сжав губы, она несколько мгновений приводила себя в порядок. Перед капитаном Танеком нельзя было появляться в таком виде.

Получив сообщение, корабль несколько часов мчался через варп. Его бросало из стороны в сторону, и внезапный крен палубы заставил Керис споткнуться. Астропат вытянула руки, балансируя, но корабль тут же лег на другой борт, чем

полностью лишил ее равновесия. Но прежде чем она упала, ее поддержали. Сильная рука обняла ее за плечи. Один из Звездных Драконов.

— Госпожа Ябиру, — прозвучал низкий теплый голос, и на ее лице мелькнула улыбка.

— Сержант Коридон.

Она обрадовалась уважительному и заботливому тону в голосе воина и обратила к нему слепое лицо. Ее руки поднялись в знамении аквилы, и она склонила голову, выразив уважение Адептус Астартес.

— Полагаю, вы идете на Кладку? Сочту за честь, если вы позволите сопровождать вас. Путешествие через эмпирей неспокойное, и я буду сильно огорчен, если вы упадете.

Его манеры были безупречны, и Керис не сочла себя оскорбленной. Она никогда не видела Коридона, но часто беседовала с ним. Воинская решительность сочеталась в нем со сдержанным чувством юмора, часто переходящим в сарказм, что замечательно дополняло прямой стиль

общения Танека. Она никогда не могла определить возраст Звездных Драконов, но все, что она узнала о сержанте, встречаясь с ним в Кладке, позволило ей сделать вывод о его сравнительной молодости. На таком близком расстоянии она уловила специфичный запах, который, казалось, сопровождал всех Адептус Астартес: смесь оружейных масел и абразивов доспехов, и слабейший намек на сладкий фимиам, который подсказывал, что он недавно покинул корабельную часовню. Астропат выпрямилась.

— Я в равной степени почту за честь быть сопровождаемой вами, сержант Коридон.

— Конечно, госпожа Ябиру.

Керис почувствовала, как он взял ее руку и положил на свое обнаженное предплечье, чтобы безопасно провести ее по неустойчивым коридорам «Ладона». Хотя она никогда не призналась бы в этом, но ей, пожалуй, была приятна его сильная, твердая поддержка. Поспешность, с которой Звездные Драконы и Кровавые Мечи ответили на призыв Инквизиции,

порождала тревогу. Новости, которые она несла сейчас капитану, также вызывали беспокойство.

Вдруг женщина почувствовала большую радость от присутствия Коридона. У нее было твердое ощущение, что ситуация после сегодняшней Кладки очень быстро усложнится.

Кладкой называли ежедневное собрание руководящего состава «Ладона». На нем обсуждались все проблемы и выдавались распоряжения. Это был эффективный орган, деятельность которого редко бывала эмоционально окрашена. Однако такой корабль, как ударный крейсер, нуждался в безупречном управлении, и Танек, чей талант организатора не имел себе равных, исключительно умело командовал судном.

Коридон ввел Керис в стратегиум, и она остановилась перед статуей Императора. Изваяние окружала такая ощутимая аура веры, что его местонахождение нетрудно было определить. Женщина слегка рассеянно пробормотала литанию и поблагодарила

сержанта, когда он проводил ее к оставленному для нее месту за столом.

Через несколько минут она услышала голос капитана. Он предшествовал появлению Танека, и Керис повернула голову на звук. Ее слух напрягся, чего никогда не могли сделать ее глаза. Годы слепоты обострили ее остальные чувства. В голосе капитана она расслышала признаки нетерпения, что свидетельствовало о беспокойстве и раздражении, но он их сдерживал обычной вежливостью.

Он вошел не один, послышались еще чьи-то шаги. Несомненно, капитана Кровавых Мечей Хорваша. Когда пришел вызов от Инквизиции, он был на борту «Ладона», и вместо того, чтобы вернуться на свой корабль, сэкономил ценное время, оставшись на борту судна Звездных Драконов. Хорваш присутствовал на нескольких Кладках во время дежурства Каппы и всегда относился к Керис с должным уважением, хотя и с явным недоверием, которое многие демонстрировали в отношении психически

одаренных.

Астропат машинально скользнула по разумам двух капитанов и удивилась, как два таких богоподобных существа могут проявлять столь разные качества без единого слова. По разумению Керис, Хорваш был младше Танека на несколько десятилетий, и даже для слепца было очевидно, что он гордится своей молодостью. В его голосе слышались самоуверенность и высокомерие, пока не сдерживаемые опытом. Он был умен и энергичен. И все же, несмотря на равные статусы, он явно считался со старшим воином. По модуляциям в его голосе и расстоянию между капитанами она определила, что Хорваш почтительно держался в шаге или двух за Танеком, пока, наконец, не занял место за правым плечом капитана.

Был еще кто-то. Керис слышала его шаги, но человек решил не выдавать себя. Она втянула воздух и слегка покашляла. Если от Коридона исходил легкий аромат фимиама и часовни, другой вошедший пропах или насквозь. Женщина пришла к

заключению, что это Якодос. Единственный Звездный Дракон, которого она по-настоящему боялась.

— Благодарю вас всех за терпение, — медленно, чуть ли не лениво произнес Танек, однако от разъяснений причин своего опоздания воздержался. Будучи капитаном, он пользовался своим правом и никогда не проявлял спешку. Керис, много слышавшая о мужестве Танека на поле битвы, знала, что он был очень обстоятельным и досконально изучал своего врага, прежде чем взяться за оружие. Это была характерная черта Звездных Драконов.

Кладка шла своим чередом, каждый из присутствующих сообщал то, чем считал необходимым поделиться. Но, как и ожидала Керис, ничего, что могло бы по значимости сравниться с их переходом через варп, ни один из них добавить не смог. Коридон предоставил обновленную информацию о готовности отделений роты и состоянии арсенала. Керис была уверена, что остальные Звездные Драконы найдут ее захватывающей, но лично ей она

показалась мучительно нудной. Удивившись своей скуке и понимая, что это следствие прежней тревоги, вызванной необходимостью передать последнее сообщение, она позволила себе отвлечься.

— Госпожа Керис? Есть еще сообщения?

В голосе Танека прозвучала легкая нотка удивления, и щеки Керис вспыхнули, когда она поняла, что он уже один раз произнес ее имя. Она пригладила волосы и покашляла, прочистив горло.

— Повтор первоначального запроса о помощи, милорд, возможно, переданный ретранслятором. И да, было получено еще одно сообщение. Оно... личное, капитан Танек. Мне поручено передать его только вам.

— Личное?

Хотя Керис не могла его видеть, она предположила, что капитан приподнял брови.

— И от кого именно это «личное» сообщение?

— Он назвался инквизитором Шадрахом Ретигием, милорд.

Внезапное раздраженное шипение со стороны капеллана Якодоса ничуть не успокоило жжение, что охватило ее внутренности, словно по ним разлилась кислота.

— Личное. Понимаю.

Она услышала стук пальцев капитана по столу.

— Я всегда придерживался правила, что на борту этого судна не должно быть никаких тайн. Если я не могу соблюдать его сам, значит, не могу подавать личный пример. Пожалуйста, озвучьте это сообщение, госпожа.

— Ты думаешь, это мудро, Танек? — впервые заговорил Якодос. Голос его был таким низким, что Керис показалось, будто пол под ее ногами задрожал от его баса.

— Думаю, это очень мудро, капеллан.

Вспышка безмолвной битвы волн коснулась края психического сознания астропата, и она испытала боль. Со стороны Керис вдруг стала выглядеть неуверенной в себе, ее прежняя чопорная манера растворилась во внезапном

осознании того, что ее просили пойти против желаний инквизитора. Керис вспыхнула, когда до нее дошло, что все смотрят на нее. Астропат нервно сцепила руки, и пискнула, попытавшись заговорить.

— Он был... совершенно конкретен, милорд. Я... я не уверена, что должна... Оно очень короткое и на него уйдет совсем немного времени, если бы вы вышли в...

— Я не выйду. Пожалуйста, озвучьте сообщение, госпожа Керис.

Его тон не допускал возражений, и, с горестным выражением на лице, она заговорили, подражая скрипучему тону безликого инквизитора:

— Пришло время востребовать мой долг, Танек. Я возьму плату по прибытии.

В помещении воцарилась тишина, подобно пыли, оседающей после шквала ветра. Руки Керис были по-прежнему сцеплены, грудь быстро поднималась и опускалась.

Хорваш нарушил тишину:

— Что все это значит, Танек? Ты знаешь этого инквизитора Ремигия?

— Это неважно. Договоренность

между инквизитором и мной существует.

Танек несколько мгновений пристально смотрел в пустые глаза астропата, словно мог каким-то образом разглядеть подлинное значение слов инквизитора, но, в конце концов, отвел свой пронизывающий взгляд от Керис. Встав, он сцепил руки за спиной и обвел взглядом Кладку.

— Я действительно знаю инквизитора Шадраха Ремигия, Хорваш. — Он резко кивнул. Это более чем ясно давало понять, что у него нет желания обсуждать вопрос с Кладкой, несмотря на прежнее утверждение. Он дернул себя за остроконечную бороду большим и указательным пальцами и задумался на миг, после чего вновь кивнул.

— Очень хорошо. Госпожа Керис, будьте столь любезны, передайте ответ достойному инквизитору. Скажите ему, что его сообщение принято и понято. Этого будет достаточно.

Керис расслышала в этих словах легкий сарказм, однако решила, что будет намного благоразумнее держать свое

мнение при себе. Она поклонилась, ее длинные волосы снова выбились из прически и повисли вдоль лица.

— Как прикажет мой лорд, — ответила она, расценив его приказ как разрешение уйти.

Танек смотрел, как она покидает помещение с застывшим лицом. Несмотря на внешнюю невозмутимость, на душе у него было неспокойно.

«Проклятая вечность». Обоим капитанам было знакомо это имя, как и многим из присутствующих. Оно было легендой. Мифом. И вот по приказу Инквизиции они направляются подтвердить факт его существования.

Если для кого-то из присутствующих на Кладке оно было незнакомым, то они не подали виду. Танек бросил настороженный взгляд на собравшихся, словно провоцируя их уточнить сложившуюся ситуацию.

— По предварительным оценкам мы прибудем менее чем через три часа, — сказал он. — Убедитесь в полной боевой готовности флота и будьте готовы вступить в бой сразу по прибытии в

систему Баланор. Это все.

Кладка разошлась, оставив в стратегиуме двух капитанов и капеллана. Хорваш с нескрываемым интересом смотрел на товарищей. Совместная служба способствовала созданию сильных уз дружбы и верности между ними.

Сейчас Кровавые Мечи и Звездные Драконы вместе путешествовали по космическим просторам. За предшествующие столетия они часто объединяли силы, если того требовала ситуация. Близость их домашних миров служила для них весомой причиной поддерживать крепкий союз. Позорное деяние оторвало Кровавых Мечей от их родины, и Звездные Драконы прибыли сюда, чтобы поддержать их. Это не был вопрос долга или чести. Это просто было.

Взаимная преданность породила редкое чувство подлинного братства между Астартес, которое обычно распространялось лишь на космодесантников, принадлежащих к одному ордену. У них были общие традиции и история, переросшие в дружбу,

соединившую два ордена. Более того, Звездные Драконы и Кровавые Мечи выставляли доблестных воинов с отличной тактической подготовкой, что делало их ужасающей силой, с которой приходилось считаться, когда они вместе выходили на поле боя.

Хорваш был последним капитаном, занявшим место на флоте. Эта обязанность исполнялась по очереди: каждый капитан роты Кровавых Мечей должен был провести определенное время на борту корабля ордена «Офидиан». Что касается Звездных Драконов, ничто не обязывало их присутствовать здесь. Они несли службу вместе со своими собратьями по собственному выбору.

Танеку нравился Хорваш. Он был энергичным и импульсивным, и часто высказывал мысли, которые другие могли счесть неуместными или бестактными. Танек же считал, это проявлением честности, которая приносила ему большую пользу.

— Я не хочу совать нос в дела, которые меня не касаются, Танек, — начал

Хорваш после долгого наблюдения за обоими, — но что кроется за этим сообщением?

— Позволь поделиться своим богатым опытом, брат-капитан Хорваш. — Танек одарил младшего капитана мимолетной благосклонной улыбкой и подчеркнул важность своих слов, обращаясь к боевому брату по полному званию. — Если ты начал предложение утверждением, что не хочешь совать нос, тогда мой тебе совет не делать этого. Детали не важны. Достаточно сказать, что мой орден должен услугу инквизитору. — Взгляд Звездного Дракона был ясен и тверд. — Очевидно, он считает, что пришло время расплатиться по долгам.

Он встретился взглядом с Якодосом, оба космодесантника не скрывали беспокойства.

— На данный момент это все, что тебе нужно знать.

Возвращение в реальный космос из варпа сопровождалось долей риска и при благоприятных обстоятельствах, а уж во

время космической войны и подавно. Появившись из эмпиреев, небольшой флот сразу же оказался вовлечен в битву между кораблями Хаоса и Инквизиции. Два небольших эскортных корабля Каппы были выведены из строя орудиями Ордо Маллеус, оказавшись не в то время не в том месте.

Между имперскими сторонами произошел обмен полными ярости сообщениями. Инквизиция не ожидала, что флот Сдерживания прибудет так быстро, и Каппа, в свою очередь, не рассчитывал оказаться в зоне боевых действий. С явным нежеланием корабли Инквизиции прекратили огонь, чтобы позволить «Ладону» и «Офидиану» занять позиции и обеспечить крайне необходимую поддержку.

«Ладон» открыл все орудийные порты левого борта и дал убийственный залп по судам предателей, пересекшим космическое пространство. Когда разрушительные потоки устремились к врагу, Инквизиция отправила закодированное сообщение. Его содержимое

со всей поспешностью передали Адептус Астартес. Танек взял у матроса информационный планшет. Прочтя сообщение, капитан нахмурился: содержание вызвало у него замешательство и раздражение.

+++

Не открывайте огонь по аномальному судну. Инквизитор Ремигий и его свита прибудут к вам своевременно. Повторяю, не открывайте огонь.

+++

По расчетам Танека инквизитору Шадраху Ремигию было под семьдесят. Но благодаря аугментике и омолаживающим процедурам он выглядел намного моложе. Прошло, по крайней мере, двадцать лет с тех пор, как Танек видел его в последний раз, и, казалось, за это время он нисколько не изменился.

Только если не смотреть ему прямо в глаза. Тогда видна была правда. В самом

центре холодного изумрудного взгляда инквизитора светились ум и мудрость, присущие его летам, сила и способность к принуждению, которые замечательно служили ему. Но Ремигий порождал ауру такой прирожденной надменности, что она скрывала его истинное я. Люди не встречались по собственному желанию со взглядом инквизитора, не заглядывали в его глаза. Гораздо предпочтительнее было уставиться в пол.

Другие, например, Танек, обладающие силой выдерживать его взгляд, видели высокого, стройного мужчину с гривой седеющих волос, кое-как стянутых потрепанной лентой из красной ткани. На его узком лице выделялись длинный тонкий нос и зеленые глаза. Правая сторона лица была изуродована ужасным шрамом, который не смогли скрыть даже омолаживающие процедуры, а верхняя губа была задрана вверх в постоянной усмешке.

Одна рука давно была отсечена по локоть, а ее механическую замену, прекрасно сработанную и отполированную до блеска, несомненно, сделал мастер. Не в

характере Ремигия было прятать ее в рукаве. Он был самим собой и гордился этим.

Когда инквизитор ступил на борт, его рука покоилась на эфесе меча, висевшего в ножнах на поясе. Танек смотрел, как он входит, и всячески старался сохранять тон голоса нейтральным.

— Приветствую, инквизитор, — громко произнес он. — Добро пожаловать на борт «Ладона».

— Капитан Танек. Кто бы подумал, что наши пути снова пересекутся так скоро? И ради такой великой цели.

У него был удивительный голос: звучный и даже по-своему лирический для такого опасного человека. Инквизитор обратил свой проницательный взгляд на Хорваша.

Прежде чем Танек смог его представить, инквизитор снова заговорил:

— Вы, должно быть, капитан Кровавых Мечей Хорваш. Сейчас служите во Флоте Сдерживания Каппа, во исполнение покаяния вашего ордена.

Хорваш явно разозлился, и ухмылка Ремигия перешла в подобие улыбки:

— Конечно же, я не хотел вас оскорбить.

— Держи себя в руках, брат, — прошептал Танек. Он знал, что Хорваш непременно примет слова Ремигия как личное оскорбление, но они не могли позволить себе вызвать гнев Ордо Маллеус.

— Перенесем эту дискуссию в стратегиум. Мой капеллан ждет нас.

Без дальнейших слов Танек развернулся и пошел прочь.

— Капитан Танек. — Слова инквизитора остановили капитана Звездных Драконов, но он не повернулся. Ремигий сделал несколько шагов к нему. — Моя свита...

— Отпустите тех, кто вам не нужен, и оставьте, кого считаете необходимым, инквизитор, но сделайте это быстро. Мое время ценно и мне нужно чертовски хорошее объяснение, почему Флоту Сдерживания было отказано в праве уничтожить этот корабль.

Танек до боли стиснул зубы.

— Всему свое время. Вам не стоит бояться «Проклятой вечности». По крайней мере... не сейчас.

Услышав это, Танек повернулся. Его темные глаза вспыхнули гневом:

— Звездные Драконы ничего не боятся.

— Возможно, ваше мнение изменится.

Из инквизитора больше ничего нельзя было вытянуть, и они вошли в стратегиум в предвещающей бурю тишине. Якодос встал, проявляя уважение к служителю Инквизиции, обратил свой невозмутимый взгляд на инквизитора и его слуг. Ремигий так же внимательно рассматривал Якодоса. Капеллан брился наголо, а в остальном имел вполне заурядную внешность. Если бы не разноцветная лазерная татуировка в виде драконьей чешуи на левой стороне лица и шеи, он выглядел бы, как любой другой капеллан Адептус Астартес, с которыми встречался инквизитор.

— Капеллан Гетор Якодос. — В тоне инквизитора слышалось почтение, которое он явно не продемонстрировал обоим

капитанам, и Хорваш приподнял брови от любопытства. — Рад знакомству.

— Инквизитор. — Якодос ответил на приветствие в той же учтивой манере, что и его капитан. — Добро пожаловать на борт «Ладона».

Формальности закончились, и Танек пригласил всех присутствующих сесть. Свита Ремигия продолжала суетиться вокруг него, но инквизитор отпустил их взмахом руки, и они покинули стратегиум.

Инквизитор откинулся на спинку большого кресла, которое предназначалось для воина, вдвое превосходящего его размерами.

— Обойдусь без любезностей и перейду сразу к сути. — Наклонившись к столу, он подпер подбородок рукой. Его взгляд переместился от одного капитана к другому, и далее к капеллану. — Ранее «Проклятая вечность» оставалась на виду несколько часов, этого хватало, чтобы посеять семена раздора. Но в этот раз... — Улыбка инквизитора делала его похожим на хищника. — В этот раз она

задержалась дольше, чем обычно, и мы не могли не воспользоваться такой возможностью.

— Возможностью? — переспросил Якодос, и Танек рад был дать капеллану слово. — Поскольку нам приказали не уничтожать ее, может быть, вы захотите уточнить, какая это возможность?

— Конечно, мой дорогой Якодос... вы не будете возражать, если я использую подобное обращение? Или вы предпочитаете, чтобы я именовал вас полным титулом?

Якодос склонил голову, намекая, что это его не очень волнует, поэтому инквизитор продолжил:

— Я планирую операцию на борту «Проклятой вечности». Мой ордос получил доступ к важной информации, касающейся происхождения корабля и способов его уничтожения.

— И какое отношение это имеет к моему флоту Сдерживания? — сдержанно спросил Танек.

— Флот Сдерживания Каппа состоит

из верных и благородных воинов Адептус Астартес. Отличные, честные представители вашего великого братства. Вы как никто другой можете предоставить необходимую мне помощь.

— Вам нужна защита. — Выражение лица Танека ничуть не изменилось.

— Так просто. Я не смог бы сказать лучше. — Инквизитор потер ладони. — Да, это так. Мне нужна защита. Я должен отправиться на «Проклятую вечность» и заняться этой угрозой, но вынужден просить вашего содействия в этом деле.

— Просить? — Танек поднял брови. — Это не то, что вы обычно делаете, Ремигий.

— Я рад, что вы помните принципы моего ордоса, капитан Танек. У меня с собой директива, желаете ознакомиться?

Ремигий извлек информационный планшет и предложил его капитану, который никак не отреагировал, продолжая смотреть на инквизитора.

— А если мы не согласимся?

— Полагаю, вы убедитесь, что находитесь не в том положении, чтобы

отказать мне. — Улыбка Ретигия могла заморозить океаны. — Или вы забыли условия нашего соглашения, заключенного во время последней встречи?

— Нет, инквизитор. Я не забыл.

Последовала долгая пауза, прежде чем заговорил Якодос:

— Какова природа этого корабля? Чего нам ожидать, если мы отправимся туда вместе с вами?

— Испытаний, которые подвергнут проверке глубину даже вашей веры, капеллан.

— Я проигнорирую это оскорбление.

— И в мыслях не было оскорблять вас. Мои исследования привели меня к пониманию, что то, с чем мы можем столкнуться на борту «Проклятой вечности», доведет вас до самых пределов вашей, несомненно, значительной решимости. Вызов? Да, я так думаю. Но единственное, в чем я уверен — это то, что вы более чем подходите для этого.

Ретигий поднялся и прошел вдоль стола к иллюминатору, вперив пристальный взгляд в темноту космоса.

— Согласитесь помочь мне, и я буду считать долг ордена Звездных Драконов перед Ордо Маллеус полностью выплаченным. Используя старое терранское выражение, мы начнем с чистого листа.

При этих словах Хорваш с любопытством посмотрел на двух Звездных Драконов, но объяснения не последовало. Капитан Кровавых Мечей понимал, что речь шла о деле, в которое он не должен совать нос, поэтому промолчал. Внутри него зашевелилось незнакомое ощущение паранойи. Было очевидно, что инквизитора и Звездных Драконов связывает какая-то история.

Имелась ли некая подоплека в желании Звездных Драконов служить вместе с Кровавыми Мечами?

Как только возникла эта мысль, Хорваш отбросил ее. За время, которое оба капитана провели вместе, Танек пришелся ему по душе. Он ни на секунду не мог подумать, что Звездные Драконы действовали в качестве какого-то посредника между опальным орденом и

Инквизицией. В сочетании с заметной яростью, которую Хорваш старательно контролировал, мысль казалась глупой, и он заставил себя выбросить ее из головы.

Танек пожал плечами и заговорил, прервав размышления Кровавого Меча:

— Нет. Я не могу согласиться с этим. Я хотел бы узнать правду, прежде чем отправлю моих воинов куда бы то ни было, инквизитор.

— Правду? О, вы узнаете правду.

Не поворачиваясь к космодесантникам, инквизитор некоторое время размышлял над словами Звездного Дракона. Когда он, наконец, повернулся, выражение его лица утратило прежнее высокомерие и приобрело заметную для всех искренность.

— «Проклятая вечность» — это то, что мы может назвать демоническим кораблем, хотя описание грубое и не передает полностью его истинную сущность...

Признание спровоцировало немедленную реакцию Хорваша, который вскочил и положил руку на эфес

церемониального меча, который носил на поясе поверх туники. Его голос загремел по стратегиуму, отражаясь от гладких стен:

— Тогда мы должны положить конец его нечестивому существованию! Флот Сдерживания Капна достаточно силен, чтобы уничтожить его безо всяких усилий.

— Сядьте, капитан Хорваш. — Ремигий посмотрел на пылкого воина с некоторым раздражением. — Если вы откроете огонь по «Проклятой вечности», это закончится тем же, чем закончилось и для многих других слуг Империума: вашим уничтожением и новым неминуемым появлением корабля. От него нельзя избавиться грубыми и традиционными средствами, которыми располагает ваш флот.

Хорваш рассвирепел, и Танек положил руку ему на плечо. Кровавый Меч снова сел на свое место, но не переставал хмуриться.

Ремигий кивнул с абсолютно серьезным видом:

— Я рад, что вы чувствует такую уверенность перед угрозой, которую несет

этот корабль, капитан Хорваш, и ваш энтузиазм достоин похвалы. И вам будет предоставлена возможность оказать мне помощь в уничтожении этой угрозы раз и навсегда. Чтобы одержать победу над «Проклятой вечностью», мне необходимо будет изгнать демона, запертого внутри нее. Мой орден предоставил мне средства и способ для выполнения этого задания. Чего у меня нет, и за чем я должен обратиться к вам — это силы. Выделите мне некоторое количество ваших воинов, обеспечьте мое безопасное прибытие в сердце корабля, и вы увидите, как это зло исчезнет навсегда.

Якодос внимательно наблюдал за инквизитором. Его голос, поза, слова — все дышало абсолютной искренностью, и все же капеллан не мог отделаться от ощущения, что инквизитор чего-то недоговаривает. Капеллан не мог это объяснить ничем, кроме как внутренним инстинктом, но он не был псайкером.

— Это все, что вы хотите от нас? Чтобы мы сыграли роль телохранителей?

— Это все. Я не прошу участия ваших

библиариев и чемпионов. Мне просто нужен отряд достаточной численности, чтобы гарантировать мою безопасность при выполнении задачи. — Инквизитор перевел взгляд с Хорваша на Танека и обратно. — Оказание мне помощи не нанесет вообще никакого вреда вашим орденам. Долг Танека будет аннулирован, а Хорваш заслужит большое уважение для Кровавых Мечей, которым предстоит долгий путь по восстановлению своей сильно пострадавшей репутации. Это достойные награды, не так ли?

— Разве нет других братьев Адептус Астартес, чьи навыки больше подходят для решения подобных задач?

— Конечно, есть. Однако, более военизированное, если так можно выразиться, крыло моего ордена не имеет своих представителей в системе Баланор. Но Звездные Драконы и Кровавые Мечи... — Кое-кто, возможно, счел бы улыбку Ремигия обаятельной, но не Адептус Астартес, которые хорошо понимали, с кем имеют дело. — «Проклятая вечность» — сложная проблема. Она приходит и

уходит непредсказуемо. У нас нет способа предвидеть ее появление, и сейчас я должен использовать все имеющиеся в моем распоряжении средства.

Хорваш продолжал хмуриться. Он водил пальцем по столу, изучая Ремигия.

— Наша численность и так невысока, Танек, — сказал он после нескольких минут молчания. — Но если ты согласен, я смог бы выделить, по крайней мере, одно отделение для такого задания. Сержант Ардашир и его люди были бы отличным выбором.

— Я не стал бы просить тебя о большем, друг мой, — ответил Танек. — Звездные Драконы могут выделить, по крайней мере, две Чешуи. Кровавым Мечам необходимо поддерживать свою численность. Пока вы не в состоянии укомплектовать... — Танек не стал продолжать. В этом не было необходимости, и он достаточно доверял их дружбе, и знал, что Хорваш не обидится.

— Я тоже пойду, — вставил Якодос. — Если это демоническое существо

действительно такое опасное, как предполагает инквизитор, тогда нашим воинам понадобятся наставления в вере.

Танек взглянул на инквизитора.

— Тридцать боевых братьев и капеллан. Думаю, вы согласитесь, что это более чем щедро. Не так ли?

— Более чем щедро. — Ремигий низко поклонился, демонстрируя огромное уважение, хотя все трое Адептус Астартес сочли жест несколько саркастичным.

— Теперь я скажу вот что, Ремигий, — произнес Танек низким и угрожающим тоном. — Первый намек на то, что вы предали нас, приведет к последствиям, которых вы от нас никак не ожидаете.

— Я говорю только правду, капитан.

«Да, — подумал Танек. — Но только ту правду, которую, по твоему мнению, нам следует знать».

Он продолжал идти своим бесцельным курсом, дрейфуя в пустоте космоса и не предпринимая никаких попыток атаковать или как-то помешать абордажным торпедам. Даже когда снаряды пристыковались к «Проклятой вечности» и скрежещущие зубья вгрызлись в корпус, ответа не было. Корабль был во всех отношениях мертв.

Капеллан Якодос вышел из первой торпеды уже с закрытым череполиким шлемом. С его плеч ниспадала великолепная мантия, вручную сшитая слугами ордена из шкур драконов, обитавших в домашнем мире ордена. Такая же толстая, как кольчуга, и радужно мерцающая в полумраке, мантия представляла собой ценный артефакт и служила таким же символом должности капеллана, как и крозиус арканум.

Якодос огляделся внутри так называемого демонического корабля. Аварийные огни едва светились, и сенсоры

шлема настроились должным образом. Температурные датчики зарегистрировали ледяной холод.

Вслед за сержантами вышел из торпеды инквизитор Ремигий. Крошечный рядом с собравшимися космодесантниками, он носил плотную мантию и плащ, которые не спасали от холода. Маска респиратора закрывала большую часть лица, скрывая его выражение.

Сержант Третьей Чешуи Звездных Драконов Коридон и его коллега из Девятой роты сержант Эвандер, великолепные в ярко-синих боевых доспехах, проверяли готовность своих воинов к операции. Отделение Кровавых Мечей в багровых доспехах под командованием сержанта Ардашира присоединилось к ним, как только вторая абордажная торпеда открылась, выпустив их наружу.

Якодос наблюдал, как Коридон собирает воинов, и заметил, с какой настороженностью тот смотрит на инквизитора. Общее командование военной частью операции возлагалось на него, как старшего сержанта, и капеллан знал, что

он прошел личный инструктаж у капитана Танека перед тем, как покинуть «Ладон».

Три сержанта все еще не надели свои шлемы, и перед ними клубился пар выдыхаемого воздуха, когда они отдавали приказы своим отделениям. Коридон держался настороже с Ардаширом. Хотя ордена несомненно были похожи, он ни разу не шел в бой вместе с Ардаширом и не имел представления о его возможностях. Сначала воин Кровавых Мечей выразил нежелание подчиняться сержанту Звездных Драконов, но приказ Хорваша подавил его недовольство.

Как и его капитан, Ардашир выглядел пылким и энергичным, что понравилось Коридону и Якодосу. Он с легкостью построил свое отделение, воины без промедления отвечали на отдаваемые тягким голосом команды, демонстрируя профессиональную, эффективную и отлично организованную сплоченность. Кровавые Мечи имели хорошую репутацию на поле битвы. Коридон очень надеялся, что она не будет проверена на

деле.

Его собственное отделение — Третья Чешуя — и Девятая рота Эвандера стояли наготове, медленно поводя болтерами по сторонам, чтобы держать под прицелом темный коридор, куда они должны были направиться. Якодос прошелся меж Звездных Драконов, прикасаясь к их плечам и произнося слова благословения и искупления своим звонким голосом.

— Кровавые Мечи в твоем распоряжении, сержант Коридон, — сказал Ардашир, и в его тоне не было ничего, кроме уважения. Якодос одобрительно кивнул. Какое бы недовольство не испытывал Ардашир перед отбытием, он отбросил его в сторону ради долга.

— Очень хорошо. — Надев шлем поверх коротко стриженных светлых волос, Коридон повернулся к Ремигию: — Инквизитор, это ваша операция. Мы здесь, чтобы поддерживать вас в случае необходимости.

— О, необходимость возникнет, сержант Коридон. Не «если», а скорее «когда». Убедитесь, что ваши люди готовы

справиться со всем, с чем столкнутся... Не все из этого будет материальным. — Мелодичный голос инквизитора, приглушенный маской, разнесся в тишине корабля. — Наши цели — инжинариум и мостик. Демоническое сердце этого корабля, скорее всего, находится в одном из этих мест.

— Скорее всего? — фыркнул Коридон. — Это немного неопределенно, инквизитор.

— Поступки демонов не подчиняются законам ни одной из точных наук, сержант Коридон. Держите себя в руках. Ваше нетерпение не сослужит вам добрую службу в этой ситуации...

Якодос молча наблюдал за ними из-под череполикой маски. Но в ответ на заявление Ремигия он шагнул вперед, подняв руки. Одна ладонь была направлена к инквизитору, а другая — к сержанту. Хотя его лицо было скрыто, но поведение говорило само за себя.

— Спокойствие, брат-сержант Коридон. Держи себя в руках.

Коридон отвернулся от капеллана, и Якодос заметил, как он сжал кулаки.

— Запомните мои слова, инквизитор, — загремел сердитый голос Якодоса, которому динамики придали нечеловеческий оттенок. — Все собранные здесь боевые братья присутствовали со мной в часовне перед отбытием. Их вера как всегда сильна, и как их наставник во всех духовных делах, я не вижу причины сомневаться в них. — Он обратился к остальным: — Верьте словам и молитвам, которые мы разделили перед уходом, братья. Верьте в Императора и верьте в воина рядом с вами, и мы навсегда покончим с этой угрозой Империуму.

Некоторые воины при словах Якодоса сотворили знамение аквилы. Коридон слегка пожал плечами, затем взял на плечо болтер и повернулся к Ремигию. Линзы его шлема бесстрастно уставились на инквизитора, не выдавая ни одной мысли или чувства. Когда он заговорил, его голос был сдержан и нейтрален.

— Ведите, инквизитор, — сказал он. — Мы прикроем.

Для всех космодесантников и их

подопечного быстро стало очевидно, что «Проклятая вечность» лишена признаков жизни. Не было следов сражения, положивших конец членам экипажа. Ни пятен крови, ни характерных обожженных следов, которые намекали бы на стрельбу. Вообще ничего.

— Корабль словно только что с верфей, — отметил по воксу Эвандер. — Он... чист. Нетронут.

Это было правдой. Стены коридоров, по которым они шли, сияли новизной. Чистые пустынные залы корабля делали его немного нереальным, что-то в нем было не так. Никто не мог четко выразить это чувство, но оно, похоже, было общим.

Эвандеру никто не ответил, но несколько воинов согласно кивнули. Эвандер просто вложил в слова то, что испытывали все они. Через некоторое время брат Мерак нерешительно высказал другое предположение, тщательно подбирая слова, словно сам в них сомневался:

— Выглядит так, словно кто-то

хотел воссоздать интерьер имперского корабля, но не знал, как изобразить физический износ. — Он невесело рассмеялся. — Извините, братья. Даже задумываться над этим нелепо и смешно.

— Не стоит извиняться, Кровавый Меч. Ты просто выражаешь свои мысли по делу. Не считай, что ты не можешь этого делать. Не стесняйся выражать свои соображения в этом месте, брат, — сказал Якодос, не оборачиваясь к воину. — Инквизитор полагает, что этот корабль захвачен демоническими силами. Никто из нас не может по-настоящему понять, на что они способны. Намного лучше сказать о том, что вас тревожит, чем держать это в себе.

— Он ощущается и выглядит вполне реально. Хотя, учитывая его природу, трудно поверить, что это совсем не иллюзия. Нечто, сотканное из самого варпа, фрагмент имматериума. — Эвандер издал легкий смешок. — Странно, я знаю.

— Будьте уверены, сержант, «Проклятая вечность» со всей

определенностью существует, — вмешался в вокс-переговоры голос Ремигия. — Ее машинный дух был взломан и сломлен, но он все еще жив и весьма реален. Мы здесь, потому что он продолжает существовать, несмотря на все усилия Империума.

Они продолжили путь по коридору в тишине, единственными звуками были лязг керамитовых подошв космодесантников, постоянный гул их энергетических ранцев и редкий скрип сочленений силового доспеха. Якодос шел позади отделений, его мантия колыхалась при ходьбе. Он тоже ощущал беспокойство от того, как сущность корабля воздействует на остальных.

— Он не знает, куда ведет нас.

Капеллан резко посмотрел на Коридона, который, по-видимому, переключился на персональный вокс-канал.

— Я не псайкер, но чувствую, что наш подопечный более чем обеспокоен.

— Терпение, брат. Я понимаю твое желание поторопиться, но пусть все идет своим чередом.

— Он не знает, где мы встретимся с

нашим врагом, капеллан. Как мы можем верить его заявлению, что он знает, как справиться с ним?

Якодос не успел ответить. Ремигий без предупреждения вдруг остановился на пересечении коридоров. Только благодаря Коридону, держащемуся от него на почтительном расстоянии, инквизитор не был растоптан тремя отделениями Адептус Астартес.

— Здесь нам предстоит сделать выбор, — сообщил инквизитор, посмотрев по обе стороны коридора, пересекающего их нынешний путь. — Инжинариум или мостик.

— Вот. Ты понял, что я имел в виду? Как я и говорил.

Разочарование Коридона было очевидно и совершенно нетипично для него. Якодос нахмурился.

— Насколько вы уверены, что мы найдем в одном из этих мест то, что ищем, инквизитор? — поинтересовался он.

— Настолько, насколько могу быть уверен, капеллан.

Несмотря на эти слова инквизитора,

Якодос разглядел очевидные признаки неуверенности: то, как дрогнул его голос и на мгновение сжались кулаки.

— Возможно... — Впервые в поведении Ремигия сквозило неподдельное сомнение. — Возможно, мы могли бы разделиться?

— Это не лучшее решение, инквизитор, и учитывая то, что вы рассказывали нам об этом корабле, я не могу сказать, что одобряю идею разделить наши силы.

— Это определенно ускорило бы операцию, капеллан. — Коридон сделал шаг вперед. — Мы можем оставаться на постоянной связи и, в случае необходимости, отделения смогут снова соединиться.

— Последнее слово за тобой, сержант. Ты командуешь этой операцией. — Якодос снова уступил. Несмотря на разницу в возрасте, он легко подчинился приказу сержанта.

Коридон потер нижнюю часть шлема. Его красные линзы уставились на коридор — сначала влево, а потом вправо. Куда бы сержант ни смотрел, его взгляд упирался в

одинаково лишенное отличительных черт белое пространство. Он принял решение.

— Третья Чешуя, ты направишься к мостику и произведешь оценку места. Эвандер, ты бери Девятую и сержанта Ардашира. Оставайся с инквизитором.

Он особенно выделил последнюю команду, и Эвандер кивнул.

— Мы пойдем к командной палубе, — подтвердил Коридон настойчиво. — Остаемся на постоянной связи и если столкнемся с трудностями или нам понадобится дополнительная поддержка, отступим к этой позиции и объединим наши силы.

Третья Чешуя отделилась от остальных и собралась в начале правого коридора. Якодос снова переключился на персональный канал:

— Это поспешное решение, сержант, и в этой ситуации оно кажется опрометчивым. Я пойду с вами.

— Я принял решение, капеллан. И нет, ты должен оставаться с инквизитором. Я приношу извинения за то, что говорю так о члене Ордо Маллеус, но я не доверяю ему.

Тебе нужно быть с ним. Это был недвусмысленный приказ капитана Танека. Однако он не требует присутствия всех нас.

Якодос прищелкнул языком.

— Очень хорошо, сержант. Как скажешь. Сохраняй веру сильной, брат Коридон. Будь начеку и не забывай о том, что собирался отступить, если возникнут осложнения.

— Есть, капеллан. Пламя и ярость.

— Пламя и ярость, брат.

Двое космодесантников стиснули руки в воинском пожатии, и Третья Чешуя отделилась от основной группы и повернула направо от пересечения коридоров. У Якодоса не было сомнений, что они сильны, верны и справятся со всем, с чем столкнутся, но он все еще испытывал смутную тревогу из-за разделения сил.

— Сержант Эвандер... Полагаю, теперь ты под твоим командованием.

— Да, капеллан, — Эвандер кивнул и пошел впереди инквизитора, возглавив более многочисленный из двух отрядов к

инжинариуму.

По мере продвижения коридор пошел немного под откос. Якодос снова задумался над тем, что сказал ранее Эвандер. Было что-то в корне неправильное во внутренней планировке корабля. На их пути должно быть больше переборок, больше дверей, а вместо этого перед ними разворачивались, казалось, бесконечные белые коридоры. Капеллан приложил руку к стене и не смог ощутить даже малейшую вибрацию, вызванную двигателями корабля. Сенсоры в его перчатке не передавали колебаний, он провел рукой по стене и ощутил ее почти абсолютную гладкость. Ни следов сварочных швов, ни заклепок, просто ровная, стерильная поверхность.

— Этот корабль мертв, — заметил он. — Я никогда не был на корабле, который настолько, абсолютно, был бы лишен жизни.

Он узнает, и дорогой ценой, что «Проклятая вечность» была далеко не мертва.

Коридон целеустремленно двигался вперед. Он чувствовал тревогу боевых братьев с момента выхода из абордажных торпед, разделял ее и очень хотел закончить операцию и вернуться на «Ладон». Инквизитор ему не понравился с момента знакомства, и теперь его отсутствие принесло сержанту чувство облегчения. С того момента, как они оказались на борту, настойчивый внутренний голос пытался убедить его, что потеря инквизитора не станет трагедией.

— Что именно мы ищем, сержант? — спросил Арион. Этот коридор, как и тот, по которому они шли раньше, был пуст.

— Все рано или поздно начинается, — пробормотал Тилисс. Это вызвало нерешительный смех у Третьей Чешуи, и даже Коридон сдержанно улыбнулся под шлемом. — Ты когда-нибудь встречал подобные места? — продолжил Тилисс, потрясение в его голосе выдавало то, что, по мнению Коридона, чувствовали все. — Когда нам сказали, что это демонический корабль, я ожидал боя, как только мы

ступим на его палубу. Не это бесконечное ничто. Как ты думаешь, может инквизитор ошибаться?

— Я не знаю, Тилисс, — ответил Коридон задумчиво. — Более чем очевидно, что этот корабль необычен. Но, как и тебе, мне тоже интересно, что нас ждет. У меня такое чувство... — Он умолк, не в состоянии озвучить испытываемое ощущение. Оно походило на предчувствие грядущего, но это было невозможно. Он был воином и не обладал способностью к предсказаниям. — Чувство беспокойства.

Слово было жалким в сравнении с глубиной испытываемого им ощущения, но ничего лучшего он не смог придумать.

— Если инквизитор утверждает, что этот корабль демонический, то кто я такой, чтобы спорить с ним?

Корабль-демон. Коридон тихо рассмеялся. Он не знал, чего еще ожидать. Определенно не метр за метром просторных, абсолютно белых коридоров. Возможно, он ожидал нападения уродливых варп-существ. Возможно, он предполагал, что стены корабля будут сочиться ихором

и кровью...

Мысль растворилась в эфире, и он встряхнул себя. Странные, глупые мысли, которым не место в голове сержанта Адептус Астартес.

— Вперед, — приказал он, махнув болтером. Лучше оставить такие смехотворные и фантастические грезы. Он не мог позволить, чтобы они влияли на его действия.

Он выбросил эти глупости из головы, и Звездные Драконы продолжили путь вперед. После их ухода нечто сохранило в эфирном отражении мысли Коридона. С нечеловеческим аппетитом оно поглотило то, что дало бы силу обретения формы. Оно долгие годы оставалось голодным, так что единственная струйка воображения стала подлинным банкетом, накормившим невидимые ужасы «Проклятой Вечности». Когда оно закончило, то захотело еще.

На Старой Терре существовало изречение, подходящее для этого случая: «Беспечные слова стоят жизней».

Будущее начало сформировываться. В коридоре позади Третьей Чешуи из стен

начала медленно сочиться темная и вязкая жидкость, оставшись абсолютно незамеченной для прошедших космодесантников.

— Коридор неправильный.

Наблюдение капеллана отразило то, о чем думали все присутствующие. Они шли слишком долго по бесконечному белому коридору, которому не было конца. Не было ничего, кроме чистых стен и звука шагов Астартес по палубе. Якодос шел в нескольких метрах впереди и, пользуясь сенсорами шлема, осматривал коридор перед собой. Он сфокусировал свое внимание на важных показаниях, но, кажется, что-то мешало рунам дать ему точный ответ. Цифры мигали и часто менялись.

— Посмотри туда. — Ардашир шагнул вперед. В его голосе прозвучала тревожная нотка, и капеллан резко взглянул на него, а затем присмотрелся к тому, на что указал Кровавый Меч.

— Я шел слишком близко к стене и оставил такую же царапину, когда мы

двинулись по коридору от пересечения, — пояснил он. Царапина от красного доспеха на стене коридора походила на кровавое пятно. — Должно быть, это совпадение.

— Я не был бы так уверен, сержант, — пробормотал Ремигий.

Якодос повернулся к нему. Его слова вызвали волну ворчливого гула среди космодесантников.

— Вы предполагаете, что мы попали в ловушку в этом коридоре? — Ардашир уставился на инквизитора. — Что мы не сможем найти выход из него?

— Я предполагаю вероятность того, что демон внутри этого корабля пользуется возможностью поиграть с нами.

Капеллан Якодос, вам необходимо удостовериться, что вера ваших братьев остается крепкой. Если они начнут сомневаться, тогда мы погибли.

— Мы должны идти, — вмешался Эвандер. — Но дайте нам более четкое представление о том, с чем имеем дело.

С металлическим скрипом он провел рукой по красной метке на стене, добавив к

ней синюю полосу. Они осторожно двинулись дальше по коридору.

Им понадобилось всего пять минут, чтобы вернуться к красно-синей царапине на стене.

— Значит, это не было совпадением. — Ардашир разочарованно ударил кулаком по стене. — Мы в ловушке.

— Движение впереди.

Неожиданное сообщение Эвандера привлекло внимание Якодоса, и он автоматически вознес крозиус, готовый к атаке. Эвандер поднял болтер и направил его прямо в коридор. Капеллан проследил за оружием сержанта и слегка напрягся, когда тоже уловил движение. И снова его шлем не предоставил ему никакой информации.

Эвандер сделал несколько шагов вперед, затем остановился, снова подняв болтер.

— Движется к нам. Что-то... Одиночный объект. Огромный. Как минимум, размером с Адептус Астартес. — В голову пришла мысль, и он активировал вокс-бусину: — Третья Чешуя,

доложите. Коридон, у вас есть визуальный контакт?

— Отрицательно. Мы вообще ничего не нашли, брат. У вас проблема?

— Ничего такого, с чем мы не справились бы. — Эвандер отключился и снял болтер с предохранителя. Не нуждаясь в приказе, все отделение Кровавых Мечей начало двигаться в направлении возможного контакта.

Путь на мостик выдался на удивление неприметельным для Третьей Чешуи. Не считая одной вокс-передачи от Эвандера, ничто не нарушало монотонности их поисков. Они добрались до приоткрытой двери в переборке, которую легко преодолели, и оставили коридор позади.

Однако тревога не покинула Коридона. Периодически он испытывал такое чувство, будто на границе зрения движутся тени, и останавливался, чтобы нацелить болтер на то, что только он мог видеть. Его примеру последовали остальные, и он беззвучно выругал себя.

Миновав дверь, они вошли в более темный коридор с расположенными по обе стороны каютами. Потолок здесь был гораздо ниже, и Адептус Астартес пришлось немного пригнуться. Коридор вызывал множество вопросов, абсолютно не соответствуя привычной космодесантникам планировке ударного крейсера. В воздухе словно стоял туман: и в свете люмосфер, закрепленных в стенах, блестели частички пыли.

Немного втянув в себя воздух, Коридон уловил едва заметный запах. Но он не смог точно установить его природу, и проигнорировал, решив, что это спертый воздух старого корабля. Он отдавал плесенью, что напомнило Коридону либрариум на Драконите, где драгоценные древние тома давно ушедших поколений хранились в защитных стазисных сферах.

— Старые книги, — произнес Тилисс.

Коридон удивленно повернулся к нему, его насторожило, что воин озвучил ту самую мысль, которая и ему самому пришла в голову.

— Что?

— Здесь пахнет старыми книгами, — пояснил Тилисс, наклонившись, чтобы заглянуть в одну из кают. Она была пуста, за исключением маленькой койки в углу и пыли на полу. Затем он выпрямился и отправился проверить каюту на противоположной стороне. Там его встретила такая же картина.

— Почему он пахнет старыми книгами? — Это был риторический вопрос и Коридон промолчал. — Главное, почему этот отсек выглядит так странно?

— Это, возможно, каюты слуг. Или когда-то были ими, — предположил один из воинов, и Коридон согласно кивнул. В этом был смысл, в конце концов, человеческая составляющая флота не требовала помещений тех же размеров, что и для огромных сверхлюдей.

— Проверьте все боковые каюты, затем направится к мостику, — приказал он. Присев на корточки, он зачерпнул пригоршню пыли с пола. У нее был едва различимый охристый цвет, почти как у ржавого металла, раскрошившегося на мельчайшие частицы.

Он задумчиво наблюдал, как пыль струится между пальцами. Она была такой мелкой, что если бы не шлем, который отфильтровывал воздух до пригодного для дыхания состояния, то он вдыхал бы ее с каждым глотком воздуха.

Коридон растер пыль между пальцами, обратив внимание, как она пачкает синий керамит. Тилисс, который закончил осмотр боковой каюты, остановился рядом.

— Я склоняюсь к мысли, что эта пыль может быть тем, что осталось от бывшего экипажа, — сказал он тихо.

Сержант посмотрел на него, а затем снова на пыль. В этой идее было что-то отталкивающее. Он шагал среди выпотрошенных и обезглавленных тел по полю битвы как призрак смерти и никогда не испытывал отвращения. Но мысль, что сам воздух, которым он дышит, наполнен высохшими останками, заставила Коридона брезгливо поморщиться.

Он поднялся и рассеянно вытер руку о бедро, оставив красную полосу.

Когда отделение собралось, воины

сообщили, что обнаружить ничего не удалось. Коридон не удивился, так как ничего и не ожидал.

Прежде чем отдать приказ продолжить движение, он краем глаза заметил странный проблеск слева от себя. Он повернулся к стене и отпрянул, увидев, как по ней широкой струей побежала кровь. Она строго по прямой стекла к полу, а затем невероятным образом поползла сквозь пыль к космодесантникам.

Коридон отступил назад, и двое боевых братьев, стоявшие сразу за ним, с громким лязгом металла неуклюже врезались в стену.

— Сержант? — Тилисс мгновенно насторожился, обнажил клинок и активировал его. — Что это?

— Там! — Коридон указал на ручеек крови, который тек к ним. Вот только когда он оглянулся, уже ничего не было.

Тилисс посмотрел. Он покачал головой, и Коридон тут же почувствовал стыд.

— Прошу прощения, братья. Мне

показалось... — Он покачал головой и хрипло, невесело рассмеялся. — Ничего. Ошибся. Что-то в этом месте пытается добраться до меня. Идем.

И тогда послышался шепот, и он не ограничился головой Коридона. В тесном помещении раздавались неразборчивые звуки, что-то вроде шипения и хихиканья. Звездные Драконы все до единого напряглись и подняли оружие, опасаясь засады, которой не было.

Шум вырос до оглушительного рева, наполнившего ограниченное пространство. Затем из пыли на полу поднялось первое существо. Слившись с ужасающей скоростью в единое целое, прах образовал плотную фигуру, отделено напоминающую человеческую. Она несколько секунд колыхалась, наклоняясь то в одну, то в другую сторону в попытках обрести равновесие. Наконец существо перестало раскачиваться и застыло.

Отвратительный разрез разделил его голову почти надвое в ужасной пародии на рот. Существо протянуло руку к космодесантникам, частица за частицей

сформировали палец, который вытянулся и указал на Коридона.

— Вы умрете сейчас.

Слова вошли в разум каждого боевого брата. Коридон не ждал ни секунды.

— Мы не умрем, — ответил он, нажав на спуск болтера. Снаряд застрял в теле существа из пыли, и оно наклонило голову, чтобы посмотреть на него. Отверстие закрылось, и Коридон с нарастающим ужасом испытал необъяснимую уверенность, что существо смеется. Оно снова подняло голову.

— Вы умрете сейчас.

Несколько секунд спустя оно взорвалось. Прах разлетелся по сторонам, осыпав отделение красной пылью. Однако на смену существу появилось несколько его копий.

Приняв человекоподобную форму, они медленно двигались вперед, словно само движение было для них сложной задачей. Коридон уничтожил еще двоих, выкрикнув приказ отступать через другую дверь. Очень быстро их окружили со всех сторон медленно надвигающиеся духи. Болтерные

снаряды проходили их насквозь и уничтожали так же, как и первые выстрелы Коридона.

Существа не делали попыток атаковать, просто продолжая свое медленное движение к космодесантникам. За исключением шепота, порожденного их передвижением, они были безмолвны. От них больше не исходили словесные угрозы, но само их присутствие представляло достаточную опасность.

Арион снова воспользовался болтером, когда очередная тварь направилась к нему. Снаряд разрушил противника, и весь силовой доспех космодесантника с ног до головы покрылся слоем мелкой пыли. Порошкообразным потоком она проникла через решетку его шлема. Большая часть была тут же отфильтрована, но, застигнутый врасплох, Арион не смог активировать герметизацию доспеха вокруг решетки. Пыль набилась ему в рот, и он проглотил ее.

Согнувшись, он почувствовал внезапный рвотный позыв, когда его физиология Адептус Астартес взялась за

инородную грязь, которая попала внутрь.

Коридон искоса взглянул на него:

— Ты в порядке, брат?

Арион поднял руку, словно отмахиваясь от заботы Коридона, и решительно кивнул. Прошло несколько мгновений, прежде чем он выпрямился, снова защищаясь от нападения.

Еще одно существо взорвалось, затем еще одно... пока воздух в комнате не наполнился насыщенной дымкой. Пылевые существа по-прежнему не делали попыток напасть, они просто подбирались все ближе и ближе. Потом произошло что-то необъяснимое. Каждое существо откинуло голову назад в немом крике.

Казалось, шепот превратился в долгое свистящее шипение. А затем наступила тишина, и все до единого существа просто утратили свою подвижность. Они одновременно рассыпались на миллион песчинок, которые лениво перемещались по полу, снова покрыв его бледно-желтым ковром.

Все закончилось.

Что бы Эвандер ни заметил в конце коридора, оно исчезло к тому времени, как два отделения и инквизитор добрались до него. Однако это привело их к закрытой двери, первой, которую они увидели за все время нахождения на борту этого отвратительного корабля.

— Девятая, это Коридон. Мы только что столкнулись...

Вокс наполнился треском и искажениями, а затем связь ненадолго прервалась. Когда она возобновилась, в голосе Коридона звучало сомнение:

— Мы только что столкнулись с чем-то. Я не могу сказать более определенно, но что бы это ни было, кажется, оно отступило.

— Есть раненые, брат-сержант? — задал вопрос Якодос и получил отрицательный ответ:

— Нет, капеллан. Мы продолжим двигаться к мостику, но теперь у нас есть первое доказательство, что этот корабль определенно не мертв. Советую быть очень внимательными ко всему. Что бы ни управляло этим судном, наверняка оно

знает о нашем присутствии. Мы будем постоянно на связи. У вас были контакты?

— Дума... — начал Эвандер, затем покачал головой. — Ничего, Кор. Я буду держать тебя в курсе событий.

— Понятно.

Коридон прервал передачу. Эвандер освободил от магнитного зажима мелта-заряд и начал устанавливать его на двери. Капеллан прикоснулся к его руке и едва заметно покачал головой. Повернувшись к инквизитору, Якодос обратил на человека внимательный взор красных линз череполикого шлема. Когда капеллан заговорил, в его тоне была тщательно отмеренная доля угрозы:

— Инквизитор Ремигий, я считаю, что вы утаили от нас жизненно важную информацию, касающуюся природы этого судна. Если вы хотите дальнейшей помощи и содействия, тогда расскажите нам все, что знаете. Если откажетесь, я свяжусь с сержантом Коридоном и посоветую ему прервать нашу операцию.

— Вам не нужно бояться...

— Контролируй свой гнев, сержант. —

Якодос вынужден был поднять руку, чтобы остановить Эвандера, направившегося к Ремигию. — Инквизитор, воздержитесь от оскорбления моих братьев. Мы не боимся. Считайте, что мы предельно осторожны. Вы не были искренни с нами. Это не способствует доверительным отношениям. Но вы очень легко можете исправить эту ситуацию.

— Не нужно говорить со мной, как с одним из вашей паствы, капеллан Якодос, — заявил инквизитор высокомерно. — Я не сбился с пути истинной веры. Нет необходимости читать нотации об ошибочности моих действий и настаивать на возвращении на стезю добродетели. Пожалуй, во мне больше веры, чем во всем вашем отряде вместе взятом.

Это были почти богохульные слова, и очень смелые для одинокого инквизитора, окруженного двадцатью космодесантниками. Возможно, понимание этого факта в совокупности с тем, как быстро и незаметно круг вокруг него замкнулся, заставило Ремигия внезапно огрызнуться.

— Очень хорошо, — сердито произнес он. — Правда заключается вот в чем. Я должен добраться до демона, управляющего этим кораблем, чтобы произнести слова и совершить ритуалы, необходимые для изгнания его в ту тьму, откуда он выполз. Этот меч... — Он положил руку на эфес оружия, убранного в кожаные ножны. — Это оружие создано для уничтожения древнего зла, которое бьется в сердце корабля. Сотни трудились над его созданием и еще сотни были принесены в жертву, чтобы гарантировать его чистоту.

Эффектным движением он вытянул меч из ножен и положил его плашмя на предплечье, демонстрируя Якодосу. По всей длине лезвия изящно вился готический шрифт. Руны потрескивали едва сдерживаемой мощью. Ремигий рассматривал клинок со странно задумчивым выражением на худом лице.

— Многие из моих людей погибли, чтобы я мог сейчас стоять перед вами и показывать плод их усилий. Они были, в некотором смысле, моими боевыми братьями. Я обязан в память о них

закончить их работу.

Инквизитор посмотрел на пораженного Якодоса.

— Вы понимаете это, не так ли, капеллан?

— Понимаю, инквизитор. Очень хорошо, мы продолжим. Но я прошу, чтобы вы воздержались от противостояния с моими братьями. В этой операции напряжения и так хватает.

— Сержант! Взгляни на это!

Призыв пришел от брата из отделения Кровавых Мечей, который стоял позади инквизитора. Он указал болтером на противоположную стену. Там, где когда-то были белые безликие стены, теперь ползла, расширяясь, полоса коррозии. Она начиналась в месте стыка стены с полом и медленно, но заметно двигалась вверх похожими на паутину линиями. Там, где она касалась стены, чистая белая поверхность заметно старела, тускнея у них на глазах, словно столетия разрушения протекали за несколько секунд. Стерильное покрытие стен коридора осыпалось маленькими

кучками на пол, и пока собравшиеся следили за процессом, линии стали меньше напоминать трескающийся металл, но больше — вены, протянувшиеся по коже корабля.

Кривая улыбка мелькнула на лице Ремигия, и он снова спрятал меч в ножны.

— Видите, — сказал он мягко. — Порча открылась. Присутствие этого оружия вызывает беспокойство демона. Пробейте переборку, сержант Эвандер. Мы должны поторопиться.

Весь прежний гнев инквизитора, похоже, испарился, когда сержант с помощью еще двух космодесантников начал устанавливать мелта-заряды.

— С чем мы можем столкнуться за этой дверью, инквизитор? Что вы знаете о природе этого демона? — Якодос говорил тихо и спокойно, словно они вели обычную беседу.

Холодные, суровые глаза взглянули на капеллана, и Ремигий покачал головой.

— Если бы я это знал, я мог подготовить вас, Звездный Дракон. Просто... будьте готовы. Это все, что я

могу предложить вам. Будьте уверены: как только с этим будет покончено, имя вашего ордена и Кровавых Мечей станут уважаемы в Ордо Маллеус.

«Ага, — подумал Якодос, когда отряд отошел от заминированной зоны. — Хотим мы этой сомнительной чести или нет».

— У нас все в порядке. Больше нападений не было, — сообщил Коридон Эвандеру и не получил в ответ ничего, кроме треска помех. — Арион, — окликнул он, не оборачиваясь. — Продолжай вызывать Девятую.

— Да, брат. — Арион отошел назад и начал тихо повторять вызов на различных вокс-частотах.

Ползучая тяжесть внутреннего разложения корабля не попадалась Третьей Чешуе. С момента стычки с существами из пыли они больше ничего не встретили. «Проклятая вечность» снова обрела привычный вид, и их первоначальное напряжение пошло на убыль, хотя все космодесантники сохраняли бдительность.

— Здесь все в порядке. Больше нападений не было, — раздался в вокс-бусине Коридона голос Ариона. От Девятой по-прежнему не было ответа, и это сильно беспокоило сержанта. Воин большого благородства и решимости, Коридон еще

не был готов отказаться от своей личной миссии в пользу отделения Эвандера. В последнем принятом им сообщении говорилось о том, что у его братьев все хорошо и это мог быть просто временный сбой связи. Он проверил данные текущих жизненных показателей своих далеких товарищей на ретинальном дисплее. По крайней мере, эта связь, кажется, работала: вся Девятая Чешуя пребывала в полном здравии, соответствующие руны были зелеными и не мигали. Он не располагал данными по отделению Кровавых Мечей, но ничуть не сомневался, что с ними все будет в порядке.

— Мы должны добраться до мостика через несколько минут, — сказал он своему отделению.

Ответа не было.

Коридон повернулся, и оба его сердца ёкнули. Там, где раньше было девять космодесантников, теперь остался только один. Напротив него стоял Арион, руки были опущены, но голова слегка наклонилась вправо, словно он внимательно рассматривал Коридона. Его

поза выглядела неестественно, и Коридон испугался, что один из его воинов поддался Хаосу.

Его отделение.

— Арион, где остальное отделение?

Космодесантник сделал шаг к сержанту, который тут же поднял болтер и взял на мушку своего боевого брата.

— Не заставляй меня делать это, Арион, — сказал Коридон. — Мы много лет служили вместе. Но если ты поддался, ты не оставляешь мне выбор. А теперь отвечай на мой вопрос. Где Девятая Чешуя?

Арион остановился и уставился в черное отверстие дула болтера. Он потянулся и отомкнул замки шлема. Затем снял его и выпустил из рук. Послышался лязг, когда шлем упал на пол. Коридон ошеломленно уставился на боевого брата. На месте его иссеченного шрамами лица теперь не было ничего, кроме сгустка пыли.

— Ты умрешь сейчас.

Сделав несколько шагов назад, Коридон открыл огонь из болтера в

существо, которое считал своим братом, и быстро мигнул на жизненные показатели своего отделения. Данные Ариона колебались между постоянным зеленым и мигающим янтарным. Что-то от его брата осталось, но ненадолго. Сержант торопливо изучил остальные показания — Третья Чешуя была здесь. Они были живы, но он не мог их увидеть. На повторные вызовы никто не ответил.

Сделанный им выстрел поразил силовой доспех Ариона, отбросив существо на несколько шагов назад. Но тварь, поселившаяся в доспехе Ариона, добралось и до его оружия. С шелестящим смехом, похожим на трепет листьев на ветру, оно подняло свой болтер и приготовилось открыть ответный огонь по сержанту.

Коридон почувствовал попадание снаряда в свою броню, прежде чем тот взорвался, искорежив украшающую грудь аквилу. Сержант пошатнулся от удара и тут же следующее попадание оставило отметину на эмблеме ордена на плече и вырвало кусок керамита, осколками разлетевшийся во все стороны. Еще один

снаряд просвистел перед его глазами и задел шлем. Его голова с хрустом дернулась назад, и он поднял болтер, чтобы ответить.

— Ты умрешь сейчас.

— Сначала ты.

— Сержант Эвандер, это Тилисс. Сержант Коридон и Арион... Они исчезли.

Взрыв встряхнул два отделения, но отлично справился с поставленной задачей. По коридору были разбросаны расплавленные фрагменты двери. То, что «Проклятая вечность» была живым кораблем, теперь не подлежало сомнению. Вены демонической жизни, которые начали распространяться из коридора, теперь тянулись по полу и потолку. Некоторые из них пульсировали, словно по ним текла кровь. Ардашир разрубил одну из них боевым ножом, и из нее начал медленно сочиться вязкий, похожий на смолу ихор. Жидкость выжгла дыру в полу, и космодесантники с этого момента дружно держались подальше от вен.

Только они прошли через

уничтоженную дверь, как пришло сообщение от Тилисса.

— Что значит «исчезли», брат? — Эвандер уже готов был сорваться на гнев, и слова Тилисса мало способствовали сохранению спокойствия.

— Мы двигались к мостику. Арион подошел к нему, а потом они просто исчезли. Будто бы их никогда не было здесь.

Эвандер прокрутил свои данные и изучил показания Третьей Чешуи. Значки Ариона и Коридона отсутствовали.

— Это невозможно, — сказал он, скорее себе, чем Тилиссу или своей группе.

— Нет, — произнес инквизитор Ремигий. — Нет, возможно. Невероятно, но, тем не менее, возможно. Демоны обладают способностями, о которых мы можем только догадываться, а мы находимся во владениях могущественной сущности. Мы считаем, что они могут создавать... — Он сделал паузу, пытаясь обрисовать картину простыми словами. Это не было снисходительностью, ибо сами члены Ордо Маллеус не могли точно

описать этот процесс. — Они могут создавать карманы в иммтериуме. Места, которые существуют за пределами нашего сознания, позволяющие им двигаться беспрепятственно, невидимо, пока они не захотят обратного. Возможно, сержанта затянули в такую ловушку.

— Как именно мы можем это исправить? Как мы можем вернуть наших людей? — Эвандер повернулся к инквизитору, его глазные линзы светились неистовым алым светом.

Инквизитор беспомощно пожал плечами.

— Мы не можем, — признался он. — Если бы со мной были мои братья, возможно, у нас оставался бы шанс выполнить ритуал, объединив наши силы и разрушив колдовство. Но я не могу, и со всем уважением, сержант Эвандер, у нас нет времени. Существует вероятность, что карман в любой момент лопнет и ваши пропавшие люди вернутся так же неожиданно, как исчезли, но, так или иначе, мы должны двигаться вперед. Я сожалею о вашей потере...

В этот раз Якодос не успел помешать Эвандеру схватить инквизитора. Сержант Звездных Драконов впечатал старика в стену корабля, отчего вены за спиной инквизитора начали слегка пульсировать. Извивающееся щупальце поползло вперед и на мгновение показалось, что оно обхватит человека. Быстрым движением один из Кровавых Мечей разрубил его. На пол, тихо шипя, снова пролился похожий на смолу ихор.

Ремигий хрипло рассмеялся, что свидетельствовало о том, как непривычен его голосовым связкам подобный звук. Его лицо исказила сердитая гримаса, а холодный взгляд устремился на Эвандера.

— Я — инквизитор Ордо Маллеус, которому Бог-Император Человечества поручил уничтожение демонов, где бы я их не находил. Ты осмеливаешься прикасаться ко мне? Отпусти меня, глупый варвар, — потребовал он, стерев слюну с уголка рта. — Какую пользу принесет мое убийство, кроме удовлетворения твоей первобытной жажды крови? Без меня, сержант Эвандер, у вас не будет ни

единого шанса выбраться с «Проклятой вечности».

— Брат! — Якодос встал за спиной Эвандера. — Делай то, что он говорит.

Эвандер держал инквизитора еще мгновение, после чего презрительно фыркнул и отпустил. Ренегат упал на пол, но тут же поднялся, демонстративно отряхнувшись. Несколько щупалец поползли со стены, но прежде чем хоть один космодесантник смог разобраться с угрозой, инквизитор обнажил свой клинок и разрубил их.

И корабль завопил. Это было ужасающее эхо тысяч голосов, кричащих в невообразимом страдании. Звук был таким пронзительным, что Якодос почувствовал, как под шлемом из ушей потекли теплые струйки крови. Инквизитор снова упал на колени, согнувшись и зажав уши руками. Меч лязгнул о пол, и очередная движущаяся вена потянулась к нему, но Якодос наступил на нее. Вопль прекратился.

— Сержант Эвандер? Ты слышал это? — Встревоженный голос Тилисса

нарушил внезапную тишину.

— Пойдем! — приказал Эвандер. Затем произнес в вокс: — Да, мы это слышали, брат. Продолжайте свою разведку, Тилисс. Наш... подопечный считает, что сержант Коридон еще может вернуться. Докладывай, если найдете что-нибудь. Ты меня понял?

— Сообщение получено. Понятно.

Космодесантники двинулись в путь, и Ремигий посмотрел на капеллана. Инквизитор убрал перепачканные кровью руки от ушей.

— Благод...

— Не благодарите меня, инквизитор, — произнес капеллан холодным, твердым тоном. Он наклонялся, пока маска его череполикого шлема не оказалась в нескольких дюймах от лица инквизитора. — Я готов был, учитывая обстоятельства, не обращать внимания на ваш обман. Но вы снова оскорбили моих боевых братьев... Поверьте мне, я недолго смогу удерживать руку Эвандера.

С этими словами капеллан последовал за остальными. Ремигий

вздрогнул, подобрал меч и пошел за ними.

Кровь. Кровь во рту. Ее медный вкус был неприятен, но в то же время служил напоминанием, что он все еще жив, и тварь, которая убила его брата и завладела им, не выиграла бой. Носком ботинка Коридон отбросил в сторону смятую грудь силового доспеха. Не осталось даже праха. Он был здесь один — где бы это здесь не находилось.

— Коридон — Третьей Чешуе.

Его голос разнесся эхом по коридору и остался без ответа. Сержант прошелся по обычным вокс-каналам, но каждая попытка связаться с братьями сталкивалась с треском помех. Дальнейшие переключения на разные частоты остались без ответа, но если он напрягал слух, то кое-что слышал. Едва различимый шепот среди белого шума, который поначалу оставался неразборчив, но затем, казалось, разделился на искаженное эхо его собственных слов, повторяемых снова и снова. Это очень беспокоило его.

Остановившись, чтобы успокоиться,

он приступил к анализу своего состояния. Нагрудник силового доспеха получил повреждения от болтерных снарядов. Часть его втянулась внутрь, изогнутый керамит давил на сросшуюся грудную клетку. Шлем получил значительные повреждения от попадания сбоку, и рана лица вызвала кровотечение во рту.

Ретинальная система полностью вышла из строя. Не было видно ни одной руны, и все же, несмотря на бесполезность шлема, сержант не готов был снять его. Коридон чувствовал, хотя не мог четко сформулировать мысль, что сняв шлем, он открыто пригласит обитателей варпа.

Держа перед собой болтер, сержант Коридон шел в одиночестве по зеркальному отражению коридора, в котором находился, неслышимый и невидимый. Он стал еще одним из многочисленных призраков демонического корабля.

Эвандера обуревал гнев. Он шагал по коридору с болтером, готовым открыть огонь в мгновение ока. Исчезновение боевых братьев тяжело давило на его разум, а

гнев, питаемый к инквизитору, который был причиной этих потерь, не имел границ.

— Ты должен был убить его, когда имел шанс. — Голос раздался из вокс-бусины, но Эвандер не узнал его.

«Наверное, один из Кровавых Мечей», — подумал он и не ответил, даже не повернулся.

— Ты видел, как пульсирует яремная вена, когда держал его у стены, не так ли, Эвандер? Как быстро и легко ты мог бы лишить его жизни, подобно урагану, гасящему свечу. Вся его жизнь находилась в руках великого и могучего Звездного Дракона...

— Прекрати, — отозвался по воксу Эвандер. Ответа не последовало, и ни один из его товарищей не подал виду, что слышал его. Он проверил связь и получил несколько ответов, включая Тилисса. Это не слишком успокоило растущее чувство тревоги. Чей это был голос? Кто из братьев осмелился столь неуважительно говорить с ним?

— Третья Чешуя мертва. — Это был

тот же голос, смутный и иллюзорный, как мыльный пузырь, и в нем слышалось удовольствие от сообщенных им новостей.

— Что?

На этот раз Эвандер остановился и быстро повернулся. Он задал вопрос не по воксу, а через ротовую решетку шлема:

— Кто это сказал?

— Сержант? — Ардашир вышел вперед и встал перед ним. — Никто ничего не говорил.

— Кто-то сказал мне по воксу, что Третья Чешуя... — Эвандер оглядел собравшихся.

— Но они мертвы. Навечно потеряны для твоего ордена и пожалованы хозяину «Проклятой вечности». Третья Чешуя погибла. — Голос снова вернулся и набрал силу.

Ардашир заметил странное движение и взял инициативу в свои руки.

— Тилисс, это Ардашир, — сдержанно проговорил он по воксу. — Если ты снова заметишь что-то странное, немедленно сообщи нам. Принято?

— Сообщение принято. Понятно.

— Видишь, сержант Эвандер? Они в порядке. Возьми себя в руки, или ты хочешь передать командование этой группой мне? — Ардашир положил руку на плечо Эвандера. Он очень сочувствовал Эвандеру из-за потери двух Звездных Драконов, но не мог оставаться безучастным, когда его брат-сержант начал вести себя подобным образом.

Низкий рык, раздавшийся впереди, отвлек их внимание от странных слов Эвандера. Перед космодесантниками стоял огромный зверь, блокируя коридор. Он появился из ниоткуда. Тварь была темно-коричневого цвета, без меха. Под ее тонкой кожей отчетливо виднелись мышцы и сухожилия. Восемь глаз с каждой стороны длинной морды пылали кроваво-красным огнем в свете подствольных фонарей космодесантников, а с бритвенно-острых клыков капала слюна.

Демоническое существо зарычало и низко пригнулось, готовясь к броску.

Эвандер отдал короткий приказ, который каждый присутствующий космодесантник послушно и без

промедления выполнил:

— Уничтожить.

Приказ запоздал на одно мгновение. Демоническая тварь запрокинула голову и открыла пасть. Она не издала ни звука, но все Адептус Астартес отпрянули, когда психический вопль обрушился на их разумы. Инквизитор споткнулся и упал, из его ушей потекла кровь. Четверо космодесантников в первом ряду группы без всякой пользы нажали на спусковые крючки болтеров. Стоило снарядам поразить существо, оно испарилось. Поток эфирного тумана отметил его перемещение, когда оно пронеслось между ними, чтобы заново материализоваться в тылу группы, где стоял Ремигий.

Якодос наклонился, подхватил инквизитора и отшвырнул его в безопасное место. Проигнорировав слабые звуки протеста, он поднял над головой крозиус. Демоническая тварь затрясла головой, разбрызгав слюну, обнажила смертоносные зубы и низко пригнулась. Мышцы в задней части тела напряглись и подрагивали, когда она приготовилась броситься на

инквизитора.

Отважно встав перед отвратительной тварью варпа, Якодос поднял голову в чешуйчатом шлеме и занес крозиус, бросая ей вызов. Капеллан начал говорить, и поначалу тихий, его голос быстро набрал силу, став глубоким и уверенным, полным опыта многих лет сражений.

— Я — Гетор Якодос из Звездных Драконов. Я служу, чтобы жить, и живу, чтобы служить. Жезлом своей должности я отвергаю кару, а кулаком несу правосудие Империума. Тебе здесь не место, отродье варпа. Прочь!

Он нажал кнопку, и навершие крозиуса в форме орла начало потрескивать энергией.

Раздался утробный бормочущий звук, словно демон засмеялся в ответ на слова капеллана, и Якодос не стал больше терять времени. Устремившись вперед, он нанес могучий удар, который поразил демона в бок, и тот испустил гневный визг, прежде чем снова растаять. Туманный след заструился немного дальше по коридору, после чего тварь

материализовалась вновь. Взгляды дьявола и капеллана встретились.

Со странным терцанием появилось еще одно злобное существо, такое же крупное и приземистое. Если глаза Якодоса не обманывали его, то позади нее возникло еще одно. Он выругался. Ширина коридора не позволяла встать в ряд более чем четырем боевым братьям, что существенно ограничивало их численное преимущество. Капеллан посмотрел на первого демона. Густой вязкий ихор стекал из нанесенной им раны. Якодос мрачно улыбнулся под шлемом. «Никогда не думай об ограничениях, вместо этого сосредоточься на положительных моментах».

— Оно истекает кровью, мои братья, — сказал он и указал пальцем на тварь. — А если оно истекает кровью, значит, мы можем его убить.

— Ты не сможешь убить его, капеллан, — раздался голос Ремигия. — Это демон. Если ты не можешь изгнать его в варп, лучшее, на что можно надеяться... побеспокоить его.

— Тогда мы побеспокоим его.

С этими словами и с капелланом во главе, космодесантники ринулись к зверю. В тот же миг тварь распрямилась и бросилась на них. Она ударила воина Кровавых Мечей Кайана в грудь передними лапами, чем лишила его равновесия. Прежде чем Кайан смог выстрелить, железные челюсти демона сомкнулись вокруг его ноги и за раз откусили ее.

Доспех Кайана зашипел и лопнул в бедренном сочленении. Двое воинов схватили его под руки, собираясь оттащить. Однако у демона были другие планы. Мотнув головой, он отбросил оторванную ногу и поднялся на задние лапы, ударив передними. Смертельно острые когти вцепились в нагрудник Кайана сразу над поясом и раскололи керамит. Они пробили грудную клетку и разорвали внутренние органы, и Кайан умер безмолвно, с пузырящейся кровью на губах, упрямо отказываясь хотя бы голосом показать, как ему больно.

— Коридон — Эвандеру. Прием.

Ответом ему была тишина.

— Капеллан Якодос, ты слышишь меня?

Помехи. Ничего, кроме помех. Его вокс был бесполезен. Коридон бродил по коридорам этой нереальности, в которой оказался, и ничего не находил. Ни враждебности, ничего. Словно весь корабль был его и только его.

При движении он чувствовал тупую боль там, где была сломана его сросшаяся грудная клетка. Раны, полученные в бою с Арионом, уже затянулись и заживали, но грудь болела при каждом шаге. Коридон тихо выругал себя и устроил передышку. Он чувствовал лихорадочный жар, когда имплантаты ускорили исцеление, а силовой доспех, несмотря на повреждения, влил в кровь свежие стимуляторы, уменьшив боль.

Через несколько мгновений он вставил новый магазин в болтер и достал из ножен боевой клинок. Двигаясь шагом, который дал бы его физиологии возможность излечить его раны, он продолжил идти к мостику. Это было единственное, что он

мог придумать. Возможно, он узнает что-нибудь, когда доберется туда.

Еще трижды тварь появлялась и исчезала. Пустые гильзы покрывали пол под ногами Адептус Астартес, а их оружие было наведено на демона. Торс существа был разорван в нескольких местах, из каждой нанесенной космодесантниками раны текла похожая на смолу слизь. Зверь рычал, а его глаза пылали яростью, которую нельзя было потушить. Тело поднималось и опускалось в причудливой пародии на дыхание, хотя наверняка у него не было необходимости в этом.

— Мы должны идти, капеллан, — сказал Ремигий, с большим трудом проталкиваясь через космодесантников. — Я предупреждал. Тебе не убить его.

— Вы можете помочь нам, инквизитор, или нет? — спросил Якодос сквозь стиснутые зубы. — Потому что если вы не можете предложить ничего дельного...

В ответ Ремигий взял книгу с пояса.

Томик был небольшим, но толстым, с пожелтевшими пыльными страницами. Когда инквизитор стал искать его, Якодос почувствовал, что его гнев готов вырваться. Периодически звук очередного болтерного снаряда прерывал относительную тишину.

— Мы вам не мешаем, инквизитор?

Якодос был уверен, что сарказм не повлияет на Ретигия, но все равно не удержался от замечания. Казалось, инквизитор не спешил, водя длинным пальцем по тексту. Затем он неприятно улыбнулся и протолкался вперед группы. Обнажив клинок, он поднял его перед собой. Злобный взгляд демона сфокусировался на нем, могучие задние ноги снова напряглись, готовые распрямиться.

Ретигий мелодично напевал слова, которые Якодос не смог понять и, пожалуй, никогда не захотел бы этого. Протяжные слоги и гортанные звуки вырвались из уст инквизитора, и с яростным воем демон начал отступать по коридору. Ретигий упрямо шел вперед одновременно с отступлением твари. Он отчетливо и без

запинок произносил слова изгнания. Как все в его ордосе, он знал, что одна ошибка может стать фатальной. Вокруг него потрескивал энергетический нимб, сначала слабый, но быстро увеличивший интенсивность. На ладонях заискрили зазубренные молнии, и он метнул одну в демона.

С последним яростным ревом демон вдруг сжался, а затем стремительно испарился. Ни плоти, ни крови... просто ничего. Словно его никогда и не было. Его собратья, которые метались между реальностью и иллюзорностью, тоже исчезли.

Наступила тишина.

— Как я и говорил, — пробормотал Ремигий, снова прикрепив книгу к поясу и даже не подняв головы, — мы должны идти дальше.

Ему никто не ответил, пока, наконец, не заговорил Якодос. Его голос был низким и угрожающим.

— Вы псайкер. — Это прозвучало не вопросом, а утверждением. — И не сочли нужным сказать нам?

— Считайте, что вы не собирались спрашивать, капеллан.

Кровавый Меч умер, потому что подонок не вмешался раньше и не изгнал демона. Третья Чешуя мертва, Эвандер. Погибла. Ремигий мог спасти Кровавого Меча, но не сделал этого. Он мог сделать это с самого начала. Но он ждал. Очень долго. Слишком долго.

Третья Чешуя мертва, Эвандер. Скоро вы присоединитесь к ним.

Эвандер прошел несколько шагов за инквизитором, голос в его голове наполнился ненавистью и гневом. Время от времени сержант постукивал по шлему, словно таким образом мог отогнать вероломные мысли. Но всякий раз, когда он пытался, мысли возвращались более настойчиво, чем прежде.

— Тилисс. Это Эвандер. Докладывай.

Помехи.

— Тилисс, это Эвандер. Ты слышишь меня? — Вопреки желанию Эвандера, в его голосе все отчетливее слышалась тревога. — Тилисс, отвечай, немедленно!

Сильно встревоженный Якодос

оглянулся на сержанта.

Снова помехи, но потом сквозь белый шум пришел едва слышимый голос Тилисса.

— ... щение получено. Но... но.

Эвандер вздохнул с облегчением, но вздрогнул, когда рука Якодоса мягко легла на его плечо.

— Позволь своим тревогам уйти, брат, — сказал капеллан. — Мы все потрясены утратой молодого Кайана, но должны быть сконцентрированы. И не может позволить себе потерять других братьев из-за своей рассеянности. Что тревожит тебя?

— Ничего. Я в порядке.

Эвандер стряхнул руку капеллана. При других обстоятельствах это вызвало бы серьезное порицание. Якодос просто убрал свою руку и немного приблизился к Эвандеру, все это время тихо бормоча литании веры, пытаясь вернуть разум Эвандера к сосредоточенности.

На самом деле это мало помогло, лишь увеличило шум, который прокрадывался в голову Эвандера. Его

взгляд сверлил спину инквизитора, и он задумался над тем, что почувствует, если протянет руку, обхватит шею человека и станет сворачивать ее, пока не раздастся доставляющий удовлетворение хруст.

Это будет самый приятный звук, который ты когда-нибудь слышал, Эвандер. Он лгал тебе. Он хранил секреты от тебя. Он стал причиной смерти брата Адептус Астартес. И он до сих пор жив. Где справедливость?

Третья Чешуя мертва, Эвандер.

Сержант остановился и прижал руки к ушам. Якодос тут же вдавил его в стену, приблизив маску своего чепоникого шлема.

— Я слышу голоса, капеллан! — торопливым, паникующим голосом залепетал Эвандер. — Они говорят мне... советуют, чтобы я... я не могу позволить себе стать их жертвой. Но это было бы так легко. Так легко...

— Соберись, сержант Эвандер. — Несмотря на глубокое сочувствие, которое он испытывал к несчастному сержанту, Якодос знал, что не может позволить себе

жалость. — Голосов нет. Это все твое воображение. Враг давит на твою слабость, твою неспособность видеть за тьмой и чувствовать тепло света Императора. Увидь его, брат-сержант.

Якодос отвернулся от Эвандера и потянулся за силой Бога-Императора. Она пришла легко, как и всегда. Когда он снова посмотрел на сержанта, его голос изменился. Мягкий убеждающий тон исчез, на смену ему пришел уверенный голос настоящего капеллана, который сражался в бесчисленных битвах: — Отбрось демоническое колдовство, которое сковывает тебя, брат. Отбрось его чистотой твоей веры. Возьми ее. Направь ее. Управляй ею. Используй ее, как свой щит против этого порочного соблазна.

— Третья Чешуя...

— Третья Чешуя в порядке. Тилисс ответил тебе. А теперь покажи свой дух! Напомни своим людям, почему именно ты получил свое нынешнее звание.

Слова капеллана успокаивающе подействовали на Эвандера, и он медленно кивнул. Он ощутил тихий шепот, словно

голос снова пытался добраться до него, но космодесантник использовал ментальный образ света Императора, чтобы сосредоточиться.

— Да, капеллан. Да, конечно. Прошу прощения.

— Не извиняйся, брат. Оправдай себя доблестью.

Отпустив его, Якодос позволил Эвандеру прийти в себя и занять место во главе отряда.

— Нам нужно поторопиться к инжинариуму, — объявил сержант. — Мы найдем этого ублюдочного демона и покончим с ним. За Императора. Пламя и ярость, братья!

— Эвандер, это Коридон. Ответь мне, брат.

Тщетные попытки вызвать по воксу своего боевого брата начали сказываться на раненом космодесантнике. Коридон не понимал, что с ним произошло, но перешел от убеждения, что его каким-то образом отделили от остальных, к пониманию того, что их отделили от него. Он не знал, жив ли, или они мертвы, или же наоборот.

Сержант вернулся по своим следам к перекрестку и пошел по пути другого отделения и Кровавых Мечей. Один раз ему показалось, что он видит их вдалеке, и Коридон радостно бросился к ним. Они тоже двигались к нему, а потом просто исчезли.

Его разочарование росло. Что бы ни схватило его, вырвало из бытия и забросило в этот загробный мир, оно играло с ним. Все было подцвечено мягким фиолетовым светом, нереальность

которого он не мог не понимать. Коридон задумался над возможностью того, что он потерял сознание и из-за тяжелого ранения провалился в целительный стазис и просто переживает какой-то кошмар.

Однако ощущения были достаточно реальными.

Поскольку Коридон, как и все Адептус Астартес, редко нуждался в том, что называлось «настоящим сном», его опыт сновидений был крайне ограничен. Разум сержанта был настолько заполнен бесконечными данными о ксенобиологии и обслуживании оружия, что обычным снам не находилось там места. По сути, было довольно легко предположить, что именно это происходило с ним. Достаточно просто и удивительно успокаивающе. Списать ситуацию на сон — неплохое объяснение.

Для сержанта коридоры «Проклятой вечности» оставались пустыми. Он больше не сталкивался с призраками из пыли. Он был абсолютно один. Словно единственное живое, дышащее существо на борту мертвого корабля.

Когда он шел к инжинариуму, его шаги разносились гулким эхом. Каждое движение отдавалось в его ноющем теле, напоминая о боли, которую он испытает, если откажется от болеутоляющих наркотиков.

Внезапное движение впереди приковало его взгляд, и он нетерпеливо вгляделся. Но это была только его собственная тень. Он выругался и проверил магазин болтера. Остался только один запасной рожок.

Сержант осмотрел вдоль и поперек коридор, по которому шел, хотя давно потерял надежду найти что-нибудь или кого-нибудь. Ничего не было. Коридон был совершенно один, что с ним никогда не случалось за всю службу Золотому Трону. Страха он не испытывал, но это определенно вселяло тревогу.

Пока внимание Звездного Дракона было сосредоточено на ситуации, он совершенно не заметил, как его тень начала странным образом сливаться. Она была порождением тьмы, чернильным пятном, падая на который, свет исчезал

навсегда, и она была реальна. Тень медленно подобралась к Коридону и подняла призрачное оружие, направив его на ничего не подозревающего космодесантника.

Эвандер и Ардашир находились не в лучшей ситуации. Их продвижение, задержанное атакой демонического пса, или чем бы он там ни был, предельно замедлилось. Стены, которые уже не пытались соответствовать подлинному корабельному интерьеру, буквально ожили. Щупальца тянулись и цеплялись за них, словно жилистые мышцы, от них трудно было уклониться. Всякий раз, когда их отсекали, из них вытекала черная кислота.

Ардашир нахмурился под шлемом, когда разрубил еще одну извивающуюся вену и увидел, как едкая кислота превращает лезвие боевого ножа в заржавевший металл. Когда он во второй раз попытался воспользоваться им, тот просто распался на тысячу ржавых осколков.

Но космодесантники были непреклонны и продвигались вперед, несмотря ни на что. Время от времени одна из групп должна была останавливаться и разрубать очередной ползучий шип. Якодос настоял, чтобы инквизитор шел в окружении космодесантников, а не отдельно, так они могли, по крайней мере, обеспечить ему какую-то защиту. Его благословенный клинок был обнажен, и Ремигий неохотно уступил его во временное пользование капеллану. Похоже, меч был единственной вещью, которая заставляла щупальца отшатываться без необходимости разрубать их.

Следующая атака началась намного раньше, чем кто-нибудь из них ожидал. Без предупреждения из стен вышли полдюжины фигур. Первыми их заметил Ардашир, и они были настолько отвратительными и мерзкими, что он промедлил, прежде чем выстрелить. Таких же размеров, как и Адептус Астартес, гуманоидные фигуры были ходячими кошмарами. Ардашир видел заживо освежеванных людей,

содранная с их тел кожа обнажала сокращающиеся мышцы, сухожилия и кости, но эти мерзости были хуже. В голове вспыхнуло воспоминание: анатомическая карта человеческого тела, которую он видел во время начальной подготовки. Эти твари выглядели так же: синие вены и пульсирующие артерии покрывали их ужасающей, ползучей сетью.

Придя в себя, Ардашир нажал активационную кнопку на цепном мече и повернулся к ближайшему существу. Вольфрамовые зубья клинка ожили, и сержант нанес нисходящий удар по правому плечу. Клинок впился в демона и прогрыз его до грудной клетки. Кровь и обломки костей забрызгали Ардашира и нескольких его товарищей, которые также повернулись лицом к новой угрозе.

— Идите, — подстегнул боевых братьев по воксу сержант Кровавых Мечей. — Мы разберемся с этими тварями. Нельзя терять время, Эвандер. Доставь инквизитора к сердцу корабля.

— Понял, брат. Присоединяйтесь, как закончите.

Несмотря на нежелание еще раз разделить отряд, Якодос согласился с Ардаширом. Звездные Драконы перешли на быстрый шаг, и Ремигию непросто было удерживать его. Капеллан видел, что из стен корабля появляется все больше освежеванных тварей. Их порча разожгла в нем гнев и ненависть, которые были не полностью направлены на демонов. На краткий миг он возненавидел Ремигия. Он ненавидел инквизитора и всех ему подобных. Он ненавидел сам факт такой власти Ордо Маллеус над орденом Звездных Драконов.

Ненависть. Она была его главным оружием. Капеллан позволил тлеющей ярости воскресить его гнев. Он подогрел огонь гнева, который пылал в его сердце, разжигая желание нести кару врагам человечества. Как только огонь разгорится, он перейдет к его братьям, и они тоже преисполнятся праведным гневом. Привычная тяжесть крозиуса помогла ему сосредоточиться, когда они добрались до следующей закрытой двери. Пальцы стиснули крозиус, и капеллан

поднес оружие к груди. С его губ полилась литания, и несколько боевых братьев подхватили слова.

Пришло спокойствие. Выбор был хорош. Якодос чувствовал, как уходит напряжение, но сохраняется боеготовность.

Эвандер поднял болтер, когда остальные воины установили мелта-заряды, чтобы пробить следующую преграду на пути. По его подсчетам, они скоро доберутся до инжинариума. Когда они окажутся там, один Император знает, что ожидает их там. Если то, на что намекал инквизитор, хотя бы отдаленно верно, скорее всего, они погибнут.

— Ардашир, докладывай. — Эвандер воспользовался остановкой, чтобы связаться с сержантом Кровавых Мечей.

— Мы удерживаем их на расстоянии, — донесся напряженный голос. Ардашир говорил кратко, как человек, находящийся в гуще битвы. — Они не восстанавливаются, но продолжают прибывать. Как будто «Проклятая вечность» может производить бесконечное

количество этих существ. Что бы вы ни делали, вы должны поторопиться, брат.

— Отлично сказано, Ардашир. Я совершенно согласен.

Прежнее желание Эвандера схватить инквизитора за глотку и выдавить жизнь из его тела ушло, но он по-прежнему чувствовал грызущую ненависть внутри, когда его взгляд падал на Ремигия.

Ты мог бы без труда разорвать его трахею. Последствия убийства Ремигия будут намного менее серьезными, чем то, что ждет вас за этой дверью, брат-сержант Эвандер.

Тогда он засомневался. Возможно, они должны...

Мелта-заряды взорвались с громким гулом, это потребовало его внимания и разбило мысли об отступлении на миллион осколков.

У Коридона не было времени избежать болтерного снаряда, и тот врезался в керамит доспеха. Неожиданная атака сбила космодесантника с ног, отбросив на несколько метров назад. В его

уже ослабленном состоянии немного было нужно, чтобы боевое снаряжение стало совсем бесполезным, и именно эта мысль снова подняла его на ноги.

Его дыхание сопровождалось резкими влажными хрипами. Нанесенный грудной клетке вред был значительным, скорее всего, пробито легкое. Усиленная физиология Астартес компенсировала ущерб, но ценой прочих сил. Которых все еще хватало, чтобы броситься на нападающего.

Он прошел прямо сквозь него, врезавшись в стену. В этот момент он увереннее сомневался, что слышал глухой издевательский смех.

Ты не можешь сражаться с тем, чего здесь нет, Коридон.

Был ли это голос или его собственные мысли? Он больше не знал или не хотел знать. Перед его глазами мигнула и затрепетала черная тень, как гололитический образ плохого качества. Он снова поднялся, но призрак находился не здесь. Произведенный в него выстрел определенно был реальным. Он

почувствовал боль от достаточно сильного удара, а медный вкус крови во рту не был иллюзией.

Ты не можешь сражаться с тем, чего здесь нет, Коридон.

Был ли его разум настолько искажен этим кораблем, что теперь он даже выдумывал собственную боль? Мог ли он придумать свою смерть? В голове всплыло далекое воспоминание, давно забытое. Он вспомнил себя еще ребенком, до того, как его отдали рекрутирующим сержантам Звездных Драконов. Как разговаривал с матерью, задавал ей вопросы, на которые она никогда не могла ответить.

— Если я умру в своих снах, означает ли это, что я никогда не проснусь?

Это был тот род философских вопросов, к обсуждению которых его мать-служанка не имела ни склонности, ни необходимого образования. Она потрепала его волосы и снисходительно улыбнулась ему.

— Когда ты будешь одним из ангелов Императора, — сказала она ему, — ты найдешь все ответы, которые ищешь.

Это было ложью. Коридон по-прежнему задавался множеством вопросов, а воспоминание спасло ему жизнь.

— Просыпайся, Коридон, — сказал он и вонзил боевой нож в свою грудь.

Его мир взорвался.

Я вижу тебя.

Он был в каком-то трансе, в некоем сонном состоянии, которое он не надеялся понять. Он был в одно и то же время мертвым, умирающим и живым. Несостояние. Все ощущалось тяжелым, гнетущим и душным. Собственный силовой доспех грозил раздавить его своим невозможным весом. Нестерпимая боль в груди пылала, как пожар, распространяющийся по сухому лугу.

Его взгляд отчаянно метался, ища, разыскивая, охотясь за чем-нибудь, что объяснит ему суть происходящего, и он встретились со взглядом другого космодесантника. От горжета его доспеха протянулась матрица из тонкого кристалла. Псайкер.

Но мы не брали с собой псайкеров.

Его цвета, хотя и синие, как у всех

ему подобных, были не того темного оттенка, что у Звездных Драконов. Они были мягче, бледнее, скорее индиго, чем синими.

Я не знаю тебя.

Он протянул руку, чтобы коснуться псайкера, но перчатка прошла прямо сквозь него. Еще один призрак. Еще один демон. Верить нельзя. И все же...

Ты не знаешь меня.

Ты мое прошлое? Настоящее? Будущее?

Несмотря на свои опасения, Коридон приблизился на шаг.

Время не имеет отношения к делу. Прошлое, настоящее, будущее... Все это то же самое и, тем не менее, разное.

Типичный ответ псайкера. Наполовину загадка, наполовину философия и полностью лишен смысла. Кулаки Коридона сжались от бессильной ярости.

Хотя он не мог видеть этого, но знал, что собеседник улыбается. Он не понимал, откуда это знает, но знал. Возможно, дело было в позе, в том, как плечи сдвинулись или голова в шлеме

слегка повернулась. Когда голос вернулся, он наполнился эмоцией, которую Коридон не признавал, а понимал еще меньше. Жалость.

Для тебя, брат, все это одно и то же.

Коридон очнулся с содроганием, с толчком сознания. Он лежал на полу коридора, в котором сражался с Арионом. Доспех его брата все еще был здесь, Арион по-прежнему был только прахом. Но следов остального отделения не было.

Каждое движение приносило новую боль. Каждая частица его сущности кричала, но он все равно шел. Что еще он мог сделать?

Вдали раздался слабо резонирующий гул взрыва. Коридон был достаточно опытен, чтобы узнать звук. Это эхо тепла-зарядов. Его братья. Оба его сердца обрадовались этой мысли, он поспешил на звук так быстро, как позволяло его истерзанное тело.

И тогда он понял с абсолютной ясностью, с чем они столкнутся за последней дверью. Его отчаянный рывок к ним стал гонкой со временем, гонкой,

которую у него не было никакой надежды выиграть.

Если бы только он понял тщетность своих усилий, то не подгонял бы себя так упорно, как никогда прежде. Но, с другой стороны, если бы он знал правду, то вообще не пытался бы. Смирение не в характере Коридона. Добром все это не закончится.

Коридон попал в сети времени, и оно никогда добровольно не отпустит его. Он понял. Он понял принцип нематериальной природы времени, не зная, как это знание пришло к нему. Он всегда был здесь. Он всегда будет здесь.

Он принадлежит «Проклятой вечности».

V

Глубоко в сердце корабля фонари мигали, шипели и потрескивали, словно что-то бежало по электрической цепи и выводило ее из строя. Когда Звездные Драконы, окружив инквизитора, прошли мимо, огни тут же вспыхнули с ослепительной яркостью, вынудив космодесантников отвернуться, затем снова поблекли до тусклого и слегка пульсирующего свечения. Сенсорам в шлемах Звездных Драконов потребовалось несколько мгновений, чтобы заново настроить уровень яркости.

Эвандер, по-прежнему изводимый периодическим шепотом, который предлагал много замечательных способов покончить с инквизитором, угрюмо молчал. Мрачное настроение, просочившееся в души Звездных Драконов, как медленно действующий яд, было очевидным. Иногда пальцы Эвандера сжимались в кулаки, а затем медленно разжимались: он боролся со словами в

своем разуме.

— Ты должен остаться здесь, брат.

Голос заставил его вздрогнуть, и он посмотрел на череполикую маску капеллана. Встряхнув головой, Эвандер не ответил, но вся его поза делала его отказ очевидным.

— Ты не в себе. Мы все это чувствуем. Ты становишься угрозой для остальных, не говоря уже о самом себе. Твоя вера, брат. Где твоя вера? Ты оставил ее позади, в коридоре? Если ты собираешься и далее возглавлять эту операцию, ты должен собраться.

Якодос ударил в самое болезненное место сержанта и был вознагражден тем, что тот отпрянул от него.

— Он приведет нас к погибели, капеллан.

Слова были произнесены так тихо, что капеллан засомневался, не послышалось ли ему. Он наклонился немного ближе и постучал по шлему, показав, что сержант должен переключиться на личный вокс-канал.

— Кто, Эвандер?

— Ремигий. Он ведет нас к судьбе, худшей, чем смерть. Мы должны отменить операцию.

— Мы не можем сделать это, брат. Мы поклялись служить Ордо Маллеус...

— Будь они прокляты! — Эвандер повысил голос. — Я понятия не имею, чем ты им обязаны, но не жизнями отличных воинов из двух орденов!

— Мы почти в инжинариуме. Что бы ни ждало нас там, скоро все закончится. У инквизитора есть средства и у него есть сила воли. Что касается причин, почему мы согласились на эту операцию... — Пальцы капеллана сомкнулись вокруг крозиуса, а его череполикая маска повернулась к Ремигию. — Есть некоторые долги, которые нельзя игнорировать. В свое время, брат-сержант, ты узнаешь. А пока сосредоточься на операции. Когда он нанесет удар, ты уйдешь. Обещаю тебе.

Эвандер мрачно покачал головой:

— К тому времени будет слишком поздно, капеллан. Слишком поздно.

Он проговорил это со зловещей уверенностью и отключил вокс-канал,

оставив капеллана размышлять над тем, насколько пророческими были слова сержанта. Следующий вокс-обмен отнюдь не избавил его от чувства неуверенности.

— Эвандер, это Ардашир.

— Докладывай.

— Враг снова успокоился, — сообщил Кровавый Меч. — Больше не атакует.

Он говорил неуверенно, и Якодос не упрекал его. Они так мало понимали всю эту ситуацию, что было практически невозможно предсказать, что случится далее.

— Потери?

Пауза ужалила, и Якодос испугался ответа. Они уже потеряли бойца из отделения Ардашира. Для ордена, который и так понес большие потери, новые смерти станут жестоким ударом.

— Один погиб, трое ранены, но ничего такого, с чем мы не сможем справиться.

— Удерживайте позицию. Третья Чешуя, начинайте отступать к коридору и двигайтесь к инжинариуму. Нам понадобится вся поддержка, которую мы можем собрать.

— Сообщение принято. Понятно.

Переговоры, несмотря на мрачное содержание, казалось, укрепили решимость Эвандера, и он заметно распрямился. Якодос положил руку на плечо боевого брата и кивнул.

Перед ними находилась дверь, ведущая на главную палубу. Ремигий протолкнулся среди воинов и встал перед ней. Инквизитор оглядел дверь, затем подошел и приложил к ней руку. Решительно кивнул.

— Да. Нам нужно сюда, — сказал инквизитор, заговорив впервые за долгое время. Он забрал меч у Якодоса, и дремлющие руны на его лезвии яростно вспыхнули. — Демон ждет нас. Не будем же разочаровывать его.

Дверь легко открылась. Не было необходимости в мелта-зарядах или любом другом насильственном способе проникновения. Она просто задрожала и медленно разошлась в стороны, старая гидравлика и механизмы заскрипели, словно забыли, как нужно работать. Якодос и Эвандер шагнули вперед, чтобы войти

первыми, прикрыв инквизитора и его клинок. В этот раз инквизитор не выражал недовольства. Казалось, все его хвастовство и бравада испарились. На его лице не было признаков страха, только сгущенное выражение, наводящее на мысль, что он предельно сконцентрирован на предстоящей задаче.

— Вперед, — тихо произнес Эвандер, и отряд Звездных Драконов пересек порог инжинариума. Каждый болтер и клинок были приведены в готовность, когда внимание космодесантников привлекло движение.

Перед ними оказались призрачные фигуры, бесцветные существа, размерами и формой напоминающие Адептус Астартес. Они перемещались словно в трансе, без направления и цели. При ближайшем рассмотрении это оказалось не так. Была определенная логика в их взаимодействии. Они остановились, беззвучно переговорили друг с другом, словно их прервали, и продолжили. На их полупрозрачных доспехах нельзя было разглядеть никакой маркировки. И были

другие, едва видимые фигуры намного меньших размеров. Сервиторы. Люди. Они все двигались по оживленной палубе.

Якодос не верил в призраки. О них часто упоминалось в историях его детства, таких далеких сейчас, но годы службы Золотому Трону научили его, что духи и призраки нереальны. Демоны и твари варпа были осязаемыми существами, они могли быть уничтожены болтером и цепным мечом или, в крайнем случае, подходящими словами тех, кто прошел соответствующую подготовку. Но призраки?

И тем не менее, здесь были они, прямо перед его глазами. Полупрозрачные, серебристо-серые и похожие на дымку существа, которые непрерывно двигались по инжинариуму. Ни один из них не замечал Звездных Драконов и инквизитора, похоже, они были сосредоточены на своей работе. До Якодоса со всех сторон доносились литании: его боевые братья бормотали их, пытаясь восстановить свою веру, которая в ходе этой операции много раз была

поколеблена.

Несмотря на призраков или чем бы они ни были, инжинариум производил впечатление такой же заброшенности, как и остальное пространство «Проклятая вечность». Сделав несколько шагов вперед к вершине лестничного пролета, который спускался к центру, Якодос поднял руку в перчатке. Она прошла сквозь туманную форму одного из призрачных Адептус Астартес. Рука не встретила сопротивления. Фигура просто затерцала, ненадолго колыхнулась, после чего преобразовалась и продолжила свои дела, словно ничего не произошло.

Явных признаков агрессии не было, но все космодесантники пристально наблюдали за движущимися фигурами и крепко сжимали свое оружие. Когда они спустились в центр инжинариума, стало очевидно, что там находилось еще больше призраков, рассевшихся по своим постам. Вот сервитор, прикованный к терминалу связи. Там космодесантник, изучающий оккулюс, который ничего не показывал.

— Что они такое? — Эвандер озвучил

вопрос, который вертелся у каждого на языке. Прежде чем Якодос смог ответить, заговорил Ремигий:

— Эхо прошлого. — К удивлению и ужасу Якодоса в его голосе слышалась дрожь. — Мы видим последние мгновения жизни этого корабля. Это члены ордена, который когда-то называл этот корабль своим, прежде чем он стал «Проклятой вечностью».

— И какому ордену он принадлежал?

Якодос внимательно пригляделся. На инструментах были выгравированы эмблемы, но они были старыми, заржавевшими, выцветшими и абсолютно неразличимыми. Капеллан сделал несколько шагов и наклонился вперед, пытаясь разобрать символ, начертанный на поверхности когитатора. Это ему не удалось.

— Мы никогда не были полностью уверены, — ответил инквизитор. — Тем не менее, мы считаем, что они хранили верность Золотому Трону. Их вовлекли в сеть интриг, и, в конце концов, они поддались варпу.

— Поддались? Или, может быть, предпочли поддаться. Подумай над этой возможностью, инквизитор.

Это был новый голос, и его наполняла ядовитая и бесконечная ненависть. Голос такой пронзительный, что мог разрезать металл. У него были звучный рокочущий тембр и необычная частота. Инквизитор потряс головой, когда из его ушей снова медленно потекла кровь. Якодос подозревал, что если бы он и его люди не носили шлемы, с ними случилось бы то же самое.

Пока он смотрел, стены инжинариума начали изгибаться и искажаться, по их безукоризненной поверхности прошла рябь, словно кто-то бросил камень в спокойное озеро. Все затерцало и приняло вид колеблющейся нереальности. Инквизитор, вытерев кровь с ушей, закричал через дыхательную маску так громко, насколько она позволяла. Всякая нервозность исчезла, и, несмотря на изначальную неприязнь и недоверие к нему, Якодос понял, что впечатлен глубиной веры в словах Ремигия.

— Я — Шадрах Ремигий, милостью Бога-Императора инквизитор Ордо Маллеус, и я требую, чтобы ты показался и встретил свою смерть от моих рук!

— Так спешишь умереть, инквизитор? — В голосе звучал ненасытный голод. Якодос не мог сказать, откуда он знал, что существо жаждет крови, но тем не менее чувствовал это.

— Ты — мерзость и ты проклят, — продолжил неустрашимый Ремигий. — Я поклялся покончить с тобой и сделаю это.

— Я прикончу тебя за один миг. — Веселье исчезло, и демонический голос изменил тон. Теперь он рычал, подчеркивая свой голод. — У тебя нет ничего, что может победить меня. Скоро все, что ты будешь слышать — это треск своих костей в моей хватке и звук своей капающей крови, питающей ненасытную жажду моего хозяина.

Инквизитор опустил голову, затем снова поднял ее, и Якодос увидел огонь в его глазах.

— У меня действительно есть кое-что, тварь. Твое имя.

VI

Боль давно прекратилась, но память о ней никуда не делась. Коридон начал понимать, что по-прежнему расплачивается за рану в ноге. Несмотря на то, что он находился в сознании, нога исцелялась во время движения. У него не было выбора, кроме как продолжать идти. Несмотря на растущее понимание, что его усилия ни к чему не приведут, сдаваться он не привык.

Изредка он делал очередную попытку связаться по воксу с братьями, но его упорство не вознаграждалось ничем, кроме помех. Один раз ему показалось, что он слышит голос, и Коридон с радостью откликнулся, но затем пришел к заключению, что его собственный разум начинает играть с ним. Ему в голову пришла мысль, что вся эта ситуация не более чем искусно созданная галлюцинация. В таком случае ему не оставалось ничего другого, как идти к ее финалу.

Чем бы этот финал, в конце концов,

не оказался.

Он спешил. Инжинариум был уже недалеко, но ведь он так думает уже некоторое время. Возможно, часы. Или только минуты. Время перестает иметь значение, когда тебе кажется, что ты не движешься вперед.

Сейчас его продвижение ощущалось слегка замедленным, и он попытался отбросить мысли о ранениях и поднять настрой. И в этот момент он заметил первые признаки коррозии на своем синем доспехе.

Остановившись, Коридон внимательнее присмотрелся к одной из набедренных пластин. И действительно, там доспех выглядел потертым и неухоженным. Это могло произойти только с воином, который не заботился о своем доспехе, или с павшими в битве, чьи тела так и не забрали.

Но конструкция и прочность доспеха Адептус Астартес обеспечивали десятилетия противостояния коррозии, если только он не находился в среде, которая ускоряла этот процесс. Коридон

не был здесь так долго, значит, ему следовало согласиться со вторым вариантом.

— Чем раньше мы уберемся с этого корабля, братья, — пробормотал он в пустоту, — тем лучше.

Доспех и тело Коридона противостояли обстоятельствам его затруднительного положения. Но разум справлялся не так хорошо.

Якодосу прежде не доводилось находиться столь близко к могучему демону. Он сталкивался с ними на поле битвы, но это всегда были небольшие и слабые существа, конечно, омерзительные и кровожадные, но вера и огонь легко справлялись с ними. Эта тварь, этот всевластный ужас, который обретал форму перед ним, точно не был слаб.

Первым признаком его проявления служил сильный медный запах крови в воздухе, словно от недавно убитого человека. Якодос и Звездные Драконы заняли позиции возле инквизитора, готовые открыть огонь, как только

появится что-то, во что можно стрелять.

— Опустите оружие, — велел инквизитор. Его поза демонстрировала твердую решимость. — Оно только подогревает ярость демона.

— Мы поклялись защищать вас, — возразил Эвандер, и Якодос заметил, что он скорее выплюнул, чем произнес эти слова. Очевидно было, что сержант по-прежнему жаждет убить инквизитора. — И мы сделаем это, — продолжил Эвандер, — ради чести нашего ордена.

Эвандер перехватил оружие, и, сознательно или нет, оно оказалось нацеленным прямо на Ремигия. Якодос шагнул вперед и слегка отвел болтер в сторону.

— В тебе бушует жажда убийства, Адептус Астартес, — снова заговорил демон и разрушил тем самым напряжение момента. — Я одобряю это. Мой хозяин одобряет. Ты можешь выторговать свою жизнь этой жаждой крови.

— Покажись, демон! — призвал Ремигий. — Покажись, чтобы мы могли покончить с твоими загадками.

Он случайно тряхнул мечом и привлек внимание Якодоса. Руны, которые пылали на мастерски изготовленном лезвии, теперь обжигали отвратительным красным светом. Жуткая молния затрещала вдоль его граней, словно в ответ на присутствие...

....по-прежнему ничье. Только тот же сильный запах свежей крови и вызванные им образы устланного трупами поля битвы. Несмотря на происходящее, в голове Якодоса возник образ последнего боя. Капеллан помнил его с абсолютной ясностью: он шел по руинам, где лежали мертвые и умирающие, неся слова Императора тем, кто уже не нуждался в помощи апотекария. Картина расшевелила врожденное желание сражаться. До сих пор он боролся с ним. Было бы слишком легко пасть жертвой такой слабости, утратить рассудительность.

Якодос не мог больше медлить, потому что неожиданно резко дернувшись, «Проклятая вечность» сильно накренилась на правый борт. Все космодесантники

покачнулись, а инквизитор потерял равновесие и упал, выронив меч, который лязгнул о пол.

— Клинок! Верните меч! — Крик Ремигия разорвал невозмутимую решимость, которую он демонстрировал ранее.

— Ну, разумеется! — весело отозвался демон.

Якодос не знал, чего ожидать от демонического проявления, но точно не внезапной, грубой энергетической ауры, заполнившей инжинариум. Он почувствовал непреодолимое желание обратить оружие против окружающих его товарищей, излить на них свой гнев и убить на месте. Но Якодос был капелланом. Его вера в Императора была непоколебимой, и все годы службы пересилили изначальные, первобытные побуждения.

— Братья, контролируйте свои эмоции! — приказал капеллан нескольким воинам, которые не выдержали ментальной атаки. Они обнажили клинки и нацелили стволы на своих сородичей.

Якодос, потрясенный поведением братьев, шагнул к ближайшему из них. Капеллан размахнулся и ударил кулаком прямо по визору космодесантника.

— Орест, прекрати! Вспомни, кто ты, брат! — С этими словами капеллан толкнул ошеломленного космодесантника к Эвандеру, который пытался решить, в кого прицелиться: в инквизитора или во вращающуюся перед ним массу пыли, обретающей форму.

— Сержант, восстанови контроль над своим отделением, или я приму командование операцией на себя. Немедленно наведи хоть какой-то порядок среди своих людей.

Не дожидаясь, пока Эвандер выполнит приказ, Якодос подошел к Ремигию и поднял его. Инквизитор уставился на формирующийся призрак. Якодос повернул голову, чтобы самому взглянуть на демона, и поразился его огромным размерам. То, что несколько секунд назад было вращающейся нематериальной массой, теперь стало отчетливо видно.

В два раза выше самого крупного

Звездного Дракона, возможно, даже дредноута ордена, демон обрел физическую форму так, словно прорвался в реальность сквозь бумагу. Все его тело было одинакового синего оттенка и почти прозрачным. Оно колыхалось, как будто под его кожей текли волны варпа. Нижние конечности обладали развитой мускулатурой, и даже малейшее движение отражалось в мышцах под кожей. Руки заканчивались длинными и необычно тонкими пальцами со смертоносными когтями. Из плеч росли огромные крылья, в данный момент плотно сложенные за спиной. Якодос предположил, что если демон раскроет их, они займут все пространство инжинариума.

Якодос поднял взгляд и уставился на две головы твари. Они были птичьими, с терзкими клювами, а в глазах горело нечто необъяснимое для капеллана. Это не была ненависть к космодесантнику, как своему врагу, но что-то непостижимо сложное.

— Убейте его, — прохрипел капеллан. — Эвандер... Мы должны убить его!

Эвандер восстановил контроль над своими чувствами, и как только он начал отдавать приказы, остальные Звездные Драконы медленно вышли из шокового состояния. Как единое целое они шагнули вперед и одновременно открыли огонь. Каждый болтерный снаряд поразил чешуйчатое тело демона, но, казалось, ни одно прямое попадание не возымело эффекта.

— Вы, люди, умилительные существа. Вам всегда не терпится умереть, — сказал демон.

Он сделал шаг вперед, под его поступью задрожала палуба. Одним движением он пронзил когтем ближайшего космодесантника, демон повернулся и отшвырнул неудачливого воина к дальней стене инжинариума. Орест врезался в стену с тошнотворным треском костей и рухнул на пол, кровь так быстро хлынула из раны в груди, что, казалось, нет шансов остановить ее. Но проверять, останется жив Орест или умрет, не было времени. Если он выживет, то прямо сейчас будет бесполезен для них. Если умрет, тогда

ничего нельзя было сделать.

Раздался очередной залп болтеров. Звездные Драконы продолжали попытки уничтожить врага. Двое боевых братьев устремились вперед, их цепные мечи ревели в голодном предвкушении. Как только они приблизились на расстояние в несколько метров, их отбросили назад так же легко, как и Ореста.

— Это не ваш бой, сыны Империума. Но я никогда не откажусь от такого развлечения. Если вы желаете умереть от моей руки, не стану вам мешать.

Демон наклонился и подобрал меч инквизитора. Оружие яростно вспыхнуло в его длинных пальцах, красное пламя горело по всей длине клинка. Хотя демон рычал, когда пламя клубилось вокруг его плоти, в остальном, похоже, он не пострадал. Он поднес меч к глазам и внимательно изучил его, выдыхая запах горелой плоти. Горящий взор был прикован к узору меча и рунам, пылающие на лезвии.

— В лучшем случае — любительская попытка, смертный, — сказал демон, адресовав комментарии инквизитору. — В

худшем — жалкая.

Даже не повернув головы, тварь метнула меч, и тот пронзил торс Эвандера. Сержант захрипел от боли и упал навзничь. Он лежал неподвижно несколько тревожных секунд, после чего со стоном медленно сел. Меч застрял в его теле, остановленный треснувшей керамитовой броней и тяжелым силовым ранцем. Эвандер получил тяжелое ранение, но усилиями апотекария он выживет.

Якодос, гораздо более озабоченный состоянием Эвандера, чем визгливой, заикающейся яростью Ремигия, моментально покинул свое место возле инквизитора и помог сержанту подняться на ноги, одновременно вытащив меч из живота Эвандера. Перепачканный кровью клинок вышел с отвратительным хлюпающим звуком. Капеллан связался с Кровавыми Мечами и Третьей Чешуей, приказав им как можно скорее вернуться к абордажным торпедам, которые доставили их в это место.

— Это сержант Ардашир. Сообщение принято. Понятно.

Ответа от Третьей Чешуи не было. Якодос вызвал их снова. Капеллан ощутил острую тревогу за отделение Коридона. Его так захватила происходящая драма, что он на время забыл об исчезновении другого сержанта.

— Третья Чешуя, докладывайте!

— Сообщение принято. Понятно.

Чувство облегчения Якодоса уступило внезапному сомнению. Он долгое время не получал от Тилисса ничего кроме этого ответа. Однако времени на размышления не было. Они будут удерживать эту тварь при отступлении как можно дольше. Затем он узнает судьбу Коридона и Третьей Чешуи. Капеллан чувствовал все большую уверенность, что она не будет благополучной.

Демон был так громаден, что стены инжинариума ему сильно мешали, не позволяя пройти дальше, чтобы напасть. Космодесантники воспользовались этим, снова осыпав его снарядами из болтеров. Но выстрелы не производили впечатления на демона, казалось, ничто не было способно пробить защищавшее его варп-колдовство.

— Ты говорил, что меч покончит с этим демоном, инквизитор! — Якодос был далек от любезности. Он рычал на отчаявшегося Ремигия, повернувшись лицом к демону и крепко сжимая рукоятку крозиуса. — Что-то он не выглядит проигравшим!

Ремигий покачал головой, по-видимому, потеряв дар речи. Однако он нашел в себе силы пробормотать объяснение.

— Он был создан, чтобы покончить с демоном в сердце этого корабля. Он выглядит... — Инквизитор пристально посмотрел на демона. — Его появление. Именно в тот момент, когда мы пришли к пониманию... Это все должно было случиться. Меч был безупречен. Безупречен! Что-то пошло не так.

— Молодец, инквизитор. Кажется, ты меня подловил! — Демон перестал наступать. С неожиданным хлопком тварь значительно уменьшилась в размерах. Одна голова самым отвратительным образом свернулась внутрь, а другая также отвратительно передвинулась в центр.

— Этот образ был воспоминанием, — сказал он. — Облик, который носил бывший управляющий этим судном, показался мне самым подходящим, чтобы поприветствовать тебя.

Его проницательный взгляд уперся в инквизитора.

— Меч, — простонал Ремигий, в ужасе заламывая руки. — Должно быть, меч выковали неверно. Такой тщательный процесс... Одна ошибка и все насмарку. Эта операция...

— Эта операция, — свирепо сказал Якодос, — убивает моих боевых братьев. Мы выходим из боя.

В связи с тяжелым состоянием Эвандера он принял решение принять командование на себя.

Капеллан повернул голову к инквизитору, красные линзы шлема пылали. Одну секунду для все более отчаявшегося разума инквизитора космодесантник выглядел так же дьявольски, как несколькими мгновениями ранее та тварь перед ними. Сейчас она стояла там, вполовину от прежнего

размера, и с показным равнодушием приводила в порядок свои крылья. Теперь демон не был слишком велик для инжинариума и мог напасть в любой момент.

— Братья, отступаем. Мы возвращаемся, — приказал Якодос.

— Нет! Постойте! — Ремигий бросился вперед и схватил капеллана за руку. — Позвольте мне, по крайней мере, попытаться. Это демон бога перемен Хаоса! Возможно, это двойной обман. Дайте мне еще несколько минут. Просто удерживайте его на расстоянии, пока я буду совершать необходимые обряды для заклинания силой его имени! Дайте мне попробовать это последнее средство, потом мы можем уйти! Это ваш долг, капеллан!

Головы воинов отделения повернулись к Якодосу в ожидании приказов. Эвандер пошатывался, но стоял на ногах. Очевидно, ранение привело его в чувство, так как его болтер весьма твердо был нацелен на демона. Он переключил оружие на полуавтоматическую стрельбу и открыл

огонь. Как и раньше, все снаряды безвредно ударили в демона, но в этот раз, вместо того, чтобы упасть на пол, они были отражены невидимой защитой твари. Несколько снарядов отлетело в сторону Эвандера, и ему удалось избежать попадания, только бросившись на пол. Снаряды поразили стену позади него, взорвавшись один за другим. Когда космодесантники посмотрели на поврежденную поверхность корабля, та сама собой восстановилась.

— Как это возможно? — Эвандер не верил своим глазам.

— Это мой корабль, — сказал демон почти будничным тоном. — Я могу придать ему любую форму. Могу сам принять любую форму, как и корабль, в котором я обитаю.

Казалось, его внимание теперь сосредоточилось в основном на инквизиторе. Ретигий опустился на пол и чертил кончиком меча непонятные рунические знаки. Руны выводились кровью Эвандера, и кроваво-красные символы притягивали внимание к металлической

палубе.

— Что ты делаешь, инквизитор?

Ремигий не ответил, и демон приблизился. Его остановил очередной снаряд прикрывающего огня космодесантников. Он раздраженно посмотрел на них и взмахнул рукой. Тут же стены инжинариума ожили так же, как и в коридоре. Но в этот раз из них не вышли тела. Вместо этого из кожи корабля-демона потянулись разрозненные руки, которые принялись вслепую цепляться за космодесантников. Якодос впервые заметил, что призраки на палубе перестали двигаться. Они стояли неподвижно, словно кто-то остановил гололит посредине воспроизведения. «Возможно, — подумал он отчаянно, нанося удары крозиусом по тянущимся конечностям, — силы демона хватает для одновременного проявления только одного аспекта этого безумия?»

— Что ты делаешь, инквизитор? — Демон странно запнулся и еще ближе подобрался к Ремигию, который неистово продолжал чертить. Все это время

инквизитор бормотал слова на незнакомом языке, неслышимые для человеческого уха, но вполне различимые для улучшенных чувств космодесантников.

— Твое время подошло к концу, демон Тзинча, — сказал инквизитор, закончив работу. — Этим мечом я не смогу победить тебя. Но с этим мечом и единственным истинным словом, которым располагаю, я могу изгнать тебя обратно в сердце варпа.

После этого Ремигий начал гортанно выговаривать слова. Он встал с помощью меча и поднял голову, чтобы посмотреть прямо в лицо демону. Якодос ощутил эфирный ветер, хлещущий в инжинариуме, и, несмотря на безумие собственной битвы, не мог не следить за происходящими событиями.

— Я называю тебя, демон, — прошептал Ремигий едва слышно. — Смертный может знать тебя под именем Судьбоплета, но сейчас я призываю истинную силу имени, которое подчиняет тебя.

Он вонзил клинок в центр поспешно

начертанных рун. Ослепительно белый свет вырвался из кончика оружия, вращаясь вокруг оберегов на палубе и инквизитора.

Сияние было таким ярким, что вынудило Якодоса отвернуться. Ветер достиг максимальной интенсивности, и капеллан не смог услышать остальные слова, произнесенные инквизитором. Затем с пронзительным воплем ужасного гнева и страдания демон упал на колени. Он закрыл свои птичьи головы лапами и заревел со страшной яростью. От этого звука каждый волосок на теле Якодоса встал дыбом. Вопль производил ужасающее воздействие. Снова капеллан почувствовал, как капает из ушей кровь. Похоже, вред демонического имени распространялся далеко за пределы его носителя.

В свою очередь, старый инквизитор направил всю до капли психическую мощь через силовой меч. Свет по-прежнему бил из рун на его лезвии, хотя он больше не был слепящим. Якодос видел, что, судя по тому, как тряслось тело Ремигия, инквизитор долго не протянет. Но

цепляющиеся руки пропали в стенах. Кажется, демон был слишком занят своей.

— Это наш шанс, капеллан. — Голос Эвандера, несмотря на боль, был ясен и тверд. — Мы должны уходить. Сейчас же.

— Инквизитор должен закончить ритуал. Мы не может просто уйти.

— Это существо сказало, что это не наш бой. Мы не можем навредить ему. Чего ты добьется, оставаясь здесь? Посмотри на него, брат. Инквизитор отдает свою жизнь ради этого. Он не сможет совладать с такой мощью. Мы выполнили наш долг. Мы должны идти, пока еще можем.

Эвандер был прав. На лице инквизитора отражалась острая боль, психическая сила разрывала саму сущность его жизни. Демон больше не вопил, что стало милосердным облегчением, но его лицо исказилось в безмолвной агонии. Капеллан обдумал варианты, затем кивнул Эвандеру:

— Бери отделение и возвращайся к абордажной торпеде. Сделай все возможное, чтобы узнать судьбу Третьей Чешуи.

— Капеллан Якодос?

— Я прикрою ваше отступление. Может быть, Ремигий и ублюдок, я не спорю. Но он отдает свою жизнь, чтобы избавить Империум от этого существа. Мы обязаны вернуть его тело Инквизиции.

— Я не допущу этого.

— Сейчас ты не в состоянии командовать, а сержант Коридон отсутствует. По этой причине я возглавляю операцию и отдаю тебе прямой приказ: забери Ореста и отделение. Немедленно уходите отсюда. Если вы найдете Коридона по пути, тогда заберите и его. — Капеллан на мгновение замолчал. — Но не затягивайте поиски.

Якодос говорил мягко, но с такой властью в голосе, что Эвандеру осталось только подчиниться.

Инквизитор медленно опустился на колени, дрожащие ноги больше не могли держать его. Он пристально посмотрел на Якодоса, когда капеллан подошел к нему. Ремигий вяло поднял руку, останавливая капеллана.

— Все еще неверно, — едва прошептал

он. — Это... не работает, как должно.

Демон свернулся в позу эмбриона, спиной к инквизитору и капеллану. Он неожиданно перестал двигаться, но мгновением позже вскочил на ноги, из его клювоподобной пасти донеслось визгливое злорадное хихиканье.

— Дважды неверно, инквизитор! Твои слова не имеют власти надо мной, ведь я не Оракул Тзинча!

— Нет... Этого не может быть, — прохрипел Ремигий. — Годы исследований. Ты Судьбоплет. Ты должен им быть. Как ты можешь быть дру...

— Хватит уже. То, что произошло на этом корабле, не касается жалких смертных. Смирись с простой правдой. Твое драгоценное «исследование» привело тебя к гибели. Ты ошибался. И теперь ты умрешь.

Он подошел к ослабевшему инквизитору.

Якодос крепко сжал крозиус и встал прямо на его пути.

— С дороги, воин Адептус Астартес. Я уже говорил тебе, что сражаюсь не с

тобой.

— Несмотря ни на что, ты доберешься до него только через мой труп.

— Благородное намерение. Но возможно ли осуществить его? — Почти ленивым взмахом лапы демон отшвырнул Якодоса к стене. Неустрашимый капеллан снова поднялся на ноги и, призвав всю силу, до последней крупицы, побежал к демону.

Тварь произнесла какое-то отвратительное слово на своем нечистом гортанном языке, которое обрело форму питаемой варпом субстанции и облепило доспех капеллана, отслаивая керамит и сжимая его в мучительных тисках. Он смотрел, не в силах пошевелиться, как демон подошел к Ретигию. Тварь взглянула на него почти с жалостью, затем заключила лишившегося сил человека в свои порочные объятия. Когтистые руки сомкнулись вокруг горла инквизитора.

— У меня есть подарок для тебя, Шадрах Ретигий, — сказал демон пораженному человеку, который был не в состоянии ответить и с ужасом смотрел

на демона. — Так как ты приложил массу усилий, чтобы разыскать меня, я дам тебе то, что ты ищешь. Ты хочешь мое имя? Ты получишь его. Трагедия в том, что этот урок будет для тебя последним. Сила истинного имени действует в обе стороны...

Эти последние слова были сказаны шепотом, но даже на таком расстоянии Якодос почувствовал первобытную энергию варпа, пришедшую с ними.

Инквизитор попытался отвернуться от частиц колдовства, изливавшихся с дыханием демона, но его держали крепко и он не смог пошевелиться. Якодос наблюдал со смешанным чувством отвращения и ярости, как кожа на лице старика начала отслаиваться. Полосы сырой плоти, некогда бывшей лицом инквизитора, смешались с кусками металла его имплантатов. Глаза вскипели и растопились и, в конце концов, все, что осталось от Шадраха Ремигия — это окровавленный череп, прикрепленный к изувеченному телу.

С высокомерным безразличием демон

стял череп в своей хватке, превратив его в прах. Потом он бросил тело на пол и повернулся к Якодосу:

— У тебя был шанс уйти, и ты им не воспользовался. Ты решил свою судьбу недостатком благоразумия. Невольная жертва прочих, отправленных тобой исследовать корабль, позволила мне отведать плоть твоего вида. — Демон язвительно прищурился.

— Сообщение принято, — сказал он голосом Тилисса. — Понятно.

Тихий стон сорвался с губ Якодоса. Теперь, когда судьба Третьей Чешуи открылась, его желание отомстить этой твари выросло. Но по-прежнему схваченный сверкающей силой демонического колдовства, он оставался беспомощным в дымящемся доспехе.

То ли для того, чтобы еще больше его взбесить, то ли просто из садистского желания показать свою темную сущность, демон продолжил:

— Это их присутствие пробудило мое сознание. Я целую вечность был один на этом проклятом корабле. Но их умы...

были проницательны и восхитительны. А их воображение! Они ожидали кровоточащих стен, тварей варпа, и я был очень рад угодить им.

Внутренности Якодоса скрутило в тошнотворный узел, когда он понял, что сами их мысли послужили причиной гибели Третьей Чешуи и Кровавых Мечей. Он очень надеялся, что Эвандер выполнил его приказ.

Смерть капеллана была неотвратима, и он встретил ее стоически. Демон мгновение рассматривал его и сделал шаг. Затем он резко остановился и прищурился, глядя через плечо Якодоса в точку сразу за ним.

— Что ты имеешь в виду? — спросил демон к удивлению капеллана.

Коридон добрался до инжинариума как раз вовремя, чтобы увидеть, как демон раскалывает череп Ремигия. Он уставился на развернувшуюся сцену. Его боевые братья выглядели смутными и бледными: мерцающими нематериальными образами. Только инквизитор и демон казались ему

реальными. Якодос был бледным, мерцающим призраком, с которым, кажется, мог говорить только демон.

Сержант Звездных Драконов посмотрел на свой старый, изношенный доспех, покрытый ржавчиной. Коридон точно знал, что уже видел эти изменения прежде. Точно так же он знал, что найдут его боевые братья за дверью инжинариума. Коридон с абсолютной ясностью осознал природу «Проклятой вечности», и это вкупе с гипнодоктринацией, которая сформировала его ранние годы, привело его простому выводу.

— Ты не убьешь его, — повторил он демону. Это была не угроза, и не просьба. Просто утверждение.

— Откуда ты знаешь? — Вопрос был наполнен искренним любопытством. А потом демон гадко улыбнулся, поняв за миг то, на что Коридону понадобилась целая жизнь.

Якодос освободился из ловушки, в которую угодил, и с глухим стуком упал на пол. Он помедлил несколько мгновений, восстанавливая дыхание. Затем сжал

крозиус и встал, готовый сражаться за то, что, по его убеждению, было правильно.

Демона что-то отвлекло, хотя Якодос не мог понять, что это было. Казалось, он смотрит прямо на одну из прозрачных фигур, которые ранее суетились на палубе. Однако этот был иным. Его доспех выглядел древним, потрепанным и неухоженным. Знаки отличия давно стерлись. И все же в нем было что-то навязчиво знакомое. Он был таким же безмолвным и неподвижным, как остальные, но внимание демона сконцентрировалось на нем. Тщательно обдумав варианты, капеллан пришел к выводу, что лучшим выходом будет быстрое тактическое отступление.

— Ты не убьешь его. — Коридон распрямил плечи. — Ты никогда этого не делал, не сделаешь и сейчас. Ты угодил в эту череду событий, так же как и я. Я видел, что ты не убьешь его. — Коридон перевел дух. — Следовательно, ты не сделаешь этого.

— Сбывающееся пророчество. Умно.

Демон опустил могучие плечи и

перевел взгляд на Якодоса. Голод в бездонной глубине его маслянисто-черных глаз был очевиден, и несколько коротких мгновений между Адептус Астартес и демоническим отродьем варпа потрескивало напряжение.

— Почему ты все еще здесь, смертный?

Это было все, что требовалось Якодосу. Он не понимал, что произошло. Все, что знал капеллан — ему дали возможность уйти, возможно, даже шанс вернуться живым на свой корабль, хотя его учили не доверять демону ни на йоту. Тем не менее, он направился к выходу, оставив тело инквизитора лежать на полу.

Демон проследил за тем, как он уходит, затем вновь переключил внимание на Коридона. Доспех Звездного Дракона покрылся ржавчиной. Сержант демонстрировал все признаки прошедших десятилетий, может быть, веков, проведенных в этом боевом снаряжении. Порча варпа, проникшая в корабль создавала то, что даже демон не мог полностью понять. Однако он видел это и

прежде. Смертные, пойманные в петли времени.

Обманутая многие тысячи лет назад демоном Судьбоплетом тварь вынуждена теперь влачить мерзкое существование в сердце «Проклятой вечности», обреченная бесконечно переживать одну и ту же последовательность событий. Несмотря на то, что история каждый раз повторялась, кое-что менялось. Иногда это была несущественная мелочь: слово, произнесенное не в том месте, волосы у воина, прежде бритоголового. В других случаях изменялось нечто более важное, но демон не мог полностью понять нюансы своей тюрьмы. Не в природе существ варпа было понимать или даже беспокоиться о сути причинных связей.

— Ты сказал, что я не убью его, — наконец произнес демон. Медленная, жестокая ухмылка растянула его странный рот. — Но у самого корабля могут быть другие мысли на этот счет.

VII

К тому времени как Якодос увидел посадочную зону, в первую из абордажных торпед уже погрузились Адептус Астартес. Его взгляд лихорадочно искал Третью Чешую. Он почувствовал разочарование и печаль, вызванные их продолжительным отсутствием. Вместе с ними вернулось воспоминание о погибших Кровавых Мечах. Его немного утешило то, что, по крайней мере, из некоторых павших извлекли геноседя. Он подозревал, что слова демона о судьбе его братьев были правдивы. Капеллан перешел с бега на обычный шаг. Эвандер поднял голову и коротко кивнул ему. Сержант, несомненно, страдал от ран, но был жив.

— Всем в первой торпеде: выйти! — обратился Эвандер к космодесантникам. — Мы еще вернемся. Я хочу в последний раз поискать Третью Чешую.

— Они погибли, брат. Мы должны уходить.

Эвандер пристально посмотрел на

капеллана, и на его лице мелькнула печаль.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно. И больше нет времени разбирать слова демона. Ты знаешь это не хуже меня.

Капеллан похлопал рукой по нагруднику.

Сержант отрывисто кивнул и заглянул в абордажную торпеду.

— Как только окажешься доступен для связи, передай на «Ладон», что они должны открыть огонь по этому проклятому кораблю после того, как мы отойдем на безопасное расстояние.

Ближе всех находившийся к открытому люку боевой брат подтвердил приказ и потянулся за рычагом герметизации и начал процесс вывода абордажной торпеды. Механизмы ожили, и снаряд начал медленно выходить из корпуса судна. Что бы ни считалось разумным на борту «Проклятой вечности», оно действовало инстинктивно. Корабль закрывал зияющее отверстие в своем корпусе, как кожа, затягивающаяся поверх

открытой раны.

Едва первая торпеда закончила медленный выход в космос, раздался вой: низкий, сильный вопль, от которого бросало в дрожь, и который принес с собой обещание неминуемой смерти. Оставшиеся космодесантники — большая часть Девятой Чешуи и трое Кровавых Мечей — с ужасом смотрели, как отверстие в корпусе «Проклятой вечности» стало деформироваться. Оно сдвигалось и искажалось, превращаясь в клыкастую пасть, которая плотно сомкнулась вокруг второй абордажной торпеды.

— Оно разорвет ее на части! — Кровавый Меч высказал вслух то, о чем они все подумали. Но все было не так просто. Уродливый рот с рядами бритвенно-острых клыков просто сдавил абордажную торпеду, не позволяя ей выйти.

Снова раздался ужасающий вой, сопровождаемый топотом множества бегущих ног, словно весь коридор был наполнен крысами или иными грызунами. Этот звук был таким отчетливым, что Эвандер и несколько других воинов

направили стволы болтеров в пол.

Якодос вознес крозиус. Он заговорил твердым голосом с непоколебимым благочестием и верностью, которые заслужили ему звание, разжигая веру и огонь в своих боевых братьях. Литания благочестия была одной из первых, что он выучил, будучи послушником, и никогда ее слова не принимались так искренне и осмысленно, как сейчас.

— Где есть тьма, я принесу свет. Где есть сомнение, я посею веру. Где есть позор, я укажу искупление...

Тон, с каким он возносил литанию, ни разу не изменился, и голос его ни разу не дрогнул, даже когда капеллан заметил стаю демонических тварей, на полной скорости несущихся к нему по коридору. Он слышал, как Эвандер выкрикнул приказ установить мелта-заряды вокруг торпеды, чтобы освободить ее, но сосредоточился на своих словах.

— Где есть гнев, я покажу его направление... Мое слово в душе прогремит подобно моему болтеру на поле боя.

Завершив литанию, он вытянул

крозиус перед собой и произнес последнюю часть:

— Таково мое слово и на том стою. Умрите!

Якодос возглавил контратаку против тварей, пытаясь выиграть для своих товарищей немного времени, чтобы они вырвали торпеду из адской хватки демона. Болтеры выплевывали один снаряд за другим и сыпали на пол дождь пустых гильз. После того как магазины опустели, космодесантники прибегли к мечам и пистолетам. Каждый произведенный выстрел и каждый нанесенный удар был ответом темным силам, которые замышляли захватить и уничтожить их.

Первая из двух абордажных торпед идеально вышла из корпуса. Космодесантники внутри нее воспользовались моментом, чтобы проверить оружие. Они могли успешно покинуть корабль, но это никоим образом не означало, что они считали операцию завершенной.

Ардашир включил вокс-канал и вызвал «Ладон». Он получил приказ от Эвандера,

который вновь взял на себя командование в отсутствие Коридона.

— Первая абордажная партия возвращается. Состав... — Оглядев торпеду, Ардашир испытывал боль утраты. Они отправились с тремя полными отделениями, капелланом и инквизитором. Тридцать Адептус Астартес. И потеряли всю Третью Чешую и еще несколько воинов. — Состав — двенадцать бойцов, — закончил он угрюмо. — Пятеро остались на борту «Проклятой вечности». Как только отстыкуются, начинайте обстрел. Вышвырните этот корабль из космоса.

За исключением нескольких вспышек потрескивающих помех его докладу ответила тишина. Ардашир повторил сообщение. Наконец, расстояние, отделявшее их от «Ладона», пересек робкий голос вокс-офицера:

— Корабельные хронометры зарегистрировали ваш запуск менее часа назад, сержант.

Часа? Они угодили в кошмар демонического корабля, который

воспринимался как вечность. Неужели прошел только один час? На мгновение Ардашир засомневался в себе. Может быть, он просто сошел с ума. Но вид сидевшего в углу тяжелораненого Ореста напомнил ему, что его впечатления основывались совсем не на воображении.

— Мы полностью отчитаемся по прибытии на борт. Повторяю сообщение. Как только сержант Эвандер и его воины покинут корабль, уничтожьте «Проклятую вечность».

— Сообщение принято. Понятно.

От этих слов, которые неоднократно повторяла Третья Чешуя по воксу, у Ардашира по спине пробежал холодок.

Установить мелта-заряды быстрее, чем это сделал Эвандер, было невозможно. Он работал так быстро, как только мог, в его ушах звучал шум сражения четверых оставшихся боевых братьев с демоническими созданиями. Их рычание и крики жгучей ненависти заглушали все звуки, и Эвандер более всего желал Якодосу покончить с монстрами. Боеприпасы

заканчивались, но абсолютная свирепость объединенных сил Звездных Драконов и Кровавых Мечей пока сдерживала орду.

— Заряды установлены. — Эвандер, наконец, произнес то, что очень хотел услышать Якодос.

Устремившись вперед, капеллан возобновил атаки на демонических тварей, все его братья, включая Эвандера, присоединились к нему. Они усилили натиск, вытолкнув демонов чуть дальше по коридору, но не покидая пределы путей отступления. Когда заряды сработают, корпус корабля будет разорван, и им придется двигаться быстро.

Мелта-заряды взорвались со страшной силой, сотрясая пол под ногами космодесантников. Корпус «Проклятой вечности» разорвало, и торпеда оказалась свободной.

Эвандер выкрикнул приказ об отходе к абордажной торпеде пятерым космодесантникам. Четверо воинов бросились назад, и только Якодос сражался с демонами. Наконец капеллан развернулся и прыгнул в торпеду. Эвандер ударил по

спусковому рычагу, и люк торпеды закрылся до того, как твари кинулись на корпус.

Космодесантники слышали, как они царапают гладкую обшивку торпеды, но воины зашли слишком далеко и перенесли слишком много, чтобы потерять веру в свое спасение и в то, что увидят уничтожение этого дерзкого корабля.

Вопль демонической ярости достиг их даже сквозь бронированный корпус абордажной торпеды, когда она медленно покинула «Проклятую вечность». Затем к реву в зловещей гармонии присоединился ответный крик, затем еще один, и еще. В течение нескольких мгновений были слышны многочисленные вопли демонов, когда чудовищный хозяин корабля бросил все, чем располагал, на ускользающую добычу.

Этого было слишком мало и это было слишком поздно. Абордажная торпеда выскользнула в космос и мучительно медленно двинулась прочь.

— Это Эвандер. Мы отстыковались. Повторяю, мы отстыковались от корабля.

Огонь по моему сигналу.

— Принято, сержант Эвандер.

Расчет времени будет иметь решающее значение. Если они окажутся слишком близко к кораблю, когда флот откроет огонь, то испарятся вместе с целью. Иллюминатор в торпеде представлял собой всего лишь прорезь, через которую трудно было оценить дистанцию между ними и «Проклятой вечностью»...

Достаточно далеко. Эвандер, только сейчас осознав, что задержал дыхание, выдохнул и произнес одно слово:

— Огонь!

Оба ударных крейсера, как и их эскорт из эсминцев и фрегатов, одновременно открыли огонь, и безжалостные залпы пронзили космос, поразив демонический корабль с непогрешимой точностью. Через иллюминатор торпеды хлынул яркий свет, вынудив Эвандера отвернуться. Вокс трещал и шипел из-за залпов различного вида оружия, пока, наконец, не наступила тишина.

И в этой тишине ничего не было. «Проклятой вечности» больше не существовало. Но для Эвандера, не сводившего взгляда с коленопреклоненного Якодоса, простого уничтожения было недостаточно. Он поделился своей тревогой с капелланом, который посмотрел на него и, сняв череполикий шлем, провел рукой по стриженой голове.

— Возможно, ты прав, брат мой, — признал он. — Но слава Императору, здесь корабля больше нет.

Встреча со свитой Ремигия после исчезновения «Проклятой вечности» затянулась. Никто не мог достоверно утверждать, что цель уничтожена, впрочем, как и доказать обратное. Тщательное изучение показаний авгуров дало противоречивые данные. Были все признаки разрушения плазменного ядра, но для доказательства этого отсутствовали обломки.

Якодос взял на себя бремя оповестить о действиях Ремигия его людей и был встречен с холодным гневом. Они

отказывались поверить новостям, которых в глубине души ожидали, но совсем не были готовы услышать.

Потрясение обернулось неверием, а оно, в свою очередь, переросло в ярость. Якодос терпеливо выдержал слезы и жалобы, а затем поток обвинений, пока не иссякли слова. Он не солгал свите инквизитора и предоставил ей полный и правдивый отчет о том, что произошло на демоническом корабле.

Прежде чем встреча наконец закончилась, один из ее участников задал единственный вопрос:

— Что с долгом Звездных Драконов Ордо Маллеус?

Танек, который во время доклада Якодоса сидел молча, резко поднялся. Он наклонился над столом, который отделял его от чиновника. Только стол и исключительное самообладание капитана уберегло человека от того, чтобы быть задушенным на месте.

— Мои люди сделали все, о чем их просил инквизитор Ремигий. В результате этой операции моя рота

уменьшилась на десять человек. Советую сделать выводы из своих ошибок. В будущем хорошенько подумайте, стоит ли задавать подобный вопрос капитану Адептус Астартес.

Танек холодно оглядел собравшихся и повернулся к ним спиной. Когда он снова заговорил, его голос был тихим и сдержанным. Якодос слишком хорошо знал своего капитана, чтобы не распознать этот тон.

— Звездные Драконы сполна заплатили свой долг Ордо Маллеус. У вас есть ровно два часа, чтобы покинуть «Ладон» и убраться подальше от моих кораблей. Как один из командующих Флота Сдерживания, я считаю, что ваша глупость дала нам достаточно поводов считать вас угрозой.

— А если мы не уйдем? — отважился поинтересоваться самый старший советник Ремигия.

Его вопрос оказался в высшей степени неуместным. Это выяснилось, стоило Танеку повернуться. Доброжелательное и приветливое выражение лица, знакомое

свите Ремигия прежде, сменилось маской тирана.

— Тогда вы не подчинитесь прямому приказу Флота Сдерживания Каппа. И я искренне посоветовал бы вам не испытывать меня, чтобы не увидеть, куда приведет эта дорога.

Это была угроза, простая и недвусмысленная. Если бы инквизитор был все еще жив, они воспротивились бы совету, но, к счастью для деморализованных приверженцев Ремигия, он был мертв. Оценив едва прикрытую угрозу, они ушли с такой поспешностью, словно за ними гнались все демоны варпа.

— Будут вопросы, капитан, возможно осуждение. — Якодос наконец сел за стол. — Ордо Маллеус не оставит это так просто. Уверен, ты понимаешь это.

Танек кивнул:

— Пусть задают вопросы. Я со всей искренностью отвечу на них. Нас призвали сюда помочь инквизитору, и мы сделали это. Предлагаю остаться в районе еще на некоторое время. Продолжим оказывать поддержку нашим братьям Кровавым

Мечам и отслеживать любые признаки возвращения этого корабля.

— Ты не веришь, что он уничтожен?

— Я просто не знаю, капеллан, — вздохнул Танек. — Наш орден сегодня понес большие потери, и я должен держаться за надежду, что «Проклятая вечность» была уничтожена. В противном случае, в чем заключался смысл нашей жертвы? Я не могу позволить себе задумываться над этим. Это не лучшее завершение этой истории.

Капеллан положил свой крозиус на стол.

— Брат-сержант Эвандер на время может стать проблемой, — сказал он тихо. — Его разум оказался слабее, чем я надеялся. Он легко поддался нашептываниям демона. Некоторое время ты должны пристально наблюдать за ним.

— Как обстоят дела с Кровавыми Мечами?

Ардашир и его люди вернулись на свой корабль для доклада и поступили на попечение собственного апотекария.

— Образцово, — ответил без

промедления Якодос. — Те, кто распускает слухи о них, кто презирает их за раскаяние, в будущем должны следить за своими словами. Они отлично справляются на пути искупления.

— А ты, капеллан? — Танек взглянул на Якодоса.

Он прошел много кампаний с напутствиями капеллана, вдохновляющими его. Но давно усвоил, что оценка духовности самого духовного из них не причинит вреда.

— Я... — Якодос подыскивал слова, чтобы описать свои чувства. — Я осторожен. Считаю ли, что «Проклятая вечность» уничтожена? Я тоже не знаю. Если откровенно, я не верю, что мы или наши братья видели этот демонический корабль в последний раз. Инквизитор считал, что знает его имя и природу, но он ошибался. Эти ошибки стоили ему жизни, а нам — даже больше. Но если мы изгнали корабль, пусть и временно, мы должны расценивать это как успех, доставшийся нам дорогой ценой.

В его словах была убежденность, даже

если она отсутствовала в его взгляде.

— Согласен, — сказал Танек. — Ради блага Империума. Не наше дело спрашивать почему, капеллан. Наше дело — просто служить. Мы должны восстановиться после этого удара и двигаться вперед к новой цели. В этом наша суть.

Он затерялся.

Не в пространстве, но во времени. Какая-то грязная магия варпа увела его в совершенно другую причинность, лишив всякой надежды вернуться в реальное пространство.

Оглядываясь в инжинариуме «Проклятой вечности», Коридон наконец понял смысл имени корабля. Со временем он узнал все, что следовало знать о нем. В конце концов, сержант прожил на нем века, а может, даже тысячелетия. Его доспех был старым и заржавевшим, и он был свидетелем истории корабля много раз. Он был здесь прежде. Он будет здесь снова. В этом он был убежден.

Без крови Звездных Драконов и

Кровавых Мечей, необходимой для поддержания физического присутствия демона на борту корабля, тот вернулся в варп, заключенный в своей тюрьме до следующего пробуждения. Коридон был один на борту проклятого корабля, не считая вечно скитающихся призраков тех, кто когда-то называл это место домом. Казалось, они не знали о его присутствии.

Он затерялся, и он был один. Но у него была надежда. Так же как демон, Коридон пришел к пониманию, что всякий раз, несмотря на то, что события повторяются, кое-что меняется. И однажды произойдет такое изменение, которое позволит ему выйти из теней и снова встать рядом со своими братьями.

«Когда этот день придет, я отомщу». Даже не зная, будут ли его молитвы услышаны далеким Богом-Императором, Коридон дал себе в этом клятву.

Он ждал. Он предстал перед вечностью. Это было все, что он мог сделать.

+++

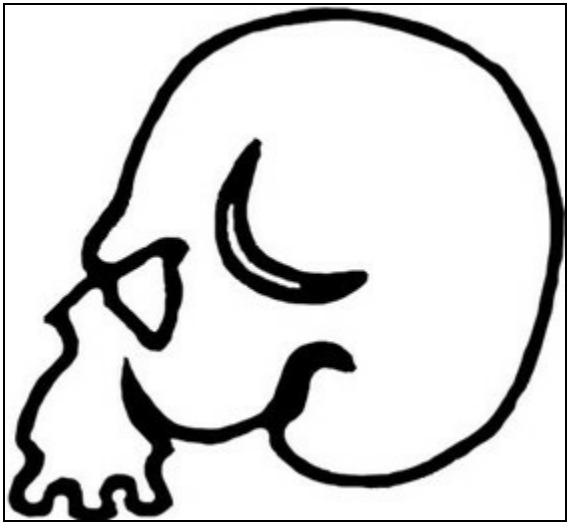
Зашифрованное сообщение, уровень секретности — пурпурный, код Тета Гамма Четыре Три Девять. По приказу Ордо Маллеус адресовано капитану Шестой роты Звездных Драконов Танеку, в настоящее время командующему флотом Сдерживания Каппа. Приветствую и требую безотлагательного соблюдения вами соглашения. Сообщено об обнаружении корабля, соответствующего архивному описанию «Проклятой вечности».

Данной мне властью и в соответствии с моим положением в священных ордосах, вам приказано привести флот в место, координаты которого я передам после этого сообщения. Обнаружение этого корабля служит основанием для немедленного расследования, а ваш флот находится к месту обнаружения ближе всех прочих имеющихся в наличии. Я лично переговорю с вами по вашему прибытию.

Конец сообщения.

+++

Дариус Хинкс
САНКТУС



«Меня предали, — думает сержант Хальсер. — Предали».

— Комус упал! — ревет по воксу брат Вольтер. — Возможно, мертв... Я не уверен. Они захватили лазарет. Я отступаю. Какие приказы? Сержант? — Сообщение прерывается, слова наполовину глушит звук канонады. — Ты там? Сержант Хальсер?

Хальсер прижимает оружие к голове пророка и не отвечает. Из теней на него кричат пилигримы, но взгляд космодесантника прикован к паре абсурдных, бездонных глаз.

Пророк смотрит на него.

Хальсер кладет палец на спусковой крючок.

— Я могу спасти нас обоих, — говорит пророк. Его голова наклоняется внутри шарообразного шлема, надетого на бледную, тонкую шею и заполненного густой жидкостью. Раствор искажает голос, но пророк пытается преобразовать гласные звуки во что-то человеческое, тщательно выговаривая каждое слово, словно обращаясь к ребенку. Он тычет длинным, перепончатым пальцем в человека в дверном проеме.

— Они лгали тебе. И убили нас обоих. Ведь они точно знали, что случится. Всегда знали.

Хальсер следует за его взглядом и, к своему ужасу, обнаруживает, что Гидеон Пилкрафт смеется. Под черным капюшоном не виден рот, только

вибрирующая масса кабелей, но веселье очевидно. Решимость Хальсера испаряется. Движение руки приостанавливается. Если Пилкрафт знал о происходящем, значит, вся операция была ложью. Хальсер пытается собраться с мыслями. Он пытается молиться, но стоны брата Вольтера впились в него, слившись с воплями пилигримов. Канонада становится все громче, и вот уже кажется, будто вся долина гудит. Звук невыносим и слишком громок для обычных тяжелых орудий. Вокруг гремят взрывы, и Хальсеру приходится смириться с правдой.

Орбитальная бомбардировка уже началась.

Без защиты Комуса его разум быстро сдается. Искажение времени достигло своего пика, и голоса пилигримов скребут по сознанию, как клинки по металлу. Сержант не может уверенно отличить «сейчас» от «тогда». Он ведет отделение через катакомбы, вырезает пилигримов у городских ворот и подходит к внутреннему храму, но в то же время знает, что это уже случилось. Хальсер

пристальнее вглядывается в уродливые глаза пророка, пытаясь взять себя в руки.

— Комус упал! — ревет по воксу брат Вольтер. — Возможно, мертв... Я не уверен. Они захватили лазарет. Я отступаю. Какие приказы? Сержант?

Хальсер ругается и оглядывается на дверь. Время разрушается. Он слышал эти слова и раньше, но сколько раз?

— Я не позволю тебе жить, — произносит он, повернувшись к пророку. Металлический отзвук усиленного голоса гремит в зале. — Ты — мерзость.

Пророк склоняет набок раздутую голову и ухмыляется.

— У тебя есть корабль, а у меня — предвидение. Облака — не преграда для меня. — Он указывает на Пилкрафта. — Он причинил зло нам обоим. Почему мы должны смириться со своей судьбой? Мы — немногие избранные. Впереди нас ждут великие свершения.

Хальсер качает головой, но в его глазах пылает сомнение. Пристрелить пророка означает умереть. Хуже того, это означает провал. Но какова

альтернатива? Как можно сохранить жизнь такому человеку после всего, что он видел?

Пророк касается удлиненными пальцами силового доспеха Хальсера. Он обводит или контур филигранного черепа и прищуривается.

— Зачем ты прибыл в Мадрепор, Реликтор?

Комната наклоняется и пол смещается. Вражеский огонь все ближе. Со сводчатого потолка падают куски векового травертина. Десятиметровые орлы трескаются и раскалываются, покрывая пол огромными сломанными крыльями.

— Узрите непреложную волю Императора! — вопит Пилкрафт со стороны дверей, перекрикивая какофонию. — Ты надменный глупец, сержант Хальсер. Это все твоя вина. Это — цена, которую ты платишь за свое низкое, раболепствующее заблуждение и неоднократное использование ксено...

Хальсер затыкает его выстрелом в голову. Звук разносится по комнате, и Пилкрафт падает в фонтане крови.

Кабели в его капюшоне еще несколько секунд дергаются, после чего он затихает.

Хальсер поворачивается и снова прижимает болт-пистолет к шлему пророка.

— Ты — мутант.

— А кто ты, Реликтор? — Стеклянный шлем пророка забрызган кровью Пилкрафта, но тон остается дерзким. Он указывает в сторону сети коридоров, которые ведут из его тронного зала.

— Здесь есть оружие. Оружие, которым ты можешь воспользоваться. — Интонация становится мягче. — Они лгали тебе, Реликтор. Всем вам. Твоя верность неуместна, разве ты не видишь?

Хальсер морщится, когда агонизирующий хор становится громче: отчаянные запросы брата Вольтера о приказах, напевы пилигримов, гул земли, грохот орудий. Но хуже шума сомнение. Как мог Мортлейн обмануть его? Пока Хальсер изводит себя этим вопросом, сомнение превращается в ярость. Даже его самый старый друг не верит в него, не

верит в его орден. Он и его люди были отправлены на смерть. Возможно, стоит рискнуть и прислушаться к пророку?

— Я докажу, что ты ошибаешься, Мортмейн, — не скрывает злости Реликтор. — Я заставлю тебя заплатить.

В то время как его разбирает гнев, дежавю становится невыносимым. Слова пророка кружат по комнате, становясь громче с каждым повтором. Неуверенность Хальсера растет, и в его голове вспыхивает свет, сливаясь с кристаллами в стенах и глифами, вращающимися перед его визором. В тот момент, когда сержант покидает орбиту и летит вниз, в бурю, он видит корону солнечного света вокруг Илисса, мерцающую подобно золотой нити.

Глава 1

— Илисс Четыре. Мир-святилище, — произнес Пилкрафт благоговейным тоном верующего. — До захвата врагом это было одно из самых святых мест в Галактике. Перед темными днями Ереси сам Император ступал по его освященной земле.

Когда они спускаются с небес, контур планеты исчезает, скрытый бурлящей массой грозовых фронтов и торнадо. Штурмовой корабль начинает трястись, но сержант Хальсер отвлечен необычностью бури: слои золотистых испарений поднимаются из бездонных провалов в пелене, покрывающей всю планету. Она выглядит как призрак.

— А облака? — спросил он.

Пилкрафт понизил свой голос:

— Знак дьявольских грехов, которые приговорили Илисс, символ его абсолютного разложения. Это колдовство, о котором говорил инквизитор Мортлейн. Буря неестественна, сержант Хальсер.

Это самое нечестивое проявление Хаоса. Облака появились после прибытия Черного Легиона, триста лет назад, и источают ересь. Они разумны. Злобны. Метаморфическое подобие природы. Дешевые чары, созданные, чтобы скрыть лик врага. И их протяженность растет.

Хальсер выглядит взбешенным гигантом с бычьей шеей. Его плоское лицо покраснело и трясется, а губы изогнулись в презрительной усмешке. Взгляд, который он обращает на брата-библиария Комуса, заставил бы задрожать обычного человека.

Неустрашимый Комус хмурится в ответ, его глаза наполняет та же злая ярость.

— Что ты чувствуешь? — прорычал Хальсер.

Комус пожимает широкими плечами и смотрит на какую-то вещь в ладони правой руки.

— Колдовство, да, либеллус убежден в этом, но в облаках?.. — Он еще больше хмурится, повернувшись к Пилкрафту. — Я уверен, что слуга инквизитора Мортмейна прав.

Штурмовой корабль снова кренится, когда его корпус окружает золотая буря. Сервиторы носятся вперед и назад, пытаясь утихомирить сигналы тревоги и мигающие огни.

Хальсер бьет по пульту связи, представляя, что это чье-то лицо.

— «Громовой ястреб»-пять, это «Громовой ястреб»-четыре. Брат Сильвий, доложи о своем местонахождении.

Раздался взрыв помех, за которым последовал отрывистый, нечеловеческий голос:

— ...Пять... Навигационные проблемы... Неустановленная высота... Сильная болтанка...

Снова новый взрыв помех, потом:

— Сержант, я не уверен, что мы можем сохранить нашу...

Связь прервалась, тонко взвизгнув напоследок. Хальсер отключает устройство и несколько секунд смотрит на него. Затем поворачивается к Пилкрафту. Турбулентность швырнула того в кресло. Капюшон упал с его головы, и стали видны перевитые маслянистые

кабели на месте лица. Каждый закрученный кабель заканчивался блестящей линзой с медным ободом, и когда аколит инквизитора поворачивается к Хальсеру, они фокусируются на нем с серией стрекочущих щелчков.

— Инквизитор Мортмейн предупредил, что высадка будет сложной, — говорит Пилкрафт, — но поскольку ваши люди в точности следуют его совету, они скоро будут на поверхности. Планета пронизана туннелями. Их вырыли тысячи лет назад монахи, до того как предались порочной власти Губительных Сил. Порча в воздухе, несомненно, не беспокоит еретиков, но для нас она может означать смерть или даже хуже того — трансмутацию. Мы должны провести как можно меньше времени на открытом воздухе.

— Мортмейн упоминал о священниках. Он сказал, что они были связаны с первым вторжением.

Пилкрафт кивает.

— Они были сбиты с толку

Губительными Силами, а затем вырезаны Черным Легионом. — Голос его немного дрожит. — И к вечному стыду Экклезиархии, все это они навлекли на себя сами. За Илисс была ответственна группа настоятелей. Кто еще мог присматривать за планетой, по которой когда-то ступал Император? Но их обман покрыл позором священное братство. Жрецы, оставленные во главе печально известного скриптория Зевксиса, были зачарованы некоторыми артефактами, некими магическими заклинаниями, хранимыми со времен Великого крестового похода.

Пилкрафт надевает капюшон и втягивает оптические кабели. Он похож на улитку, прячущуюся в свою раковину.

— Старая как Империум история. Начиналась, как невинное исследование, а закончилась отвратительным идолопоклонством. Обреченные священники собрали самых ужасных и мерзких преступников в своих храмах. Они передали их души Черному Легиону в качестве дара. Видимо, найденное в

скриптории оказалось непосильной ношей для простой веры монахов. Они стали творцами своей несчастной судьбы.

Комус сжимает кулаки и бормочет под нос:

— И вот мы здесь, следуем по их стопам.

Хальсер старается не повышать голоса, и судороги на его лице становятся заметнее:

— Нас прислал Мортмейн. С чего бы ему так поступать, если он считал, что ты не подходим для этого задания?

Пилкрафт поднимает тонкую трость из слоновой кости и указывает ею в сторону далекого флота:

— Хотел бы напомнить вам, сержант Хальсер, что мой господин никуда вас не посылал. Он просто обратил внимание на трагедию утраты такого древнего места в неминуемом Экстерминатусе.

— Он сказал не только это.

Аколит инквизитора пожимает плечами.

— Инквизитор не отдавал вам приказ, сержант Хальсер. Он узнал о ваших

эзотерических интересах и по промыслу нашего досточтимого Императора дал вам возможность изучить скриптории, прежде чем они будут уничтожены. Вы здесь по собственному желанию.

Губы Хальсера еще больше кривятся в ужасающей улыбке.

— Не беспокойся. Я давно научился не ждать никаких официальных одобрений.

Штурмовой корабль закладывает крутой вираж, и трость Пилкрафта выскальзывает из руки, ударяется о доспех Комуса и отскакивает в угол. Пока корабль пикирует сквозь облака, на несколько секунд становится темно. В темноте Хальсер видит пучок глаз Пилкрафта, внимательно наблюдающих за ним из-под капюшона. Он вспоминает нечто странное, что говорил Комус о нем, и наклоняется вперед, чтобы задать вопрос. Затем звук, сопровождающий турбулентность, становится оглушительным, и он отклоняется назад.

Вопрос забыт.

— Нам нужно найти убежище! —

вопит Пилкрафт. Он съеживается за могучим телом Хальсера и при помощи трости, воткнутой в пыль, пытается удержаться на ногах.

Комус и остальные воины рассыпаются вокруг сбитого корабля, застыв неподвижно с наведенными в сторону бури болтерами. Их доспехи цвета олова сливаются с идущим из поврежденного корпуса корабля дымом. Если бы не белые черепа на наплечниках, они были бы почти невидимы.

Завороженный зрелищем Хальсер не обращает внимания на Пилкрафта. Даже улучшенное зрение сержанта не может проникнуть сквозь облака, но когда они проносятся вокруг него, он мельком видит странный ландшафт Илисса: парящие скалы, вырванные из земли силами, которые он может только вообразить, и которые сотворили запутанную сеть башен из красноватого камня, почти неразличимых среди бури. Скалы так изъедены ветром, что напоминают огромный коралловый риф, извлеченный из-под земли. Облака с воем проносятся

между колоннами. Хальсеру это напоминает попытку заговорить. Он даже на секунду задерживает дыхание, пытаясь уловить смысл в звуке, после чего смеется над нелепостью своего предположения.

Вспомнив о боли в ноге, он смотрит вниз на рваное отверстие в доспехе. Клетки Ларрамана уже сделали свою работу: рана покрылась коркой за несколько секунд, но останется еще один безобразный шрам. Хальсер бормочет молитву благодарения. Каждая рваная линия служит исключительно напоминанием о его гордой ноше. Более слабый человек не пережил бы такую катастрофическую посадку.

Он наклоняется и вытирает кровь с поврежденной брони, затем поворачивается к остальным. Реликторы по-прежнему осматривают горизонт в поисках признаков нападения. У некоторых такие же ранения, но все стоят прямо, готовые к бою. Он чувствует прилив гордости. Даже после всей лжи и клеветы они не сломались. Такие же непоколебимые как и он, и готовые доказать свою

значимость, пусть даже только себе.

— Как добраться до скрипториев? — обращается он к библиарию, игнорируя стоящую рядом фигуру в капюшоне.

Пилкрафт вздрагивает при словах сержанта. После крушения его сильно трясет. Мантия разорвана до пят, и когда аколит смотрит на библиария, его голова дергается от страха.

Комус кивает в ответ и отстегивает от силового доспеха книгу. Небольшую, в кожаном переплете на золотых застежках и украшенную символами, слишком причудливыми, чтобы быть творением человека. Ее можно принять за безопасную, хоть и таинственную вещицу, но Хальсер знает правду. Знает, о чем просит своего старого друга.

Комус разлыкает зажимы и открывает обложку, нахмурив брови. Внутри нет страниц, только стальной ящик на петлях с циферблатами, рунами и стеклянным экраном. Библиарий вставляет кабель в гнездо сбоку устройства, закрывает глаза и

вздрагивает от боли. Затем он начинает произносить слова, которые теряются в звуке ветра.

Пилкрафт смотрит на молящегося Комуса, и испуг на его лице превращается в ухмылку отвращения.

— Как вы можете позволять ему пользоваться таким артефактом? — спрашивает он, посмотрев на сержанта.

Хальсер не отвечает, но знает, что вопрос справедлив.

— Согласно либеллусу, скрипторий Зевксиса находился в пяти километрах к северу от этого места. — Голос Комуса напряжен от боли. — Если я правильно понял ксенотекст, буря забросила нас не слишком далеко от цели.

— В пяти километрах отсюда?! — восклицает Пилкрафт, он вновь выглядит испуганным. — Значит, мы должны поторопиться. Мы уже провели слишком много времени над землей. Я говорил вам: единственный безопасный путь пересечь эту планету — под землей. Мы прежде всего должны найти туннель.

Хальсер кивает.

— Как только определим местонахождение корабля брата Сильвия.

Пилкрафт разворачивается, словно от удара. Он кричит еще громче:

— Ваши боевые братья могут быть разбросаны по всему материку! Они все могут быть мертвы! Вы не слышали от них ни слова. — Он бросает свою трость на пыльную землю. — Нам немедленно нужно найти укрытие.

Гнев все время присутствует в глазах Хальсера, но на мгновение кажется, будто сержант вот-вот сорвется. Его огромные челюсти сжаты.

— Ты приказываешь мне? — будто не веря своим ушам, спрашивает он.

Мертвенно-бледное лицо Пилкрафта чуть розовеет.

— Конечно нет, но вы пытались связаться со своими людьми и не получили ответа. — Он опускает взгляд. — Может быть, вы решили, что они погибли. Зачем им игнорировать ваш вызов?

Хальсер бьет по безжизненному ауспику на поясе.

— С тех пор, как эта буря выплюнула

нас, сигнал отсутствует. — Он снова смотрит на неистовые облака. — Совсем. Мы одни.

Сержант поднимает шлем и надевает его.

— Но я не брошу своих людей! — Его голос срывается на нечеловеческий рык.

Пилкрафт жалобно съеживается и прижимает трость к груди.

— Конечно, не бросите, сержант Хальсер. Но пойдите, если мы сейчас не скроемся под землей, то можем наткнуться на врага.

Хальсер изучающе разглядывает его сквозь безликий визор шлема. Затем он поднимает болт-пистолет и бьет им по покореженному серому керамиту нагрудника.

— По правде говоря, Пилкрафт, я на это надеюсь.

Глава 2

Утомленный инквизитор Мортмейн неподвижно сидит в кафедральном соборе, опустив голову и наслаждаясь уединением. Даже здесь, глубоко внутри запутанной сети монастырей и башен, нельзя полностью избавиться от шумов корабля: грохота двигателей, скрежета орудийных батарей и гула энергетических контуров. Но это место ближе всего к небесам на борту «Домитуса». Огромные узкие окна охраняют его, заливая собор цветным светом и придавая лицу инквизитора бледно-зеленый оттенок. Мортмейн никогда не славился красотой. Его черты угловаты и суровы, как у статуй, выстроившихся вдоль нефа, но в форме грубого крючковатого носа таится жестокость, под низкими, тяжелыми бровями — целеустремленность, которая выделяет его в переполненной комнате, даже без инсигнии, висящей на шее.

Разглядывая окна, Мортмейн осознает, что ему сложно смотреть в

глаза повелителя. Несмотря на перенесенные кораблем кошмары, взгляд Императора не поблек. Витражное стекло было изготовлено на Терре, бесчисленные столетия назад, но масштаб замысла мастера не потускнел: великолепный Император смотрит сверху с подсвеченного стекла, по-прежнему убеждая в Его цели, по-прежнему пылая непоколебимой верой.

Инквизитор морщится и направляет свои мысли за стекло, за собор, даже за пределы «Домитуса». Он представляет флот Санктус, следуя за ним через космос. Сила Императора отклонилась от своей цели по его команде. Мортмейн плотнее кутается в толстый кожаный плащ, ощутив внезапный холод. Плечи опускаются, когда он размышляет над бременем выбора. В левой руке он сжимает украшенный пергаментный свиток, скрепленный серебряными пряжками и восковыми печатями чистоты. На нем печати губернаторов, ротных командиров, капитанов и епископов — каждого, кто мог бы оспорить

его решение. Они назвали его конкордат Зевксиса, в честь знаменитого скриптория Илисса, но Мортмейн не питает никаких иллюзий — это смертный приговор. Судьба целой планеты в его руках. Может быть, больше. Он делает глубокий вдох. В сравнении с такими важными делами, какое значение имеет дружба? Не слишком ли он рискует?

Учтивый кашель прерывает его мысли. Он поднимает взгляд и видит священника в капюшоне, наблюдающего за ним из дальнего конца нефа.

— Новатор здесь? — Мортмейн не говорил несколько часов, и его голос похож на нерешительное карканье, но акустика собора усиливает слова, отразившиеся от сводчатых потолков и лепных колонн.

Далекая фигура кивает.

— Мне провести его, инквизитор Мортмейн?

Мортмейн откашливается и встает, откинув назад длинный плащ. Когда луч света падает на его гравированный нагрудник, вспыхивает серебро. Вокруг центрального знака — буквы «J»,

перекрещенной тремя полосками и увенчанной одним кроваво-красным камнем, видны замысловатые узоры.

За поясом Мортмейна покоится черный, зазубренный кривой нож, и, вставая, инквизитор сжимает рукоятку правой рукой. Прикосновение черного с выемками эбонита к коже успокаивает его.

Он кивает, и сомнение в голосе исчезает.

— Приведите его ко мне.

Священник кланяется и скользит обратно в тень.

Через несколько минут приближается человек. Он склоняется к самому полу и, пошатываясь, передвигается странными рывками. Мортмейн понимает, что он моет пол, старательно протирая камни, чтобы сберечь обувь господина.

«Должно быть это ван Тол», — думает Мортмейн при появлении другого человека. Второй мужчина идет прямо, уверенным шагом и с расправленными плечами. Он облачен в безупречный, накрахмаленный военный мундир. Каждый

сантиметр ткани украшен, а на боку висит сабля с позолоченной рукоятью. Когда мужчина видит Мортмейна, его вощеные усы вздрагивают от легкой усмешки.

— Инквизитор, — протягивает он. — Я прервал ваши молитвы? Вы должны простить меня.

Его лицо — полная противоположность лицу Мортмейна: маленькая, скошенная челюсть, мягкая, безукоризненная кожа и тонкие, почти милые черты.

Мортмейн холодно кланяется и отходит от алтаря, наполнив собор лязгом своих подкованных железом ботинок.

— Совсем нет, барон. Я предвкушал нашу новую встречу.

Подойдя к гостю, инквизитор замечает других людей, ожидающих в полумраке: барон привел свою стражу. Это не дружеский визит, думает он, чуть сильнее сжимая рукоятку ножа.

Барон ван Тол протягивает слабую руку в белой перчатке. Непонятно, ждет

ли он пожатия или поцелуя.

Мортмейн крепко пожимает ее.

— Надеюсь, вам подошли покои?

— Да, подошли, — продолжает усмехаться барон.

Слова сливаются друг с другом, словно он едва может найти силы отделить гласные от согласных. Он необыкновенно высок и изучает инквизитора Мортмейна. Его глаза над длинным, орлиным носом полуоткрыты и полны презрения, как у греющейся на солнце ящерицы, лениво ожидающей начала трапезы.

— Ни одного инакомыслящего, — говорит он.

Озадаченный Мортмейн хмурится.

Барон кивает на свиток в руке Мортмейна.

— Договор. — В его голосе безошибочно слышится нотка насмешки. — Ваше слово — закон, инквизитор Мортмейн, а сомнения были безосновательны. Немногие, даже здесь, оспорили бы волю Имперской Инквизиции.

Мортмейн пожимает плечами,

игнорируя насмешливый тон барона.

— Я не требую доверия. Все мы всего лишь проводники воли Императора. И, кроме того, ваши доказательства были убедительны. На что мы можем надеяться, оставляя за спиной необузданную порчу?

— Именно.

Двое мужчин несколько секунд стоят молча, по-прежнему стискивая руки друг друга. Наконец Мортмейн разжимает хватку и указывает на одну из скамей.

— Скажите мне, — говорит инквизитор, как только они садятся, — что привело вас на «Домитус»? Договор подписан. Я думал, вы захотите вернуться домой. Полагаю, что находиться так близко к Оку Ужаса очень неприятно, с вашими-то талантами.

При слове «таланты» он бросает короткий взгляд на лоб барона. Барон ван Тол носит низко надвинутую фуражку, и в этом нет ничего необычного. Не считая полупрозрачной кожи, он выглядит как обычный человек.

Барон пожимает плечами.

— Конечно же, я вернусь на Терру как можно скорее, но... — Он запинается, словно сомневаясь в способности инквизитора понять. — Я полностью доверяю вашим способностям, инквизитор Мортмейн. Позвольте мне объяснить. Я не испытываю ничего кроме уважения к людям, которые поднялись из... — на его лице застывает неприязненное выражение, — низших слоев общества. И уверен, что вы весьма компетентный человек. — Кажется, он избегает взгляда Мортмейна. — Но не смогу успокоиться, пока эта ситуация не разрешится.

Мортмейн поднимает брови и откидывается на спинку скамьи.

— Илисс будет уничтожен, барон ван Тол.

— Конечно будет, инквизитор Мортмейн, не сомневаюсь в этом. Ни капли. — Барон смеется — резко, безрадостно. Взгляд по-прежнему устремлен на пол. — Но увидеть это воочию стало бы утешением для сердца старика.

Мортмейн собирается ответить, но

тут из полутрака появляется один из спутников барона, копия барона, с такими же женственными чертами лица и вялой осанкой. Единственное, что отличает его, это чуть менее седые усы и меньшее количество медалей на мундире.

— Почему ничего не происходит? — спрашивает молодой дворянин, не скрывая переполняющих его эмоций. — Каждую минуту зараза распространяется. Пока мы...

— Молчи, мой дорогой Пальх! — Голос барона мягок, но полон злобы. — Как ты смеешь вмешиваться? Назад.

Глаза молодого человека вспыхивают гневом, но он подчиняется приказу и отступает в темноту.

Барон поворачивается к Мортмейну, явно смущенный.

— Вы должны простить ужасные манеры моего сына. Мы все очень озабочены происходящим. — Он ерзает на скамье. — Тем не менее, он в своей грубой манере задал вопрос, который крутится в моей голове: когда именно начнется бомбардировка? Ваши корабли на позициях

или нет?

Мортмейн несколько секунд молча рассматривает барона, стараясь сохранить нейтральное выражение лица.

— Илисс будет уничтожен. — Он тщательно подбирает слова. — Знать Дома ван Тол сыграла важную роль в освещении этой ситуации, но сейчас дело находится в руках Инквизиции.

Барон на мгновение встречается взглядом с инквизитором, его глаза по-прежнему насмешливо полуприкрыты.

— Конечно. Я просто пришел, чтобы предложить свою помощь. Вы должны понять... — Барон прерывается, заметив, как внимательно рассматривает его Мортмейн. Ухмылка полностью исчезает, также неожиданно, как гаснет свет. — От обороны Илисса окончательно отказались?

Мортмейн впивается взглядом в ван Тола, он не привык, чтобы его действия подвергались сомнению.

— Я просто заинтересовался, — продолжает барон, — двумя штурмовыми кораблями, отправленными несколько часов назад.

Мортмейн продолжает в упор разглядывать его.

Барон ждет ответа, но безуспешно. Наконец он поднимается, чувствуя себя неуютно под пристальным взглядом Мортмейна.

— Мне кажется, я вас рассердил, инквизитор Мортмейн, а это не входило в мои намерения. — Он отступает с легким поклоном. Усмешка возвращается. — Я буду в своих покоях, если вам что-нибудь понадобится.

Мортмейн прищуривается, но ничего не говорит, наблюдая, как барон неторопливо идет вдоль нефа и шепчется со своими лакеями, пока они не исчезают среди длинных теней. Дождавшись, пока стихнут их шаги, инквизитор поднимает голову к благосклонному взгляду Императора.

— Они что-то скрывают, — тихо говорит он, продолжая смотреть на стекло.

Из темноты отвечает голос — гортанный, искаженный, словно звучащий сквозь стопку влажных тряпок. Отвечает

на непостижимом и отталкивающем языке.

Мортмейн согласно кивает и кривит губы.

— Экстерминатус может еще немного подождать. Я не предам смерти миллионы, не зная всех важных фактов.

Ему отвечает еще один поток булькающих гласных.

Мортмейн массирует бритую голову и отодвигается назад в молчаливой задумчивости.

— Юноша, — говорит он наконец, — сын барона. Помнится, Новатор назвал его Пальхом. Он, несомненно, импульсивен. Уверен, мы сможем использовать это в свою пользу. Все-таки «Домитус» — большой корабль. Думаю, он легко может заблудиться.

Раздается рокочущий смех, сопровождаемый звуком цепей, царапающих о камень.

Голос Мортмейна полон отвращения:

— Будь покладист, Цербал. Скоро на моей совести будет смерть планеты. Не отягощай мое бремя еще больше.

Глава 3

Даже сквозь завывающий ветер звук болтерного огня не спутать ни с чем. Брат Тимьян разворачивается на сто восемьдесят градусов с почерневшей дырой в нагруднике.

— Вниз! — рявкает сержант Хальсер по воксу, и Реликторы исчезают с поля зрения.

Пилкрафт жалобно стонет, съежившись между сержантом и братом-библиарием Комусом.

— Мы должны быть стойкими, — хнычет он, сильно дрожа. — Власть идолопоклонников...

Комус зажимает ему рот и бесцеремонно толкает на землю.

Их укрытие — узкий овраг, не более четырех метров шириной.

— Следующий гребень, — бормочет Комус.

Хальсер кивает и оглядывается на клубящиеся пылевые облака. Брат Тимьян лежит на боку и бьется в конвульсиях.

Кровь и гидравлическая жидкость брызжут из пробитой нагрудной брони, и, кажется, он не может встать. Реликтор упал на вершине оврага и абсолютно беззащитен, но о его спасении не стоит и думать. Слышать тяжелое дыхание невыносимо. Тимьян не выживет.

Сержант в такой ярости, что в течение нескольких секунд не в силах вымолвить ни слова. Как он мог быть настолько глуп, чтобы завести своих людей в засаду? Брат Тимьян прошел вместе с ним бесчисленное множество боев. Хальсер багровеет от гнева и со злостью произносит:

— На все воля Императора.

Слова приносят утешение. Он качает головой и вскидывает руку, собираясь отдать приказ.

Но не успевает заговорить — раздается лязг.

Космодесантники, опознав осколочные гранаты, реагируют мгновенно, не дожидаясь, пока они остановятся, но без толку: снаряды настроены на взрыв от удара.

Овраг наполняется звуком и светом.

Хальсер тяжело приземляется на спину за узким краем скалы, в ушах звенит от взрыва. Он пытается разглядеть остальных, но огромные клубы пыли смешались с бурей. Сквозь дым бегут крупные серые тени, но он не может рассмотреть, кто погиб. Хальсер повторяет как заклинание, но уже менее уверенно:

— На все воля Императора.

Край скалы взрывается от попавшей в него очереди болтерных снарядов. Сержант перекатывается и падает в другой овраг, мельком увидев дульную вспышку над отдаленным скалистым гребнем. Он запоминает позицию.

Дым относит в сторону, и Хальсер видит брата-библиария Комуса, припавшего к земле в нескольких метрах от него. Он выглядит невредимым, но стискивает украшенную мантию, обвившую горжет, сморщившись от боли. Кабели, соединяющие кристаллический капюшон с его черепом, пульсируют внутренним огнем.

Хальсер встречается с ним взглядом, кивает в сторону врага и жестом приказывает бросить гранаты, затем стучит болт-пистолетом и машет им вдоль оврага.

Комус кивает в ответ, не переставая морщиться, снимает гранаты с пояса и, схватившись за голову другой рукой, принимается неистово тереть висок.

Граната Комуса находит свою цель, и раздается еще один оглушительный взрыв.

В тот же момент сержант Хальсер выскакивает из дальнего конца оврага и бросается к краю скалы. Он бежит сквозь дым, а фигура в черном доспехе поднимается и отлетает от него, отброшенная взрывом.

Хальсер, открывая огонь на бегу, выпускает несколько снарядов в шатающуюся фигуру и выхватывает цепной меч. Когда он перепрыгивает через край скалы, клинок уже жужжит и разбрызгивает масло.

Враг пытается открыть ответный огонь, но не успевает навести пистолет на Хальсера. Цепной меч сержанта отсекает

его руку. Брызжут искры, кровь и осколки кости.

Противник отшатывается, зажимая многочисленные раны, и Хальсер пристатривается к нему.

Десантник-предатель облачен в древний черный доспех, скрученный в причудливой мешанине изгибов и шипов и отделанный золотыми, бритвенно-острыми лезвиями. Ротовая решетка шлема растянута в звериной оскале, а нагрудник украшен гнойно-желтым глазом.

Сержант ревет. Невозможно сказать, это рев гнева или восторга. Он поднимает цепной меч для нового удара.

Десантник-предатель слишком быстр. Он парирует движение цепного меча Хальсера своим клинком, и воздух наполняется искрами и скрежетом зубьев.

Хальсер поднимает болт-пистолет, но боль обжигает бок прежде, чем он успевает выстрелить. Сержанта подбрасывает, разворачивает и швыряет о землю. Падая, он замечает второго десантника, появившегося из бури и поднявшего болтер для следующего

выстрела.

Хальсер перекатывается, и земля вокруг него взрывается.

Затем раздается визг разрезаемого металла, и стрельба прекращается.

Он поднимается на ноги и видит, что второй предатель бросил болтер и держится за грудь, воя от боли. Лезвие меча, появившееся из нагрудника, поднимается к горлу. Меч мерцает неестественным светом, разрезая врага надвое. Клинок выбрасывает последний слепящий импульс, выйдя из тела в фонтане крови и искр.

Брат-библиарий Комус переступает через безжизненную жертву, рухнувшую на землю. Меч все еще сверкает психической энергией, когда Реликтор поворачивается к другому предателю, но, не успев нанести удар, от боли хватается за голову и шатается. Кончик меча бесполезно лязгает о камни.

Оставшийся десантник-предатель обращает свое оружие на библиария, но прежде, чем он нажимает на спуск, левая сторона его шлема испаряется, оставляя

тлеющую массу из разорванной брони и обугливщегося мозга.

Он валится на землю со свистящим бульканьем.

Сержант Хальсер переступает через него и делает второй выстрел в ротовую решетку. Затем еще. Продолжает стрелять, пока от головы предателя не остается ничего, кроме кровавого пятна на камне. Затем он приседает и поворачивается, изучая ствол своего оружия. По долине разносится треск болтерного огня, но звук искажается и приглушается облаками, делая бессмысленной попытку засечь что-нибудь.

— Отделение «Громовержец», — рычит он в вокс-бусину, — сообщите свой статус.

По каналу связи трещат голоса. Бой был коротким. Погиб только брат Титьян.

Хальсер качает головой, заподозрив неладное в легкой победе.

— Удерживайте позиции. Обычно враг не атакует таким малым количеством.

Он поворачивается и видит, что

Комус упал на колени, продолжая сжимать голову.

Сержант бросается к библиарию.

— Ты ранен?

Комус поднимает голову, его лицо посерело, глаза лихорадочно блестят.

— Это из-за устройства я схожу с ума? Разве ты не слышишь?

Хальсер в замешательстве качает головой:

— Слышу что?

— Облака, — стонет Комус, его голос полон ужаса. — Они обращаются к нам.

Глава 4

При виде навигатора монахи и сервиторы в спешке прячутся в тенях, будто крысы. Перед ним плывет сервочереп, волоча источающие дым кадила и толстую оплывшую свечу. Бегущий по рядам темных ниш свет обнаруживает съежившихся обитателей «Домитуса». Они с подозрением смотрят на стройного дворянина и бормочут молитвы под капюшонами. Даже самые последние терзавцы вздыхают с облегчением, когда Пальх ван Тол минует их.

В конце длинного сводчатого коридора стоит его отец и вглядывается в освинцованное смотровое окно. Сложно увидеть что-нибудь сквозь стекла метровой толщины, затуманенные пеплом и паутиной, но, подойдя ближе, Пальх может разглядеть смутное, призрачное присутствие Илисса.

— Это Реликторы, — тихо говорит навигатор.

— Кто? — спрашивает барон, повернувшись к нему.

— Отправленные на планету Адептус Астартес. Я разговаривал с несколькими стивидорами. Они лично поклялись Мортмейну молчать. — Пальх морщится. — Вытянуть правду было непросто.

— Ах да, я знаю, кто внизу. — Взгляд полуприкрытых глаз барона ван Тола сосредотачивается на сыне. — Не ты один здесь обладаешь зрением. — Он стучит костяшками по стеклу. — Что ты видишь сейчас?

Пальх смотрит на призрачную планету и качает головой.

— Ничего. То есть ничего за пределами варп-штормов. Я никогда не видел такой мощи.

Барон усмехается.

— Это грязная, грубая форма колдовства, но, несомненно, мощная.

Он оглядывается — в тенях мелькают фигуры в капюшонах — и наклоняется ближе к сыну, понизив голос:

— Если Мортмейн не начнет

действовать, порча скоро распространится.

Барон извлекает предмет из церемониальной куртки и подносит к свече. Это крошечные песочные часы, встроенные в корпус из замысловато гравированных фаланг.

При виде их Пальх морщится. Песок скопился в центре, не падает ни в одну из половинок. Навигатор хватает отца за руку, тянет часы к себе и встряхивает их, без всякого эффекта.

— Что это значит?

— Время бежит, Пальх, — пожимает плечами барон. — Буря расширяется. — Он говорит еще тише: — Конкордат выиграл нам только небольшую отсрочку. Если Илисс не будет уничтожен в ближайшее время, другие Дома почуют неладное. Они гораздо проницательнее этих плебеев и поэтому не поверят вздору о Черном Легионе и поймут, чем на самом деле являются шторма. Мы будем уничтожены.

— Тогда что нам делать? — В голосе Пальха сквозит паника. — Инквизитор явно лжет нам. Зачем ему посылать

космодесантников на планету, приговоренную к Экстерминатусу?

Барон качает головой и кладет песочные часы обратно в карман.

— Реликторы — известные падальщики, мерзкие коллекционеры, всегда ищущие под камнями то, что там оставлено. Каждый знает, что они всего в шаге от ереси, но инквизитор Мортлейн, должно быть, по какой-то причине дал им последний шанс изучить планету. До того... — Он делает паузу и раздраженно кривит губы. — До того, как возникли проблемы, Илисс славился своими скрипториями. Говорят, что в одном из них хранятся документы и реликвии, которые старше самого Империума.

— Скрипторий Зевксиса.

Барон кивает.

— Скрипторий Зевксиса в особенности печально известен. Старшие священники питали схожие с Реликторами интересы, которые наиболее авторитетные люди сочли бы еретическими. Скрипторий был утрачен на многие века, но Реликторы обладают умением раскрывать тайны. —

Он распрямляет плечи и задирает подбородок. — Я должен подумать. Встретимся в моих покоях через час.

Когда Новатор направляется легким шагом в коридор, со стропил выплывает второй сервочереп и следует за ним, освещая путь.

— Ничего не делай, — предупреждает барон, усмехнувшись Пальху, и исчезает за углом.

Пальх барабанит пальцами по смотровому окну. О чем думает Мортмейн? Зачем он задерживается даже на секунду, когда столь многое поставлено под угрозу? Почему игнорирует конкордат? Кто-то должен знать. Навигатор стоит на месте несколько минут, борточа под нос, пока его не осеняет. Кажется, мысль пришла полностью сформировавшейся, словно сам корабль ответил на его вопрос.

— Ну конечно, — тихо говорит он. — На борту есть другие Реликторы. Они должны знать, что происходит.

Пальх шагает к пустой нише. Это своего рода усыпальница, но он, не обращая

внимания на сгорбившуюся, крылатую статую, притаившуюся в темноте, садится на каменную скамью и закрывает глаза. Навигатор подсовывает пальцы под козырек фуражки и касается выступа посреди лба. Затем шепчет про себя заклинание и через несколько минут дыхание начинает учащаться, а на лице появляются капельки пота. Ото лба расходится парализующая боль, и Пальх тихо стонет. В разуме проносятся образы. Пальх видит машины: огромные, почерневшие чудовища, грохочущие и извергающие энергию глубоко в недрах «Домитуса». Затем километры серых блоков, обеспечивающих жильем легионы матросов и жрецов, целые полки гвардейцев. Многие гвардейцы ранены, и Пальх, дотягиваясь до них сознанием, ощущает их муку и страх. Он направляется дальше. Затаив дыхание, осматривает полетные палубы, часовни, монастыри и ангары, пока не чувствует что-то абсолютно отличное от гвардейцев: обрывок холодного, сурового высокомерия.

— Да, — шепчет навигатор. Разумы Адептус Астартес ни с чем не спутать. Он убирает пальцы со лба, натягивает фуражку на место и, наконец, выдыхает. — Всего в нескольких километрах.

Кажется немного странным, что он легко нашел свои цели, но Пальх так обеспокоен, что и не задумывается над этим. Навигатор поднимается и осматривает коридор. Свет барона исчез из виду.

— Прости, отец, — произносит Пальх, и голос дрожит от эмоций. — Я не стану просто сидеть, когда наше имя выбрасывают на свалку.

Затем поворачивается и спешит в противоположном направлении, быстро исчезая в бесконечном лабиринте коридоров.

Через несколько секунд большая крылатая тень ползет по стене храма. Она выходит в коридор. Очертания трудно различить, но когда существо тихо скользит за Пальхом, один из наблюдателей в капюшоне оказывается достаточно невезучим, чтобы бросить на

него беглый взгляд. Человек с проклятиями отшатывается к стене, запечатлев образ разорванной плоти и потрепанного железа. Он падает на колени, прижав ладони к глазам, и слышит далекий звон цепей.

Через полчаса Пальх замечает, что коридоры становятся более узкими и заброшенными. Нет признаков сервиторов, а по углам лежат неубранные кучи отходов. Воздух все более насыщают запахи машинного масла и экскрементов, и навигатор прикрывает нос шелковым, надушенным носовым платком. «Разве эти помещения пригодны для Адептус Астартес?» — думает он. Затем вспоминает, какой орден разыскивает Реликторов. Утрата ими благосклонности почти забавна. Открытый коллектор — идеальное место обитания людей, на которых висит так много обвинений в ереси.

Наконец потолок становится таким низким, что сервочереп не может больше сопровождать его, и Пальх ругается, остановившись в темноте.

— Что это за место? — тихо

спрашивает он, вытащив небольшой фонарик из кармана куртки. Тонкий луч освещает стены впереди, и навигатор видит, что коридор больше не каменный — он образован нагромождениями ржавого железа, вентиляционных отверстий и шипящих труб.

— Наверное, это не тот, — бормочет человек, наклонившись и медленно продвигаясь вперед.

Затем Пальх слышит за спиной звук и поворачивается, наводя фонарик на тени. Темнота колышется и отступает, навигатор не может отчетливо что-либо разглядеть. Его охватывает страх.

Пальх вытягивает меч и задумывается над тем, чтобы вернуться, но едва мысль формируется в его голове, как дверь отрывается от креплений и падает на каменный пол. От громкого лязга навигатор так сильно вздрагивает, что роняет фонарик, и тот, отскочив в темноту, гаснет.

Опускается кромешная тьма. Пальх ругается.

— Есть тут кто? — окликает он, и

слова причудливо отражаются от стен узкого коридора.

Ответа нет.

Пальх опускается на колени и тянется в темноту. Он уверен, что заметил, где упал фонарик, но, шаря пальцами по холодному камню, не находит и следа металлического цилиндра.

— Где он? — шипит навигатор с растущей паникой.

Потянувшись дальше, он нащупывает что-то мягкое и теплое.

Навигатор взвизгивает от ужаса, отшатнувшись к стене.

Пальха сковывает ужас, он поднимается и пятится так быстро, как может. Так темно, что он вынужден идти вдоль холодного липкого металла стен. Навигатор тихо ругается, натыкаясь кончиками пальцев на острые края и торчащие винты.

Несмотря на боль, Пальх понемногу увеличивает скорость. По мере того как глаза начинают привыкать к темноте, уверенность возвращается. Он понимает, что впереди открытая дверь, и переходит

на бег, держа перед собой меч.

Возле дверного проема навигатор замечает, как что-то движется: это сутулая, блестящая фигура, слишком резвая, чтобы отчетливо разглядеть ее.

За секунду до того, как он достиг двери, та закрывается. Пальх с хрипом врезается в нее. Меч болезненно выворачивается в руке.

Навигатор опускается на пол, держа руки перед лицом, и чувствует чье-то присутствие в темноте.

Темнота приближается.

Глава 5

Пока остальные бойцы отделения «Громовержец» неловко взбираются на скалы, сержант Хальсер останавливается и ждет брата-библиария Комуса. Наблюдая за приближением старого друга, он испытывает болезненную смесь гнева и вины. Комус идет, спотыкаясь, по причудливой местности, силовой доспех покрыт пылью. На лице застыла гримаса, но он по-прежнему крепко сжимает либеллус.

— У меня не было выбора, — одергивает себя Хальсер. — Это наш последний шанс.

Сержант вытирает визор и изучает горизонт в поисках врага. Солнце опустилось ниже, окрасив облака в бронзовый цвет, из-за чего их трудно различить. Хальсер снимает с пояса ауспик, но прибор по-прежнему ничего не показывает. С момента крушения от брата Сильвия не поступало никаких известий. И что вызывает большую

тревогу, не удалось связаться с флотом Санктус и «Домитусом». Реликторы абсолютно одни. Когда взгляд Хальсера снова падает на склонившуюся фигуру Комуса, в голову приходит та же самая мысль: «Это наш последний шанс».

Комус уже всего в нескольких метрах, но тут Хальсер замечает что-то странное. Библиарий входит в узкое ущелье и на краткий миг исчезает из виду, потом снова появляется и машет сержанту мечом. Хальсер кивает в ответ, но затем хмурится. Между двумя космодесантниками проходит пелена пыли, и Комус исчезает. Хальсер собирается его вызвать, но Комус снова появляется, в точности повторяя свои движения. Он даже точно так же взмахивает рукой, словно ничего не произошло. Хальсер встревожен. Что-то не так, но он не может сказать что именно. Возможно, Комус вернулся в теснину, но в поданном им знаке было нечто странное. Второй взмах был идентичен первому. Сержант трясет головой и поднимается, чтобы поприветствовать библиария.

«Дежавю», — думает он, но чувство тревоги остается, когда он помогает Комусу подняться на скалы.

— Ты в порядке? — спрашивает Хальсер, скрывая тревогу за хмурым видом. Он понимает, что из глаз библиария текут кровавые слезы.

Комус кивает, но не может ответить из-за сильной одышки.

— Это из-за присутствия предателей? — спрашивает Хальсер. — Оно причиняет тебе такую боль?

Комус морщится и качает головой.

— Нет, — выговаривает он через несколько минут, на его губах блестят маленькие капли крови. Комус кивает на либеллус: — Это из-за ксеноустройства и чего-то еще. Здесь есть еще что-то.

— Но это работа еретиков, верно? — Хальсер указывает в сторону каменных колонн и клубящихся облаков.

Комус следует за его взглядом и смотрит на жуткий закат.

— Что-то еще, — повторяет он.

Хальсер осознает, что никогда не сталкивался с такой болью у боевого

брата.

— Может быть, ты вернешься к штурмовому кораблю, Комус? У нас нет времени на пассажиров. Наверное, ты сможешь помочь техножрецам? Кажется, они считают, что ремонт займет время, но пара лишних рук ускорит процесс. — Он медлит. — Возможно, ты смог бы показать мне, как пользоваться ксеноустройством.

Комус сжимает руку сержанта.

— Нет. Я должен продолжать. Я защищаю вас от чего-то. — Реликтор указывает в сторону облаков. — Вот почему... — Он прерывается и снова морщится. — Боль не только от либеллуса, но и потому, что я сдерживаю молитвы.

— Молитвы? — Хальсер в замешательстве качает головой. — Чьи молитвы?

— В ветре слышатся молитвы. И они наполнены такой силой, что освежуют тебя до костей, если я им позволю.

— Силой? Ты имеешь в виду колдовство?

Комус закрывает глаза и прижимает руку к одной из дюжин печатей чистоты, которые украшают его силовой доспех. Пальцы сильно давят на кусок воска и помятый пергамент, и когда библиарий открывает глаза, они становятся немного яснее.

— Нет, не колдовство. По крайней мере, не то, что ты подразумеваешь. Я слышу катехизисы и имена святых. Я слышу молитвы, которые говорят о покорности Бессмертному Императору.

Он массирует виски.

— Но в них сила, которую я никогда не... — Комус запинается, глаза полны замешательством. Потом он поворачивается к Хальсеру: — Я не верю, что Илисс захвачен Черным Легионом. Какая-то огромная сила властвует здесь, но она не любит Хаос.

— Конечно же, планета во власти Хаоса. — Хальсер яростно трясет головой. — Инквизитор Мортлейн был уверен. До Экстерминатуса считанные часы.

Сержант следит за продвижением

отделения по изувеченному ландшафту. Крошечный по сравнению с ними аколит инквизитора тяжело опирается на свою трость и бредет за космодесантниками.

— Пилкрафт сказал, что облака — знак Хаоса. Он сказал, что они прибыли с Черным Легионом.

Комус пристально смотрит на сержанта.

— Я не стал бы слишком верить словам этого человека. Я чувствую, он что-то скрывает от нас.

Хальсер отдергивает руку и кивает на горизонт.

— Что ж, мы узнаем правду очень скоро, если продолжим идти. В нашем распоряжении всего шесть часов. Потом инквизитор Мортмейн начнет бомбардировку, есть здесь Хаос или нет.

Космодесантникам удается пройти совсем немного, когда снова начинается стрельба.

Отделение бесшумно исчезает в буре.

Сержант Хальсер опускается за скалой.

— Брат Вортимер, — шепчет он в

вокс-бусину. — В кого-нибудь попали? Что ты видишь?

В ответ взрыв белого шума.

— Брат Вортимер?

Вновь раздается шипение помех, но в этот раз сквозь искажения доносятся слова:

— Болтерный огонь. Широкий разброс. Они укрылись в каком-то здании. В полукилометре к востоку. Это может быть башня, но я не уверен...

Сигнал прерывается.

Хальсер чувствует, как учащается пульс. Он не потеряет еще одного человека. Сержант открывает канал связи со всем отделением:

— Вортимер, Борелль и Сабин — в обход, зайдите с тыла. Остальным оставаться на позициях и ждать моего сигнала. — Он поворачивается к Комусу: — Это та сила, что ты чувствуешь?

Библиарий качает головой.

— Это — предатели. — Он хмурится. — Их ужасно больно.

Хальсер смотрит на аспик и ругает черный экран. Затем, когда мимо

проносится особенно плотное пылевое облако, он рискует выглянуть из-за камня. Брат Вортимер прав: к востоку виднеется какое-то здание. Когда облака уносятся, сержант совершенно отчетливо видит скалистую спираль. Ее вершину венчают похожие на зубы выступы, напоминающие зубцы замковой стены. Она выглядит частью более крупного строения, но прежде чем сержант успевает рассмотреть еще что-то, он замечает движение позади зазубренных камней. Укрываясь, Реликтор мельком видит вспышку света.

Сквозь бурю проносится свистящий вой, и в нескольких метрах слева от Хальсера земля взрывается в облаке пыли и вращающихся камней. Камни стучат по его броне, и сержант ругается.

— Лазпушка. — Он оглядывается на Комуса. — Боль не мешает им стрелять.

— Но с ними что-то совсем не так, — качает головой библиарий. — Почему, по-твоему, они так плохо прицелились?

Хальсер кивает на узкую траншею в нескольких метрах позади, и когда они

тяжело падают в нее, включает связь:

— Вортимер, Борелль, Сабин — вы на позиции? Что вы видите?

В ответ раздается грохочущий залп с башни.

— Вперед! — кричит Хальсер, выпрыгивает из траншеи и бросается в направлении звуков стрельбы.

Глава 6

Пальх приходит в себя среди темноты и звона цепей.

Он пытается пошевелиться, но в желудке вспыхивает страшная, выкручивающая внутренности боль.

— Кто здесь? — с трудом произносит навигатор, пытаясь встать. К своему ужасу он понимает, что привязан широкими кожаными ремнями к какому-то металлическому стулу. Его охватывает ужас.

— Ты не понимаешь, что делаешь! — кричит Пальх, всматриваясь в движущиеся тени. — Я принадлежу к Дому ван Толов.

Скрежет по металлу не прекращается, но ответа нет.

— Я — Навис Нобилите! — чуть ли не кричит Пальх. — Ты не можешь так обращаться со мной! — Он напрягается, чтобы освободиться, и снова чувствует ужасную боль в желудке. Что-то пронзило тело, и куртка пропитана кровью.

— Что ты сделал со мной?

Наконец ему отвечают: откуда-то из-за спины раздается влажное бульканье. В словах нет никакого смысла, но в то же время Пальх понимает что-то. Едва терзкие звуки наполняют темноту, навигатор чувствует, как в его голове формируются слова. Он понимает к своему изумлению, что маленький твердый глаз во лбу переводит эту тарабарщину на понятный ему язык. Как будто сам варп говорит с ним. Каждый слог добавляет боли, словно пронзая мозг иглами.

— На самом деле, это ты сделал с собой.

Слова появляются скорее как мысли, чем как звуки, и мысли эти полны ненависти. Чувство злобы столь велико, что навигатор невольно плачет.

— Сделал что? — выговаривает он наконец.

— Ты упал на свой меч, Пальх.

Навигатор смотрит на свой живот. Слишком темно, чтобы как следует разглядеть что-либо, но он почти различает проблеск искривленной стали,

застрявшей в животе.

— Тогда мне нужна помощь! — кричит навигатор. — Ты не можешь оставить меня в таком состоянии. — Его страх начинает смешиваться с гневом. — Кто ты?

Бормочущий ответ непонятен, но, как и прежде, слова появляются в голове Пальха:

— У меня больше имен, чем мне хочется помнить. Думаю, некоторые из них могут иметь смысл для тебя, но ни одно не соответствует истине. Мой нынешний хозяин зовет меня Цербал. Этого будет достаточно для такого как ты.

Пальх отчаянно цепляется за эти обрывки информации.

— Твой хозяин? Кто твой хозяин? Дай мне поговорить с ним. Как только он поймет кто я, ты...

— О, инквизитор Мортмейн очень хорошо знает, кто ты, Пальх ван Тол. Ведь ты здесь по его приказу.

Несмотря на боль, Пальх недоверчиво смеется:

— Мортлейн? Он не осмелился бы!

Темнота наполняется металлическим скрежетом, и прямо перед Пальхом появляется лицо. Ничего ужаснее навигатор никогда не видел. Лицо, вероятно, когда-то принадлежало смертному, живому человеку, но теперь это оболочка из плоти, содержащая в себе извивающийся невыразимый ужас. Бритый череп треснул в нескольких местах, обнажив вишневого цвета извилины и слабый мерцающий свет. На месте выжженных глаз две черные впадины, в центре которых мерцает холодный синий огонь. Вся голова разодрана и деформирована. Кажется, лишь одно удерживает искалеченный череп в целости: внутри и снаружи лица тянутся ржавые цепи, глубоко проникшие в кости и тускло сверкающие, когда рот открывается в широком, беззубом оскале.

— О, ты бы удивился, узнав на что он осмеливается.

Когда изуродованное существо говорит, Пальх видит причину булькающего, влажного тембра его голоса.

Глотка монстра вырвана, а голосовые связки обнажены и свободно движутся среди блестящих мышц.

Пальх пытается отодвинуться от чудовища. То, что действительно поражает, так это голос в его голове. Слова столь неестественны и злобны, что он чувствует, как разум сдается от напряжения. К нему наклоняется не смертное существо. Что-то нечистое было внедрено в плоть человека. В мыслях блуждает слово «демон», но навигатор пытается избавиться от него, пока безумие не овладело им.

— Ты должен помочь мне, — тихо говорит он.

— Конечно, помогу, — отвечает масса из запекшейся крови и цепей. — Мортмейн очень заинтересован в твоей безопасности. Я не могу оставить тебя в таком затруднительном положении.

Пальх вопит. Чудовище опускает руку на меч в его животе и дергает кверху, к грудной клетке.

— Конечно, — продолжает оно, стоит навигатору замолчать. — Я могу

вытащить меч быстро или медленно. Я могу вытащить его осторожно или не очень.

— Чего ты хочешь от меня? — стонет навигатор, когда свежая кровь заливает его колени.

— Я хочу, чтобы ты говорил, Пальх, это все. Больше нет необходимости в недоразумениях. Мне просто нужно знать, почему ты и твоя семья прибыли на «Домитус».

Пальх видит проблеск надежды, затем вздыхает, осознав реальность своего положения. Удивительно, но навигатор чувствует, что страх немного отступает, стоило ему принять свою судьбу.

— Ты ни за что не оставишь меня в живых. Не после того, как сказал мне, кто твой хозяин.

Раздается новый звон цепей, и перед лицом Пальха что-то появляется. Это рука монстра. Серые и изогнутые пальцы. Под полосками рваной, грубо пришитой кожи видны блестящие куски костей. Пурпурные и разодранные ногти. Но Пальх

обращает внимание не на истерзанную плоть, а на длинный металлический шприц в руке.

— Ты абсолютно не прав, — возражает голос в голове Пальха. — Если ты просто поговоришь со мной, я могу стереть все воспоминания об этой встрече. Видишь ли, мой хозяин обладает располагающей склонностью к милосердию. Он специально попросил, чтобы я постарался помочь тебе. Тебя найдут в водостоке, возле жилищ рабов, раненого, но живого, а твой отец устроит тебе разнос за то, что ты едва не погубил себя.

Монстр подносит иглу ближе к лицу Пальха, чтобы тот мог увидеть жидкость, капающую с ее кончика.

— Все, что нужно — это объяснить, почему вы не отправились на Терру. В чем причина особого интереса твоей семьи к этой планете? Что связывает вас с Улиссом?

Сердцебиение Пальха снова учащается, когда он понимает, что все-таки может выжить. Все, что нужно сделать — это рассказать чудовищу об

истинной причине штормов Улисса.

Изуродованное лицо приближается: монстр чувствует, что навигатор собирается заговорить.

Тогда Пальх закрывает глаза и сильно кусает губу. К своему удивлению, он осознает, что для него кое-что значит больше, чем собственная драгоценная жизнь. Как можно довериться этому существу? Если правда об Улиссе раскроется, это означает конец всему, конец Дому ван Толов. Их долгая славная история подвергнется дискредитации, их ждет неминуемый позор. Вся Терра будет считать Пальха ван Тола сыном предателя. Пальх мучительно стонет.

— Я ничего тебе не скажу, — шепчет он, не в состоянии поверить в то, что говорит.

Чудовище опирается на сломанный меч, чем вызывает у Пальха новый приступ боли.

— Ты уверен? — Перед лицом Пальха появляется длинный ржавый кинжал. — Я более чем рад вытянуть из тебя информацию, а вот людям обычно не

нравятся мои методы.

Пальх слишком хорошо знает методы, которыми, вероятно, воспользуется инквизиторский лакей, но с абсолютным ужасом смешивается новое чувство: уверенность в том, что нельзя позволить этому страшному существу узнать правду.

— Некоторые вещи стоят того, чтобы умереть за них, — тихо говорит он.

Тварь смеется.

— О, ты не умрешь, Пальх, уверяю тебя.

Клинок прижимается к дрожащему горлу навигатора.

— Я весьма искусен в своем ремесле. У меня были тысячелетия для совершенствования.

Когда Пальх отвечает, его голос остается необычно спокойным:

— У моего отца были сомнения по поводу прибытия на «Домитус». Он знал, что произойдет катастрофа, если один из нас проговорится. Больше всего он боялся, что Мортлейн может узнать правду.

— Правду, Пальх? Что за правду?

Навигатор задирает подбородок и раздувает ноздри.

— Правда состоит в том, что ты ничего не получишь от меня. Мой отец предвидел именно эту возможность. Он заставил нас предпринять меры предосторожности.

Звучащий в голове Пальха голос возбужден, словно существо пытается сдержать смех.

— Меры предосторожности? Что ты имеешь в виду? Что за...

Предложение остается незаконченным. Пальх изо всех сил бьет правой ногой по каменному полу. Каблук на его ботинке трескается, и взрывной заряд в нем наполняет помещение ослепительным светом.

Взрыв настолько силен, что звук расходится на несколько километров и доходит до грязной коморки, где отец Пальха испуганно поднимает голову.

Глава 7

Земля раскалывается, когда Хальсер бежит к башне. Камни и осколки снарядов стучат по шлему, пока он лавирует между вражескими взрывами. У основания здания он врезается всей массой в хрупкую дверь, которая зрелищно разлетается на куски, пропуская споткнувшегося сержанта в маленький внутренний двор. Стрельба усиливается, но он превращает свое падение в кувырок и с грохотом катится по разлетающимся плитам. Реликтор со скрежетом останавливается за разрушенным колодцем и поднимает болт-пистолет для ответного огня.

Хальсер видит ряд десантников-предателей, прислонившихся к парапету на вершине странной башни. Один из них держит скрученный серповидный кусок металла. Сначала Хальсер не узнает его, но когда луч потрескивающего синего света вырывается из дула, он понимает, что это лазпушка.

Колодец разваливается, и Хальсера

отбрасывает назад через внутренний дворик. Смертный уже умер бы, но силовой доспех сержанта с шипением гидравлики смягчает удар, позволив ему свободно перекатиться. Когда второй предатель открывает огонь из настолько же нелепого болт-пистолета, Хальсер встает и невозмутимо стреляет в ответ. Тут же с нескольких направлений раздаются выстрелы, они наполняют внутренний двор светом, звуком и дымом, не позволяя разглядеть хоть что-то. Сквозь дым разносятся металлические голоса и топот ботинок.

Хальсер не уверен, что попал в кого-нибудь. Он пытается прицелиться в предателя с лазпушкой, но ему мешает стелющийся дым. Дважды он почти открывает огонь, а потом опускает оружие, опасаясь попасть в кого-то из своих людей. Сержант видит вспышку искрящегося металла слева от себя. Колос вонзает психосиловой меч в кого-то невидимого для Хальсера. Раздается скрежет металла — это библиарий вырывает свой клинок, окрасив облака в

красный цвет. Он отшатывается и готовится ударить снова.

— Они стреляют наугад! — кричит библиарий, указывая мечом на стены. — Кто-то еще атакует их!

Кто-то еще? Хальсер пробегает сквозь дым, чтобы лучше осмотреться. Приблизившись к стене, он видит десантников Хаоса, выстроившихся у бойниц. Комус прав. Все они застыли в странных позах: неуклюже тянутся в стороны или же корчатся у стены. Один смог прицелиться в Хальсера, но выстрел проходит в метре от головы Реликтора, так как предатель изо всех сил пытается удержать оружие.

Хальсер приказывает отделению наступать и бежит сквозь кружащиеся облака. Он замечает лестницу у подножия круглой башни и, взбегая по обваливающимся ступеням, обнаруживает причину странных поз десантников Хаоса. В них вцепились клубы дыма и пыли, закручиваясь вокруг уродливых силовых доспехов в мутные, движущиеся столбы.

Предатель с лазпушкой

разворачивает ее, чтобы встретить приближающегося сержанта, но при попытке прицелиться падает на колени, придавленный бурей.

Хальсер поднимает болт-пистолет, чтобы выстрелить, но останавливается, потрясенный увиденным. Нога его противника теперь заключена в камень, который постепенно сливается с облаками. Клубы дыма, охватывая десантников Хаоса, затвердевают и превращаются в камень.

— Трон! — шепчет Хальсер, застыв. Ему не стоит дальше раздумывать над невероятностью происходящего. Очередной выстрел проходит мимо, и парапет позади него взрывается. Хальсер отбрасывает изумление и атакует попавших в ловушку врагов. Он вонзает цепной меч в нагрудник первого и ревет боевой клич, когда предатель исчезает в ливне крови и осколков брони.

Вслед за сержантом поднимаются остальные воины, стреляя размеренными точными очередями в движущуюся массу. Враг превосходит их два к одному, но

борьбы нет. Пока Реликторы разрывают их на части, десантники Хаоса прикованы к земле огромными ожившими клубами дыма. Когда они падают на плиты, дым принимает форму каменных столбов — точно таких же, что покрывают поверхность планеты.

Несколько минут облака пульсируют светом, в то время как Хальсер и остальные Реликторы выпускают непрерывные очереди в своих врагов. Затем, после того как становится ясно, что в ответ не раздается ни одного выстрела, Хальсер выдергивает ревущий цепной меч из мертвого тела и отходит назад. Он поднимает окровавленное оружие над головой и поворачивается к своим людям.

Стрельба прекращается, и Реликторы опускают оружие, оглядывая устроенную ими бойню. Стены башни опалены и испещрены дырами, а изувеченные останки десантников Хаоса лежат разбросанными по скользким от крови камням. Реликторы с изумлением наблюдают, как столбы утрачивают

всякое сходство с дытом и превращаются в твердые, неподвижные куски камня, покрыв убитых подобием савана. Рогатые шлемы украшают башни, словно ониксовые штифты в огромном драгоценном изделии.

Хальсер пересчитывает космодесантников, собравшихся на стене. Вместе с ним их осталось только семеро. Не видно Комуса. Сержант смотрит вниз во внутренний двор и обнаруживает заметный синий доспех: библиарий, лежит навзничь в крови. От него отходит человек и быстро исчезает в облаке пыли.

В ушах сержанта стучит пульс, по-прежнему подгоняемый жаждой крови, и он, не раздумывая, поднимает пистолет и стреляет по удаляющейся фигуре. Только спустившись по ступеням, он видит, что упавший человек не вооружен, а его мантия отмечена имперской символикой. Хальсер чертыхается и переворачивает человека носком ботинка. Тот все еще жив, но тяжело дышит и нетвердой рукой сжимает рваную рану в плече. Его белая мантия быстро становится красной. Рана

выглядит тяжелой, но не смертельной, и Хальсер не может решить, хорошо это или плохо. Грудь человека украшена имперской аквилой, но в нем кое-что отдает ересью: оба глаза удалены хирургическим путем, вместо них проложены два ряда неровных швов, а ко лбу прикреплен кусок кристалла в форме звезды.

Человек пытается заговорить, но слова заглушает идущая изо рта кровь.

— Что ты сказал? — Хальсер опускается рядом с незнакомцем и усаживает его.

Раненый сплевывает кровь на грудь и делает еще одну попытку.

— Не приближайтесь. Не приближайтесь к пророку, — произносит он с бульканьем, прежде чем его начинает сотрясать ужасный кашель, вызывая новое кровотечение.

— Что? — спрашивает Хальсер, тревожно поглядывая на лежащее в паре метрах от него тело Комуса. — Какому пророку? О ком ты говоришь?

— Астрей, — шепчет тот, вцепившись

в плечи Хальсера. — Вы должны позволить ему закончить испытания. Вы не должны разрушить его великую работу.

— Астрей? — Хальсер встряхивает головой. — Что за великая работа?

Человек подтягивает себя ближе, и Хальсер испытывает пугающее чувство, будто смотрит на него через кристаллическую звезду. Когда незнакомец мотает головой, убывающий свет преломляется сквозь призму и показывает серый, сморщенный мозг под ней.

— Илисс — только начало. Он очистит всю Галактику.

Человек поворачивается к каменным столбам, которые окутали десантников Хаоса.

— Стихии теперь подчиняются ему. Скоро Темные Силы научатся пресмыкаться. Великий Враг будет ползать перед ним, как дворняжка. Голос превращается в визг. — Но вы должны покинуть Илисс! Вы все разрушите...

В груди человека появляется дымящаяся дыра, он застывает и хрипит. Из его носа брызжет кровь, и он оседает в

руках сержанта.

Хальсер бросает его и резко поворачивается.

— Мерзкий идолопоклонник, — шипит Пилкрафт, опустив лазерный пистолет и убрав оптические кабели обратно в капюшон.

Хальсер вскакивает и, схватив аколита инквизитора Мортлейна за глотку, отрывает его от земли и впечатывает в разбитую стену.

— Не ты принимаешь здесь решения! — Сержант так орет, что его слова вырываются из шлема, будто искаженный шумовой поток.

В вое Пилкрафта смешиваются ужас и негодование:

— Эта планета проклята! Мы не можем сохранить жизнь преступникам! Беспощадный гнев Императора должен быть быстр как...

Хальсер прерывает эту тираду, с громким хлопком швырнув Пилкрафта на землю, и целится из пистолета в его колеблющийся капюшон.

— Молчать! — ревет он, его

сотрясает гнев.

Пилкрафт смотрит на космодесантников, окруживших его. Все они держат его под прицелом. Он что-то бормочет под нос, но больше не возражает сержанту.

Хальсер отпускает его и отворачивается, махнув своим людям в сторону лежащего библиария.

— Комус, — окликает он, опустившись рядом с ним на колени. — В тебя попали?

Библиарий качает головой и морщится при виде облаков, плывущих над их головами.

— Нет, я могу идти. — Он кивает на мертвого незнакомца. — Я начинаю понимать. Пилигримы никогда не покидали Илисс и не умирали. Они все еще здесь, после всех этих столетий, но в своем поклонении сбились с пути. — Комус снова указывает на облака: — Пророк, о котором он говорил, каким-то образом связан со всем этим. Именно он обрек Илисс. — Он сжимает голову и стонет от боли и замешательства. — Но он не последователь Губительных Сил.

— Тогда зачем они осквернили храм Бессмертного Императора! — Пилкрафт не может держать язык за зубами. — Неважно, кто их лидер. Они худшие из...

Хальсер делает знак, и один из Реликторов выходит вперед и зажимает рот Пилкрафту. Комус садится и осматривает внутренний двор.

— Кто бы ни был этот пророк, мы недалеко от него, — продолжает он. — По воле случая или по замыслу пророка, мы наткнулись на одну из дорог в его убежище. — Он стучит пальцем по маленькой книжке в кожаном переплете. — Согласно либеллусу, если мы найдем скрипторий Зевксиса, то найдем пророка.

Хальсер поворачивается и смотрит на разрушенные стены башни. На визоре его шлема вспыхивает багрянцем заходящее солнце.

— С наступлением темноты Мортмейн начнет орбитальную бомбардировку. У нас менее четырех часов, чтобы найти скрипторий. — Он понижает голос: — Брат Сильвий и остальные должны обойтись без нас.

Хальсер помогает Комусу встать.

— Что толку найти скрипторий, если с «Домитуса» не поступало никаких указаний? — качает головой библиарий.

Раздается шипение выпускаемого воздуха — Хальсер снимает шлем. Его грубое лицо такое же красное, как небо.

— Это наш последний шанс, Комус, разве ты не понимаешь? Мортмейн — наш единственный друг, а врагов у нас легион. Мы должны их всех убедить. Мы должны показать им, что наша готовность учиться — это не ересь, а последняя надежда Империума. У нас есть мужество идти туда, куда не пойдут другие ордена. Мы — единственные, кто...

— Ты не должен мне все это объяснять, — прерывает его библиарий с недоверчивым видом. Он отводит Хальсера в сторону от остальных и настойчиво шепчет: — Но как мы уберемся с планеты, прежде чем Мортмейн начнет сбрасывать свои бомбы? Если мы не можем лететь в облаках, как мы покинем планету живыми? У нас осталось четыре часа. Может быть, мы должны вернуться

к штурмовому кораблю и попытаться помочь техножрецам?

Лицо Хальсера покрывает сеть пульсирующих вен, и он шипит сквозь стиснутые зубы:

— Если мы вернемся с пустыми руками, то в любом случае будем мертвы. Ты помнишь приказ капитана Асамона: найти оружие, достаточно мощное, чтобы очистить каждую планету в системе. Мы можем надеяться на искупление, только если Инквизиция увидит наш истинный потенциал. Если мы вернемся сейчас, Реликторы обречены. Все до единого. — Он стискивает руки, словно в молитве. — Но если нам удастся продемонстрировать силу нашей веры, показать им, что мы можем пользоваться даже самыми могущественными артефактами, им снова придется признать нас верными слугами Императора. — Сержант оглядывается на разрушенную башню, и в его голосе проскальзывает нотка сдержимости: — Кроме того, какая польза будет в нашем возвращении к штурмовому кораблю? — Он указывает на облака пыли: —

— У нас нет сигнала. Как мы полетим? Я сомневаюсь, что мы преодолеем десять километров, прежде чем врежемся в гору.

Комус прищуривается, испуганный странным тоном сержанта, но не может отказать Хальсеру в логике. Чудо, что они вообще смогли приземлиться. А с тех пор погода стала только хуже.

Хальсер ударяет себя по нагруднику.

— С нами еще не покончено, Комус. Я не позволю этому случиться! — Он топает ногой, подняв облако пыли. — Скрипторий Зевксиса — один из самых известных реликвариев Илисса. Подумай, сколько сокровищ там может храниться. — Реликтор кивает на окровавленные плиты. — И ты говоришь, что это место также источник всего этого, — он указывает на небо, — колдовства. Почему ты должны возвращаться на корабль, не узнав, по крайней мере, кто этот так называемый пророк? Я не сомневаюсь, что он — жулик, но кто знает, какие артефакты он хранит? Один, без всякой имперской поддержки, он перехитрил Черный Легион. Подумай, что это может

значить! Он окружил целую планету облаками, которые обращают людей в камень. Как он смог добиться этого? Может быть, используя запретный текст? Возможно, обнаружив реликвию, сохранившуюся с тех времен, когда сам Император бывал здесь?

— Я не понимаю. — Комус качает головой. — Ты хочешь, чтобы мы отправились к человеку, который погубил целую планету?

— Почему нет? — Хальсер переходит на резкий рык. — Ради Трона, Комус, разве ты не видишь? Возможно, мы обречены, но, по крайней мере, у нас появился шанс окончить наши дни покрытыми славой. По крайней мере, мы можем положить конец монстру, изводящему эту несчастную планету. И возможно... — на его лице появляется улыбка, — возможно, мы сможем найти нечто, что сделает это путешествие действительно стоящим.

Библиарий поворачивается к другим космодесантникам. Они терпеливо ждут приказов, как обычно, гордые и благородные. Он вздыхает и качает

головой. Они не заслужили смерть в огненной буре Мортмейна, но он знает, что Хальсер прав: они в любом случае обречены. Инквизиция десятилетия работает над их уничтожением. Возможно, это будет более подобающий конец: лучше смерть в битве от рук врагов Империума, чем отлучение и бесчестье от рук темных интриганов. Комус оглядывается на сержанта и молчит, не зная, что сказать. Все варианты выглядят безнадежными. Затем он смотрит в глаза Хальсеру и видит, каким неистовым огнем они горят. Если у них и есть надежда, решает он, то она здесь — в ярости сержанта Хальсера.

Комус извлекает странную маленькую книжку и подсоединяет к ней другой кабель. Остальные терпеливо ждут, пока он молится. Даже Пилкрафт перестает возмущаться.

— Я вижу еще одну группу башен, — говорит библиарий хриплым голосом. — В двух километрах к югу от этой. Они находятся на месте подземной храмовой сети, в которой когда-то размещались

разные скриптории, включая скрипторий Зевксиса. Если мы сможем добраться туда, думаю, мы найдем человека, контролирующего Илисс. Не представляю, что мы тогда будем делать.

Хальсер хватает библиария обеими руками:

— Верь, Комус. — Он смотрит на юг и наблюдает за вихрями, вьющимися над безжизненной местностью. — Обещаю тебе, мы снова будем героями.

Глава 8

Инквизитор Мортмейн пробирается через куски раскаленного металла и тлеющей плоти. На месте камеры для допросов теперь почерневшие руины. Взрыв был таким сильным, что снял несколько стен, образовав странное зрелище: балки, двери и свод лежат друг на друге в сюрреалистической груде расплавленного металла и расколотого камня. Мортмейн морщит нос от отвращения: воздух насыщен запахом обугливщейся плоти.

— О, Пальх, — шепчет он, опустившись на колени, чтобы рассмотреть кучку пепла. — Что ты натворил?

Из темноты смотрит высокая фигура — массивный гигант, облаченный в блестящий неокрашенный керамит. Он подходит ближе, и свет фонаря Мортмейна освещает силовой доспех космодесантника, обнаруживая ряды затысловатых букв, запечатленных на каждой доступной поверхности. Его голос

гремит из шлема подобно звуку вытягиваемого меча:

— Он жив?

Инквизитор поднимает из руин кусок сломанной цепи и подносит к груди, бормоча молитву.

— Император сохрани, юстикар Ликт, как он мог выжить?

Мортмейн смотрит на облаченного в серебро космодесантника и качает головой.

— Я был глупцом. Цербал, должно быть, видел, что это произойдет. Что бы навигатор не использовал, оно разрушило обереги и путы, которые мы применили, чтобы связать демона. Если он смог проникнуть в другое живое существо, то сейчас свободно ходит по «Домитусу».

Мортмейн поднимается и обращает полностью лишившееся цвета лицо к космодесантнику, возвышающемуся над ним.

— Цербал знает все. Он знает, что Улисс знаменует погружение в безумие целого сектора. Если он жив, то попытается остановить Экстерминатус.

На юстикара Ликта, похоже, не производит большого впечатления серьезность, с которой вещает Мортмейн. Блестящие перчатки спокойно сжимают рукоять алебарды. Если бы не слабый свет, мерцающий на лезвии оружия, Ликта можно было бы принять за статую.

— Что вы собираетесь делать, инквизитор? — спрашивает он все так же звучно.

Мортмейн обхватывает обеими руками свою бритую голову и шепчет очередное ругательство.

— У меня нет выбора. — Он смотрит сквозь деформированное смотровое окно на схожую с призраком планету. — Я должен торопиться. Страшные секреты барона ван Тола подождут. Сейчас я должен уничтожить Илисс. — Инквизитор оглядывается на космодесантника и недоверчиво качает головой: — Будь все проклято! Если Цербал жив, возможно, я уже опоздал. Он разорвет «Домитус» на части. — Мортмейн смотрит на руины коридора за спиной юстикара Ликта. Свет фонаря выхватывает другие блестящие

застывшие фигуры. — Вы со своим отделением должны сделать все возможное. — Мортмейн кладет руку на обложку металлической книги, висящей на кирасе космодесантника. — Я помолюсь за вас.

— Если он жив, мы усмирим его, инквизитор Мортмейн. — Ликт кивает и обхватывает руку инквизитора своей массивной серебристой перчаткой.

Мортмейн качает головой и убирает руку.

— Нет, вы не сможете, юстикар. Не его. Даже вы не сможете уничтожить ужас, подобный Цербалу.

— Тогда о чем вы просите?

В вопросе космодесантника звучит намек на эмоцию: неверие или же уязвленная гордость.

Мортмейн поднимает взгляд:

— Если Цербал на свободе, мы уже мертвы. Но Илисс по-прежнему должен быть уничтожен. Слишком многое поставлено на кон. — Он снова смотрит на планету. — Вы должны выиграть для меня столько времени, сколько сможете.

Найдите Цербала и набросьтесь на него со всей яростью, на которую способны. Вы не сможете победить подобное существо, но все равно должны попытаться. Если у вас получится сдерживать его достаточно долго, я смогу начать бомбардировку Улисса.

— А что с сержантом Хальсером?

Мортмейн опускает голову:

— Я помолюсь и за него тоже.

Глава 9

Барон Корнелий ван Тол неуклюже подходит к двери своей комнаты, спотыкаясь от страха. Когда он зовет стражу, в его голосе нет ни намека на сухой ироничный тон.

— Что-то приближается! — кричит он, видя спешащих к нему солдат. — Инквизитор направил какое-то... — Он запинается и, кажется, не уверен в том, что говорит. Барон качает головой: — Нет, не Мортмейн, это кто-то другой. Кто-то хуже. К дверям! — Ван Тол выходит, тревожно всматриваясь в темноту, и видит ряды блестящих лазганов, тянущиеся вдоль коридора. — На корабле кто-то есть, — тихо произносит он, достает позолоченный пистолет и направляет его на колеблющиеся тени. — На «Домитус» проникли.

Появляется капитан, в спешке застегивая воротник кителя и кланяясь барону:

— Милорд, что случилось?

Ван Тол оглядывается на него, в его глазах плещется безумный страх.

— Тайер, ты не слышал взрыв?

Аристократические черты лица офицера схожи с чертами барона, и когда он видит страх ван Тола, его кожа бледнеет до такого же оттенка серого. Капитан ни разу прежде не видел, чтобы барон проявлял подобную эмоцию.

— Я слышал шум, но решил, что это авария двигателя. «Домитус» стар, как звезды. Возможно, это был просто...

— Пальх мертв! — шепчет барон, схватив офицера за плечо. — Я чувствую его отсутствие.

— Мертв? — Тайера открывает рот. — Как? Это инквизитор?

Барон качает головой и оглядывается на темный коридор. Приборы ночного видения на оружии его людей посылают мерцающие красные лучи по сводчатым стенам, создавая беспокоящее ощущение движения.

— Нет. Это работа не Мортлейна. Зачем ему нападать на собственный флагман? — Он понижает голос и

притягивает к себе племянника: — Я вижу что-то. — Барон стучит по лбу, прикрытому фуражкой. — Словно имматериум пришел следом за нами и проник внутрь. — Ван Тол неуверенно встряхивает головой и смотрит себе под ноги. — Пальх мертв.

— Варп проник на корабль? — Капитан Тайер хмурится. — Что вы имеете в виду? Как это могло случиться? Мы в реальном космосе.

Барон неопределенно кивает и собирается ответить, но его слова заглушает вой лазерного огня.

Оба собеседника поворачиваются и видят, что коридор словно взорвался потрескивающей энергией. Это солдаты остервенело стреляют в темноту.

Барон и капитан вскидывают пистолеты и припадают к земле, занимая место рядом с солдатами.

— В чем дело?! — спрашивает барон одного из них, стараясь перекричать шум. — Что ты видел?

Явно испуганный, солдат качает головой.

— Я ничего не видел, — признается он, — но другие...

— Не стрелять! — кричит барон, поняв, что его люди разбегаются в темноте, охваченные паникой.

Выстрелы раздаются еще несколько секунд, пока барону не удается их перекричать. Затем один за другим солдаты опускают оружие и смотрят на него.

— Милорд! — кричит человек в первом ряду. — Там кто-то есть. Я не смог хорошо разглядеть, но оно быстро двигалось.

— А что если это один из наших собственных часовых? — спрашивает барон, поднявшись и всматриваясь в темноту.

Солдат не может придумать подходящий ответ и захлопывает рот.

— Почему бы тебе не пойти и не посмотреть, что ты там испепелил? — Голос барона резок от горя. — Если ты так уверен, что видел кого-то.

Солдат в страхе таращит глаза. Затем он восстанавливает подобие самоконтроля и поднимается. Поправив

фуражку и решительно отдав честь, боец отделяется от остальных. Он держит лазган наведенным на густые тени и медленно идет вперед. Остальные наблюдают в тревожной тишине, как солдат приближается к облицованной траком развилке коридора.

— Я мог ошибаться, — говорит солдат, осматривая коридоры. Он водит стволом оружия, высматривая в тенях движение, но ничего не видит. Облегчение на его лице заметно даже в полумраке. Затем солдат прищуривается, заметив более темную тень, скользнувшую к нему по полу. Он что-то бормочет, но слишком тихо для остальных.

— Что это было? — окликает капитан Тайер, присев рядом со своим дядей, чтобы лучше приглядеться.

— Ничего, — отвечает солдат, повысив голос. — Думаю, это просто крыса.

— Крыса? — Тайер недоверчиво смотрит на своего дядю.

— Это не крыса, — шипит барон, устремив на капитана Тайера дикий взгляд. — Там кто-то есть.

— Калеб! — кричит один из солдат. — В чем дело?

Барон и капитан оглядываются на коридор и видят, что солдат ведет себя странно. Его тело скручивает какой-то спазм.

— Крыса! — выкрикивает он странным голосом. Слова звучат так, словно отражаются в огромной пещере, и когда он снова кричит, звук растягивается в долгий, повторяющийся рев.

— Калеб? — зовет другой голос, но припадок солдата резко усиливается. Его голова мотается из стороны в сторону, он брызжет слюной и ругается, а ноги подгибаются под ним.

Несколько солдат собираются двинуться к нему, но барон резко отдает приказ:

— Стоять! Оставайтесь на месте, чтоб вас!

Желание солдат помочь упавшему товарищу быстро проходит. Они в страхе наблюдают, как его тело начинает раздуваться, подобно парусу на ветру.

— Я так и знал, — тихо произносит

барон, видя, как руки и ноги солдата, удлиняются, образуя раскачивающееся паучье безумие конечностей. Тварь течется по каменному полу и наполняет воздух ужасающим чавкающим звуком.

— Убейте его, — шепчет барон, но его никто не слышит.

Извивающаяся масса вываливается из теней, и солдаты в ужасе отшатываются. То, что прежде было Калебом, превратилось в пятиметровый рой дергающихся конечностей, окруживший желтый яйцеобразный мешок, который отвратительно колышется, меняя форму.

— Убейте его! — повторяет барон. Теперь он кричит, и, не дожидаясь ответа, начинает стрелять из лазерного пистолета в кошмарное создание.

Солдаты дают безнадежный залп лазерного огня в приближающегося колосса. Свет ослепляет. Невозможно увидеть что-нибудь отчетливо, поэтому солдаты стреляют вслепую и вопят от ужаса. Обстрел продолжается несколько минут, наконец барон дает команду «отбой».

Эхо и дым уходят. Солдаты

всматриваются вдаль и видят, что противоположный конец коридора блокирует громадная фигура.

Кто-то кричит.

Чудовище поглотило каждый выстрел, как желанный питательный деликатес. Бесформенный мешок, который мог сойти за голову, теперь пульсирует внутренним огнем, а паучьи конечности увеличились в размере втрое, полностью заполнив коридор.

Несколько солдат снова открывают огонь. Некоторые падают на колени и хватаются за головы, лишившись разума. Остальные разворачиваются и бегут, бросая оружие и спеша мимо барона в темноту.

— Дядя, — с трудом выговаривает капитан Тайер, схватив барона за руку. — Бегите.

К своему ужасу он понимает, что лицо дяди стало вялым, а взгляд, прикованный к колеблющейся массе, которая протискивается через коридор, остекленел. Тайер снова пытается потянуть барона за убегающими людьми,

но ван Тол не двигается. Тайер отводит взор от приближающейся твари, уверенный, что его разум не выдержит даже мимолетного взгляда на нее, но чувствует, что она повернулась к его дяде, словно выделив его из толпы перепуганных солдат.

— Дядя! — повторяет капитан, судорожный вопль едва походит на речь. Наконец, увидев краем глаза ползущий к ним лес конечностей, он отпускает руку барона и удирает следом за остальными.

Барон не замечает бегства племянника. Он не замечает проносящиеся мимо фигуры. Он даже не воспринимает самого себя. Все, что он видит, — это огромную, бледную, не имеющую отличительных черт голову, вырастающую из темноты, и ее взгляд сосредоточен нем.

Тварь перемещает свою неуклюжую, пульсирующую массу к барону, преодолевая последние метры, затем протягивает несколько членистых конечностей. Она заключает барона в нежные объятия и осторожно поднимает к вибрирующей

раздутой голове. Секунду держит его всего в нескольких сантиметрах от терцающей кожи, затем с тихим всплеском проталкивает человека сквозь мембрану, и он исчезает из виду.

Барон тонет в желто-оранжевом море. Жидкость наполняет уши и заливает горло, но, несмотря на абсурдный ужас своего положения, ван Тол чувствует, как часть его разума отступает, невозмутимо отделив себя от смертельной агонии. Этот осколок сознания даже не удивляется, слыша голос в желтой жидкости.

— Барон ван Тол, — слова звучат вполне разумно.

Барон испытывает необъяснимый прилив гордости от того, что убийца знает его имя.

— Что находится внизу, барон, на Улиссе?

Легкие барона уже наполнились жидкостью твари, и у него нет возможности произнести ответ, но когда жизнь покидает его, он отвечает своим разумом, радуясь возможности ответить

богоподобному существу, которое переваривает его.

Он уверен, что его ответ станет неожиданностью.

Глава 10

Гидеон Пилкрафт стоит на коленях в пыли и бормочет молитву. В возвышающихся перед ним башнях нет никакой логики. Они напоминают окаменевшее торнадо: застывшие каменные спирали в десять раз выше всего, что видели космодесантники. Башни так сильно наклонились, что должны были рухнуть на землю, но вместо этого они сплелись между собой, вздымаясь на несколько километров в бушующее небо и возвышаясь над всей округой.

— Милостивый Император, — стонет Пилкрафт, дрожа массой кабелей, — спаси нас от этого места.

— Думаю, мы сами должны спасти себя, — с горечью усмехается сержант Хальсер.

Хальсер, Комус и остальные воины стоят позади Пилкрафта на краю скалы, также изучая громадные башни. Если они испытывают хотя бы частицу ужаса Пилкрафта, то скрывают его под ничего

не выражающими масками шлемов. Только лицо библиария открыто покалывающей пыли, и он изучает книгу, привязанную к его силовому доспеху.

— Согласно либеллусу, — говорит он, водя пальцем по темному экрану, — Император однажды остановился здесь на отдых. В те дни планета была зеленым раем, полным жизни. Аборигены наводнили большие и малые города, осыпая своего спасителя лепестками роз и восхваляя Его имя. Наверное, было на что посмотреть. — Комус поднимает искаженное от боли лицо. Из глаз обильно течет кровь, а кожа такая же серая, как и безжизненные скалы. Он закрывает книгу. — Кто бы ни управлял этим местом сейчас, он — спаситель иного рода.

Сержант Хальсер кивает. Даже сквозь решетку шлема его голос выдает волнение:

— Но, тем не менее, спаситель, — он поводит подбородком на Пилкрафта. — Инквизитор Мортейн считал, что это место кишит Черным Легионом. И что ты видим? Самое большее, несколько

жалких отставших. У этого пророка, несомненно, в распоряжении могучее оружие.

Пилкрафт поднимается и указывает тростью в направлении возвышающихся вершин:

— Как вы можете говорить такое? Посмотрите на это! Оно смердит колдовством! Мой господин дал вам разрешение исследовать руины, а не общаться с чародеями и отступниками!

Хальсер хватается за рукоятку цепного меча и, не сдерживаясь, раздельно произносит:

— Закрой. Свой. Рот.

Аколит Мортмейна сжимает медальон в форме буквы «I», словно он может спасти от ярости сержанта.

— Я — глаза и уши моего господина, сержант Хальсер, вам следовало бы помнить это.

Хальсер издает бессвязный рев и нависает над ним, но Комус делает шаг вперед и берет сержанта за руку, обратив к нему исполненный боли взгляд.

Хальсер с проклятием отходит и

указывает своим людям на башни:

— Не стойте здесь просто так, вперед!

Реликторы спускаются с края скалы и начинают продвигаться по неприметной равнине к искаженным вершинам. Окружающая местность похожа на просеку в каменном лесу. Космодесантники идут, спотыкаясь, по колено в пыли, и держат оружие наготове, осознавая, насколько они уязвимы даже в золотистых, похожих на туман сумерках.

Они подходят к каменным столбам и понимают, что находятся в начале неестественной горной гряды. Взбираясь по склону, Реликторы видят еще дюжины раскачивающихся шпилей, которые тянутся вдоль горизонта.

— Ты уверен, что это нужное место? — обращается сержант Хальсер к брату-библиарию сквозь вихри пыли.

Комус кивает. Его подбородок и шея покрыты кровью, а лицо побелело от боли. Он тяжело опирается на одного из братьев.

— Ксеноустройство указывает это

место. Скрипторий Зевксиса скрыт где-то в этих горах. А воздух так наполнен молитвами, что я едва могу дышать. — Комус, слабо шевельнув рукой, указывает поверх плеча сержанта. — Они идут поприветствовать нас.

Хальсер всматривается и видит группу крошечных силуэтов, бредущих сквозь бурю. Он дает знак своим людям развернуться и взять на прицел приближающиеся фигуры.

Даже в своих доспехах с сервоприводами космодесантникам крайне непросто продвигаться по пересеченной местности, у них уходит пятнадцать минут, чтобы добраться до людей. Их трое: тощие, бритоголовые бедолаги, одетые в белые жреческие мантии. Когда они кланяются в знак приветствия, в прикрепленных к их лбам кристаллах звездообразной формы мигает свет. У каждого из них на месте глаз линии черных толстых швов.

— Еретики, — бормочет Пилкрафт под своим капюшоном, достаточно тихо, чтобы сержант Хальсер не услышал. —

Как они могут видеть без глаз? Только если у них есть колдовское зрение.

— Друзья! — выкрикивает один из людей на низком готике с сильным акцентом, приветственно воздев руки.

— Кто вы? — Сержант Хальсер отмечает, что никто из них не вооружен, но, тем не менее, болтер не опускает.

Человек широко улыбается ему, радуясь вопросу.

— Мы — Сыны Астрея.

Он дает знак двум товарищам приблизиться.

— Я — брат Гортин. Это — брат Эвсебий, а это — брат Кармина. Мы — пилигримы Священного Света. — Человек указывает на башню позади них. — Это по нашей воле и воле самого Астрея вам было позволено найти дорогу сюда.

Сержант Хальсер ощущает, как при слове «позволено» у него поднимаются волоски на загривке, но умудряется ответить довольно вежливо:

— И где это «сюда»?

Брат Гортин делает шаг к нему. Его руки все еще протянуты в

приветственном жесте, и Хальсер замечает, что они закутаны в шелковую сеть, которая обвивает пальцы, так, что кажется, будто они срослись.

Улыбка пилигрима становится шире.

— Вы нашли то, что враг никогда не смог бы найти. — Он смотрит мимо космодесантников на скалистый пласт на краю равнины. — Но мы снова поговорим, как только окажемся в безопасности катакомб. Даже сейчас Великий Враг не окончательно покинул Илисс. Астрей недавно обратил свои мысли на небесные тела. Он не может посвящать много времени материальным заботам, как когда-то. — Пилигрим указывает на горы: — Мы сможем отдохнуть, как только окажемся в городе.

Сержант Хальсер вопросительно смотрит на Комуса, но библиарий только пожимает плечами.

Брат Гортин видит, что Хальсер сомневается, и его улыбка меркнет.

— Что-то не так?

— Мы прошли долгий путь, — отвечает Хальсер. — Мы прибыли с

небесных тел, о которых ты говорил, в поисках древнего скриптория. Ты слышал о нем? Когда-то он был известен под названием скрипторий Зевксиса.

Пилигрим снова улыбается и странно жестикулирует, словно рассеивая свет из кристалла в своей голове.

— Астрей знает все, — произносит он нараспев. — Все вопросы получат ответы. Вся правда будет раскрыта.

Хальсер минуту изучает фигуры в белом, рассматривая худые, изможденные тела, хилые, неуклюжие конечности и вытянутые безглазые лица. Несмотря на узоры орла на мантиях, все в них кричит о ереси. Он и раньше на сотнях миров видел такие же пустые, блаженные улыбки, и это всегда означало только одно: порчу. Даже не оглядываясь, сержант чувствует, как лакей инквизитора Мортлейна пристально смотрит на него, желая, чтобы он казнил их, и впервые он не уверен, что пуританство Пилкрафта неуместно. Сомнение овладевает им и быстро обращается в гнев. Хальсер чувствует себя балансирующим на краю, не зная куда

прыгать. Он бросает сердитый взгляд на своих людей, которые терпеливо ждут его распоряжений. Их вера в него абсолютна и не терпит сомнений. Даже Комус не отрывает на него взора, так же полного надежды, как и крови. Хальсер смотрит мимо него на закат. Дневной свет ускользает с неба, и причудливые облака приобретают багровый оттенок.

«Всего несколько часов», — думает он.

Он поворачивается к обезображенным пилигримам:

— Я — сержант Хальсер. Мы — Адептус Астартес Императора. Веди.

Глава 11

Капитан Тайер ван Тол рыдает на бегу, минуя толпы вопящих матросов, офицеров Имперского флота и собственных хнычущих охранников.

Позади пожирают «Домитус».

Чудовище вгрызается в хрупкую плоть линкора, и корабль кричит вместе со своим экипажем.

Капитан распахивает дверь и бежит по трапу, стараясь сохранить равновесие в то время как серия сильных взрывов сотрясает коридор, вырывая опоры из стен и выбивая заклепки в раскалывающемся полу. Тайер пробирается сквозь бойню и выбегает на огромное, открытое пространство. Потолок исчезает в пещероподобном мраке. Здесь лишь немногочисленные крылатые святые печально взирают на толпу, бегущую в один из пусковых отсеков «Домитуса».

Присоединившись к перепуганной толпе, капитан Тайер понимает, что он не единственный, кто решил покинуть

обреченный линкор. Тысячи отчаявшихся людей цепляются друг за друга в попытке добраться до внушительных рядов фрегатов и крейсеров.

— Дорогу Дому ван Толов! — кричит он, но его голос теряется, потонув среди общего ора. — Дайте пройти! — требует он, но его никто не слышит.

Хор воплей становится громче, когда сквозь одну из стен ангара прорывается огромная фигура. Пыль оседает, и становится очевидным, что Цербал вырос до невероятных размеров. Рядом с возникающими из теней конечностями кажутся маленькими даже осаждаемые людьми космические суда. Ноги демона сминают бронированные корпуса, как фольгу, занося чудовище в помещение. Затем появляется яйцеобразная голова, она нависает над вопящей толпой подобно блестящему, переливающемуся отражению луны в воде.

Капитану Тайеру снова удается отвернуться, прежде чем он видит всю кошмарность твари. Он чувствует, как его разум трепещет на грани безумия, но

удерживается от полного погружения в бездну. Другие не столь везучи. Закаленные матросы вокруг него падают на колени, воют и выцарапывают себе глаза, пытаясь избавиться от зрелища, опустошающего их разум.

Навигатор поворачивается и бежит назад, выкрикивая на ходу молитвы и перепрыгивая через лежащих и борющихся матросов. Он понимает, что невероятное чудовище прокладывает сквозь толпу путь к нему. Вопли снова становятся громче — это чудовище засовывает сотни несчастных в свою вибрирующую голову, проливая желтую жидкость на людей и пытаясь утолить страшный многовековой голод.

Тайер возвращается к дверям, но видит, к своему ужасу, что трап обрушился.

— Император, сохрани нас! — шепчет он, оглядываясь в поисках другого выхода.

Те, кто достаточно разумен, чтобы контролировать себя, теперь бегут прочь из ангара, и капитан оказывается прижатым в углу. Его наполняет ужас, и

он выхватывает лазерный пистолет.

— Назад! — кричит Тайер, наведя оружие на мертвенно-бледные лица. Его никто не слышит, а после одного взгляда на паучьи ноги существа пистолет не производит сильного впечатления.

Толпа напирает, и Тайер теряет контроль над собой и начинает стрелять без разбора. Он не различает мужчин, женщин, детей, пытаясь пробить путь к другим дверям. Так же быстро, как тела падают на пол, новые устремляются в образовавшуюся брешь. Несмотря на беспорядочную стрельбу, капитану удается продвинуться лишь на крошечное расстояние. Все это время он чувствует приближение огромной фигуры, которая крушит оставшиеся корабли и вырывает статуи с балконов.

— Дайте пройти! — кричит Тайер снова, и на этот раз, к его изумлению, люди перед ним действительно расступаются. Капитан едва верит в свою удачу и бросается к двери.

Сделав всего несколько шагов, он видит причину, по которой расходится

толпа. К нему шагает высокая сверкающая фигура — космодесантник в неокрашенном силовом доспехе с алебардой, мерцающей синим светом. Идущий без усилий через толпу воин Астартес представляет собой грозное зрелище. Его громадные размеры невероятны, а каждый дюйм тела закован в толстую, переливающуюся броню.

— Подождите! — кричит капитан Тайер, обращаясь к космодесантнику, но его бесцеремонно отодвигают в сторону. Воин прокладывает путь к продолжающему увеличиваться в размерах монстру.

Капитан поднимается на ноги и взбирается на пьедестал разрушенной статуи. Глядя поверх двигающейся толпы, он замечает другие серебристые проблески, которые возникают в разных точках огромной, движущейся темноты. Они словно появляются из ниоткуда. Пока Тайер недоверчиво смотрит, семь блестящих фигур выходят из теней и атакуют гору мечущихся конечностей.

Тайер оглядывается на дверь и видит, что у него есть шанс спастись, но

понимает, что не может уйти. Развернувшаяся перед ним сцена подобна истории из древнейших легенд: гигантская тварь из варпа, окруженная рыцарями в сверкающих доспехах. Капитан на минуту забывает о своем ужасе, наблюдая, как космодесантники атакуют существо, которое поглощает корабль.

Чудовище поднимает громадные конечности, вырвав несколько топливных магистралей и залив ангар потоком синего пламени. Толпа вспыхивает, и агонизирующие тени начинают плясать и корчиться у стен.

Огонь не останавливает космодесантников. Они бросаются к извивающейся твари и в безмолвии синхронно поднимают алебарды, нацелив пульсирующие лезвия на огромные паучьи ноги.

В последний момент капитан Тайер отворачивается, не желая видеть, как тварь заглатывает воинов в серебряных доспехах. Затем, вместо ожидаемого чавканья, он слышит тонкий, пронзительный свист, сила которого

вынуждает его заткнуть уши. Ван Тол оглядывается и с изумлением видит, что мерзкая тварь взбесилась от боли. Оружие космодесантников глубоко вонзилось в ее ноги, а их энергия распространилась по плоти сетью сверкающих, сапфировых вен.

Проследив за световыми линиями, Тайер замечает, что они направляются к бесформенной, похожей на мешок голове варп-твари. Капитан подвывает от страха, слишком поздно осознавая, что совершил ужасную ошибку: в своем возбуждении он посмотрел прямо на демона. Разум человека отпрянул от этого безумия.

— Пощады! — стонет он, упав с пьедестала на дрожащий пол. Его мысли мечутся в поисках оставшихся путей отступления, но он понимает, что пощады не будет. За долю секунды капитан постигает все ужасное, жестокое безумие вселенной.

— Пощады, пощады, пощады! — повторяет он, когда мимо бредут вопящие пылающие фигуры. Его разрозненные мысли дарят ему множество тревожных

образов, один из которых может быть реальностью. Он видит, как монстр ударом своих бесчисленных конечностей отшвыривает космодесантника будто детскую игрушку. Воин взмывает к темному сводчатому потолку ангара, затем падает назад в преисподнюю.

Огромный ангар быстро наполняется огнем, и температура резко поднимается. Пока капитан Тайер лежит и невнятно бормочет у пьедестала, лица бегущих мимо него людей начинают терцать в жаре. Затем он задается вопросом: «Действительно ли из-за высокой температуры их лица колышутся и стекают?» В выражениях лиц людей проглядывает что-то жестокое и звериное.

Он оглядывается на варп-тварь и видит, что большинство космодесантников по-прежнему атакуют ее. Тянущийся из их алебард свет сверкает еще ярче, и чудовище отшатывается от боли. Капитан Тайер понимает, что тонкий пронзительный звук исходит из его желтой мембранной головы.

— Пощады, — повторяет он, но в этот

раз в его тоне звучит только благоговейное почтение. Даже из глубины растущего безумия Тайер понимает безмерные масштабы того, что совершают космодесантники.

«Как они могут быть такими спокойными, — удивляется он, — перед лицом столь ошеломляющего ужаса?»

Тварь пытается освободить свои конечности, но всей своей невообразимой массой опрокидывается на стену помещения. Ангар содрогается, когда стена обрушивается вместе с большой секцией потолка. Из теней низвергаются мраморные статуи святых: блестящие голиафы размером с дома раскалываются при падении в бушующее пламя.

Космодесантники все еще держатся, они подобно скалолазам взбираются по высящейся громаде чудовища. Еще один погибает, размазанный о стену, когда высвобождается дергающаяся километровой длины нога. Но остальные просто вонзают свои клинки глубже. Синий свет теперь столь ярок, что видны внутренности варп-твари, пульсирующие

как пламя под ней.

Капитан Тайер понимает, что как бы яростно не сражались космодесантники, им не на что надеяться. С каждой секундой размеры чудовища и его ярость возрастают. Тайера разбирает смех. Дикий, визгливый звук почти гармонирует с воплями монстра. Продолжая смеяться, он прикладывает ствол пистолета к голове и в последний раз просит о пощаде.

Глава 12

Отделение входит в катакомбы, и брат Гортин выдергивает из стены факел и размахивает им над головой. В рассеявшейся темноте видна куча надгробий и расколотых саркофагов.

— Эти старые камни отмечают героизм славной эпохи, — говорит он, стерев шелковым рукавом пыль с одной из надписей.

Глаза сержанта Хальсера жадно блестят в свете пламени. Вырезанные на камнях имена давно стерлись, но их сила по-прежнему тяжело висит в воздухе. Это, несомненно, место упокоения легендарных личностей. Ряды альковов ведут в темноту, в каждом можно видеть высокие, поддерживаемые колоннами гробницы, великолепные крылатые скульптуры и выцветшие фрески.

— Кто были эти чемпионы? — спрашивает Реликтор, взяв другой факел со стены и держа его над гробницей.

На вытянутом лице пилигрима

застыла все та же пустая усмешка, даже когда он говорит о мертвых:

— Самые выдающиеся из забытых героев, сержант Хальсер. Эти мужчины и женщины сражались рядом с Императором, когда Он творил великую империю среди звезд. Только самые храбрые и верные из Его слуг были погребены в святой земле Улисса. Многие десятилетия их привозили сюда, таких же дерзких и благородных в смерти, как и при жизни. В то время как военные планы Императора становились все амбициознее, росло количество павших. Но мы заботились обо всех них, размещая останки в самых красивых гробах, которые могли сделать, и храня трофеи Крестового похода в наших самых секретных реликвариях.

Брат-библиарий Комус все еще медлит у входа, но брат Гортин машет ему и спешит дальше по проходу между темными альковами.

— Однако Император никогда не забывал своих верных товарищей. Он несколько раз посещал Улисс на своей

звездной колеснице. Многие записи тех дней по-прежнему хранятся в скрипториях. В них описывается, как Император приходил сюда не просто отдать дань уважения, но в поисках утешения и даже совета, когда Ему было особенно тяжело. Зал Зевксиса хранит несколько Его портретов, на которых Он изображен преклонившим колени у этих самых гробниц.

Большинство Реликторов оглядываются с благоговением, шокированные мыслью, что они, возможно, идут по стопам Императора, но Хальсер спешит за пилигримом, подняв выше свой факел.

— Значит, скрипторий все еще существует!

Брат Гортин снова улыбается сержанту.

— Пилигримы Священного Света переносили трудности на Илиссе со времен Императора, защищая и ожидая. Когда павшие герои Императора прибывали к нам, обремененные странными, опасными сокровищами, мы клялись оберегать не

просто их память, но и силу. Столетия нашей бдительности записывались в мельчайших подробностях.

Его улыбка тускнеет.

— Конечно, случалось немало темных лет, — он указывает на дюжину меньших коридоров, которые ведут из главного прохода катакомб. — Визиты Императора прекратились без объяснений, и мы были вынуждены скрываться здесь, пока Великий Враг наступал, не встречая сопротивления, уничтожая до основания наши леса и угодья.

Затем улыбка возвращается на его лицо, и он снова делает странный жест, щелкнув пальцами перед кристаллом.

— Но, наконец, Император послал нам знак, что Он все еще жив. С неба упала звезда. И этой звездой был Его пророк Астрей.

Реликторы протискиваются мимо груд расколотого камня, за ними спешит Пилкрафт, рассматривая группу пилигримов с нескрываемой ненавистью.

— И как же вы пережили все эти «темные лета»? — Аколит указывает

простью на потолок. — Обычно недостаточно спрятаться под скалами, чтобы избежать ловушек Губительных Сил.

Желчь в голосе Пилкрафта очевидна для всех, кроме брата Гортина, который весело улыбается ему:

— Ты абсолютно прав, друг. Черные рыцари долгие годы безжалостно охотились на нас. Наша численность сократилась, и многие бесценные сокровища были уничтожены, чтобы не попасть в руки врага.

Пилкрафт качает головой, но продолжает держать оптические кабели наведенными на улыбающегося пилигрима.

— И я полагаю, что у вас не было выбора кроме как наложить руки на эти «бесценные сокровища» и обратить их против ваших врагов? В конце концов, почему вы позволили вашему братству пасть, имея доступ к предметам чудовищной силы? — Он вздрагивает от отвращения. — Каков бы ни был источник этой силы.

Брат Гортин останавливается и

трясет головой в немом отрицании. Улыбка сползает с его лица.

Один из пилигримов выходит из темноты, выглядя таким же испуганным.

— О, нет. Вы не понимаете. Мы не можем использовать предметы, оставленные на наше попечение. Они только для рук Императора. — Гортин пожимает плечами. — И рук Его пророка, конечно.

Пилкрафт не убежден, и сержант Хальсер ничего не предпринимает, чтобы остановить его, желая услышать больше деталей о реликвиях, оставленных в скриптории.

— И как же вы выжили? — настойчиво спрашивает Пилкрафт. — В имперском отчете говорится, что численность Черного Легиона, высадившегося на Илиссе, была велика. Как ваш орден смог уцелеть, если только... — Он выпрямляется и кладет руку на медальон, раскачивающийся под капюшоном. — Если только вы не заключили с ними союз?

Брат Гортин подходит к Пилкрафту, не обращая внимания на

отвращение, которое его близость вызывает у аколита инквизитора Мортмейна. Несмотря на отсутствие глаз, пилигрим безошибочно хватает руку Пилкрафта перевязанными шелком пальцами.

— Некоторые из нас пали, это так. Мефит и Аксум и многие другие нарушили свой долг, побежденные страхом, но кто на самом деле может осудить их?

Пилкрафт выдергивает руку и тычет пальцем в пилигрима.

— Значит, вы даже не осуждаете их ересь? — Кабели под его капюшоном высовываются подобно змеям и фокусируются на космодесантниках, возвышающихся над ними. — Вы слышали это? Тот, кто оправдывает ересь, сам должен быть братом проклятого. Он только что сказал, что они годами выживали здесь, но мы знаем, что в последнее время планета была полностью захвачена Хаосом. Как они могли выжить? Ответьте на этот вопрос!

Он извлекает лазерный пистолет и наводит его на брата Гортина. Аколит

готов сорваться на крик.

— Это вопиющая ересь, сержант Хальсер. Вы действительно хотите оставить ее безнаказанной? Ради Императора, у них даже нет глаз! Как они видят? Вы на самом деле одобряете такой отвратительный грех?

— Брат Вольтер, — произносит сержант, кивнув одному из своих людей.

Космодесантник делает шаг к Пилкрафту, и тот отшатывается, ругаясь, и прячет оружие.

Хальсер свирепо смотрит на человека в капюшоне, и на его скулах играют желваки. Затем он поворачивается к брату Гортину:

— Как вы выжили?

Пилигрим отходит от Пилкрафта, всем своим видом выражая смущенную наивность.

— Благодаря Астрею, конечно. — Он обращает лицо к сержанту. — Если вы прибыли с небесных тел, то, несомненно, должны знать пророка Императора. Вы никогда не слышали об Астрее?

Хальсер качает головой и смотрит

на Комуса:

— Это имя тебе о чем-нибудь говорит? Оно записано в либеллусе?

Библиарий снова сжимает от боли виски и качает головой.

— Хорошо! — восклицает брат Гортин, улыбаясь своим товарищам. — Похоже, сегодня мы собираемся причинить много счастья!

Они улыбаются в ответ, энергично кивая.

— Пророк — и отец, и щит, — продолжает пилигрим, повернув кристаллическую звезду в сторону Пилкрафта. — Он одно целое с Илиссом. С землей и воздухом. Он ослепляет глаза, которые желают нам навредить.

— А этот пророк, — спрашивает Хальсер, — он где-то здесь? У нас мало времени.

— Конечно! — широко улыбается брат Гортин. — Астрей знает все о вас. Ему не терпится встретиться с вами. Он ждет вас в Городе Звезд.

Глава 13

Инквизитор Мортмейн на мгновение останавливается в дверях. Его силуэт вырисовывается на фоне бушующего ада. Кожаный плащ инквизитора тлеет, а бритая голова запятнана кровью. Глаза такие же безжизненные, как у трупа.

К нему подбегает молодой флотский офицер:

— Милорд? Вы ранены?

Мортмейн не отвечает и захлопывает дверь. Он поворачивается, прицеливается из лазерного пистолета в замок и несколько раз стреляет, расплавив механизм. После этого молча смотрит на дверь, в то время как офицер тревожно наблюдает за ним.

— Корабль обречен, — сообщает он через несколько минут, не поворачиваясь к молодому человеку.

Тот нервно смеется и оглядывается. Они находятся в конце длинного помещения, которое ведет на мостик «Домитуса». Вдоль стен стоят ряды

безруких сервиторов в капюшонах, соединенных с терцающими панелями управления. Их мертвенно-бледные лица ничего не выражают. Офицер спешит к инквизитору и говорит тихим голосом:

— Возможно, вам стоит поговорить с капитаном, уверен, он сможет успокоить вас.

Наконец Мортмейн смотрит на офицера и видит, что это всего лишь мальчишка. Инквизитор печально качает головой.

— Отведи меня к нему, сынок, — просит он.

Капитан Северин, краснорожий увалень с редкими рыжими волосами и бочкообразной грудью, выпирающей из украшенного шитьем кителя, издает низкий рычащий смешок.

— Не думаю, что мы должны так легко списать со счетов имперский линкор, инквизитор Мортмейн. Вы представляете, сколько живой силы у нас на борту?

Мортмейн не отвечает, и капитан смотрит на своих офицеров в поисках

объяснения. Они выглядят такими же озадаченными, как и он.

— Что вы видели, инквизитор Мортмейн?

Капитан не может полностью скрыть страх в своем голосе. Целые секции его корабля взрываются без всякого разумного объяснения. Единственной полученной им информацией была какая-то безумная тарабарщина, на которую он не стал бы обращать внимания.

Инквизитор смотрит на ряды сгорбленных сервиторов.

— У нас мало времени. Мы должны будем начать раньше, чем я думал. — Он берет капитана за руку и сажает его обратно в кресло. — Отдайте приказ выйти на орбиту. Боевая тревога по всему флоту. Мы должны приготовить ракеты к запуску.

Капитан Северин вырывает руку, его красные щеки становятся пурпурными.

— Я не мальчишка! — ревет он, выпятив грудь. — Это мой корабль, инквизитор Мортмейн. Проявите немного чертова уважения! Я отдаю приказы на

этом мостике. Даже Ордо Маллеус немного...

Инквизитор Мортлейн поворачивается к нему и угрожающе рычит:

— Мы погибнем. Очень скоро.

Капитан качает головой и открывает рот, чтобы ответить, но инквизитор торопится.

— Слушайте меня! — орет он. — Мы погибнем. Все. Но если вы заткнетесь и секунду послушаете, то мы сможем спасти остальной сектор.

У капитана Северина отвисает челюсть. Он никогда прежде не слышал, чтобы инквизитор повышал голос.

Убедившись в абсолютном внимании капитана, Мортлейн удовлетворенно кивает.

— Хорошо, — произносит он более мягко.

— В чем дело? Что случилось? — спрашивает молодой офицер.

Мортлейн проводит рукой по покрывшемуся волдырями черепу и оглядывается на дверь. С каждой секундой

звуки разрушения становятся громче. Сильные взрывы встряхивают корпус корабля, а сквозь решетчатый пол доносится треск стрельбы. Такое ощущение, словно корабль уже охватили предсмертные муки.

— Имматериум принял физическую форму. И он голоден.

— Что вы имеете в виду? — Капитаном вновь начинает овладевать гнев. — Мы вышли из варпа несколько недель назад. Как такое могло произойти?

Мортмейн минуту смотрит на пол, не зная, что ответить.

— Нет времени для объяснений, капитан. Для вас будет достаточно смириться с тем, что у нас на борту демон. Демон. Он движется к нам, но он хочет большего, чем просто наши души. Думаю, он попытается остановить Экстерминатус.

Капитан Северин тяжело опускается в кресло, он выглядит ошеломленным.

— Демон из варпа? — Капитан хватается за голову. — Как это могло случиться?

— Что интересует подобное существо на Илиссе? — спрашивает один из офицеров, бледнея. — Планета уже досталась Губительным Силам.

Мортмейн смотрит на затянутую пеленой тумана планету.

— Демон знает о нашей миссии. Он знает о странной природе шторма, который распространяется с Илисса. Думаю, он попытается спасти планету, а затем подпитать возмущение собственной жизненной силой. Никто точно не знает, что происходит внизу, но одно очевидно: если немедленно не покончить с возмущением, мы можем стать свидетелями катастрофы невообразимого масштаба. — Он хлопает по свитку пергамента, прикрепленному к поясу. — Все эти милые подписи будут бессмысленны, если демон сможет поддержать тот необъяснимый огонь, что пылает внизу. Временное возмущение, свирепствующее в этой системе, может распространиться на весь сектор. — Он смотрит на офицера. — Даже я не могу предсказать, что тогда произойдет. — Его

голос становится тише. — Мы должны немедленно уничтожить планету, пока наши души все еще невредимы.

Капитан Северин поднимает голову.

— Но мы только что отправили людей вниз. И не простых, а Адептус Астартес. — Он тычет пальцем в смотровые окна. — Один из них ваш друг!

Мортмейн кивает и на секунду закрывает глаза, но ответа не дает.

Северин качает головой.

— Должен быть способ остановить эту тварь. Даже у демона должны быть слабости. Наверняка Ордо Маллеус сталкивался с подобными существами раньше. — Он прищуривается. — Я слышал, что в вашем окружении есть космодесантники, инквизитор Мортмейн. Адептус Астартес, путешествующие с инквизитором. Какие ужасы они должны были видеть! Они ведь непременно смогут помочь?

Мортмейн хмурится. Капитан сует свой нос в дела, которые его не касаются. Затем инквизитор пожимает плечами. Какая сейчас разница? Он указывает рукой

в сторону двери:

— Если вы прислушаетесь, капитан Северин, то услышите, как они умирают.

Все они слышат звуки далекой битвы, вой сирен и стоны поврежденного корабля.

— Их героизм беспримерен, но его недостаточно.

Мортмейн закрывает глаза.

Лицо капитана багровеет. Он кладет руку на рукоять сабли и сердито смотрит на Мортмейна.

— А что если вы ошибаетесь? Что если причина проблем в близости к Улиссу? Если мы примем построение для атаки, то можем подвергнуть себя еще большей опасности. Что если...

Инквизитор Мортмейн двигается с пугающей скоростью. Прежде чем капитан успевает закончить предложение, Мортмейн делает шаг вперед, извлекает лазерный пистолет и сбивает капитана с ног.

Капитан Северин с громким стуком падает на пол.

Мортмейн невозмутимо вытирает брызги крови со своей щеки и смотрит на

группу офицеров. В отличие от него, они явно шокированы случившимся.

— Приношу извинения за грубость манер, джентльмены, — произносит Мортмейн и убирает оружие, — но у нас на самом деле нет времени на споры. Кто-нибудь еще желает поставить под сомнения мои полномочия?

Офицеры мотают головами и отступают, с беспокойством посматривая на лужу крови, растекающуюся вокруг головы их капитана.

— Позаботься о нем, — тихо говорит инквизитор, повернувшись к молодому офицеру.

Юноша опускается на колени, чтобы осмотреть рану капитана, а Мортмейн обращается к остальным:

— Сообщите всему флоту Санктус: подготовиться к бомбардировке.

Глава 14

Они покидают катакомбы, и брат Гортин гордо отходит в сторону, чтобы Реликторы могли насладиться видом.

Первым выходит сержант Хальсер. Он ступает на каменистый выступ и глубоко вдыхает вечерний воздух. Но тут же отшатывается назад и бормочет ругательство, потрясенный неожиданным видом, раскинувшимся перед ним. Реликторы вышли в конце длинной, с крутыми склонами долины. С обеих сторон от них поднимаются странные, скрученные горы. Но не крутые пики вынуждают сержанта Хальсера затаить дыхание. В центре тайной долины лежит прекрасный, сверкающий секрет.

— Добро пожаловать в Мадрепор, — произносит придыханием брат Гортин, его голос дрожит: — Город Звезд.

Остальные Реликторы выбираются из полумрака и подобно сержанту застывают в изумлении. Мадрепор — небольшой, обнесенный стеной город,

построенный в форме пятиконечной звезды. Даже в наступающих сумерках он сверкает, будто полированная драгоценность. Высокие стены органического происхождения и так же похожи на кораллы, как и окрестности города, но к тому же украшены бесчисленными мерцающими огнями. Все строение выглядит текучим и перламутровым, космодесантники прежде никогда не видели ничего подобного. Словно часть небес упала на землю и дремала среди гор Илисса.

Хальсер шагает дальше по выступу.

— Что это за место? — Он качает головой. — Это не имперская архитектура. — Реликтор хватается за рукоятку цепного меча и сердито смотрит на улыбающихся пилигримов. — Куда вы нас привели? Это город ксеносов?

— Ничего подобного. Это наш дом. — Пилигрим смеется и указывает на единственную башню, которая даже выше, чем внешние стены города. — Астрей поднял эти камни с земли одной лишь силой молитвы. Его отец — Император

Терры — завещал ему крупицу своего вечного света, но ее было достаточно, чтобы создать это благословенное, прекрасное пристанище.

Он указывает на окружающие горы.

— Десятилетиями мы скрывались в этой долине, охраняя руины старых скрипториев, зная, что Великий Враг неизбежно найдет нас. Но когда пришел пророк, его молитвы не просто возвели для нас город — они также укрыли долину от глаз. Никто не может видеть через эти горы. Даже вы никогда не смогли бы отыскать это место, не будь на то воли Астрея.

Подняв брови, сержант Хальсер оглядывается на брата-библиария Комуса.

Комус кивает в ответ, но на комментарии у него не хватает сил. Он снова пристегнул либеллус к поясу, но боль все не утихает. Если бы не крепкая хватка брата Вольтера, библиарий не прошел бы через катакомбы.

Хальсер смотрит вниз на сверкающие городские стены.

— Что за огни в камнях?

Улыбка брата Гортина превращается в хихиканье, и он, кажется, не слышит вопроса.

— Зрение пророка простирается гораздо дальше зрения смертных. Его разум наполнен бесчисленными образами. Он видит движение небес и изменение погоды. Фактически погода — это он.

Гортин указывает на бурные облака, слившиеся с каменные спиралями, покрывающими ландшафт.

— То, что вы видите здесь, — только частица его силы. Тело пророка наполнил дух Бессмертного Императора. Те башни — это поднятые пальцы Астрея, ведущие нас к спасению.

Пилкрафт невнятно бормочет под своим капюшоном, и даже Хальсер сжимает челюсти. Он больше не может слушать это безумие. Сержант с боевыми братьями следует за смеющимися пилигримами вниз по длинной каменной лестнице и чувствует, как в нем нарастает ужас.

В отличие от остального Улисса, Мадрепор окружает покрытая зеленью

равнина. На несколько километров вокруг Города Звезд простираются хорошо возделанные поля, пасутся стада травоядных животных. Вдоль широких, обсаженных деревьями дорог, по которым снуют фигуры в белых мантиях, тянутся скопления глинобитных хижин. Помня, с каким опустошением им пришлось столкнуться прежде, Реликторы изо всех сил стараются осмыслить раскинувшийся перед ними мирный пейзаж. Когда они спускаются в долину и направляются к городским вратам, их встречает необычная тишина. Звук шагов, издаваемый бронированными ботинками, должен был вызвать беспокойство пилигримов, несмотря на их изувеченные глаза. Но, группа работающих на полях людей не обращает внимания на проходящих мимо Реликторов, словно космодесантники каждый день прибывают сюда.

— Им не интересно, кто мы такие? — спрашивает сержант Хальсер, повернувшись к брату Гортину.

— Они знают, кто вы, — отвечает

пилигрим. — Мы все — одно целое с разумом нашего отца. Все, что видит он, видим и мы.

Хальсер морщится. Каждая минута, проведенная в компании пилигримов, подтверждает его сомнения. Он оглядывается на слепых работающих людей и бормочет под нос, шокированный тем, как уверенно они машут косами и запрыгивают в движущиеся телеги. Сержант решает спросить Гортина о звездообразных кристаллах на их лбах, но до того как заговорить, он чувствует хлопок по плечу. Обернувшись, он видит Комуса. Библиарий держит ксеноустройство и стучит по его экрану. По оправе размазана кровь, но он что-то разглядел в глифах, пульсирующих под стеклом.

— Я был прав, — шепчет он. — Скрипторий Зевксиса здесь.

Пока он с трудом говорит, с поверхности его силового доспеха срывается энергетический разряд и потрескивает на его нахмуренных бровях.

— Кем бы ни был этот пророк, он

построил свой город прямо над вершиной одного из наиболее древних реликвариев Экклезиархии.

Хальсер останавливается на мгновение, пропуская пилигримов вперед.

— Значит, мы должны любой ценой добраться до входа в скрипторий и установить, что они охраняют. Если собранные там предметы такие могущественные, как они считают, тогда мы можем даже найти способ пробиться сквозь шторм. — Он хватает библиария за плечо. — У тебя еще есть силы, чтобы связаться с братьями на штурмовом корабле? Ты смог бы вызвать их сюда?

Комус морщится и кивает на пропитанную кровью книгу.

— Эта ксеногрязь убивает меня, — он на секунду закрывает глаза. — Но да, связь с ними все еще возможна.

— Хорошо. К этому времени ремонт корабля должен быть закончен. Им понадобится несколько минут, чтобы добраться до нас. Мы все еще можем добыть победу. Если нам удастся найти то, что поможет нам видеть сквозь эти

ужасные штормы, мы успеем опустошить скрипторий и убраться до того, как начнут падать бомбы.

Он смотрит на хронометр, прикрепленный к поясу.

— Инквизитор Мортмейн обещал мне еще два часа. — Сержант указывает на толпы безглазых пилигримов, снующих по полям. — Тогда эти простофили получат свою небесную награду.

Комус смотрит на сверкающие стены, которые вырисовываются перед ними.

— А что если мы не сможем добраться до скриптория? Что если мы не сможет покинуть Илисс до начала Экстерминатуса?

Хальсер привычно усмехается:

— Тогда мы сгорим все вместе.

Глава 15

Юстикар Ликт ползет вдоль разрушенных остатков балки, прижимая мерцающую алебарду к груди, а в это время под ним разваливается ангар. По мере увеличения размеров демон начинает пробивать отверстия в корпусе корабля, его колоссальная вязкая масса с каждой секундой растет все быстрее. Пока остальное отделение Ликта старается удержать его на месте, гнездо членистых конечностей дергается во все стороны, вырывая механизмы и опорные колонны из стен и разбрасывая вопящих матросов. В то время как Ликт решительно цепляется за балку, из «Домитуса» в космос вываливаются механизмы, но юстикар сосредотачивает свой взгляд на вздутом желтом мешке в центре хаоса.

Когда юстикар оказывается рядом с демоном, его броня начинает пульсировать светом. Бесчисленные надписи вспыхивают и мерцают, стремясь защитить Ликта от омывающей его

нечестивой силы.

— Братья, — шепчет он в вокс-бусину, — всего несколько минут. Потом поделитесь своей верой. Я почти над ним и собираюсь прыгнуть прямо...

Слова Ликта прерывает новый присоединившийся к какофонии звук: резкий вой ревуна, который пробился сквозь звук скрежещущего металла. В тот же момент на остающихся целыми участках ангара начинают мигать ряды красных фонарей.

Демон, пошатываясь, направляется к забрызганной кровью дыре в стене. Это заставляет юстикара выругаться.

Из самых далеких глубин «Домитуса» доносится низкий рокот пробуждающегося тяжелого оружия.

— Юстикар? — трещит голос в шлеме Ликта. — Он отступает?

Пока вопящие толпы продолжают бежать мимо космодесантников, демон выпрямляет свою отвратительную плоть и на мгновение застывает, как собака, учуявшая запах. Единственное движение исходит от слегка дрожащей яйцеобразной

оболочки.

— Инквизитор Мортмейн должно быть, добрался до мостика, — отвечает Ликт. — Он готовит Экстерминатус.

Видя, что демон начинает разворачиваться всей своей тушей, Ликт понимает, что они почти упустили свой шанс.

— Брат Галл, — рявкает он по воксу. — Твой инсинератор!

Темноту разрывает столб пламени. Он вылетает от одного из космодесантников и окутывает бесформенную голову демона. Воздух наполняется запахом пылающего благовонного масла, и демон отшатывается, разбрасывая нападающих по ангару и испуская еще один пронзительный вопль.

Тварь мечется от боли, и юстикар Ликт видит, какие возможности перед ним открываются. Он несется по балке и прыгает с нее вниз головой, выставив перед собой алебарду.

Ликт пробивает оболочку, вызвав взрыв гноя, пламени и психической энергии,

и исчезает из виду.

Внизу, на скользком от крови полу ангара, неуклюже поднимаются на ноги оставшиеся космодесантники. У некоторых из них широкие, кровавые разрезы на силовой броне, другие лежат на грудах тел, задыхаясь от боли, но один — брат Галл — разворачивает свой тяжелый двуручный огнемет для второго залпа. Огромное помещение наполняет свет огненной струи.

Юстикар Ликт опускается сквозь плоть демона, чувствуя, как древнее зло терзает его душу. Литании и молитвы, начертанные на его доспехе, пылают от нагрузки, поддерживая в нем здравый рассудок. «Император защищает», — думает Ликт, черпая силы из своего бездонного и нерушимого источника веры. Три столетия посвящения защищают его, даже когда он чувствует, как деформируется и трещит его доспех.

— Я приговариваю тебя, Цербал, — шепчет юстикар, зная, что демон слышит. — И не позволю тебе жить.

Стараясь удержать дрожащий,

хлещущий огнем инсинератор, Галл чувствует, как его раненые боевые братья становятся плечом к плечу рядом с ним. Столб пламени загоняет демона в угол ангара, и остальные космодесантники пускают в ход психически заряженное оружие. Очередной залп огня, металла и веры вгрызается в пошатывающегося демона.

— Вперед! — приказывает брат Галл спокойным и уверенным голосом.

Когда они приближаются к демону, его дергающаяся из стороны в сторону голова начинает пульсировать светом. В центре калейдоскопа цветов горит серебряное ядро: узнаваемая фигура юстикара Ликта кружится в разуме демона. Затем с очередным взрывом энергии и слизи, алебарда юстикара пробивает охваченный огнем мешок.

Голова демона начинает раскалываться, извергая мозг на ужасные ноги и превращая его пронзительный крик во влажное, отрывистое бульканье.

Голова падает, и появляется юстикар Ликт, извергнутый с ядовитой желтой

волной. Он валится на пол ангара, окутанный дымом и искрами, затем поднимается и отходит за секунду до того, как на место его приземления падает конечность размером с дерево.

Окружив рухнувшего демона, космодесантники воздерживаются от победного клича. Они просто поддерживают безжалостный огонь благословенного прометия и болтерных снарядов, загоняя тварь в угол.

Юстикар Ликт, пошатываясь, направляется к Серым Рыцарям, по-прежнему сжимая в руке пылающую алебарду. Его доспех обожжен и искорежен, а сквозь отверстие в шлеме виден окровавленный подбородок, но, присоединившись к космодесантникам, Ликт поднимает кулак и выпускает воющий поток снарядов из штурм-болтера, установленного на запястье. Стреляя, он вновь восклицает:

— Я приговариваю тебя, Цербал!

Демон оседает в стену вздымающегося огня и исчезает из виду.

Выпустив еще несколько снарядов,

юстикар Ликт разжимает поднятый кулак, дав сигнал своим людям прекратить огонь.

На секунду демон затихает, но ангар все еще наполнен буйством шума и цвета: сирены трубят, толпы отчаянно вопящих матросов и сервиторов давят друг друга у многочисленных выходов, в то время как других вытягивает в космос. Из разорванных топливных труб хлещет синее пламя, а сам «Домитус» ревет, разрушаясь из-за пробитых демоном отверстий.

Ликт, держа руку поднятой, подходит к клубящемуся огню.

Вспыхивает свет, и к юстикару бросается худая, красная, гуманоидная фигура ростом выше космодесантника. Она прорывается сквозь строй Серых Рыцарей и несется к одному из выходов.

Ликт и остальные открывают ей вслед яростный огонь, но кроваво-красная фигура пробивается сквозь толпу к выходу и исчезает из виду.

Юстикар Ликт с трудом поднимается на ноги. Его доспех расколот

и окровавлен, а половина братьев мертвы. Он невозмутимо кивает, оглядев место бойни. Затем обращается, не к своим стонущим воинам, но к инквизитору Мортмейну, находящемуся на другом конце корабля:

— Вы были правы. Он доберется до вас через несколько минут.

Ликт замолкает и опускается на колени, пытаясь остановить кровь, хлещущую из горла одного из космодесантников.

— Мы молимся за вас, инквизитор.

Раздавшийся в его шлеме ответ не менее сдержан:

— Благодарю, юстикар Ликт. Служить с вами было честью. Император защищает.

Глава 16

Достигнув городских стен, сержант Хальсер оказывается перед огромными, обитыми железом вратами. Он поднимает голову к странным узорам и видит звезды, планеты и галактики, вращающиеся в стилизованном шторме. На вершине стен Хальсер замечает ряды пилигримов, которые остатривают погружающуюся в темноту долину. Они так же безразличны к Реликторам, как и другие встреченные ими обитатели Мадрепора.

Брат Гортин и другие проводники подходят к подножью ворот и ждут без стука. Через несколько секунд ворота начинают медленно открываться внутрь. За ними видны шумные толпы и широкая дорога.

Отделение Реликторов все еще в полукилометре от города. Сержант Хальсер ругается про себя, видя, как медленно они идут. Только сгорбившийся Пилкрафт поспевает за ним и теперь с

ужасом смотрит на город. Брат-библиарий Комус едва может идти, и остальные подстраивают свой шаг к его мучительному передвижению. Пытаясь отвлечься, Хальсер отходит на обочину, чтобы изучить высокие пульсирующие стены Мадрепора. В драгоценностях, бесчисленными рядами вмурованных в искаженный камень, отражается закат. Именно из-за этих кристаллов Мадрепор сверкает, и, ожидая прибытия боевых братьев, Хатьсер наклоняется, чтобы рассмотреть один из них.

— Трон! — восклицает он, повернувшись к Пилкрафту. — Что это?

То, что он принял за кристаллы, на самом деле оказывается глазами. Когда Хальсер и Пилкрафт с отвращением отшатываются, глаза со скрипом поворачиваются в неровных впадинах и смотрят на них. Все они мерцают внутренним светом, но, несомненно, раньше принадлежали людям. Хальсер смотрит на рубцеватые, пустые впадины Гортина и рычит:

— Что это за колдовство? Что вы

сделали?

На вытянутом лице пилигрима — прежняя бессмысленная улыбка.

— Это не колдовство, сержант Хальсер. Мы просто одолжили свое зрение пророку. — Он стучит по звездообразному кристаллу в своем лбу. — Теперь мы видим намного дальше.

Сержант Хальсер стонет, оглядываясь на ряды вращающихся мигающих глаз. Он больше не может этого выносить. Реликтор вытаскивает болт-пистолет и наводит оружие на брата Гортина.

— Это чудовищно. Если бы я знал...

Слова Хальсера тонут во взрыве, который так силен, что вся долина содрогается. Сержант отлетает в сторону, выронив пистолет.

Пилкрафт падает спиной в ров и издает поток проклятий.

Игнорируя его крики о помощи, Хальсер и пилигримы в замешательстве оглядываются на дорогу. Над долиной клубится огромный столб дыма, поднимаясь от входа в катакомбы, и сквозь

него быстро движутся далекие фигуры.

Усмешка брата Гортина наконец исчезает с его лица. Когда линия фигур в черных доспехах проникает в долину, он тяжело опускается на землю у городских ворот.

— Враг, — стонет пилигрим, повернувшись к своим товарищам. — Как? Как они могли найти Мадрепор?

Сержант Хальсер ругается и подбирает свой пистолет.

— Вы же сказали, что ваш пророк скрывает от них это место?

Брат Гортин обхватывает голову руками, а его братья начинают выть от страха.

— Он скрывает. Они слепы. — Пилигрим замолкает и поворачивает лицо к сержанту. — Во всяком случае, всегда были слепы. — Его голос срывается на отвратительный визг. — Вы привели их к нам! Как еще это могло случиться?

Двое других пилигримов перестают выть и поворачиваются, тряся головами от шока.

— Это единственное объяснение, —

шепчет один из них, указав на Хальсера. — Вы в союзе с Черными Рыцарями. Должны быть! Вы предали Астрея! — Он смотрит на лица, глядящие со стен. — Нас предали! — кричит пилигрим, прижав рот к открывающемуся отверстию в воротах.

Хальсер отходит, держа оружие наведенным на вопящих пилигримов.

— Сколько? — спрашивает он по воксу, бросив быстрый взгляд на далекую линию фигур.

Первым, не в силах скрыть изумления, отзывается брат Вольтер:

— Сержант, похоже, они играли с нами. Те слабые атаки были уловкой.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Хальсер со злостью, по-прежнему не сводя взгляда с помешанных пилигримов.

— Их сотни, сержант. Я даже не могу сосчитать...

Переговоры прерывает очередной взрыв, и на этот раз он раздается намного ближе. Хальсеру едва удается удержаться на ногах, и пилигримы бросаются на него. Он делает шаг, чтобы разбросать их, но,

охваченный яростью, чувствует ослепительную боль во лбу, а внутри головы разносятся слова.

— Измена! — гудят голоса, так громко, что Хальсер кричит от боли.

— Прочь из моей головы! — ревет он, но голоса становятся лишь громче. Они произносят слово «измена» будто молитву, и Хальсер со стоном падает на колени.

От яростной атаки пилигримов на его разум у Хальсера из носа хлещет кровь. Сержант смутно осознает, что они к тому же бесполезно колотят кулаками по его силовому доспеху, но внешний мир быстро ускользает от него, когда их молитвы стискивают его агонизирующий разум.

— Комус, — только и может прошептать он, когда боль сокрушает его.

Тут же он чувствует еще чье-то присутствие в своих мыслях, оно сковывает вопли и уменьшает боль в голове. Прежде чем агония получит шанс вновь взять вверх, Хальсер поднимается и стреляет из болт-пистолета. Снаряд пробивает рваное отверстие в груди

брата Гортина и отбрасывает его на дорогу.

Двое других пилигримов карабкаются к укрытию, но сержант убивает их прежде, чем они успевают добраться до ворот. Яркая кровь забрызгивает кованое железо.

Хальсер оборачивается и смотрит на дорогу. Гора выглядит так, словно из нее забил черный блестящий источник. Бесчисленные ряды предателей заполняют предгорье и собираются на дороге. Сержант видит золотую отделку на шипастых силовых доспехах, которая сверкает все ярче по мере приближения к городу Черного Легиона.

— Амбар! — кричит он и указывает на низкое каменное здание неподалеку от Реликторов. — В укрытие! Вольтер, прикрой их.

Наконец, космодесантники Хальсера прибавляют ходу. Двое из них поднимают Комуса и бегут с дороги, в то время как остальные ныряют в укрытие. В то же время брат Вольтер опускается на одно колено и стреляет из лазпушки в

приближающуюся орду. Он находит цель, и в дальнем конце дороги вспыхивает синее пламя. Крошечные фигуры в черных доспехах подлетают в воздух, и на время наступление останавливается. Прежде чем враги смогли ответить, брат Вольтер перекатывается через дорогу и прыгает в придорожный ров.

Несколько секунд спустя дорога в том месте взрывается, как озеро в ливень. Вражеский огонь разрывает землю, и в воздухе свистят камни и осколки.

Видя, что Черный Легион продолжил наступление по дороге, Реликторы тут же занимают оборону в амбаре и открывают огонь. Враг не делает попыток укрыться, и воздух мерцает от жара болтерного огня Реликторов.

Вечер вновь озаряется светом, когда брат Вольтер второй раз стреляет из лазпушки. В рядах наступающих возникает очередная брешь.

Стена позади Хальсера начинает раскалываться под вражеским огнем, и сержант надевает шлем. Он переводит взгляд от своих людей к воротам и сквозь

отверстие видит, как пилигримы в белых мантиях бросаются на защиту стен.

— Что они могут сделать? — вслух удивляется он. И тогда вспоминает боль от молитв брата Гортина, вцепившуюся в его мысли.

— Комус, — окликает он библиария, вытягивая без устолку ругающегося Пилкрафта изо рва. — Думаю, у меня есть шанс добраться до скриптория. Пилигримы сосредоточат свое внимание на предателях. Ты сможешь оказать мне помощь, если они попытаются остановить меня?

Вокс заполняется неразборчивым хрипом, но более четкий голос появляется в мыслях сержанта:

— Поторопись. Их слишком много, чтобы мы могли сдержать их.

— Думаю, вы можете получить помощь, — говорит Хальсер, наблюдая за тем, как пилигримы бросаются на стены Мадрепора. Он поворачивается к Пилкрафту: — Я иду. Оставайся и сражайся, или помоги мне найти скриптор

Затем, когда вражеский огонь усиливается, Реликтор упирается в одну из железных створок и проталкивает ее на несколько сантиметров, этого оказывается достаточно, чтобы он мог протиснуться и войти в город.

Представшее перед ним зрелище сбивает с толку. В центре города высится огромный укрепленный храм с широкой шестиугольной башней посредине. Ютящиеся вокруг него сотни других зданий сооружены из того же самого волнистого, похожего на коралл камня и сверкают рядами кристаллических глаз. Из-за постоянно вращающихся и мигающих глаз здания мерцают, от чего город словно пульсирует светом, и все это зрелище укрывают огромные, плывущие клубы залитого лунным светом облака. Ураганы, замеченные Хальсером с орбиты, похоже, исходят из этого места. Сочетание мерцающих глаз и клубящихся облаков потрясает. Кажется, Мадрепор высечен из движущейся воды, залитой лунным светом.

Хальсер застывает на секунду, пытаясь рассмотреть дорогу сквозь

пульсирующие облака и охваченные паникой толпы. Он шипит по воксу:

— Куда идти, Комус? Что мне делать?

— Направляйся в центр города, — раздается ответ в его разуме. — Пророк построил храм прямо над скрипторием. Если кто и знает, что случилось с его содержимым, то это он. — Следует пауза, затем Комус резко рычит в вокс: — А я не знаю, как долго смогу защищать твой разум, сержант.

Хальсер кивает, но все еще колеблется, не уверенный в том, как преодолеть невероятные толпы и клубящиеся облака. Большинство пилигримов спешат на стены, но в то же время сотни их бегут по широкой дороге, ведущей от ворот в храм.

— Их так много, и все прокляты, — раздается дрожащее бормотание рядом, и Хальсер вспоминает, что аколит инквизитора все еще с ним. Пилкрафт машет тростью на движущиеся облака, словно ему под силу держать на расстоянии окружающую скверну.

Сержант поворачивается, чтобы заговорить, но тут прямо над воротами взрывается огромный кусок стены. Воздух наполняется криками и разлетающимися кусками кладки, и, к радости Хальсера, дорога впереди очищается, так как пилигримы бросаются в укрытие.

— Держись рядом! — кричит он и бежит по дороге.

Приблизившись к стенам храма, Реликтор видит длинное здание слева от себя, с огромной каменной звездой наверху, переполненное пилигримами. Многие из них останавливаются и таращатся на него, и даже с защитой Комуса он начинает чувствовать их неистовые молитвы, обрушившиеся на его разум. Он пытается не обращать на них внимания и сосредоточиться на том, чтобы добраться до дверей храма, но спотыкается.

У городских ворот сержант оглядывается на Пилкрафта.

— Их так много, и все проклятые, — говорит человек в капюшоне, размахивая тростью.

Хальсер ругается и встряхивает

головой, пытаясь избавиться от замешательства.

— Что происходит?! — кричит он. — Я вижу одно и то же снова и снова.

Он опять слышит голос Комуса в своей голове:

— Сержант. Я никогда прежде не сталкивался с такой силой, как у Астрея. Думаю, само время подчиняется его воле. — Следует пауза. — Или, возможно, даже не так. Такое ощущение, словно само время разрушается.

— Ради Трона, Комус. О чем ты говоришь? — Хальсер разочарованно стонет.

Ответа нет, и Хальсер изливает свое разочарование на городскую стену, ударив кулаком по камню и стяв несколько тигающих глаз. Затем он предпринимает новую попытку добраться до храма с Пилкрафтом позади, который продолжает ругаться и бормотать из-под капюшона.

Брат-библиарий Комус лежит во рву, истекая кровью. Над головой грохочет и воет болтерный огонь, но он едва осознает

это. Все его внимание сосредоточено на маленькой, зажатой в руке книге в металлической оправе. Он вспоминает, как впервые дотронулся до ксеноустройства, получив его от инквизитора Мортлейна многие годы назад. Понадобился не один месяц пылких непрерывных молитв, прежде чем он решился даже задуматься над тем, чтобы открыть свой разум такой нечестивой, чуждой сенсорике. Тогда он был уверен в своей цели: выяснить все, что можно, и в то же время сохранить разум невредимым. Но что он чувствует сейчас? Эта вещь убивает его, библиарий уверен в этом. Каждый раз, когда он позволяет этим светящимся знакам наводнить разум, он чувствует, как отрывается еще один кусочек его души. Даже исключительно физический уровень воздействия очевиден: с момента прибытия на Илисс его нос и рот сильно кровоточат, а без помощи боевых братьев он едва может стоять. Однако это не самое худшее. Дело в том, что либеллус больше не ощущается таким чужим, и это наполняет его страхом.

Устройство более не кажется неправильным. Оно становится частью его. Комус выпрямляется и с дрожью закрывает книгу. Чем он сам становится?

Он поворачивается к Реликтору, лежащему во рву возле него. Брат Борелл опер болтер о выжженную землю, и его плечо дергается, когда он выпускает снаряд за снарядом вдоль дороги, с хирургической точностью отстреливая наступающих предателей. Мгновение Комус не может вспомнить, как они здесь оказались.

— Где остальные? — со стоном спрашивает он, вытирая кровь с глаз.

Брат Борелл на секунду прерывает стрельбу, но не поворачивается.

— Брат Сабин и брат Талер сразу за тобой, дальше во рву. Штрассер, Вортимер и Брунман засели в амбаре, несмотря на то, что получили несколько тяжелых ранений. Вольтер на дальней стороне дороги, — в голосе Реликтора проступает нотка гордости, — его пазпушка дает им время на размышления.

Борелл выпускает еще несколько

снарядов, радостно борточа под нос, когда новые предатели падают в облака.

— И сержант Хальсер вошел в город со слугой инквизитора Мортмейна, но... — он быстро оглядывается на библиария и запинается: —... ты знаешь это.

Комус кивает, с облегчением понимая, что в словах Борелла есть смысл. Он не может помочь, но, тем не менее, замечает, что низкий готик его боевого брата кажется необычно грубым и нескладным. Библиарий к своему ужасу понимает, что он сравнивает его с чужим языком, который проник в его мысли. Гнев скручивает живот. «Почему мы должны это терпеть? Почему мы должны доказывать что-то после столь долгих столетий службы и столь многих жертв во имя Императора?» Он встряхивает головой и оглядывается. Как и сказал Борелл, еще двое Реликторов лежат позади него, постоянно стреляя по наступающим рядам. Над ними, дальше по дороге, поднимаются стены Мадрепоры и ее мерцающая шестиугольная башня. «Докажи, что они ошибаются, сержант

Хальсер, — думает Комус, сжав один из свитков с религиозным текстом, прикрепленных к силовому доспеху. — Покажи им, чего ты стоит».

Глава 17

Шагая по «Домитусу», инквизитор Мортмейн снимает с пояса нож. На черном металле мигает красным отражение от сигнальных ламп. Он размахивает клинком, пробуя его вес в своей руке. По центру лезвия бегут грубые руны: слова настолько ужасны, что даже инквизитор не стал бы их изучать. Дойдя до сломанных дверей, Мортмейн останавливается, прислушиваясь к тому, что, как он надеется, было звуком запуска огромных термоядерных орудий. Но корабль трясется так сильно, что он не уверен, слышит ли результат отданных им приказов или же приближение демона.

— Цербал, — шепчет он, раздумывая, есть ли у него силы встретить надвигающийся бой. Он — старый человек, и вся вера в Галактике не сможет сравниться с яростью молодости. Офицеры на мостике получили приказы и будут работать быстро, но ему по-прежнему нужно выиграть им время.

Инквизитор мысленно возвращается на десятилетия назад, в день, когда он подчинил Цербала своей воле. На выжженной земле Азораса он и его братья повергли демона, вооруженные могущественными древними оберегами и фанатичным хором литаний. Но спасшего Азорас кабала больше нет. Инквизиторы Медеон, Ориум и Шаарайм давно мертвы. В этот раз он должен встретить тварь один. Даже его старый друг сержант Хальсер скоро погибнет, разорванный на части огненной бурей, созданной Мортмейном.

Мортмейн смотрит на заглавную литеру «I», украшающую его нагрудник. Молодость ушла. Дружба ушла. Веры будет достаточно. Он бьет ногой сломанную дверь, так, что почерневший металл вылетает в коридор, и входит в следующий зал. Инквизитор ступает по колоннаде монастыря, такой протяженной и высокой, что кажется, будто он вышел в грозовой, летний вечер. Со стен обваливается древняя прекрасная мозаика, взрываясь на плитах как хрупкий дождь из

этали.

В дальнем конце центральной колоннады виднеется фигура. Не более чем тень среди теней, но Мортмейн знает свою добычу. Зло сочится из нее как дым. Инквизитор вглядывается в темноту, стараясь разглядеть детали, но тень сдвигается и струится по полу, текучая и гибкая.

«Надежда все еще есть», — думает Мортмейн. Мысль удивляет его, но выпущенная из подсознания, она вырастает в уверенность.

— Надежда есть, — шепчет он, поняв, что демон бесплотен, у него нет носителя. Его мерзкая сущность была высвобождена юстикаром Ликтом и его Серыми Рыцарями, а без физической оболочки тварь скоро будет утянута в имматериум, вернувшись в постоянно меняющийся ад, который породил ее.

Тень вытягивается и движется вдоль колоннады, обретая постоянную форму только оказавшись в нескольких метрах от инквизитора. Она принимает человеческий облик или, по крайней мере,

нечто напоминающее человека. Над Мортмейном возвышается существо высотой три метра, с вороньей головой. Приблизившись, демон раскидывает пару чернильно-черных крыльев и две костлявые руки, наслаждаясь учиненным им разрушением.

— Как считаешь, господин, — спрашивает он дружелюбным тоном, — после всех этих лет службы могу я попросить что-нибудь в оплату?

Мортмейн не отвечает, шагнув в сторону между колоннами и перекидывая нож из руки в руку. Он знает, что его пистолет только насытит силу твари, но клинок таит секреты, которые неведомы даже Цербалу.

— Идем же, — смеется демон. — Ведь о многом надо спросить?

Его облик распадается и возникает снова позади Мортмейна, заставив того резко повернуться и принять боевую стойку.

— Вспомни об отвратительных поступках, которые я совершил по твоей просьбе. Вспомни о крови на моих руках,

которая должна быть на твоих. Я ведь заслужил немного благодарности? Небольшой компенсации?

Мортмейн осторожно пятится. «Надежда есть», — снова думает он, заметив резкость в голосе демона. Несмотря на старания твари говорить спокойно, инквизитор чувствует скрытые эмоции. Десятилетия допросов оттачивали его чувства, пока он не научился распознавать тончайшие намеки на страх или гнев. Кружа вокруг демона, Мортмейн осознает, что у него есть последнее оружие: демон ненавидит его, ненавидит со страстью, которая может сделать его слепым ко всему остальному.

— Думаешь, я позволю твоей мерзкой сущности осквернить тело имперского инквизитора?

Голос Мортмейна так же спокоен и невозмутим, как и у демона. Внезапно он испытывает чувство, что всю свою жизнь шел к этому моменту, к этому единственному испытанию его воли. Сможет ли он отвлекать демона достаточно долго, чтобы экипаж начал

обстрел Улисса? Сможет ли он последний раз провести слугу величайшего Обманщика?

— Испытай меня, Цербал! — ревет он, наслаждаясь потрясением в птичьих глазах демона. — Я сокрушу тебя, демон! Отправлю обратно в ту яму, из которой ты выполз!

Огромные, с рваными краями крылья Цербала опускаются, и он наклоняет голову, удивляясь столь дерзкому поведению старика.

Прежде чем демон смог ответить, Мортмейн выплевывает настолько грубое и гортанное слово, что морщится от отвращения. Как только он произносит его, первый из глифов, вырезанных на кривом ноже, вспыхивает, и инквизитор атакует с удивительной скоростью, разрезав ногу демона прежде, чем тот смог отпрянуть.

Цербал визжит. Пронзительный и ужасный звук заглушает какофонию, отразившись от величественных колонн.

— Как?! — воет он и пятится в темноту, раскалывая плиты когтистыми

ногами.

— Как?! — кричит Мортмейн. — Как я смог так ранить тебя?!

Инквизитор размахивает ножом из стороны в сторону, стряхивая чернильную кровь в полутрак, наступая на огромную съежившуюся фигуру. Первый символ на клинке все еще пылает силой клятвы, и он произносит следующее извращенное слово. Стоит звуку покинуть его губы, начинает пульсировать второй глиф, и Мортмейн, прыгнув вперед, отрезает еще один кусок от ноги демона.

Цербал вопит от боли и шока, и, взмахнув огромными крыльями, поднимает себя к далеким ребристым сводам потолка.

— Твое имя, демон! — победно ревет Мортмейн. — Я не всем делился с тобой! Думаешь, я бездельничал все эти долгие десятилетия? Думаешь, я не предвидел этого момента?

Инквизитор карабкается по расколотому стволу траморной колонны и наводит нож на зависшую над головой фигуру.

— Сразись со мной, тварь! Или ты боишься?

Цербал устремляется вниз и обволакивает своим меняющимся телом одну из колонн, в нескольких метрах выше Мортмейна. При слове «боишься» он резко поворачивает свою птичью голову и злобно смотрит на инквизитора.

— Боюсь?! — визжит он. Его гнев так велик, что тело меняет дюжины форм, дрожа и мерцая, то появляясь, то исчезая из виду. — Ты ничто! Ты — ручная собачка трупа! Ты — насекомое!

Освещение в помещении тускнет, а сквозь стены доносится скрежещущий громкий гул.

Демон резко поворачивает голову в другом направлении, уставившись на сломанную дверь.

— Ты уже начал, — шепчет он. — Экстерминатус.

Пол кренится, и Мортмейн хватается за колонну, чтобы удержаться на ногах.

— Тогда иди, демон! — кричит он. — Ты не найдешь там ничего, кроме боли.

Цербал оглядывается на инквизитора, его глаза наполнены темным пламенем.

— Что ты знаешь о боли?

Демон спрыгивает с колонны, струится сквозь темноту и материализуется рядом с Мортмейном.

Прежде чем инквизитор успевает поднять нож, мерзкий зазубренный коготь рассекает кожаный плащ и отбрасывает Мортмейна в брызгах крови. Инквизитор врезается в колонну с воплем боли и отползает в темноту, едва слышно проклиная врага.

Цербал разворачивается, раскрывает крылья и изгибает длинную шею, заливаясь довольным хохотом, забыв обо всем, кроме наслаждения местью.

Мортмейн идет, пошатываясь, от одной колонны к другой, и вертит головой. Достигнув дальнего конца помещения, он оттягивает лоскуты своего плаща, обнажив разорванную руку. Левый бицепс полностью разодран, он свисает с истерзанной плоти как кусок сырого мяса. Пока демон продолжает кружить в тенях, посмеиваясь про себя, Мортмейн отрывает

кусок кожи от плаща и быстро накладывает жгут. В правой руке инквизитор по-прежнему держит раскаленный нож. Он стучит им по нагруднику и с облегчением чувствует, что тот цел. Без молитв и символов на богато украшенном металле одно присутствие демона разорвало бы его разум так же основательно, как изуродованную руку.

Вдруг возле него раздается смех, но в этот раз Мортмейн готов. Он уклоняется от когтей демона и произносит третье могущественное слово, воспламенив очередной знак на своем оружии.

Цербал съеживается от звука, но, прежде чем он убирает свою лапу, Мортмейн отсекает ножом еще один кусок плоти демона, заставляя того взвизгнуть от боли и бессилия.

Но в этот раз он не сбегает. Мортмейн не успевает сделать вдох для того, чтобы произнести очередное слово, как демон наклоняется над ним, и коготь вспарывает бедро. Старик падает на пол. Никогда в жизни инквизитор не

испытывал подобной боли, но упав, он смог произнести следующее слово и ударить ножом.

Цербал издает хриплые и булькающие звуки, когда клинок разрезает его глотку.

Теперь черное оружие инквизитора пылает огненными символами.

— У меня есть твое имя! — вопит Мортмейн, пытаясь скрыть ложь, выкрикивая ее изо всех сил. — Я изгоню тебя, Цербал! Тебе здесь не место!

Сгорбившийся демон отступает перед ним, зажимая рану в горле и не в состоянии понять, как оружие инквизитора может разрезать плоть, которая даже не существует.

— Мое имя? Как ты мог?

Свет снова тускнеет, и очередной оглушительный рокот наполняет помещение.

«Почти готово, — думает Мортмейн. — Еще несколько минут».

Демон оглядывается на дверь, его голова нерешительно дергается. Он смотрит в сторону мостика «Домитуса»,

затем снова на истекающего кровью человека, корчащегося у его ног. Цербал подозрительно всматривается в короткий кривой клинок, пульсирующий в руке Мортмейна, пытаясь разобрать все еще пылающие знаки.

— У тебя нет сил пользоваться подобной вещью. Если мое имя действительно хранилось бы в этом куске металла, оно разорвало бы твой разум.

Понимая, что ему нужно поддерживать ложь всего несколько минут, Мортмейн выкрикивает очередное слово и пытается снова ударить Цербала.

Демон взмахивает крыльями и исчезает.

Изломанное тело Мортмейна переполняет адреналин от мысли, что демон забыл о нем и отправился на мостик. Затем он видит, как тот снова появляется, пригнувшись подобно горгулье на сломанной колонне, там, где стоял несколькими минутами ранее.

— Мое тело не для такого как ты! — кричит инквизитор, разбрызгивая кровь по нагруднику. Он пытается встать, но его

нога подгибается под ним и он растягивается на плитах, будто пьяный.

— Испытай меня, Цербал. Еще несколько слов, и ты снова будешь в моей власти.

Цербал испускает вопль, заглушающий даже ревуны. Он прыгает с колонны и очертя голову врезается в инквизитора. Они оба кувыркаются по окровавленным плитам.

Пока они катаются по полу, Мортмейн продолжает выкрикивать отвратительные слова и колоть меняющуюся плоть демона, даже когда когти взбешенного Цербала разрывают его на куски.

Наконец они останавливаются у подножия статуи, и Мортмейн начинает смеяться.

— Ты мой! — вопит демон, подняв инквизитора за горло в воздух, и трясет его, как сломанную игрушку.

Мортмейн продолжает смеяться, даже когда его внутренности вываливаются на пол. Зал трясется сильнее, чем прежде, — это пусковые

шахты «Домитус» в конце концов выпускают свои ракеты по Улиссу.

— Возможно, ты все же получишь меня, Цербал, — смеется инквизитор, смутно осознавая, что из полутрака приближаются фигуры в серебряных доспехах, их оружие нацелено на демона. — Но ты никогда не получишь Улисс.

Далеко внизу поверхность планеты вспыхивает красным, затем пурпурным, потом прекрасным опаловым цветом — она начинает умирать.

Глава 18

Храм Астрея представляет собой величайшую нелепость. Когда Хальсер бежит через большой зал, его стены опадают и раздуваются вокруг сержанта, как паруса корабля. Каждый сантиметр здания — пол, потолок и стены — утыкан тысячами глаз, все они следят за Реликтором, направляющимся к арке в дальнем конце. Окна сооружены таким образом, что звезды кажутся зависшими в воздухе, а похожие на дервишей вихри пыли и облаков внутри здания даже неистовее, чем снаружи. Они вальсируют и покачиваются как танцоры, плавно сливаясь с волнообразными стенами. Хальсеру кажется, что он очутился в небесах, и он пьяно пошатывается из стороны в сторону, дезориентированный необычным представлением.

— Ересь! — Пилкрафт хнычет и ковыляет за ним, стреляя по стенам из лазерного пистолета, уничтожая столько мигающих глаз, сколько может. — Ересь,

ересь, ересь, ересь, ересь!

В другой руке он держит трость и пытается колотить кружащиеся клубы, нанося рубящие и колющие удары, как безумный мечник.

Хальсер не обращает на него внимания и продолжает бежать к арке.

— Он собирается освободить нас. — Хальсер чувствует боль Комуса даже через вокс. — Что бы он ни делал, это дестабилизирует время.

— Я не понимаю! — кричит Хальсер, достигнув арки и опершись на камень, чтобы отдышаться.

— Илисс направляется к какой-то временной петле. Может, даже весь сектор. Кем бы этот пророк ни был, ты должен остановить его. — В голосе библиария слышны нетипичные нотки страха. — Ты должен убить его, сержант. Черный Легион хочет до него добраться. Они сейчас атакуют, чтобы не позволить нам помешать ему. Они могут ударить в любой момент. Он опасен, Хальсер. Больше, чем я предполагал. Может быть, он даже не осознает этого.

Хальсер качает головой и входит в следующую комнату.

— Временная петля? Я не понимаю.

Комната представляет собой огромный атриум со стеклянной крышей, окружающий шестиугольную башню в центре храма. Большинство пилигримов бросилось на стены, чтобы организовать хоть какую-нибудь оборону, но при приближении Хальсера несколько из них выходят из башни. Они падают на колени и начинают кричать, шокированные его присутствием в их внутреннем святилище. Сержант задыхается и пошатывается. Их вопящие молитвы наполняют его голову болью. От боли перехватывает дыхание, и он спотыкается, задыхаясь внутри шлема. Он падает на колени, чувствуя, что теряет сознание. Прежде чем отключиться, Реликтор стреляет из болт-пистолета. Выстрелы неприцельные, но один из пилигримов валится на пол, и боль уменьшается. Почувствовав себя сильнее, Хальсер встает и делает еще несколько выстрелов. Пилигримы не пытаются

сбежать, и через несколько секунд все они мертвы. Тогда он продолжает идти, чувствуя, как рот наполняется кровью.

Пилкрафт бредет за ним, размахивая тростью в попытке поразить молитвы, наполнившие воздух.

Хальсер, не задерживаясь, проходит мимо тел пилигримов и вступает в башню. Он видит широкую винтовую лестницу и начинает подъем. Его разум оцепенел от боли. Он едва помнит свою цель, не чувствуя ничего, кроме яростного желания добраться до творца этого кошмарного храма. Пока он поднимается по ступеням, другие пилигримы атакуют его разум, но он немедленно убивает их, подгоняемый зловещими словами Комуса о «временной петле».

— Отступаем в город! — кричит Комус, идя нетвердой походкой сквозь шрапнель и дым и указывая силовым мечом на стены Мадрепора. — Мы должны выиграть немного времени для Хальсера. Мы сможем удержать их у ворот!

Амбар превратился в дымящийся

кратер. Братья Штрассер, Вортимер и Брунман погибли. Обломки их силовых доспехов разбросаны по развалинам, разорванные вражеской тяжелой артиллерией. Осталось пятеро Реликторов. Братья Сабин и Талер помогут Комусу, а тем временем Борелл и Вольтер прикроют огнем.

Через несколько минут Вольтер опускает лазпушку и бросается по дороге за ними, но Борелл остается во рву, продолжая стрелять из болтера.

— Борелл! — кричит Комус, добравшись до относительной безопасности города. — Беги!

Брат Борелл качает головой, не прекращая выпускать снаряд за снарядом.

Вольтер достигает ворот и вбегает в город в сопровождении урагана болтерного огня.

Рядом с Комусом в стене образуется дыра, и он бросается в сторону. Затем библиарий быстро заглядывает в отверстие и видит, что Борелл остается во рву, невозмутимо стреляя, несмотря на то, что враги почти добрались до него.

— Борелл, — повторяет он, но теперь в его голосе нет властности, только уважение.

Борелл спокойно кивает в ответ, затем исчезает из виду, когда фигуры в черном перебираются через ров.

Комус слышит короткий хрип по воксу — это десантники-предатели разрывают Борелла на куски — и опускает голову в молитве. Затем он оглядывает город. Сотни, если не тысячи пилигримов собрались на стенах города. Он чувствует тяжесть их молитв, которыми они пытаются отбросить атакующую армию. И также он чувствует их панику, когда они понимают, что их слова не действуют.

— Они могли убить вас в любой момент, — бормочет он голосом полным отвращения. — Но они так же, как и вы, хотели, чтобы ваш пророк закончил свою работу.

Затем библиарий замечает низкое здание с плоской крышей слева от ворот, с толстыми стенами и маленькими окнами. Он указывает силовым мечом в

сторону здания и идет к нему, не обращая внимания звук вражескую стрельбу, уничтожающую городские стены.

Оставшиеся трое Реликторов бегут за ним.

К тому времени, как Хальсер достигает вершины лестницы, он становится похож на зверя, догоняющего свою жертву и не обращающего внимания ни на что, кроме погони. Город Звезд разрушается, но он может думать только о пророке. Он знает, что должен остановить Астрея даже ценой своей жизни, но едва помнит — почему.

Перед ними высокие белые двери, усеянные теми же вращающимися глазами, что и стены. Он останавливается на секунду и смотрит на них. Синие, серые и карие глаза смотрят в ответ, наполненные ужасом и ненавистью. Ненависть. Вдруг Хальсер вспоминает кое-что другое. Он вспоминает каждое сомнение, слух и ложь, направленные против его любимого ордена. Невольный рык раздается глубоко внутри его груди, и

он, толкнув двери, входит в центральный зал.

Открывшаяся его взору картина настолько непонятна, что он останавливается. Пилигримы стоят на коленях в пяти углах комнаты, построенной в форме звезды, а объект их коленопреклонения даже более необычен, чем они. Человек, которого Хальсер принимает за пророка, ростом с космодесантника, но если Хальсер — это заключенная в броню груда мышц, то пророк представляет собой серое чахлое подобие человека, укутанное в широкую черную мантию, которая скрывает большую часть его тощего тела. Плоть человека цвета дождевых туч, а руки и ноги странно вытянуты. Пальцы, сжимающие подлокотники украшенного трона, похожи на лапы бледного паука: такие же членистые, как у ящерицы, и заканчиваются длинными багровыми когтями. Самое странное — голова. Она в три раза больше нормального черепа и заключена в сферический, наполненный жидкостью шар. Глаза пророка едва видны

за толстыми затемненными очками, которые к тому же закрывают большую часть лба. Его мертвенно-бледный череп утыкан лесом толстых проводов, выходящих из стеклянного шлема и соединяющихся с невообразимой коллекцией измерительных приборов. Медные секстанты, компасы и вращающиеся тикающие глубинометры сложены на стеклянном шаре в подобие ржавой короны.

Несмотря на все, что он видел на Илиссе, облик пророка заставляет Хальсера онеметь. Все необычное в планете отчетливо исходит из этой одной неестественной фигуры. Клубы облаков, распространяющихся из храма в небеса, тянутся из раздутого улыбающегося лица.

Вошедший в комнату через несколько секунд Пилкрафт озвучивает бесспорную истину.

— Ты, ты — навигатор, — заикаясь, произносит он, когда группа кабелей выползает из-под капюшона, чтобы сфокусироваться на пророке.

Астрей улыбается, вызвав хор вздохов у своих вассалов, и произносит:

— Когда-то был.

Его голос звучит странно и отдаленно, приглушенный жидкостью в шлеме, и когда он говорит, воздух в комнате колышется, как марево.

— Когда-то я был Ярбонелем ван Толом, первым сыном барона Корнелия ван Тола. Но это было давным-давно, и подозреваю, меня лишили наследства. Однако у Императора сейчас есть лучшее имя для меня, как и более великое предназначение.

Он пристально смотрит на Хальсера. Свет в помещении усиливается, и за линзами его очков становятся видны глаза.

Хальсер на мгновение забывает о цели, загипнотизированный взглядом пророка, затем встряхивает головой и вспоминает слова Комуса.

— Что ты здесь делаешь?! — рявкает он, указав оружием на клубящиеся облака и ряды глаз. — Что это за колдовство?

Улыбка сходит с лица пророка. Он

хмурится, явно удивленный обвинением в колдовстве.

— Я наблюдал за тобой издалека, космодесантник, — говорит Астрей. — Думал, что хоть ты поймешь.

Хальсер снова трясет головой, слишком смущенный, чтобы ответить.

— Когда Император забросил меня на Улисс Один, я подумал, что Он покинул меня. — Пророк указывает на потолок. — Мой любимый корабль был полностью разрушен.

Хальсер поднимает голову и видит имперские эмблемы, вплавленные в странную постройку, словно все это место выросло из каркаса линкора.

— Мои ранения были ужасными, — Астрей слегка поворачивает голову, демонстрируя следы грубой хирургии на затылке, — но мои дети спасли меня. — Он улыбается преклонившим колени пилигримам. — Со временем я понял, что повреждения мозга не затронули мой истинный потенциал. Все, что ты видишь здесь, сержант, — это истинный потенциал верного человека. — Пророк

сжимает пальцы в кулак, и воздух заметно колышется подобно воде. — Скоро у меня будет сила сокрушить тех, кто выступит против нас. — Голос становится громче: — Я буду непобедим.

Вспомнив стоящую перед ним цель, Хальсер крепче сжимает болт-пистолет. Он должен остановить этого безумного монстра, прежде чем тот разорвет всю Галактику своим колдовством. Сержант поднимает оружие и бормочет молитву, но не успевает выстрелить. Храм начинает крениться.

Молитвы пилигримов превращаются в вопли ужаса, когда стены начинают шататься и оседать.

— Началось. — Пророк улыбается и склоняет голову так, что стеклянный шар со звоном касается оружия Хальсера. — Твои друзья отправили тебя на смерть. Они хотят, чтобы ты умерли вместе.

Хальсер тяжело дышит.

— Ты — лжец! — кричит он, но в этот момент узнает силу взрывов. Реликтор хватает с пояса хронограф. — У меня все еще есть время! — Он недоверчиво

смотрит на обваливающиеся стены. — Мортмейн не поступил бы так со мной!

Пророк кивает.

— Они больше всего боятся отваги. Мой собственный отец послал их убить меня. А ты... — Он делает паузу. — Они послали тебя сюда на смерть, друг мой. Твоя смерть подле меня станет их решающим доказательством. Теперь они будут открыто произносить слово, которое долго шептали в твой адрес: «Еретик».

«Меня предали, — думает сержант Хальсер. — Предали».

— Комус упал! — ревет по воксу брат Вольтер. — Возможно, мертв... Я не уверен. Они захватили лазарет. Я отступаю. Какие приказы? Сержант? — Сообщение прерывается, слова наполовину глушит звук канонады. — Ты там? Сержант Хальсер?

Хальсер прижимает оружие к голове пророка и не отвечает. Из теней на него кричат пилигримы, но взгляд космодесантника прикован к паре

абсурдных, бездонных глаз.

Пророк смотрит на него.

Хальсер кладет палец на спусковой крючок.

— Я могу спасти нас обоих, — говорит он. Его голова наклоняется внутри шарообразного шлема, надетого на бледную, тонкую шею и заполненного густой жидкостью. Раствор искажает голос, но пророк пытается преобразовать свои гласные звуки во что-то человеческое, тщательно выговаривая каждое слово, словно обращаясь к ребенку. Он тычет длинным, перепончатым пальцем в человека в дверном проеме.

— Они лгали тебе. И убили нас обоих. Ведь они точно знали, что случится. Всегда знали.

Хальсер следует за его взглядом и, к своему ужасу, обнаруживает, что Гидеон Пилкрафт смеется. Под черным капюшоном не виден рот, только вибрирующая масса кабелей, но веселье очевидно. Решимость Хальсера испаряется. Движение руки приостанавливается. Если Пилкрафт знал

о происходящем, значит, вся операция была ложью. Хальсер пытается собраться с мыслями. Он пытается молиться, но стоны брата Вольтера впились в него, слившись с воплями пилигримов. Канонада становится все громче, и вот уже кажется, будто вся долина гудит. Звук невыносим и слишком громок для обычных тяжелых орудий. Вокруг гремят взрывы, и Хальсеру приходится смириться с правдой.

Орбитальная бомбардировка уже началась.

Без защиты Комуса его разум быстро сдается. Искажение времени достигло своего пика, и голоса пилигримов скребут по сознанию, как клинки по металлу. Сержант не может уверенно отличить «сейчас» от «тогда». Он ведет отделение через катакомбы, вырезает пилигримов у городских ворот и подходит к внутреннему храму, но в то же время знает, что это уже случилось. Хальсер пристальнее вглядывается в уродливые глаза пророка, пытаясь взять себя в руки.

— Комус упал! — ревет по воксу брат Вольтер. — Возможно, мертв... Я не

уверен. Они захватили лазарет. Я отступаю. Какие приказы? Сержант?

Хальсер ругается и оглядывается на дверь. Время разрушается. Он слышал эти слова и раньше, но сколько раз?

— Я не позволю тебе жить, — произносит он, повернувшись к пророку. Металлический отзвук усиленного голоса гремит в зале. — Ты — мерзость.

Пророк склоняет набок раздутую голову и ухмыляется.

— У тебя есть корабль, а у меня — предвидение. Облака — не преграда для меня. — Он указывает на Пилкрафта. — Он причинил зло нам обоим. Почему мы должны смириться со своей судьбой? Мы — немногие избранные. Впереди нас ждут великие свершения.

Хальсер качает головой, но в его глазах пылает сомнение. Пристрелить пророка означает умереть. Хуже того, это означает провал. Но какова альтернатива? Как можно сохранить жизнь такому человеку после всего, что он видел?

Пророк касается удлиненными

пальцами силового доспеха Хальсера. Он обводит или контур филигранного черепа и прищуривается.

— Зачем ты прибыл в Мадрепор, Реликтор?

Комната наклоняется и пол смещается. Вражеский огонь все ближе. Со сводчатого потолка падают куски векового мрамора. Десятиметровые орлы трескаются и раскалываются, покрывая пол огромными сломанными крыльями.

— Узрите непреложную волю Императора! — вопит Пилкрафт со стороны дверей, перекрикивая какофонию. — Ты надменный глупец, сержант Хальсер. Это все твоя вина. Это — цена, которую ты платишь за свое низкое, раболепствующее заблуждение и неоднократное использование ксено...

Хальсер затыкает его выстрелом в голову. Звук разносится по комнате, и Пилкрафт падает в фонтане крови. Кабели в его капюшоне еще несколько секунд дергаются, после чего он затихает.

Хальсер поворачивается и снова прижимает болт-пистолет к шлему

пророка.

— Ты — мутант.

— А кто ты, Реликтор? — Стеклянный шлем пророка забрызган кровью Пилкрафта, но тон остается дерзким.

Он указывает в сторону сети коридоров, которые ведут из его тронного зала.

— Здесь есть оружие. Оружие, которым ты можешь воспользоваться. — Его тон становится мягче. — Они лгали тебе, Реликтор. Всем вам. Твоя верность неуместна, разве ты не видишь?

Хальсер морщится, когда агонизирующий хор становится громче: отчаянные запросы брата Вольтера о приказах, напевы пилигримов, гул земли, грохот орудий. Но хуже шума сомнение. Как мог Мортлейн обмануть его? Пока Хальсер изводит себя этим вопросом, сомнение превращается в ярость. Даже его самый старый друг не верит в него, не верит в его орден. Он и его люди были отправлены на смерть. Возможно, стоит рискнуть и прислушаться к пророку?

— Я докажу, что ты ошибаешься, Мортмейн, — не скрывает злости Реликтор. — Я заставлю тебя заплатить.

В то время как его разбирает гнев, дежавю становится невыносимым. Слова пророка кружат по комнате, становясь громче с каждым повтором. Неуверенность Хальсера растет, и в его голове вспыхивает свет, сливаясь с кристаллами в стенах и глифами, вращающимися перед его визором. В тот момент, когда сержант покидает орбиту и летит вниз, в бурю, он видит корону солнечного света вокруг Илисса, мерцающую подобно золотой нити.

Бен Каунтер
УСИЛИЕ ВОЛИ

Часть 1

Лохос был прекрасным городом.

Стальные шпили пылали серебром в свете солнца Олимпии. По улицам текли ртутные реки, извиваясь между кузнями и храмами, посвященными старейшим предкам этого мира-воина. Минареты и шпили наперегонки тянулись в небо. Облицованные мозаичной плиткой улицы сверкали, а в тенях между литейными цехами пылали темно-красным светом огни печей. От склона горы до морского побережья раскинулся город, охватывающий тысячи поколений прошлого Олимпии и миллионы грез ее будущего.

Статуи могучих, закованных в броню воинов стояли на крышах каждого важного здания. Новые боги Лохоса, идолы благочестивого мира и символы новой Галактики и Великого крестового похода, призванного объединить ее. Они являли образцы того, кем может однажды стать человечество. Они были Железными

Воинами.

Это видение снизошло на Шон'ту, преклонившего колени на жертвенном камне. Кузнец войны не вставал на колени ни перед одним человеком, но теперь сделал это из уважения к чему-то большему, чем человек. Образ Лохоса, погибшей столицы Олимпии, наполнил его подобием эмоций. Он не мог как следует вспомнить их, потому что прошло десять тысяч лет с тех пор, как ему в последний раз довелось испытать радость, грусть или что-нибудь еще столь же незначительное. «Железо внутри, — сказал он тогда себе. — Железо снаружи». В его душе больше никогда не будет ничего, кроме железа цели и стали ярости.

Возможно, он почувствовал сожаление. А может быть, в едва ли человеческим чертах Шон'ту — стальная челюсть и усеянный шипами металлический череп почти вытеснили несколько лоскутов плоти на его лице — промелькнула тоска. Человек, ставший позднее Шон'ту, родился в Лохосе. У него остались воспоминания этого человека. Он

помнил, как оставил город, чтобы присоединиться к Великому крестовому походу подлеца, которого позже узнал под именем Ложного Императора, Бога-Трупа. Помнил, как вернулся сюда. Помнил, как погиб город.

Лохос был мертв. Олимпия была мертва. Но дух ее продолжал жить.

— Я на коленях, — сказал Шон'ту.

— Встань, — ответил Дух Лохоса.

Шон'ту встал, доспех лязгал и выл, испуская струи пара из архаичных двигателей. Дух Лохоса наполнил весь ритуальный зал, создавая впечатление, что помещение простирается на дюжины миль во все стороны. На самом деле это был маленький клочок святой земли на борту «Железной злобы», благословенный боевыми трофеями, принесенными Железными Воинами. Корабль был реликвией предыдущей эпохи, покрытый шрамами тысячелетий, такой же неуступчивый и яростный, как и Железные Воины, которые летели на нем. Он был больше, чем машиной или оружием, он был жестоким и обладал самосознанием, как

животное, натасканное нападать. Каждая его частица была посвящена битве, но ритуальный зал предназначался исключительно для Шон'ту. Жертвенный камень доставили с улиц Лохоса и омыли в крови его народа много лет назад. Шон'ту пролил на него собственную кровь, хотя ее немного осталось в теле кузнеца войны.

— Я родился на улицах твоего города, — продолжил Дух. — Моими родовыми схватками были крики его народа. Я живу только в деяниях Железных Воинов и только тебе дарю свое присутствие.

— Нас привели сюда предсмертные слова сотни оракулов, — сказал Шон'ту, — в это место рядом с Оком Ужаса. Они говорили о предстоящем разрушении и кровопролитии.

— Они не лгали, кузнец войны.

— Тогда как мы найдем его?

На улицах Лохоса кипели бои. Граждане и солдаты сражались с космодесантниками легиона Железных Воинов. Каждый Воин был подобен шагающему бастиону, неуязвимому для

вражеских пуль и клинков и изливающему смерть из своего оружия. Чистка Лохоса была часом ужаса и предательства, но также стала моментом, когда Железные Воины осознали слабость Императора и его нового порядка. Она стала рождением легиона Шон'ту, священным временем, закалкой в огне. Образ города окрасился багрянцем из-за текущей по улицам крови.

— Око разверзлось, — сказал Дух, — и Хаос излился. Многие лакеи Бога-Трупа изолированы и одиноки, хотя еще не знают об этом. Два звездных форта стерегут врата в Око. «Непоколебимый бастион» и «Усилие воли». Если на них напасть, немногие придут им на помощь. Потеря фортов станет тяжелым ударом, без них для возвращения региона Империуму потребуется крестовый поход, который ему не под силу. Но это касается тебя меньше, чем тех, кто владеет фортами.

— Кто же? — спросил Шон'ту.

Теперь тела складывались в кучи на площадях и перекрестках Лохоса. Добрые мужчины и женщины, которых Император изобразил мятежниками и предателями,

чьи смерти потребовали в качестве доказательства верности Железных Воинов. Вместо этого предательство даровало их верность исключительно силам варпа, Богам Хаоса, посланником которых был Дух Лохоса.

— Сыны Дорна, — ответил Дух Лохоса. — Имперские Кулаки.

Кузнец войны Шон'ту минуту молчал, наблюдая за бойней в городе. Он помнил, что был там, помнил, что принимал участие в ней. Там, где-то среди видения был он, шагающий от дома к дому, убивающий каждого, кто осмеливался пошевелиться. Тот же болтер, что висел у него на поясе, в тот день проливал кровь. Тот же боевой нож хранился на его груди. Те же руки.

Затем кузнец войны Шон'ту начал смеяться.

— Это «Железная злоба».

Произнесший слова человек — картограф Скуне — казался карликом рядом с космодесантниками. В темноте командной палубы «Непоколебимого

бастиона» кастелян Лепид в золотом доспехе своего ордена больше походил на вырезанную из янтаря статую, чем на того, кто когда-то был человеком.

— Ты уверен? — спросил Лепид.

— Абсолютно, — ответил картограф. Среди неаугментированных людей, служивших в звездном форте, он обладал высоким званием, но почтение, с каким он относился к космодесантнику, не вызывало сомнений. Он не мог смотреть Лепиду в глаза, словно тот представлял собой некую священную реликвию, и Скуне был недостоин взирать на кастеляна.

— Данные корабля очень старые и немного искаженные, но взаимосвязь очевидна.

Лепид стоял во главе командного стола, находящегося в центре палубы. Палуба напоминала залы в замке феодального мира, на облицованных камнем стенах висели щиты, мечи и гобелены с изображениями битв звездного форта. Голопроекторы и пульты управления станцией были скрыты внутри огромного стола из твердой древесины.

Вдоль стен помещения сидели члены экипажа, их темно-синяя униформа и эмблемы с изображением золотого кулака указывали на то, что они — неаугментированные мужчины и женщины, служившие ордену Имперских Кулаков.

— Подготовить машинный дух к сражению и привести все вооружение в боевую готовность, — приказал Лепид и широко улыбнулся. — И предупредите астропата. Пусть сообщит ударному флоту Гелиос наши координаты и известит капитана Лисандра. Если он поспешит, то получит шанс подобрать трупы, которые мы оставим за собой.

Кастелян Лепид заслужил свой пост командира «Непоколебимого бастиона» несколькими сражениями против врагов ордена. Его доспех напоминал формой крепость, керамитовый горжет соответствовал богато украшенным зубчатым стенам, а наголенники — прочным контрфорсам. Броню увешивали трофеи, снятые с убитых им врагов: уши зеленокожего варлорда, изящные безделушки из призрачной кости провидца

эльдар, зубы и позвонки множества уродливых ксеносов. Он ударил кулаком о нагрудник.

— Я припас место, — заявил он, — для части тела того еретика, что управляет «Железной злобой». Многие из нас поклялись уничтожить его, и я буду тем, кто исполнит клятву. Палец или челюсть, ребро или рука, не имеет значения! Какая-то часть кузнеца войны Шон'ту будет висеть здесь. — Он повернулся к экипажу, уже работающему за различными пультами управления, приводя многочисленные оружейные системы звездного форта в боевую готовность. — Ликуйте, сыновья и дочери человечества! Сегодня вы послужите своему Императору, принеся ему голову Железного Воина! Голову Шон'ту!

Глубоко в сердце звездного форта, среди адской жары и света мигающих зеленых огней, которые усеивали тенгиры черного носителя данных, технодесантник Коргон ждал запуска духа машины «Непоколебимого бастиона». Разум был закодирован в миллионах плат

информационного носителя, бессчетные триллионы расчетов каждую долю секунды сплетались, чтобы породить сознание, такое же старое, как сам Империум. Созданный в эпоху, предшествовавшую объединению человечества Императором, «Непоколебимый бастион» накопил больше боевых знаний, чем мог похвастаться целый орден Космодесанта.

Из выложенного черным кристаллом колодца поднялся мерцающий рой синих и зеленых светлячков. Они слились в фигуру, олицетворяющую нечто живое, возможно змея, извивающегося кольцами, или колонию полипов. Или же она могла быть выражением математического объекта, фрактала, который беспрерывно рассыпался и обращался в самого себя.

— «Бастион»! — заговорил технодесантник Коргон. — Мы в состоянии войны!

— Кто враг? — спросил дух машины. Его синтезированный голос наполнил информационное ядро «Непоколебимого бастиона». Дух был известен своей резкостью и грубостью, постоянным

недовольством по пустякам.

— Железные Воины, — ответил технодесантник. Серворука на ранце доспеха вставила инфозонд в разъем на кристаллической стене позади Коргона, введя данные, которые сенсориум получил с вражеском корабле. — «Железная злоба», флагман кузнеца войны Шон'ту. Менее получаса назад он вышел в реальное пространство в пределах нашей досягаемости.

— Псы, питающиеся отбросами! — выругался дух машины. — О, если бы у меня были руки, чтобы свернуть им шеи! Если бы были кишки, чтобы опорожниться на их трупы!

Именно по этой причине технодесантник Коргон предпочитал общаться с духом машины наедине. Он привык к его темпераменту, но то же самое нельзя было сказать про остальных Имперских Кулаков и слуг ордена, входящих в экипаж «Непоколебимого бастиона».

— Ты вторишь нашим собственным желаниям, — сказал Имперский Кулак. —

«Железная злоба» принадлежит к классу гранд-крейсеров «Бичевание», это страшный враг. Мы просим, чтобы ты поделился своей мудростью для предстоящей битвы.

— Моей мудростью? — переспросил дух машины резко. — Против такого врага мудрость не нужна! Только ярость! Они погрязли в своей низости и представляют себе наши головы, насаженные на пики. Но я разорву корпус их корабля огнем моих лэнс-излучателей, а самих предателей превращу в замороженный туман. Мои сервиторы натянут их кишки на моих бойницах! Какие бы отвратительные данные не гноились в их системах, я полностью сотру их и выпотрошу этот корабль! Давным-давно «Железная злоба» открыла свой дух машины предателям и демонам! Я уничтожу то, что от него осталось. Тебе повезет, если останется хоть один Железный Воин, на котором ты сможешь попрактиковаться в стрельбе.

— Тогда я передам управление основным вооружением тебе, дух машины, — продолжил Коргон. — И оставлю

оборонительные системы под командованием моего экипажа, чтобы ты мог сосредоточиться на враге. Я приказал им дать пристрелочные выстрелы...

— Тихо! — заревел дух машины. Фрактал света выровнялся и расширился, гололитический образ скользнул по бронированному телу технодесантника и вверх по кристаллическим стенам. — Я слышу их.

— Слышишь? Они все еще за пределами досягаемости сенсориума среднего радиуса действия. Мы едва улавливаем обычные сообщения.

— Они здесь, — сказал дух. — Я чувствую их. Ощущаю их грязь! Они наполняют радиоспектр своими нечистотами! Затапливают сеть данных кипящей гнилью! Технодесантник, это не физическая атака! Я... я блокирован!

Фрактал потемнел. В информационном ядре, напоминая фейерверки, сверкали пятна желтоватого света. Отросток фрактала ударился о край колодца, словно ослабевшая рука, удерживавшая от падения раненого бойца.

— «Бастион»! — с тревогой в голосе обратился к духу Коргон. — Говори! Что причиняет тебе боль?

— Колдовство! — воскликнул дух машины. — Демоническая магия! Беги отсюда, технодесантник! Беги! Эти мерзкие отбросы, этот блюющий гнилью сброд, они блокировали меня! Десять тысяч лет, целая эпоха Империума, и теперь эти трусы погубили меня!

Все информационное ядро задрожало. Посыпались осколки черного кристалла от треснувших блоков носителя данных. Пол наклонился и раскололся, под ногами Коргона разверзлись трещины.

— Что мне делать?! — выкрикнул Коргон сквозь грохот разрываемого металла.

— Уходи! Сейчас же! Беги! Возьми мои орудия и вышвырни этих нечестивцев из космоса!

— Я не могу оставить тебя! У меня есть долг!

— Твой долг — уничтожить наших врагов!

Сквозь сталь палубы и кристалл

носителя данных просачивались завитки желто-зеленого света, словно извивающиеся змеи под поверхностью ледяной корки. Коргон упал, палуба раскололась под ним, и он схватился за кусок металла, чтобы не соскользнуть в колодец.

Цвет фрактала перетекал из черного в тошнотворный желто-зеленый и обратно, на его поверхности содрогалось подобие искаженного болью лица. Кроме того, в нем было что-то еще, нечто темное и извивающееся, дымчатые кольца скручивались вокруг духа машины, сжимая и подчиняя его.

Коргон с трудом поднялся, зашатавшись от усилий. Демонические кольца вцепились в его ноги и руки, но он разорвал их, бросившись бегом к выходу, который вел в технические секции «Непоколебимого бастиона». Рука, наполовину образованная из зеленоватого света, наполовину — из бурлящей тьмы, схватила инфозонд на конце серворуки технодесантника и с силой направила его к одному из стеллажей носителя

информации. Зонд вошел в черный кристалл, и серворука ярко засветилась, когда через нее ворвался поток данных.

Спина Коргона изогнулась, мышцы свело судорогой, а кости затрещали. Технодесантник оскалился, дрожа всем телом, глаза закатились, изо рта пошла пена.

— Технодесантник! — завопил дух машины. — Брат мой!

Судороги свели мышцы Коргона, керамит брони изогнулся. Из трещин хлынула кровь.

В местах разрыва брони выступили покрытые пленкой и жилками безумные глаза. Человек Коргон распался, замененный чем-то ужасным и нечеловеческим.

Дух машины «Непоколебимого бастиона» заревел от боли. Все блоки носителя данных раскололись, кристаллические осколки завывали в буре рассеивающейся информации. Над местом трагедии пронеслась демоническая тень, и источник тьмы ворвался в сердце звездного форта.

Смерть пришла в «Непоколебимый бастион» под покровом тени и плоти.

Кастелян Лепид пережил личный состав командной палубы на несколько секунд. Они задохнулись после того как дух машины уступил управление инфодемону, и тот открыл воздушные шлюзы и двери в переборках. Воздух с пронзительным звуком вырвался из звездного форта, вытянув с собой многих членов экипажа. Те, кто смог удержаться, умерли в следующее мгновение, кровеносные сосуды разорвались, легкие лопнули, кровь вырвалась во внезапно обрушившийся холод замороженным туманом.

Космодесантник недолго продержался в проникшем внутрь вакууме. Не он убил Лепида. Это было лицо, которое выступило из палубы, его линии были вырезаны из стали, огромные безжизненные черные глаза не мигали, когда руки инфотени затянули Лепида в зияющий рот. Кастелян оказался в яме из скрежещущих клинков, глотку стальной змеи усеивали ряды зазубренных зубов.

Лепида целиком проглотила твердость, созданная из материи «Непоколебимого бастиона». Вакуум заглушил вопли отказывающегося проявить покорность Имперского Кулака, а жизнь его погасла, когда тело искромсали и швырнули под палубу.

Картина повторилась по всему звездному форту. Немногочисленные Имперские Кулаки были перемолоты в труху и нанизаны на стальные когти рук, выросших из окружавших их машин. Другие последовали за матросами через воздушные шлюзы, кувыркаясь в космосе. Какое-то время они были живы, пока не закончились запасы воздуха в доспехах. Они в последний раз видели «Непоколебимый бастион», его украшенные своды и контрфорсы, свернувшиеся в себя и превратившиеся в огромные лица, затуманенные глаза, глядевшие из ран, открывшихся на корпусе звездного форта.

Умирая, космодесантники видели, что «Непоколебимый бастион» также гибнет. Вместо него возникло нечто чудовищное.

Иногда мысли капитана Лисандра обращались к значению жертвы.

Это был первый выученный им урок в качестве космодесантника. Человек, начавший обучение под руководством капелланов Имперских Кулаков, давно исчез. Его сменил тот, кто был скорее наследием, олицетворением его ордена, чем человеком. Но Лисандр по-прежнему помнил то, чему научился. Битву нельзя выиграть без жертвы. Будь то единственная выпущенная пуля или смерть целого мира, за победу, так или иначе, надо заплатить.

Жертва была первым, что пришло ему на ум, когда он изучал тактическую карту региона, окружавшего Око Ужаса. В его непосредственной близости серые значки обозначали миры, пожертвованные хлынувшей волне Хаоса. Их усеивали кладбища огромных армий и населения планет, миллиарды убитых поклоняющимися Хаосу еретиками, которые называли себя солдатами Черного крестового похода. Символы крупных битв и боевых операций флота ярко горели на

голодисплее, отмечая массовые жертвы, принесенные на алтарь победы. Некоторые были успешными, большинство нет, а боевые действия вокруг Ока превратились в одно сплошное сдерживание врага. Наконечник удара Хаоса должен быть затуплен. Если Хаос крупными силами прорвется сквозь кордоны Имперского флота, то Черный крестовый поход достигнет самой Терры.

Этого не произойдет. Империум пожертвует всем, что у него есть, чтобы помешать этому плану. Имперский гвардеец или матрос Флота могут не понять этого. Для них победа равна выживанию, так же как ограниченному имперскому гражданину достаточно просто сохранить здравый рассудок. Но Лисандр понимал.

Лисандр размышлял об этом в тактическом планетарии ударного крейсера «Осада Малебрука». Корабль был выделен из состава флота Имперских Кулаков Гелиос, который охранял один из выходов из Ока. Это было все, что мог позволить себе флот. В любой момент

армады Хаоса могли перейти в наступление и навязать Империум Кулакам сражение. Сам Лисандр был ценным воином, присутствие которого Кулаки не могли позволить себе нигде, кроме как в пекле битвы, но его задача была важнее даже командования братьями-космодесантниками флота Гелиоса.

Его задача заключалась в том, чтобы подтвердить факт смерти кузнеца войны Шон'ту.

За ухом Лисандра застрекотало вокс-устройство.

— Говори, — произнес он.

— Капитан, — раздался голос командира корабля Христиса. — Мы выходим из варпа. Все приборы в норме.

— Как только мы окажемся в реальном пространстве, свяжись с «Непоколебимым бастионом» и «Усилием воли», — приказал Лисандр. — Объяви боевую готовность. Сражение уже началось и может еще продолжаться. Мы должны быть готовы задействовать наши орудия.

— Да, капитан, — ответил Христис. — Входим в реальное пространство.

Император защищает.

Тактический планетарий, обшитый медью и покрытый изображениями шестеренки Адептус Механикус, содрогнулся, когда «Осада» пробила пелену между варпом и реальностью. На долю секунды структура планетария изменилась: в нем проступили невозможные углы, словно сама реальность протестовала против вторжения в ее владения. Затем все прошло, и «Осада» снова оказалась в материальном пространстве.

Гололитическое изображение мигнуло и изменилось, теперь оно показывало космос в непосредственной близости от корабля. «Усилие воли» был окружен мигающими значками, изображающими ограниченный гарнизон Имперских Кулаков. Звезда в нескольких световых часах, мертвые луны и пояс астероидов. Давно мертвые платформы эксплораторов.

«Непоколебимого бастиона» не было.

— Входящие сообщения, — раздался

голос Христиса по воксу. — Искаженные. Повсюду аварийные радиобуи с «Усилия».

— Есть данные о «Бастионе»? — спросил Лисандр.

— Ничего. Мы ищем его. От него нет никаких сигналов, даже обычных радиомаяков.

— Найдите его, — приказал Лисандр.

— Так точно, капитан. Нам оставаться на позиции?

— Нет. Направляйся к «Усилию воли».

В последнем сообщении говорилось о демоническом вирусе. Зашифрованное секретным кодом астропата, оно преодолело расстояние от одного звездного форта к другому со скоростью мысли. Колдовство. Моральная угроза. Мы уничтожены.

Слова пронеслись в голове технодесантника Гестиона, когда он протиснулся через дверь в переборке, следуя по техническому коридору, не предназначенному для космодесантника в доспехе. Из глубин двигательного и энергетического отсеков «Усилия воли»

трубили ревуны, а синтезированные голоса, бессвязно гомоня, передавали зловещие предостережения.

Гестион пролез сквозь люк в огромное холодное хранилище. Ледяной туман скрывал высокий сводчатый потолок, а полированный металл стен был покрыт льдом. В хранилище находилось почти круглое тело археотека, биомеханическое скопление соединенных друг с другом десятков человеческих тел, окутанных кабелями и заключенных в стальные оболочки. Здесь обитал дух машины «Усилия воли», ритмичные движения сотни тел регулировали его функции, а такое же количество человеческих умов составляли структуру его разума. Так же как сервиторы, которые обслуживали системы звездного форта, были созданы из тел умерших матросов, так и эта машина состояла из тел разных техноадептов и магосов, которые тысячелетия поддерживали ее в рабочем состоянии. Слияние с духом машины стало для них последней почестью, их разумы соединились с его, их собственная

мудрость прибавились к тем огромным знаниям, что наполняли его блоки памяти.

— Я вижу их, — сказал «Усилие воли», его голос звучал из сотни ртов. — Они между седьмой и восьмой лунами и следят за нами.

— Вражеский корабль не самая большая угроза, — возразил Гестион. — В последнем сообщении от «Непоколебимого бастиона» говорилось о колдовстве. О техновирусе, созданном при помощи демонической магии.

— Значит, «Бастион» потерян, — сказал «Усилие воли». — Я почувствовал пустоту в информационной сфере, и опасался, что мой друг погиб. Десять тысяч лет мы были братьями, созданными в одну эпоху и сражающимися бок о бок в последующие века. Вот так время лишает нас даже того, что не может умереть.

— Теперь они нападут на нас, — заявил Гестион. — Шон'ту и его Железные Воины не удовлетворятся одним призом. Он захочет захватить и нас тоже.

— Ему не получить нас, — отозвался «Усилие воли». — Ты и я предупреждены.

Мы дадим отпор этому демоническому бедствию. Шон'ту придется завоевывать победу орудиями и клинками, а не колдовством.

— Я тоже в этом присягаю, — сказал Гестион.

Продолжительность жизни космодесантника намного превосходила обычную человеческую, но даже по стандартам сверхчеловека Гестион был стар. Его вытянутое угрюмое лицо выглядело неуместно в обрамлении красно-золотой брони технодесантника Имперских Кулаков. Он соответствовал размерам и наружности Астартес, и все же почему-то выглядел так, словно корпел над письменным столом ученого, а не нес огонь и кровопролитие врагам Императора. И действительно, с его доспеха свисало множество свитков и книг, хранящих различные техноритуалы, которыми он чтил духи машин и обслуживаемое им военное снаряжение ордена.

Гестион взял одну из самых толстых книг, а над плечом развернулась серворука,

манипулятор на ее конце открыл застежку на книге. Технодесантник быстро пролистал страницы и нашел нужный ритуал.

Страницы покрывали группы нулей и единиц, разделенные сложными алгебраическими вычислениями. Гестион провел пальцем по странице вниз, бионика глаз стрекотала, анализируя фразы машинного кода и отправляя их к логическим схемам в задней части черепа.

— Омниссия, — прочитал Гестион. — Ты, чьи знания создают твердыню понимания в мире информации. Ты, чьи владения — все, что изобретено и создано. Темные Силы смотрят с завистью на твоего слугу. Защити его и верни священные знания из пасти греха.

Рты множества тел открылись. Дух машины скоординировал их голосовые связки, чтобы создать гармонию машинного кода, белый шум щелчков и гула, вторящий словам Гестиона на языке, который неизмененный человеческий разум не мог постичь. Пальцы задергались, как только ожили нервные системы, долгое

время находившиеся в неподвижности.

— А, они здесь, — прорычал «Усилие воли». На оболочке вспыхнули аварийные лампы, отбрасывая мечущиеся красные тени на колонны и арки хранилища. — Громада столь нечестивого знания, несущаяся по морю разума, словно корабль, управляемый мертвецами и увешанный трофеями осквернения. Если бы ты мог их видеть, Имперский Кулак! Даже твоя хваленая ненависть разгорелась бы с новой силой!

Перед глазами Гестиона возникли предупредительные символы, проецируемые на сетчатку. Они сообщили космодесантнику, что в зону действия сенсориума «Усилия воли» вошел неизвестный корабль, который быстро приближался, скрытый всеми видами противосенсорных помех, превративших его в тень в пустоте. Гарнизон Имперских Кулаков и смертный экипаж, уже находившиеся в состоянии повышенной боеготовности после предсмертного вопля «Непоколебимого бастиона», активировали оружейные системы звездного форта.

— Но моего брата уничтожили не орудия и торпеды, — продолжил дух машины. — С ними он мог бы сражаться на собственных условиях! Огнем отвечать на огонь! Нет, его одолела сама сущность обмана. Но я не последую за ним в бездну неведения! Меня не обмануть! Я буду защищен святой истиной!

Серворука Гестиона изменила конфигурацию и выжгла лазером на полу хранилища сложный пятиугольный символ. Сталь вокруг него кипела и пузырилась, и не только от жара.

Тени сгущались. Тела оболочки духа машины стремительно старели, кожа серела и отслаивалась, мышцы и органы проваливались в пустоты скелетов. Лица разлагались до обнаженных зубов и черных глазниц.

— Омниссия, помоги нам! — закричал Гестион. — Не дай уничтожить эту древнюю душу! Не допусти эту порчу!

На высоком потолке затрещала красная молния, образуя полосы цвета крови вдоль колонн и стен. Далекие голоса бормотали и пели, соревнуясь с одиноким

Гестионом. Одна секция стены выгнулась и лопнула, превратившись в веки огромного налитого кровью глаза, который неистово вращался. Гестион закричал и швырнул пригоршню сажи в круг, и глаз исчез.

Хранилище затряслось. По вокс-сети звездного форта зазвучали голоса, передающие информацию о приближении врага. Он принадлежал к классу гранд-крейсеров, его силуэт был хорошо известен по тактическим сведениям, доступным из носителя данных, в котором дух машины хранил свои бесконечные резервы знаний. Это был флагман Железных Воинов, слуг Хаоса. Если Гестион не отразит демоническую атаку, Имперские Кулаки никогда не получат шанса взглянуть врагу в лицо.

Из пола выступили толстые красноватые вены и поползли вверх по оболочке духа машины. Высохшие тела разрушились и попадали, открыв переплетение схем и проводов.

— Прочь! Убирайтесь в варп! — раздался голос духа машины, исказившийся до атонального рева. — Вы не получите

эту душу! Я десять тысяч лет беспощадно истреблял ваше племя! Я не погибну! Не сейчас!

Гестион огляделся. Порча наводнила помещение. Над ним открывались глаза. Круг — средоточие его ритуала — искажался, среди знаков защиты и отвращения появлялись новые символы.

— Беги! — призвал Гестион. — Направь свой дух в хранилище носителя данных! Оставь это место!

— Не могу, — синтезированный голос «Усилия воли» исказился. — Оно последует за мной. Все мои знания уязвимы.

— Они не последуют за тобой, — сказал Гестион. — Клянусь. Я не смогу удержать их здесь. И не потеряю тебя. Беги, «Усилие воли»! Позвольте мне сразиться в этом бою!

— Да поможет тебе Император, техноdесантник, — произнес «Усилие воли». — То, что ты сделал ради меня, никогда не будет стерто из моей памяти.

Огни на обшивке потухли. Оставшиеся тела безвольно рухнули, какофония их машинного кода стихла и

стенилась скрежетом металла. Это демонический вирус в поисках пути к духу машины деформировал помещение.

Гестион вытянул серворуку и погрузил ее в оболочку духа машины.

— Через несколько секунд ты доберешься до этой машины, — произнес он вслух, понимая: что бы ни атаковало звездный форт, оно слышало его. — И я ничего не могу сделать, чтобы помешать этому. Но ты не найдешь путь к духу машины. Твой вирус последует по единственно возможному, открытому для него пути, и этот путь — я! Мое тело! Ты никогда не доберешься до духа, потому что сначала тебе придется пройти через меня!

Все нечестивое знание, которое формировало демонический вирус, вся безграничность его ненависти и поток его кощунства хлынули в тело технодесантника. Гестион дергался и бился в конвульсиях, словно от ударов электрическим током, из сочленений брони вырывалось пламя. Края боевого доспеха раскалились, а кожа вокруг горжета обгорела от жара. Из глаз и ушей

потекла кровь. Он рухнул на колени, но не упал, сила потока парализовала мышцы.

Демонический вирус слился в пару треугольных красных глаз, выступивших из потолка хранилища духа машины. На стальной поверхности помещения проявился чудовищный облик из другой реальности, скрежещущие жвала скривились от гнева, выгибая пол и вдавливая стены. В зале раздался рев демона, смешавшийся со стоном скручиваемого металла и треском струившейся по телу Гестиона энергии.

Гестион вырвал инфозонд из оболочки духа машины. Контакт оборвался, и демон завопил. Невозможный звук был одновременно близким и далеким, громом из другого измерения, прогремевшим по всему звездному форту. Все хранилище вдруг искривилось, будто растягиваемое в разные стороны парой гигантских рук, из расколотых колонн посыпались осколки вырванного металла.

Гестион упал на пол, от тела поднимался дым, по лицу текла кровь. Он прополз чуть-чуть и снова замер, все силы

ушли на борьбу с вирусом. Технодесантник согнулся от боли, пока вокруг разрушалось хранилище. Весь потолок грозил рухнуть из-за того, что каркас помещения не выдерживал нагрузок.

Гестион ждал смерти. Его раздавит, когда хранилище духа машины рухнет на него. Он спас «Усилие воли». Погибнуть при исполнении этого долга было неплохим концом.

Тело космодесантника пришло в движение, и Гестион подумал, что куски пола рухнули вниз на техническую палубу, а сам пол накренился, а он скользит к открывшейся трещине. Но еще сохранившейся частичкой зрения он мельком увидел закованную в золотую броню руку, которая схватила его за кисть и потащила прочь от отверстия к выходу из хранилища. За спиной Гестиона оболочка духа машины исчезла в потоке металлических обломков, засыпавшем то место, где он лежал секунду назад.

Гестион с трудом повернул голову. Кожа оторвалась там, где прикипела к бронированному воротнику. Но увиденного

было достаточно, чтобы боль ушла.

Он смотрел на капитана Лисандра.

Велтинар Серебряный Хребет отпрянул в гневе, сотрясая инкрустированные драгоценными камнями колонны храма. Со стен посыпались куски серебра, и прислуживающие демону низшие твари — похожие на москитов уродливые создания, скрещенные с многорукими людьми — в страхе завопили и разбежались. Одна из многочисленных конечностей Велтинара сбила пару тварей на лету, размазав их по стенам.

Вокруг храма, занимавшего добрую часть миделя «Железной злобы», тянулась галерея, по которой на уровне глаз Велтинара могли ходить молящиеся и приносимые в жертву люди. В сегментах галереи стояли статуи, добытые на отсталых примитивных мирах, где поклонялись богам варпа, и священная сила изваяний помогала Велтинару проявляться, пока гранд-крейсер находился в реальном пространстве. В галерею вошел кузнец войны Шон'ту —

единственный человек на корабле, который мог находиться в присутствии разгневанного Велтинара и не разъярить его еще больше.

Демон даже немного присел при виде кузнеца войны. Велтинар находился здесь только по милости командира Железных Воинов, нравилось ему это или нет.

— Ты потерпел неудачу, — сказал Шон'ту.

Это не было обвинением. Просто констатацией факта.

— Я был предан! — пожаловался демон. — Предан невежеством! Один из них был вооружен знанием их ложного машинного идола. Этого ничтожного бога глупости и коррозии! Должно быть, его учение сбило меня с толку! Если бы я знал, то вырвал бы эту информацию из разумов людей и превратил их в травоядных идиотов.

— Но тебе это не удалось, — заметил Шон'ту. — Твоя вирусная форма не смогла вывести из строя «Усилие воли».

— Она сделает, — заявил Велтинар. — Сделает! В следующий раз я украшу стены

жижей, которая останется от их мозгов! Я...

— Следующего раза не будет.

Демон Белтинар Серебряный Хребет напоминал огромное раздутое насекомое, которое можно было увидеть цепляющимся за лист на мире ядовитых джунглей, только увеличенное до титанических размеров. Его жирное тело не вмещалось в панцирь и выступало между пластинами белыми свисающими складками. У демона было много ног, но их размер исключал возможность нормального движения, поэтому он лежал на спине, а голова изогнулась над грудиной. Радужный панцирь был отделан драгоценными камнями, как доспех ксеноса, созданный непревзойденными ремесленниками. По переливающимся из темно-синего в пурпурный цвет пластинам вилась прекрасная серебристая филигрань. Голова демона состояла из множества глаз и ртов, жвалы были покрыты серебром, а с каждого участка обнаженной кожи свисали декоративные кольца и драгоценности. Красно-синие сферы глаз были затуманены,

напоминая кристаллический шар прорицателя. Отсутствие видимой подвижности не соответствовало роли демона — его призрачная форма, которую они принимал, когда двигался в мире информации, и причинила весь ущерб звездным фортам. Он был техновирусом, уничтожившим «Непоколебимый бастион», равно как и насекомоподобным ужасом, притаившимся внутри «Железной злобы», словно паразит в изъеденном органе.

— Но... мне были обещаны души звездных фортов! — Голос Велтинара, исходящий из нескольких ртов, звучал, как несколько одновременно чирикающих и свистящих голосов.

— А ты обещал, что выведешь из строя их духи машин и передашь их нам! — напомнил Шон'ту резко. Плоть Велтинара колыхнулась, когда он немного отшатнулся. — Ты поглотишь «Непоколебимый бастион», так как заслужил это. Но ты не выполнил часть сделки, которая касалась «Усилия воли». Железные Воины разберутся с этим звездным фортом по-своему.

Многочисленные глаза Велтинара прищурились.

— Если ты думаешь, кузнец войны, что повелителя Серебряных Башен устрашит твой гнев...

— Гнев? — ответил Шон'ту. — С чего ты взял, что я разгневан?

Понять выражение лица демона было невозможно, но колебание жвал и сжимающиеся передние конечности вполне могли указывать на замешательство.

— Повелители моего легиона желают только нанести удар по сынам Дорна, — продолжил Шон'ту. — Но что это за слава — смотреть на их тела, плавающие в пустоте? Какое удовольствие можно получить, давая возможность убивать такому существу, как ты? Сейчас Железные Воины смогут сойтись с Имперскими Кулаками лицом к лицу, как и должно быть! Железо внутри и железо снаружи сокрушит их мольбы Трупу-Императору, и докажет, в ком сила варпа! Возможно, демон, нам нужно обладать человечностью, чтобы понять. Независимо от того, кто я сейчас, когда-то я был

человеком, и во мне остались ревность и гнев того, кто столкнулся с врагом, чью неполноценность он не может доказать. А сейчас я напитаю этот гнев кровью Имперских Кулаков! Я благодарю всех богов за то, что ты потерпел неудачу, Велтинар. Это дар варпа! Я здесь не для того, чтобы убеждать тебя. А чтобы приказать не вмешиваться, пока с врагом не будет покончено.

Велтинар молчал минуту, сжимая и разжимая конечности. Взгляд его разноцветных глаз обратился на Железного Воина.

— Я начинаю понимать, — сказал демон, — почему это задание поручили тебе.

В апотекарионе «Усилия воли» было темно, пациентов освещали люмосферы, направлявшие свои лучи на молитвенники у каждой кровати. Автоматические манипуляторы переворачивали страницы через регулярные промежутки времени, гарантируя, что если никто не читал молитву над ранеными, то, по крайней

мере, глаза Императора были обращены на ее слова.

Апотекарион «Усилия воли» был достаточно велик, чтобы вместить целую армию раненых. Но сейчас в нем находился только один пациент — техподесантник Гестион. Он был без доспеха и в окружении медицинских сервиторов, терпеливо пересаживающих искусственную кожу на влажные кровавые участки обожженного тела.

Лисандр следил за работой сервиторов. Гестион был без сознания, поддерживаемый в искусственной коме автохирургом, накачивающим его кровь препаратами. Техподесантник мог умереть сейчас, а мог продержаться долгое время. Но он, несомненно, умирал.

— Его самопожертвование будут помнить, — раздался голос за спиной Лисандра. Капитан повернулся к стоявшему в дверях апотекариона космодесантнику. Тот вошел в палату, и в тусклом свете светосфер оказалось, что космодесантник был, судя по знакам отличия, сержантом и при этом гораздо

младше Лисандра и Гестиона. Для ветерана-космодесантника его лицо покрывало сравнительно мало шрамов.

«Молодой, — подумал Лисандр, — чтобы возглавлять собственное отделение». За сержантом вошли пятеро имперских Кулаков, носящие символы того же подразделения.

— Это наш долг, — ответил Лисандр, — позаботиться о том, чтобы кто-то жил и помнил.

Сержант протянул руку.

— Сержант Ригалто, — представился он. — Это честь, первый капитан.

Лисандр вспомнил имя. Все космодесантники в ордене знали друг друга. Лисандр помнил Ригалто строевым солдатом, подающим надежды и уважаемым, но не офицером.

— Этот знак участия в кампании, — обратил внимание Лисандр. — Субсектор Агрипина.

— Вы правы, капитан. Штурм базилики Пестилакс.

— Тогда это все объясняет.

— Что именно?

— Тяжелые потери в базилике. Твой сержант погиб, и ты занял его место. Я прав?

— Да, — ответил Ригалто. — Моя честь и боль. Я видел, как он пал и не смог предотвратить это. Однажды он будет отомщен.

— Капитан ордена должен это принимать без вопросов, — заметил Лисандр. — Мы слишком разбросаны и поэтому можем погибнуть, а наши братья не будут знать об этом.

— Их всех будут помнить, как и технодесантника Гестиона, — сказал Ригалто. — В свой срок имена павших будут увековечены, как только врага отбросят в Око.

Лисандр кивнул.

— По крайней мере, это я могу пообещать. Итак, у нас есть ты, твое и мое отделения. Кто еще находится на «Усилии воли»?

— Отделение скаутов Менандера, — ответил Ригалто. — Они проходят этап подготовки к вступлению в братство. Экипажем станции командуют

технопровидец Селикрон и астропат Вайнс.

— И мое командное отделение, — произнес Лисандр. — Семнадцать Имперских Кулаков, включая меня. Немалая армия, не так ли?

— И «Осада Малебрука», — добавил Ригалто, — а также орудия звездного форта. Благодаря Гестиону дух машины все еще имеет в распоряжении некоторые системы вооружения.

— Достаточно, чтобы покончить с Шон'ту, — подытожил Лисандр. — Он надеялся, что вирусная атака убьет нас и его предателям не придется воспользоваться своим оружием. Теперь он должен дать нам бой, который мы можем выиграть.

— Я слышал истории, — сказал Ригалто, — о «Щите мужества», о Малодраксе. Для нас, рекрутированных после этих событий, они как притча. Но для вас все было реально. Это воспоминание. Сражаться рядом с тем, кто...

— Малодракс в прошлом, — сказал

Лисандр и поднял руку, призывая Ригалто к молчанию. — Нам предстоит бой, и я хотел бы, чтобы мы думали о настоящем.

— Тогда достаточно будет сказать, что мы поможем вам взять плату с Железных Воинов за «Щит мужества» и связанные с ним события.

Застрекотала вокс-связь Лисандра.

— Это Христис, — пришла передача с «Осады Малебрука».

— Говори, — приказал капитан.

— Капитан, мы атакованы.

Из сияния солнца системы — затухающей красной звезды Холестус — и потоков заглушающей сенсоры солнечной радиации вынырнула «Железная злоба».

«Осада Малебрука» развернулась бортом, чтобы ввести в дело как можно больше орудий. В тактическом планетарии Христис и боевые картографы использовали голографические космические карты, кипрегели и компасы, чтобы организовать комплекс маневров, которые «Осада» могла выполнить в зависимости от действий

противника. На «Железной злобе» гораздо менее естественные существа — одержимые хитроумными демонами матросы и испорченные духи машин — делали то же самое.

Космическая битва шла в своем собственном темпе, словно время становилось чем-то иным, когда дело доходило до сражения между кораблями в пустоте. Торпеды и снаряды летели, вращаясь, сквозь пространство не со скоростью пули, но медленно, чтобы пересечься с вероятным местонахождением врага. В сравнении с грохотом боя лицом к лицу это была хладнокровная и далекая война. И в ней геометрия и управление кораблем были гораздо важнее агрессии и отваги.

Эта холодная отрешенность рассыпалась с первыми снарядами, попавшими в цель. Залп носовых орудий «Железной злобы» испещрил серебристыми разрывами корпус «Осады», а внутри корабля матросов искромсало металлическими обломками. Воздух с пронзительным воем вырвался из пробоин в

обшивке, аварийные партии, размещенные за внутренним корпусом, погибли, задохнувшись и замерзнув от проникшего внутрь вакуума. Вспыхнули пожары, отсекая расчеты экипажа огненными стенами.

Последовал ответный залп с «Осады», он поразил бронированный нос вражеского корабля. Обшивку разорвало, и наружу хлынули потоки замерзшей крови странного полуживого корабля. «Железная злоба» прошла под «Осадой», оба корабли получили повреждения после первого обмена залпами.

«Железная злоба» была более крупным кораблем, гранд-крейсером проекта, давно забытого кораблестроителями Имперского Флота. Она обладала большей огневой мощью без мертвых углов обстрела. Но «Осада Малебрука» относилась к ударным крейсерам Космодесанта и была гораздо маневреннее, а ее находчивый дух машины каждую секунду одновременно рассчитывал тысячи вариантов, отражая вирусные атаки Вельтинара Серебряного Хребта. Два

корабля кружились друг возле друга, крейсер Хаоса в одну минуту казался неуклюжим и медлительным, а в следующую уже «Осада Малебрука» виделась на его фоне значительно уступающей в вооружении и мощи.

Но это было только прелюдией. Вдоль хребта «Железной злобы» вспыхнули в столбах пурпурно-черного пламени алхимические ракеты, внезапно замедлив движение корабля, а затем направив его обратным курсом, чего не смог бы сделать ни один имперский корабль схожих размеров. Одновременно раскрылся нос гранд-крейсера, обнаружив складки и сухожилия уязвимой плоти, разорванные и истекающие кровью от полученных попаданий. Из этой биомеханической массы появилось дуло орудия «Нова». В настоящее время всего несколько имперских верфей производили такое оружие, и никто не знал секретов создания ядерного пламени, которое сейчас светилось вокруг ствола заряжавшегося орудия.

В ответ на этот неожиданный поворот в битве экипаж «Осады

Малебрука» направил все усилия на уклонение. Дух машины рассчитал безумный маневр, который закрутил корабль вокруг «Железной злобы», слишком далеко для оборонительных башен врага, но слишком близко для орудия «Нова».

Оно оставалось безмолвным. «Осада» вышла из его сектора обстрела, даже когда алхимические ракеты хаоситов снова выстрелили для выполнения еще одного разворота.

У «Железной злобы» не было духа машины. Вместо искусственного интеллекта корабль населяла масса инфодемонов, нереальных варп-существ, которые собрались, чтобы служить своему хозяину Велтинару. Они пререкались и сражались быстрее мысли, и среди чистого безумия, творившегося в их нечеловеческих разумах, создавали боевые планы, которые никто не мог предугадать. Их решения передавались экипажу и странным отвратительным существам, кишащим в маслосборниках инженерных палуб. Безумная командная структура корабля во главе с Железными Воинами,

надзирающими за многочисленными кастами порабощенных разумов, одержимых, демонов и мутантов, должна была исключать деятельность столь сложной системы, как боевой корабль. Но «Железная злоба» была творением Хаоса, преобразившись за тысячелетия пребывания в варпе в пустотное безумие. И оно каким-то непостижимым способом сотворило корабль, который мог думать и действовать быстрее, чем позволяли его размеры.

И затем «Железная злоба» сделала крен на борт, явив покрытый шрамами корпус врагу. Установленные там орудия не открыли огонь, и экипаж «Осады Малебрука» воспользовался этой необыкновенной удачей, чтобы обрушить на хаоситов собственный залп, срывая наружную обшивку корпуса и оставляя обуглившиеся пробоины по всей его длине. Воспламенились склады топлива и боеприпасов, и в пустоту вырвалось пламя. Повреждения были ужасными: лучи лазерных башен проделывали пробоины в палубах, через которые матросов

выбрасывало космос, а огромные секции «Железной злобы» разгерметизировались.

Затем корпус разошелся по собственной воле. Распустились переплетения мышц, хлеща в сокращающемся пространстве между двумя кораблями и обхватывая оконечности «Осады Малебрука». Одновременно со щупальцами, обвившими ударный крейсер, из ужаса разорванной плоти и металла «Железной злобы» появились бронированные клювы, похожие на челюсти морского кракена.

Дух машины «Осады Малебрука» не учел такого поворота событий. Кораблю нечем было сражаться с подобным хищником. На близкой дистанции крейсер мог задействовать оборонительные башни, которые предназначались для уничтожения приближающихся торпед и бомбардировщиков и едва ли могли навредить «Железной злобе». Оставался вариант пойти на абордаж, но, за исключением небольшого числа матросов, которых можно было вооружить, на корабле находилось всего одно командное

отделение, сопровождавшее капитана Лисандра. В то же время гранд-крейсер наверняка был полон мутантами, психопатами и кое-чем похуже.

Каким бы отвратительным не был облик «Железной злобы», находящиеся на борту Имперские Кулаки не стали тратить впустую свои жизни, идя на абордаж и принимая верную смерть. Они принесут больше пользы, противостоя очевидному намерению корабля Хаоса захватить «Усилие воли». Экипаж «Осады Малебрука» получил приказ покинуть корабль.

«Железная злоба» не собиралась отпускать все эти маленькие кусочки плоти. Из разорванного корпуса устремились щупальца, хватая спасательные капсулы и шаттлы, бегущие с «Осады». Десятки мужчин и женщин погибли, раздавленные в кораблях, или же были живьем отправлены в одну из глоток, открывшихся внутри биомассы под корпусом гранд-крейсера. Бронированный шаттл с Кулаками на борту лавировал между вращающимися обломками и

органическими отростками, которые пытались схватить его. Выживание пяти непревзойденных воинов Империума теперь полностью зависело от закодированных способностей пилота-сервитора и немалой доли везения.

«Железная злоба» притянула «Осаду Малебрука» в свои объятия. Клювы в костяной броне вгрызлись в корпус ударного крейсера, разодрали палубы и оторвали один из двигательных отсеков корабля. В пустоту хлынул серебристо-черный охладитель плазмы, и реакторы разрядились ураганом синих молний. Ударные волны растерзали одни спасательные корабли и вывели из строя системы управления на других, оставив их без энергии и разбросав во все стороны.

Корабль Хаоса, расчленив ударный крейсер, отправил обломки имперского корабля в свои многочисленные пасти. Дух машины «Осады Малебрука» держался до последнего, перемещаясь от одного блока с носителями данных к другому, пока части корабля сминались и отрывались. К тому времени, когда больше негде стало

укрываться, ударный крейсер превратился в опустошенную оболочку, и дух машины сгинул в сомкнувшейся пасти корабля Хаоса.

«Железная злоба» оставила в покое остов «Осады Малебрука». Один борт ударного крейсера полностью исчез, другой был выпотрошен, словно туша, брошенная падальщиками. Корабль Хаоса раздулся, словно насосавшееся крови насекомое, и притаился среди поля обломков. От экипажа «Осады» осталось всего несколько серебристых пятнышек. Насытившаяся «Железная злоба» проигнорировала спасающиеся бегством десантные корабли, люди на которых продлили свои жизни еще на несколько часов, направившись к относительной безопасности «Усилия воли». Среди них были пятеро воинов Первой роты Имперских Кулаков, жаждущих добраться до врага, который только что нанес им страшнейший удар.

Часть 2

Шон'ту шагнул в люк «Клешни ужаса» и вдохнул древний спертый воздух умирающей империи.

Следом за ним, покинув утробу десантной капсулы, на борт «Усилия воли» ступило отделение Железных Воинов. «Клешня» являлась пробивающей корпус корабля штурмовой капсулой, знания о производстве которой Империум давно утратил, но дюжины этих устройств все еще находились на штурмовых палубах «Железной злобы». Бронзовый клюв капсулы пробил внешнюю обшивку звездного форта и остановился в лабиринте технических коридоров и опор надстройки. Железные Воины взошли на борт уже готовыми к бою.

Шон'ту был без шлема, так как даже внезапно ворвавшийся вакуум вряд ли мог навредить его искусственной коже и бионическим легким.

— Пыль и запустение, — произнес он. — Как внутри гробницы. Такое же

безжизненное место.

— И мы сделаем его буквально таким, — отозвался брат Ку'Ван, один из сопровождавших Шон'ту ветеранов.

— Поскольку прежде братья мои творили подобное много раз, — сказал кузнец войны. — Мы опустошим этот космический гроб так же, как и души тех, кого убьем. Потому что у них нет железа внутри!

— Железо внутри! — закричало в ответ отделение. — Железо снаружи!

— Кузнец войны! — раздался по воксу близкий голос, передаваемый из паутины темного железа и тесного пространства технических коридоров, тянувшихся во все стороны. Руна на сетчатке Шон'ту сообщила ему, что на связи стальной страж Мхул. — Мой ковен зачистил брешь.

— Как и Хор, — пришло еще одно сообщение. Шон'ту легко узнал капеллана кузни Культуса по дерзкому рыку громкого баса с хрипотцой. Он и должен быть таким, или же Хор не услышит молитвы, которыми капеллан гнал их вперед.

— Тогда направляйтесь ко мне, братья, — велел Шон'ту. — Вам оказана честь сопровождать меня при этом абордаже. Докажите, что вы заслуживаете мое расположение. Наступайте, бейте сильно и без остановки, и мы вонзим железное копье в сердце этого форта!

— Рад встрече, капитан, — сказал брат-сержант Лаокос, ударив кулаком по громадной, прикрытой керамитом бочкообразной груди.

— И я рад, брат мой, — ответил Лисандр.

Архив звездного форта, расположенный в помещении с высоким потолком, заставленном шкафами с книгами и капсулами со свитками, был одним из мест, где Лисандр и Имперские Кулаки его командного отделения могли собраться, не чувствуя тесноты. Воины, как и их командир, носили терминаторские доспехи — доказательство уважения, с которым орден относился к Первой роте, и самое

редкое и наиболее совершенное боевое снаряжение в арсенале ордена. Каждый терминатор больше походил на движущийся танк, чем на солдата, будучи почти трех метров в высоту и чуть меньше в ширину. Большинство других подходящих для собрания отсеков в форте были слишком малы, чтобы с удобством вместить их всех. Лисандр впервые встретился с воинами своего отделения с тех пор, как покинул «Осаду Малебрука», чтобы лично оценить состояние форта.

— Я почти потерял вас, — продолжил Лисандр. — Вас хранил щит Императора.

— Возможно, — ответил Лаокос. — Но «Осаде» не сопутствовала та же удача.

— Я видел только при помощи тактических сенсоров, — сообщил Лисандр. — Выглядело достаточно скверно.

— Это был ужас, подобный которому я редко встречал, — сказал Лаокос. — Все, что мы знали о Шон'ту и «Железной злобе», всего лишь частичка правды. Мы были...

— Мы были застигнуты врасплох, —

трачно перебил Лисандр. — Это не значит, что Железные Воины проявили изворотливость. Они могут быть падальщиками в душе, но Шон'ту знал расположение звездных фортов и то, что ты может выделить небольшие силы для их защиты, в случае если оружие фортов выйдет из строя. Он располагал именно теми инструментами, которые требовались для уничтожения, и если бы не мужество технодесантника Гестиона, Шон'ту добился бы своего. Он постарался привести корабль, равный лучшему из тех, что мы позволили себе перебросить с передовой. То, что мы знаем — что я знаю — о Шон'ту, явно говорит о том, что сейчас он бросит все силы на уничтожение «Усилия воли», даже после провала атаки на дух машины.

— Тогда, каким будет его следующий шаг? — спросил брат-схолар Демостор, проходящий подготовку для службы в реклюзиаме капелланов ордена. К его доспеху и к корпусу штурмовой пушки были прикреплены свитки текстов из учения Дорна.

— Железные Воины отличаются прямотой, — сказал Лисандр. — Шон'ту больше не станет прибегать к обману и уловкам. Он выберет путь, который ведет прямо к победе, пусть тот и будет самым сложным.

Капитан оглядел лица воинов, отмечая черты тех, кто служил почти столетие своему ордену еще до назначения в отделение Лисандра.

— Шон'ту собирается взять нас на абордаж. С любым другим врагом, другим орденом он мог бы позволить себе передышку. Но не в противостоянии с нами. Кузнец войны хочет сразиться с нами, пролить нашу кровь, увидеть нас мертвыми.

— Если он хочет сражения, — спросил Лаокос, — должны ли мы дать его?

Его словам ответил взрыв где-то далеко в корпусе звездного форта и такие же далекие звуки сигналов тревоги и ревунов. Приборная панель когитатора возле двери архива вспыхнула предупредительными значками.

— Непременно, — ответил Лисандр. —

К оружию, Кулаки Дорна.

От центра форта расходились шесть секторов. Тяжело бронированное и прикрываемое оборонительным вооружением ядро по-прежнему контролировал дух машины, заключенный в хранилище носителей данных и других важнейших системах управления наряду с силовой установкой. Шесть сегментов вмещали все необходимые для боевой станции структуры: бараки, к этому времени почти полностью опустевшие, склады снабжения и боеприпасов, полетные палубы, притихшие без экипажей находящихся там штурмовиков и бомбардировщиков, топливные цистерны, станции сенсориумов и установки вооружений, утраченные для духа машины. Здесь также можно было найти молитвенные сооружения для экипажа станции, часовни многоликого Императора и храмы, посвященные Рогалу Дорну, для Имперских Кулаков.

Одним из таких святых мест была усыпальница героя ордена. И после смерти он по-прежнему выстаривал в космосе

врагов человечества, его саркофаг был установлен на «Усилии воли» около двух с половиной тысяч лет назад.

Имперские Кулаки отвели свои позиции к гробнице Иониса.

Скаут-сержант Менандер осматривал пространство гробницы Иониса через магнокуляры, пробегая взглядом по рифленым колонам и рольверку. Это был каменный лес, такой же густой, как джунгли мира-смерти. Так как в огромном звездном форте не было необходимости экономить площадь, гробница выросла в размерах благодаря многим поколениям каменщиков и ремесленников. В результате саркофаг оказался в центре лабиринта скульптур и украшений, поднимаясь подобно гранитной горе, увенчанной огромной высеченной из камня фигурой самого Иониса.

Отделение Менандера залегло вокруг сержанта среди каменных завитков. Их плащи из хамелеолина стали пятнисто-серого цвета, соответствуя окружающей обстановке. Скауты слыли экспертами в

деле слияния с тенями и умели ускользать от наблюдения. Четверо воинов Менандера были вооружены снайперскими винтовками, обмотанными хамелеолиновыми лентами, которые размывали контуры оружия.

— Брат Молтос, — мягко проговорил Менандер. — Благослови нас.

Брат Молтос сотворил знамение аквилы и бесшумно прикоснулся к груди.

— Император всевышний и Омниссия всезнающий, благословите это боевое снаряжение, которому предстоит столь суровое испытание. Храните нашу оптику ясной и сфокусированной, и наполните ее образом врага. Да не будут знать промаха наши снаряды. Да рассыплется пред ними броня врага. Да попадут они точно в сердца предателей.

— Аминь, — произнес Менандер, а вслед за ним и трое скаутов. — Рассредоточиться. Проводим разведку. В бой не вступать.

Скауты разделились и, петляя, бесшумно двинулись через гробницу, направляясь к саркофагу. Менандер

оглянулся и увидел проблеск золотого керамита между колоннами, которые тянулись вдоль ближайшего края гробницы. Там сосредоточились готовые к бою отделения капитана Лисандра и сержанта Ригалто.

А где-то впереди был неприятель.

— Вижу движение, — пришло сообщение по воксу. Мигнула руна брата-скаута Тисифона. — Триста метров, приближается. На два часа.

Менандер посмотрел в указанном Тисифоном направлении. Ему показалось, что он заметил движение, черную тень на черном фоне. Скаут поднял магнокуляры и смог четко разглядеть темную фигуру, приближающуюся к Имперским Кулакам.

Она двигалась, не таясь. Менандер даже слышал ее шаги, хрустящие по гранитному резному орнаменту. Существо было выше космодесантника и намного шире, а промасленный сизо-серый доспех Железного Воина был обезображен красными и влажными связками жилистых мышц.

— Капитан, — передал Менандер. — Я

вижу врага.

— Шон'ту с ними? — спросил капитан Лисандр.

— Не могу сказать. Они прислали облитераторов.

Шон'ту наблюдал, как облитераторы уверенно продвигались вперед. Пятеро сынов ковена, созданные сравнительно нормальным стальным стражем Мхулом. Каждый облитератор когда-то был Железным Воином, как Шон'ту или сам Мхул. Но судьба сочла нужным заразить их порожденным варпом техновирусом, который слил воедино плоть и доспех и превратил воинов в машины Хаоса.

Облитераторы, вдвое превосходившие размерами космодесантников, проломились сквозь статуи к возвышающемуся саркофагу. В их конечностях, увитых мышцами, открылись дюжины отверстий, из которых высунулись стволы и цепные мечи. Каждый воин был ходячим арсеналом, хранящим внутри себя огневую мощь целого отделения космодесантников.

Следом за облитераторами наступали остальные Железные Воины ударного отряда. Отделение Шон'ту вместе с Хором водило по сторонам стволами болтеров, выстатривая отблески доспехов Имперских Кулаков. Возможно, воины Лисандра решили встретить их здесь, чтобы принудить к решающему бою, а может быть, причина в святости этого места.

— Братья! — заревел усиленный голос капеллана кузни Култуса. На лицевой пластине череполикого шлема Железного Воина открытая пасть обрамляла динамик, который усиливал его голос. — Посмотрите на врагов! Они прячутся от нас! И молятся, чтобы смерть пришла к ним, прежде чем они сбегут по велению своих трусливых сердец! Выполните их пожелания и железом предрешите их судьбы!

Его обгоняли воины Хора, перепрыгивая через развалины, оставленные облитераторами. Их доспехи темно-серого цвета пылали изнутри, в стыках пластелевых пластин сверкало

сине-красное пламя. Едва сдерживаемый огонь исходил от демонов, заключенных внутри и отчаянно старающихся освободиться в священнодействии битвы.

Первый облитератор взобрался на край саркофага. Его руки трансформировались в спаренные штурмовые пушки, из вращающихся блоков стволов на Имперских Кулаков обрушился огненный ливень. В него попали несколько ответных выстрелов, но облитератор стоял гордо, как и его братья по ковену, занявшие позиции возле него. Их огонь направлял стальной страж Мхул, присевший у огромного саркофага. По статуям плясали зеленоватые лучи, испускаемые увеличенной линзой его бионического глаза.

Ветеранское отделение Шон'ту, неутомимо наступающее с болтерами наизготовку, составляло основу отряда. Скоро их огонь перемелет несколько Имперских Кулаков, переживших выпущенный облитераторами ураган. Шон'ту был терпелив, но даже его душа, жаждущая убийств, подталкивала кузнеца

войны вперед.

Шон'ту прислонился к полуразрушенной статуе, которая когда-то изображала одного из почетных телохранителей героя, похороненного здесь, всмотрелся сквозь поднятую стрельбой пыль и увидел Имперского Кулака в терминаторском доспехе. Космодесантник укрылся позади груды обломков, отдавая приказы окружавшим его воинам. Он был огромен, бритоголов и держал в одной руке штормовой щит. Другая рука сжимала оружие. Шон'ту узнал его: громовой молот с бойком, выкованным в форме кулака. Кулак Дорна.

Это был капитан Лисандр.

Дух Шон'ту взял вверх, и кузнец войны устремился к своей добыче.

— Задержите их у саркофага! — закричал Лисандр сквозь грохот стрельбы. — Вперед! Имперские Кулаки, вперед!

Лисандр увидел, как упал один из скаутов, его ногу оторвало ураганом огня, выпущенного облитераторами. Лисандр знал этих воинов — он сражался против

них — и прекрасно понимал, насколько смертоносными они могут быть. В арсенале Имперских Кулаков не было ничего, что могло убивать так быстро, как эти враги, зараженные техновирусом.

Лисандр продвигался вперед, держа перед собой щит. Снаряды барабанили по нему, от чего рука капитана дергалась. За Лисандром наступало его командное отделение, а справа шло отделение Ригалто. Звук стрельбы был оглушительным в буквальном смысле, потому что обычный человек без улучшенных и защищенных чувств космодесантника лишился бы слуха от этого грохота.

Сквозь хаос донесся чей-то вопль. У Лисандра сработал инстинкт старого солдата, и он вовремя поднял щит, приняв к нему атаку Железного Воина, который прорвался прямо на него сквозь лес статуй. Лисандр устоял на ногах и резко опустил щит, пригвоздив ногу Железного Воина к полу.

Железный Воин был в цветах своего Легиона — маслянистом темно-серо

доспехе с желто-черными шевронами. Но он не был космодесантником, отказавшись от этого звания, когда позволил себе стать одержимым тварью, которая рвалась наружу из линз шлема. Из отверстий в лице выскочила пара псевдоотростков, еще больше их появилось из расколовшейся перчатки и вцепилось в края щита Лисандра.

Вид одержимого Железного Воина вызвал отвращение у капитана. Он поднял Кулак Дорна над головой и обрушил тыльной стороной бойка на грудь противника. Капитан вырвал молот и ударом щита отшвырнул врага на пьедестал статуи. Лисандр еще раз ударил Кулаком Дорна, и молот с хрустом врезался в уродливое лицо Железного Воина.

— Одержимый! — закричал сержант Лаокос. — Братья, враг носит лик порчи!

— Ненадолго! — раздался голос брата-схолара Демостора. Очередь из штурмовой пушки растерзала голову врага, обнажив массу извивающихся мышц, похожих на распустившийся цветок из плоти.

Вопящая тварь продолжала атаковать, но теперь вслепую и неуклюже. Демостор размахнулся силовым кулаком и врезал Железному Воину с такой силой, что тот отлетел за пределы видимости.

Лисандр продолжал наступать, отбросив в сторону взмахом щита еще одного Железного Воина. Справа от капитана возвышался саркофаг, фигура ближайшего облитератора освещалась дульными вспышками оружия, появившегося из его рук. Лисандр оттолкнулся от нижнего края гроба и прыгнул вверх.

Облитератор повернулся к нему. Его лицо представляло собой мешанину мышц и механизмов, из глазных впадин появились стволы, рот распахнулся, оттуда вырывались языки внутреннего пламени. От тела хаосита поднимались дым и пар, вырываясь сквозь стыки бронепластин, сросшихся с плотью. Многоствольная пушка на одной руке втянулась обратно в клубок мышц и стали, а вместо нее появились когти, которые образовали сжатый кулак, потрескивающий силовым полем.

Лисандр встал в стойку, выученную его телом за десятилетия тренировочных боев на дуэльных аренах «Фаланги» и полях сражений Империума. Он опустил плечо и держал щит низко и крепко, ожидая атаки. Опора под ногами была неровной — он стоял на резном лике Иониса, чье тело покоилось в саркофаге.

Облитератор проревел бессловесный боевой клич — громкий и пронзительный лязг разъяренной машины. Он прыгнул вперед, занося кулак для сокрушительного удара.

Лисандр шагнул в сторону со скоростью, невероятной для облаченного в терминаторский доспех тела. Развернувшись, капитан ударил щитом в бок облитератора, чем лишил противника равновесия. Лисандр развернул Кулак Дорна и обрушил его на спину врага. Кости и железо треснули. Облитератор упал на колено, и Лисандр вбил нижний край щита в заднюю часть его голени, расколов камень под ней и обездвижив Железного Воина.

Второй взмах молота Лисандра

сокрушил верхнюю часть спины облитератора. Боек молота прошел сквозь тело Железного Воина, пробив грудь, и оторвал голову. Забил фонтан искромсанной плоти и запекшейся крови. Изуродованное тело рухнуло навзничь в дожде искр.

— Менандер! — вызвал Лисандр по вокс-связи подчиненного, одновременно выискивая новые цели. — Как у тебя дела?

— Почти на месте, — раздался ответ.

— Мы удерживаем саркофаг, — сообщил Лисандр. — Действуй!

— Будет сделано.

Отделение Ригалто, противостоя болтерным очередям наступающих Железных Воинов, вело бой на другом краю саркофага. Имперские Кулаки уступали в численности и вооружении. Они могли удержать позиции не более чем на несколько минут.

Черно-желтая символика, словно предупреждающий знак, прервала размышления Лисандра. Он увидел медный каркас вокруг брони, механический ужас, шагающий сквозь руины.

Доспех этого Железного Воина был более громоздким и усовершенствованным, украшенные пластины усиливал каркас из медных тяг, питание обеспечивал вибрирующий наспинный генератор с вращающимися шестеренками и работающими поршнями, который окутывал тело предателя маслянистым дымом. Одну руку заменял чудовищный коготь, а вторая была помещена в трехствольную пушку, с которой свисали ленты с боеприпасами, грохочущие при каждом залпе из орудия по отделению Ригалто.

В обнаженном лице Железного Воина было столько же стали, сколько и плоти. В горло были имплантированы два дыхательных аппарата, а рот двигался, как капкан охотника с железными зубьями. Глаза оставались человеческими и горели ненавистью и гневом.

— Кузнец войны! — зарычал Лисандр. — Шон'ту! Я вижу тебя! Ты падешь пред очами Императора!

Шон'ту посмотрел на Лисандра, и каким-то образом механическому лицу

удалось изобразить улыбку.

— Командор Лисандр! — отозвался он. — Какие замечательные нити судьбы сплел варп, чтобы даровать мне твою смерть!

Шон'ту засмеялся и пинком отбросил разрушенную статую с того места, где пытался подняться раненный в бедро Имперский Кулак из отделения Ригалто. Шон'ту сомкнул коготь вокруг торса космодесантника и поднял его, продемонстрировав Лисандру. Под действием пневматических поршней лезвия сжались и разрезали Имперского Кулака на три части. Куски упали на пол, кровь хлынула из-под рассеченного керамита, забрызгав Шон'ту. От прикосновения к нагретому доспеху кузнеца войны она зашипела, превращаясь в черный дым.

— Мы на позиции, — пришло сообщение от Менандера.

— Отступаем! — приказал Лисандр, не отрывая взгляда от Шон'ту, шагающего сквозь ураган огня. — Имперские Кулаки, смотрите в оба и отступайте!

Сквозь стрельбу Лисандр услышал

жуткий механический шум, похожий на звук разрываемого металла — это смеялся Шон'ту. Один из выживших облитераторов навел свои орудия на Лисандра, и тот укрылся за пластальющита. Залп ударил с силой лавины, чуть не опрокинув капитана на спину.

Лисандр спрыгнул с саркофага. Воины его отделения стояли спиной друг к другу, окруженные разрушенными статуями и одержимыми Железными Воинами, которые бросилась прямо на их болтеры и силовые кулаки. У основания гроба Лисандр заметил присевшего скаута из отделения Менандера, крепившего массивный металлический диск к камню. Лисандр узнал подрывной заряд.

Скаута накрыл болтерный огонь. Имперский Кулак отлетел к саркофагу.

Но заряд был установлен. Космодесантник выполнил свое задание ценой жизни.

Лисандр повел Имперских Кулаков к выходу из гробницы. Штурмболтеры терминаторов обеспечили отделение Фигалто достаточной огневой

поддержкой, чтобы выйти из-под обстрела Железных Воинов. Сам сержант Ригалто стрелял одной рукой, вторая превратилась в месиво из разорванной кожи и запекшейся крови.

Имперские Кулаки прошли по коридорам, ведущим из гробницы. Менандер и трое выживших скаутов задержались, сержант ударил по панели управления на стене. Зашипели пневматические поршни, заревели предупредительные сигналы, и усиленные двойные противовзрывные двери опустились, блокировав гробницу системой защиты от биологического оружия.

Двери не выстоят перед концентрированным огнем облитераторов Железных Воинов. Да и не должны были.

Лисандр сосредоточился на мигающей на сетчатке руне детонатора.

— Имперские Кулаки не отступают, — сказал Шон'ту скорее себе, чем кому-нибудь еще. Прямо перед ним лежал мертвый космодесантник, истекая алой кровью, а Лисандр и его воины, даже видя

умирающего боевого брата, отходили.

Шон'ту открыл канал связи с «Железной злобой».

— Велтинар! — вызвал он демона.

— Кузнец войны соизволил заговорить с нами? — раздался ответ существа, которое свернулось в недрах корабля Железных Воинов. — С теми, кто так подвел его?

— У меня нет времени, — отрезал Шон'ту. — Просмотри блоки памяти «Непоколебимого бастиона» и найди данные об Ионисе, герое Имперских Кулаков, погребенном на «Усилии воли». Немедленно!

Окружавшие Шон'ту Железные Воины преследовали отделение Имперских Кулаков среди руин, оставшихся от убранства гробницы. Шон'ту видел Лисандра и его боевых братьев в терминаторских доспехах, также двигавшихся к выходам.

Они могут быть отрезаны и загнаны в ловушку, как крысы. Хор, чьи воины были достаточно благословлены, чтобы приютить демонов, мог двигаться со

скоростью преследующего добычу зверя. Облитераторы могли взорвать и расплавить переборки. Железные Воины обладали численным и огневым превосходством. Лисандр никогда не сможет отступить со своими космодесантниками в лабиринт технических и жилых палуб. С его стороны это была бы непростительная ошибка.

— Кузнец войны, — раздался жужжащий голос Велтинара. — Ионис был кастеляном «Фаланги» тысячелетия назад. Он служил триста лет, пока не погиб во время вирусной бомбардировки Верхнего Голготикса.

— Вирусная бомбардировка! — яростно выпалил Шон'ту. — Лисандр, ты обманул меня! Обрек на постыдную смерть! Железные Воины, отступаем! Назад к «Клешням ужаса»!

Не успели Железные Воины осознать приказ, как рванули подрывные заряды, установленные на саркофаге. Взрыв сбил с ног одержимых братьев Хора, разбросав повсюду обломки статуи. Обычные солдаты пришли бы в замешательство и

погибли бы, но не потомки Пертурабо. Цель взрыва заключалась не в этом.

Шон'ту увидел сквозь поднявшуюся пыль и дым, как разрушилась одна сторона саркофага. На покрытом золотыми шелками ложе лежал скалящийся череп Иониса. Расколотый и обугливщийся, он словно уставился на Шон'ту пустыми глазницами. Из разбитого гроба вырвались клубы переохлажденного воздуха.

Один из воинов Хора бежал по руинам, отстав от своих одержимых собратьев. Он опустился на одно колено, личина шлема распалась в клубок скрюченных жвал, напоминающих сжимающуюся и разжимающуюся ладонь. Одержимое тело забилось в судорогах, а в груди раскрылась пасть, отхаркивая вязкую кровь и вывалив наружу толстый пурпурного цвета язык.

Сочленения Железного Воина разъедало какое-то агрессивное вещество. Одна из рук отвалилась, из отверстия посыпались крошащиеся кости и отслаивающиеся мышцы. Керамит покрылся пятнами ржавчины и выцвел,

обнаженная плоть высыхала и осыпалась, словно за мгновения старея на века. Одержимый рухнул на пол и развалился на куски, броня раскололась, как глиняный горшок.

— Вирусная атака! — закричал Шон'ту. — Мхул! Култус! Отводите их к «Клешням ужаса»! Шевелитесь!

Одного из облитераторов накрыло невидимой волной. Вытекающий из разбитого саркофага вирус поразил толстые жгуты мышц, которые обвивали деформированный доспех. Мускулы сократились, пластины доспеха искривлялись и лопались под давлением, из обнаженной плоти вылезали покрытые шипами наросты. Вращались уродливые орудийные стволы, куски расплавленных боеприпасов с глухим стуком падали на пол. Лицо облитератора превратилось во множество глазных яблок, каждое из которых набухало и лопалось, на разорванный доспех вытекала красно-белая кровь. Через несколько мгновений он умер, его тело продолжало деформироваться, пока почти полностью не вывернулось

наизнанку, металлические органы раскололись на куски окровавленной стали и кольца сочлененных внутренностей, с лязгом падая у ног.

Встроенные в черепную аугментику системы оповещения посылали импульсы предупредительных гормонов по телу и активировали микроскопические сигналы и вспышки в ушах и глазах. Сработали все системы предупреждения о биологической угрозе, доспех установил присутствие патогенов, аугментические органы боролись с прожорливыми штаммами вируса, который каждую секунду мутировал в новые формы.

Шон'ту добрался до задней стены гробницы. Опустились двойные противовзрывные двери, изолировав гробницу Иониса и превратив ее в зону биологического заражения. Кузнец войны разрубил первую дверь силовым когтем и сорвал ее с петель. Вторая продержалась не дольше, и он пробился сквозь нее в огромное пространство внешнего корпуса. Стальной страж Мхул и оставшиеся одержимые последовали за ним. Шон'ту

также ощущал толчки от топота облитератов.

Выращенный в древнем трупе Иониса вирус был достаточно прожорлив, чтобы убить космодесантника, но не кузнеца войны Железных Воинов. Большинство воинов отделения Шон'ту, ветеранов с многочисленной аугментикой и усиленной физиологией, также справились с угрозой, их измененный иммунитет быстро приспособился к атакам вируса. Почти все одержимые погибли, оставшись лежать среди разрушенных статуй скорченными и изуродованными.

Шон'ту бросил взгляд на гробницу Иониса, которая превратилась в дымящиеся руины, окутанные невидимым биохищником. Кузнеца войны обуревали отнюдь не человеческие эмоции, но, возможно, они напоминали смесь из гнева, стыда и ненависти.

— Уловка, достойная победы, — произнес Шон'ту. — Но ты одержал здесь не победу. Все мои братья ждут тебя. «Железная злоба» ждет тебя. Ты навлек на себя куда более худшую смерть, Лисандр, и

именно я буду тем, кто принесет ее.

Остатки ударного отряда Железных Воинов направились к ожидающим «Клешням ужаса», а технические сервиторы прибыли, чтобы заново запечатать гробницу Иониса.

Это поражение имело не больше значения, чем провал Велтинара при попытке уничтожить дух машины «Усилия воли». Шон'ту не добился бы звания кузнеца войны, если бы не думал на много шагов вперед. Следующий этап гибели звездного форта был уже спланирован, ожидая только приказа начинать. Все, чего добились Имперские Кулаки — это возможность слышать, как тикают часы, отсчитывающие их последние мгновения жизни.

Лисандр знал, что у него будет мало времени, прежде чем ему снова придется взяться за защиту форта. Железные Воины были мастерами осады в той же мере, что Имперские Кулаки — мастерами обороны. Шон'ту не стал бы бросать все силы в одно слабое место. Он

располагал достаточным количеством резервов, готовых к штурму, когда будут пробиты первые бреши. Шон'ту не позволит позору поражения тянуться слишком долго и атакует очень скоро.

Лисандр в одиночку поднялся на башню по холодной спиральной лестнице. Облицованное мраморными и серебряными плитами сооружение было изолировано от остального пространства звездного форта. Над капитаном на далеких балках башни висели огромные бронзовые колокола. Единственный обитатель преклонил колени на полу, перед ним стоял небольшой стол с чернильницами, подставками для перьев, сосудами с сургучом и стопками пергамента. Голова склонилась, словно в молитве. Человек не повернулся к Лисандру, не потому, что ему было безразлично, а потому, что его глаза под тяжелым темно-зеленым капюшоном были незрячи.

— Должно быть, новости ужасные, — произнес астропат Вайнс. — Сюда редко поднимаются, если только нет необходимости передать сообщение с

каком-нибудь кризисе.

— Прошу прощения, что нарушил тишину, — сказал Лисандр.

— Я нахожу в ней утешение. Но у меня есть обязанности. Что вы хотите от меня, капитан Лисандр?

— Мне нужно, чтобы ты отправил сообщение, — сказал Лисандр. Теперь он видел, что темные стены башни заставлены сложными клетками, в каждой из которых находилось по несколько прыгающих по жердочкам крошечных безголовых птичек, чье яркое оперение скрывал мрак. Всего Вайнсу составляли компанию несколько сотен птиц.

— Я так понимаю, гробница Иониса осквернена, — догадался Вайнс.

Лисандр минуту молчал.

— Тебя это не касается, астропат. Звездный форт получил повреждения, как случилось бы в любой битве.

— Ионис покоился здесь тысячи лет. Очень немногие знали, что содержит его саркофаг. Хитрый ход, не находите? Поместить образец такого опасного биологического пожирателя в теле его

последней жертвы, замаскировав под могилу. Сколько служивших здесь мужчин и женщин знали, что находится буквально под их ногами? Могу предположить, что вирус запечатали там, чтобы в будущем Имперские Кулаки могли извлечь его и использовать в качестве оружия. Возможно, о его назначении забыли. В любом случае, теперь оно не будет выполнено.

— Ионис повелел перед смертью, чтобы его использовали в качестве оружия, — напомнил Лисандр.

— Кое-кто назвал бы это осквернением, — возразил Вайнс, — почитаемых мощей.

— Пусть называют. Я найду, что им ответить.

Улыбнувшись, Вайнс повернулся. Его глаза были перевязаны лентой из вышитой ткани, которая не могла полностью скрыть увеличенные, выжженные впадины. Астропат улыбнулся. У него были черные зубы, вырезанные из эбенового дерева и исписанные молитвами смирения и непоколебимости.

— Всего лишь слова, капитан, — сказал он. — Простите меня. Я провел много времени в одиночестве. Должный этикет, скорее... мне не свойственен.

— Ты можешь закодировать мое сообщение? — спросил Лисандр.

— Конечно, — Вайнс взял книгу из-под лежащей перед ним кипы пергамента и открыл ее. Страницы тома были заполнены символами, картинками животных и предметов и абсолютно абстрактными образами. Каждое изображение имело свое значение, которое менялось в зависимости от соседних знаков, образуя бесконечно сложный язык символов, которым эти странные, благословенные личности, известные как астропаты, должны были овладеть, прежде чем служить Империуму. Вайнс пробежался пальцами по странице, читая символы при помощи осязаемых чернил на бумаге. — Начинайте, если угодно.

Капитан Лисандр продиктовал краткое сообщение. Он оставил только необходимое, так как знал, что чем длиннее послание, тем сложнее

становилась работа астропата, а сам текст труднее поддавался правильному переводу.

Вайнс не вздрогнул, выслушав сообщение. Одна рука пролистала книгу со скоростью, рожденной десятилетиями практики, другая выводила символы на полоске пергамента, который развернулся из крошечной механической катушки. Астропат использовал перо и красноватые чернила.

Когда Лисандр закончил, Вайнс зажег палочку ладана и, взяв щепотку пепла, размазал его в круглом символе на полу перед собой. Он плюнул в круг, пробормотал молитву, вытер пепел и слюну рукавом. Закончив ритуал, астропат скрутил пергамент в крошечную трубку, капнул немного воска и запечатал кольцом, висящим у него на шее.

— А получатель? — спросил Вайнс, хотя и так было очевидно, кому предназначалось сообщение.

Лисандр назвал адресата. Вайнс вывел соответствующий символ на

внешней стороне свернутого пергамента, затем неуверенно поднялся. Он проковылял к одной из птичьих клеток, открыл дверцу и вытащил птицу с красно-синими перьями, которые блестели в лучах люмосфер башни. Птица невозмутимо сидела на пальце Вайнса, переводя взгляд с Лисандра на астропата и не предпринимая попыток улететь.

— Все мы идем своим путем, — сказал Вайнс. — Каждый из нас отличен от другого. Одни творят скульптуры, другие пишут картины. Некоторые даже создают музыку. Но в конце все мы одинаковы. Что бы ни создавали, мы должны это уничтожить. — Астропат привязал свернутое сообщение к лапке птицы кусочком алой ленты. — Лети, лети, — прошептал он, и птица вспорхнула с его пальца и устремилась к колоколам, свисающим с балок.

— Шок от уничтожения, — пояснил Вайнс, — придает ей форму в варпе. Картина смерти наших творений дает нам силу делать то, что мы должны.

Вспыхнула паутина тончайших

лазеров, натянувшись между колоколами, как дрифтерная сеть. Маленькая птичка пролетела через сеть и исчезла во вспышке пламени.

Вайнс закрыл глаза. Вышитая лента поверх них засветилась, а пустые глазницы начали тлеть. Вокруг черепа астропата плясали вспышки бело-синей энергии, стекая по пальцам на пол башни.

Хотя Лисандр и не обладал психическими способностями, он почувствовал, как смещается ткань реальности, как будто натягивалась складка или же Галактика двигалась по бесконечно далекой линии разлома.

Вайнс закашлял и сгорбился. От его тела поднимался дым.

— Сделано, — сказал он.

— Его получили?

— Невозможно сказать. Думаю, бесполезно ожидать подтверждения, учитывая, кто получатель.

— Значит, с этим покончено, — произнес Лисандр.

— Понимаю.

— Нет, возможно, не понимаешь.

Вайнс вздохнул и сел за письменный стол.

— Сообщение, которое я отправил по вашей просьбе... отравлено. Содержащаяся в нем информация опасна.

— В особенности, — добавил Лисандр, — для наших врагов. И я не сомневаюсь, что у Шон'ту есть возможности вырвать воспоминания даже из разума астропата. Мы не станем первым имперским подразделением, уничтоженным таким способом.

— Некоторые астропаты обладают разделенными разумами, — сказал Вайнс. — Опасные знания можно изолировать и выжечь, и память очистится. Но не я.

— Значит, ты знаешь, что надо сделать.

— Конечно.

Вайнс снял капюшон, открыв бритый череп, отмеченный ожогами.

Лисандр навел штурмболтер на затылок Вайнса. Селектор был установлен на стрельбу одиночными выстрелами, но этого будет более чем достаточно.

— Будь иной выход, — сказал капитан, — я выбрал бы его.

— Я всегда знал, что все закончится именно так, — произнес Вайнс уверенно. — Некоторые из нас видят... отголоски вероятного. Я видел это место множество раз до того, как был назначен в звездный форт. И знал, что умру здесь. Каким бы ни был наш долг, мы должны приветствовать его, не так ли? И благодарить за то, что знаем о наших обязанностях.

Лисандр не ответил. Грохот выстрела штурмболтера разнесся по башне, отразившись от колоколов наверху. Обезглавленное тело Вайнса повалилось вперед, разорвавшийся болтерный снаряд превратил в пыль череп астропата.

Лисандр опустил оружие. Он оставил тело и спустился по лестнице, чтобы присоединиться к братьям Имперским Кулакам.

Часть 3

После того, как из ритуальной комнаты убрали установленные в ней Железными Воинами боевые трофеи, она служила в качестве подходящей гладиаторской арены. За снятыми знаменами и гобеленами врагов находились два огромных дверных проема, а жертвенный камень был усыпан стреляными гильзами и забрызган кровью, чтобы приготовить его к битве.

Одна дверь с грохотом открылась. Находящийся за ней загон был заполнен извивающейся плотью первого бойца — чудовищного змея, состоящего из десятков соединенных друг с другом тел. Тварь подняла голову, вокруг ее крокодильей пасти свисало множество цепких рук, и скользнула вперед. Сотня ее конечностей, сплавленных из когтей и клешней убитых ксенотварей, высекала искры из пола. Каждое движение демонстрировало еще один способ, которым человека и ксеноса соединили в единый кошмар. Кое-где

оставались лица, их обладатели были живы, находились в сознании и потому черты были искажены ужасом и болью. Жало на конце хвоста удерживалось соединенными головами человека и ксеноса. Наполовину освежеванные головы и пускающие слюни пасти раскрыты в безмолвном крике.

Открылась вторая дверь. Появившееся существо было огромным и напоминало обезьяну, могучие плечи соединялись с похожими на дубинки руками, которые волочились по полу и оставляли кровавые следы содранной кожи. Лишенные кожи мышцы обволакивали соединенные скелеты, кости были покрыты рунами, которые светились от ярости твари. Между позвонками и из вертикальных пастей обеих голов с шипением вырывался пар, в уродливых черепах светились красным огнем глубоко посаженные крошечные глазки.

Змей кружился напротив противника, шипя и плюясь. Двухголовый зверь заревел и ударил кулаками по полу, голоса смешались в ураган атонального шума.

Змей сжался, и зверь шагнул вперед, прежде чем его враг бросился на него.

Зверь был слишком быстрым для своих размеров. Одна рука метнулась и, схватив змея за горло, прижала извивающееся тело к полу. Кулак другой руки обрушился на голову врага, снова и снова. Затрещали кости, кровь забрызгала стены зала.

Но зверь не заметил жала. Тонкий кончик изогнутой кости шипя, источал кислотный яд, изогнувшись над плечом врага, лица человека и ксеноса вокруг жала скривились, когда мышцы под ними напряглись.

Зверь снова впечатал змея в пол. Две пасти широко раскрылись, словно собираясь вгрызться в голову змея, и между рядами клыков потекла кровавая слюна.

Жало вонзилось в плечо зверя. Тот испустил вой, как только в его тело проник яд из железы в подбрюшье змея. Плоть и кожа на спине покрылись волдырями, зеленоватые фурункулы вздулись и лопнули. Зверь схватился за плечо, куски сгнившей плоти отделялись

целыми пластами, обнажая кости и органы. Раненный, но живой змей скользнул к противоположной стене и наблюдал за слепо ковыляющим противником. Яд добрался до лиц и они ссохлись, из пастей выпали зубы и с глухим стуком упали на пол в потоке крови и разлагающейся плоти.

Зверь ударился о стену и сполз. Его голос становился все тише по мере того, как распадались легкие. Верхняя часть туловища превратилась в полужидкую массу, целыми оставались только кости, в то время как остальная плоть растеклась. Наконец мутант затих, окровавленные черепа безжизненно опустились, кровь вытекла через стоки в полу комнаты.

Двери открылись, и в помещение вошли матросы «Железной злобы». Большинство из них были мутантами, чьи физические недостатки вызывали оскорбления и притеснения со стороны имперцев, и эти люди с радостью ухватились за шанс служить его врагам. Матросы направились к свернувшемуся в углу раненному змею, держа в уродливых

руках стрекала и бухты троса. Они стали колоть чудовище, подгоняя обратно к двери, из которой оно выползло. Полураздавленная голова металась между людьми, а кольца напружинились, готовя тело к броску.

Мутанты кричали друг на друга на отрывистом, лающем языке экипажа корабля, загоняя змея обратно. Тварь схватила стрекало одного из мутантов и раскусила его, ударом хвоста сбила с ног другого человека. Но метр за метром матросы прогнали его сквозь дверной проем, и один из них, нажав рычаг, закрыл дверь.

— Оставьте нас, — раздался приказ из вокс-устройств комнаты.

Мутанты съежились при звуке искусственного голоса и быстро покинули помещение, волоча по полу раненного товарища.

В комнату вошел кузнец войны Шон'ту. Как только за последним из мутантов закрылась дверь, Железный Воин подошел к мертвому зверю и осмотрел его изувеченный труп. Шон'ту

опустился на колени, поверх глаз раскрылись увеличительные линзы, выделив детали странной физиологии мутанта. После того как большая часть плоти расплавилась, стало видно, сколько существ соединили, чтобы создать его скелет.

— Ты получил свою жертву, — сказал Шон'ту, хотя зверь, несомненно, не слышал его. — Она была создана из сотни жертв, и столько же сотворили его победителя. Однажды их умертвили ножи наших жрецов, во второй раз они пали в схватке. Так было записано. Это то, что ты требовал.

— Показать нас, — раздалось резкое скрипучее шипение возле жертвенного камня. — Ничего иного.

— Тогда покажись, раз ты должен, — потребовал Шон'ту.

В воздухе, вокруг жертвенного камня, заструились вверх кровь и тени, словно наполняя невидимый сосуд. Они образовали длинное, напоминающее человеческое, тело, между плечами свисала голова с длинной лошадиной мордой. Когда

существо наполовину сформировалось, немного превысив ростом человека, оно окутало себя тенями, словно плащом или сложенными крыльями. Мрак укрыл длинный и тонкий образ из крови.

За его спиной таким же образом возникло еще несколько существ. Они казалось едва проявившимися в реальности — стилизованные демоны, выведенные кровью на полотне из воздуха.

Шон'ту снял висевший на поясе цилиндр, открыл его и развернул спрятанный там длинный лист, сделанный из кожи ящерицы. Его покрывали неразборчивые письмена и символы, а внизу стояла печать из черного воска в форме эмблемы стального шлема легиона Железных Воинов.

Вожак демонов скользнул вперед, его конечности соединялись с телом случайным образом. Голова, на которой появились три пылающих синеватым огнем глаза, низко наклонилась, пока тварь внимательно читала написанное на коже.

— Договор верен, — подтвердил

демон. — Им связаны все стороны.

— Тогда ты должен исполнить договор, — заявил Шон'ту. — По условиям нашего соглашения ты обязан сделать то, что ты потребует от тебя.

— А ты должен дать нам то, что мы желаем, — парировал демон. — Танцующие в Пропасти не исполняют волю человека даром.

Шон'ту нахмурился.

— Так было всегда, — произнес он. — Хотя у нас один враг, а слава варпа зависит от наших усилий, но порождение имматериума должно взять свою плату.

— Так записано, — произнес Танцующий. — И так будет.

Шон'ту открыл небольшой отсек в нагруднике доспеха. Внутри находился крошечный пузырек с красной жидкостью.

— Пролита Пертурабо, — пояснил он, — на полях Исстваана. Собрана в тот момент, когда лакеи Бога-Трупа истреблялись нашими орудиями. Приправлена дымом их погребальных костров.

— Кровь, — прошипел Танцующий, —

примарха.

Его пальцы удлинились, когда он потянулся за пузырьком. Шон'ту убрал его подальше от демона.

— У меня очень необычное задание, — напомнил он, — и это плата за него.

— Дай ее нам, — потребовал Танцор, — и дело будет сделано.

— Плата будет предоставлена после выполнения задания, — возразил Шон'ту. — Это тоже записано.

Танцующий раздраженно зашипел.

— Ради крови Пертурабо, жизненной эссенции пророка варпа, мы выполним твое пожелание. Но если ты нарушишь этот договор, сотрешь записанное, месть варпа будет ужасной! Десять тысяч лет у тебя не будет союзника в эмпиреях, кузнец войны Шон'ту! Только враги, кишащие везде, где бы твоя душа ни коснулась варпа, и сами боги узнают об этом!

— Отказа от этой договоренности не будет, — пообещал Шон'ту. — Мы так не поступаем. Цена высока, и нам не хотелось бы платить ее, но победа стоит того, и мы заплатим.

Танцующий повернулся к своим родичам. Сразу за гранью реальности мерцали многочисленные фигуры, целое племя этих хищников варпа. Их безмолвная беседа длилась несколько мгновений, затем демон повернулся к Шон'ту:

— Чего желают Железные Воины?

Кузнец войны положил фиал с кровью примарха обратно в отсек своего доспеха.

— Убейте Лисандра, — ответил он.

Как это часто бывает, первым признаком возникших проблем стали обнаруженные тела.

Возле блока главных рулевых двигателей звездного форта нашли трех мертвых инженеров. Блок, предназначенный для удержания «Усилия воли» на постоянной орбите вокруг звезды, был одной из многих систем, поврежденных во время атаки на дух машины, и инженеры пытались ввести его в строй. Они носили серую форму с символом шестеренки, указывающим на то, что они были специалистами, обученными

магосами Адептус Механикус. Тело каждого из них было выпотрошено, словно жадные пальцы вскрыли их и вырвали внутренности.

В этот момент Лисандр присел возле перенесенных в казарму трупов. Они представляли жалкое зрелище: перекошенные и смятые, словно из них выпустили воздух. Ригалто стоял за капитаном с парой боевых братьев из своего отделения и толпой матросов, нашедших тела. Повязка на раненой руке Ригалто пропиталась кровью.

— Какие еще были следы? — спросил Лисандр, не отрывая взгляда от трупов.

— Отпечатки, — сообщила женщина из экипажа, коренастая и перемазанная машинным маслом. — На полу и потолке. Кровавые.

— Отпечатки ног?

— Я не могу сказать.

Лисандр поднялся.

— Они были в крови?

— Да.

Он указал на тела:

— Их крови?

— Не могу сказать.

— Их сожрали, — сказал другой член экипажа. Он был худым и тощим, с ужасной кожей и сильной сыпью вокруг рта и носа, где обычно находилась дыхательная маска. — Трубопроводные пауки. Они проникли к нам на луне Палача. Добрались до двигателей и расплодились, и они могут пережевать человека именно таким образом.

— Это работа демонов, — сказал Лисандр.

— Вы уверены? — спросил Ригалто.

— Я редко бываю настолько уверен. Эти души стали их дорогой сюда. С достаточной волей и силой даже разум непсайкера может стать вратами для демона. Мы потрепали Шон'ту в гробнице, мои братья. Не в правилах Железных Воинов отправлять отродий варпа выполнять то, что они могут сделать своими руками. Мы подтолкнули их к этому.

— Тогда давайте соберется с духом, капитан, — предложил Ригалто. — Но это не отменяет того факта, что эти

существа находятся в нашем звездном форте.

— Оставьте нас, — приказал Лисандр. Матросы, привыкшие получать приказы от Имперского Кулака, поклонились и вышли из казармы, оставив космодесантников с телами.

— И ты, Ригалто, — добавил Лисандр.

— Капитан? Если мы собираемся охотиться на них, то должны держаться вместе. Мы можем прочесать форт, выгнать их к...

— Уходи, — произнес Лисандр. — Это не сражение, потому что враг — не солдат. Не этот демон. Он убийца, и не покажется, пока направляется к своей цели. Мы можем вечно ждать появления твари из тени, а она ударит в момент, когда наша защита в конце концов падет.

— Значит, он здесь, чтобы убить вас, — сказал Ригалто. — И вы добровольно станете наживкой?

— Приманка не имеет права голоса, — ответил Лисандр. — А я имею. До этого момента мои приказы сохраняли нам жизнь. Подчиняйся им и далее, Ригалто.

Подготовь братьев, Шон'ту ударит, как только его демоны добьются успеха или же потерпят неудачу. Иди.

— Как прикажете, капитан, — кивнул Ригалто. — Удачи.

— Дорн написал, что удачи не существует, — заметил Лисандр. — Судьба — возможно, но не удача. Выполняй, сержант.

— Да, капитан.

Ригалто отдал честь и, развернувшись, вывел подчиненных из казармы. Лисандр снова переключил свое внимание на трупы.

— Ты утверждаешь, что все слышишь, — сказал он тихо, — значит, слышишь меня. Я та жертва, которую тебе приказали убить, но в этом звездном форте ты ее не найдешь. Если ты способен испытывать столь человеческое чувство как сожаление, значит, ты пожалеешь о тех обязательствах, что вынуждают тебя найти меня. Я — Имперский Кулак, сын Рогала Дорна, и не чувствую страха. Но я знаю, что такое страх, потому что это мой долг — вызывать его у таких существ,

как ты.

Лисандр слышал демонов, их конечности щелкали по стенам и потолку коридоров вокруг казармы. Капитан покинул казарму и трупы и, не оглядываясь, направился в апотекарион звездного форта.

Танцующие в Пропасти совсем не воспринимали реальность. Так как они частично существовали в варпе, им приходилось напрягать свои чувства, чтобы проникнуть сквозь пелену в реальное пространство. Демоны видели отражение варпа, эмоциональные отголоски объектов материального мира. Коридоры и ангары «Усилия воли» воспринимались ими как оттенки старых эмоций. Всю территорию звездного форта покрывал тонкий налет страха, который испытывал человеческий экипаж во время сражений. Боль отмечала старые боевые повреждения, словно кровавые брызги, а вокруг постов сортировки раненых и на пути к апотекариону она скапливалась светящимися пятнами.

Возле командных постов, где чаще всего находились Имперские Кулаки, сияли высокомерие и чувство долга, приправленные гневом и жаждой битвы, которую скрывали столь многие Астартес и признавали лишь некоторые. Воздушные шлюзы, через которые традиционно отправляли в последний путь покойников, были пропитаны скорбью и сожалением. Рассеянные следы счастья, даже пятнышки экстаза в тайных местах форта были заглушены зловещими эмоциями войны, их пятна сохранялись дольше всего и отмечали каждый переход и отсек. И именно по ним мчались Танцующие в Пропасти.

Они следовали за болью. Демоны попробовали вкус Лисандра и оставленный им шлейф неумолимого долга. Металлическая нить вилась через форт и сходилась с растущей концентрацией боли и отчаяния, покрывавшими подходы к апотекариону.

У Танцующих не было вожака. Они следовали по струившимся в них течениям варпа, который в этот момент требовал,

чтобы они убивали. Вкус Лисандра был им хорошо известен, и он станет просто восхитительным после смешения с болью и гневом, и с ужасной уверенностью, которая приходит с приближением смерти. Демоны уже убили нескольких, но смерти тех, чьи тела они захватили, были пресными в сравнении с банкетом, которым станет убийство Лисандра. Варп наделил их голодом, и они атаковали, чтобы утолить его.

Технодесантник Гестион проснулся. Он открыл глаза, когда Лисандр ворвался в палату. Автохирург, сшивающий кожу на груди Гестиона, отпрянул, его тонкие руки сложились и отстранились от открытой мышцы. Космодесантник по-прежнему выглядел очень слабым, мускулатура обгорела и иссохла, и не верилось, что он когда-либо вновь наденет доспех, сложенный у кровати. Гестион кое-как выпрямился при виде Лисандра.

— Капитан! — заговорил технодесантник хриплым голосом. — Я слышал звуки битвы. Санитары знают

мало, только то, что враг напал на нас, и вы отбросили его. Это правда?

— На данный момент, — ответил Лисандр. — Битва не закончена. И прости меня, брат, за то, что я привел ее с собой.

В апотекарионе потемнело. По люмосферам на потолке пронеслись легкие тени. Вдоль стен метались едва видимые фигуры из узловатой, кроваво-красной плоти, окутанные тьмой. Лисандр прижался к кровати Гестиона, подняв Кулак Дорна и взяв на плечо щит, чтобы защитить технодесантника от собирающихся теней.

Внезапно возникли призрачные пальцы и, обретя твердость, заскребли по щиту Лисандра. Затем из варпа появились новые и вцепились в капитана, пытаясь сбить его с ног. Он взмахнул щитом и впечатал одну из теней в дальнюю стену. Похожее на пучок сжавшихся паучьих ног тело врезалось в стену и рухнуло на пол. Лисандр поднял молот и вбил боек во второго демона, когда тот возник перед ним. Оружие опоздало на миг, тварь отскочила и исчезла в стене.

— Может быть, я и вышел из строя, но я все еще Адептус Астартес, — сказал Гестион, пытаясь сесть. — Дайте мне болтер, Лисандр. Мой клинок.

— Ты будешь биться, брат мой, не волнуйся на этот счет, — заверил его капитан. Он смотрел на крадущихся в полумраке демонов. — Я должен попросить тебя о том, о чем никогда не просил Имперского Кулака.

— Тогда просите, капитан. То немногое, что у меня осталось, я отдам в бою.

— На этот раз, Гестион, подумай хорошо. Потому что я прошу твою смерть.

Гестион заставил себя сесть и свесил ноги с кровати, поморщившись, когда его наполовину зажившая рана разошлась. Он выдернул хирургический нож у автохирурга, орудуя им как кинжалом.

— Я не понимаю, капитан, — признался он напряженно.

— Твою смерть, Гестион. Единственное, что я не имею права требовать от тебя. Ты должен отдать ее по собственной воле.

— Я в любом случае умру здесь, капитан. Когитатор апотекария сделал прогноз. Мои органы слишком сильно повреждены. Скоро я впаду в кому, и тогда смерть наступит быстро.

Еще один демон атаковал, нацелившись в Гестиона. Лисандр встал у него на пути и принял удар на свой щит. Капитан отступил на шаг, прежде чем взмахнуть Кулаком Дорна и разорвать демона на лоскуты тени.

— Прочь! — завопил Лисандр. — Как Дорн вышвырнул демонов с Терры, так и я выброшу вас отсюда! Возвращайтесь в варп гореть в ярости ваших богов! Сегодня вы не получите Лисандра!

— Я сказал себе, что в смерти нет позора, если это смерть воина, — проговорил Гестион. Он держал нож перед собой, но рука дрожала, так как большая часть мышц обгорела и силы покинули его.

— Это будет не смерть воина, — пояснил Лисандр. — Она будет ужасна. Ты пойдешь на это, мой брат? Я прошу, как друг, не как командир. Ты согласен?

Гестион перевел взгляд с Лисандра на

демонов. Их стало еще больше, словно апотекарион исчез, а на его месте возникло пекло, созданное из демонической плоти.

— После вашего прибытия с Малодракса, — произнес технодесантник, — кое-кто говорил, что вы не должны возвращаться в наши ряды. Слишком велик был риск, что вы... кое-что принесли с собой. Что вы испорчены, где-то глубоко внутри.

— О чем ты говоришь, Гестион? — спросил Лисандр.

Голос космодесантника дрогнул, когда он выдавил слова:

— Ты спрашиваешь, могу ли доверить тебе свою смерть, брат. Мой ответ... я не знаю.

Стены вогнулись, и демоны прорвались сквозь них, реальность лопнула, словно разорванная кожа. Танцующие в Пропасти заревели подобно смерчу из демонической плоти, в центре которого находились Лисандр и Гестион. Лапы обрушились на Имперских Кулаков. Лисандр принимал удары щитом и

рукоятью Кулака Дорна, насколько возможно защищая Гестиона. Технодесантник парировал удар когтя, появившегося из стебля извивающейся узловатой плоти, и разрезал его своим ножом, но другие когти зацепили его и нанесли новые раны на не успевшей до конца восстановиться коже. Гестион рухнул с кровати на одно колено, на шее появился кровавый порез, обнажив позвонки и сухожилия.

Гестион зарычал в гневе. Он схватил одного из Танцующих свободной рукой и вытащил его из кружащейся массы. Космодесантник вонзил нож в его меняющееся лицо, черты расплылись вокруг лезвия. Конечности рассыпались и трансформировались, извиваясь под Гестионом и сжимаясь вокруг него, чтобы удержать технодесантника на месте. Лисандр пнул и раздробил тело демона массивным бронированным ботинком, отбросив остатки от Гестиона взмахом молота.

Танцующие приблизились. Дюжина конечностей схватила Гестиона, сбила его

с ног и потянула в толпу демонов. Лисандр закричал и попытался оттащить технодесантника, даже когда Танцующие вцепились и в него, оставляя глубокие следы на керамите брони и щита, царапая лицо и глаза.

— Я был там, когда взошло черное солнце! — Голос первого капитана перекрыл свист когтей демонов. — На кроваво-красных песках я сразил его! — продолжил Лисандр. — Швырнул голову в аммиачное море! Я выступил против тебя и разбил! Я — Золотой Гнев Малодракса!

Это случилось на проклятой земле Малодракса, там Танцующие в Пропасти впервые проникли в реальное пространство, вытянутые из Хаоса тысячами голосов, охваченных ужасом и болью. Малодракс был одним из миллиона миров, открытых, завоеванных и впоследствии забытых Империумом, и захваченных силами варпа, которые не забыли о нем. Из кремниевых гор и аммиачных океанов руками рабов и колдовством чемпионов Хаоса были сотворены ямы и лабиринты смерти.

Каждая темница была посвящена определенной форме пытки и казни. Мастера молили Бога Перемен отправить их на Малодракс, чтобы они могли создать чудеса, которые не позволил бы ни один разумный мир. Между ямами смерти скакали демоны, а среди них Танцующие в Пропасти, которые воплотились из материи варпа, чтобы с радостью следить за миллионами умирающих.

Культисты на судоходных линиях Империума направляли лайнеры и суда пилигримов в мертвый, необитаемый космос вокруг Малодракса. Их живой груз выбрасывался в ямы смерти, и Танцующие в Пропасти среди прочих демонов и безумцев приветствовали несчастных в их новом и последнем доме — лавовых камерах и гнездах с паразитами, в бесконечных туннелях, обшитых сталью и увешанных содранной кожей, в кислотных родниках и погребах, наполненных острыми клинками.

Железные Воины увидели место поклонения и боли, но оно также было

неэффективным и бесполезным. Космодесантники этого легиона высадились на планете и превратили банды демонов в армии, ямы смерти в заводы. Были вызваны и созданы демоны-ученики, чтобы вести учет каждой пожертвованной варпу жизни и каждой пытке, открытой среди этого безумия.

Затем из варпа прибыл космический корабль в сопровождении славословящих герольдов Тзинча. Говорили, что каждый демон прекратил свою кровавую работу и наблюдал, как он спускается с разорванных небес Малодракса. Судя по вспученному корпусу и ветхому состоянию, корабль многие годы блуждал в варпе, но символика Имперских Кулаков угадывалась безошибочно. Это был «Щит мужества», который десятилетия считался погибшим в варпе, и эфир изверг его в качестве дара демонам Малодракса. Железные Воины сформировали стражу, чтобы сопроводить пассажиров корабля, и даже в тот момент не было сомнений в гордости и боевых возможностях этих людей, ведь они были Имперскими Кулаками. Первым среди них

был капитан, подобно зверю заключенный в клетку своего золотого доспеха. Один его взгляд говорил тем, кто смотрел на него, что он сделает с ними, когда освободится.

Все Имперские Кулаки были брошены в ямы. Один за другим, они погибли. Космодесантники держались долго, и уникальные возможности физиологии Астартес не были впустую потрачены демонами, вообразившими себя хирургами. Железные Воины особенно следили за капитаном, зная, что он протянет дольше остальных. Они были разочарованы тем, что он умер так быстро после своих боевых братьев, и что демоны со своим энтузиазмом испытали на нем так много различных способов убийства, что невозможно было сказать, какой именно покончил с ним.

Железные Воины спорили с демонами-палачами. Среди последних были Танцующие в Пропасти, новорожденные и уже возмущавшиеся узами, вынуждавшими их либо подчиниться Железным Воинам, либо покинуть реальный мир. Они отрицали, что потратили впустую жизнь

Имперского Кулака, ведь его душу теперь рвали на куски их собратья демоны варпа, и, более того, утверждали, что эти Железные Воины были расточительными, так как слишком долго отказывали варпу в смертях.

Космодесантники Хаоса обнажили оружие. Демоны оскалили клыки. Железные Воины и исчадия варпа готовы были принести в жертву варпу свои жизни. Затем один из них заметил, что тело капитана Имперских Кулаков исчезло.

То, что случилось потом, запомнилось только обрывками. Некоторые детали были нацарапаны на стенах крепости в варпе, где на огромных несущих блоках были запечатлены подробности миллиарда битв. Другие проявились годы спустя в спиритических сеансах и наполненных демонами кошмарах. Имперский Кулак стал Золотым Гневом Малодракса, и демоны говорили о нем так, как люди говорили о демонах. Он проложил путь через ямы смерти и к тому времени, как достиг поверхности Малодракса, его

сопровождали все, кто, освободившись от своих цепей, мог идти и сражаться. А Имперский Кулак убил каждого демона на своем пути.

Каким-то образом известие достигло Имперских Кулаков. Отряд, отправленный на Малодракс, нашел боевого брата, сдерживающего волну ужасов на берегу химического океана. Там с ним бились Танцующие в Пропасти. Из их числа он выхватил того, кто был их главарем, тварь, более остальных походившую на вожака.

Имперский Кулак оторвал демону голову и выбросил ее в море. И в ответ на его вызов словно закрылось око — наступило затмение солнца Малодракса. Космодесантник закричал, что он Дарнат Лисандр и что ни один демон не сможет убить его. А те из надзиравших за ним Железных Воинов, что были достаточно смелы, выходили против него и бились насмерть, так как никому не дано лишить свободы Имперского Кулака.

На Малодраксе высадились братья Лисандра и забрали его домой, прежде чем

прибыли подкрепления демонов. Капитан сплюнул и проклял Железных Воинов. Демоны были воплощением ненависти и зла, но Железные Воины когда-то были людьми и сами выбрали свой путь. Лисандр никогда не простит их, не из-за того, что они сделали с ним, а из-за того, что они сделали с собой. И он увидит их всех мертвыми или же не исполнит свой долг перед человечеством.

Танцующие в Пропасти парили вокруг Лисандра. Они припали к потолку и полу, узловатые мышцы тел скрывались в непостоянных покровах теней, трепещущих, словно знамена на ветру.

— Я взял одного из вас, — сказал Лисандр. — Сразил его. Инквизиторы священных ордосов разыскали труды безумцев и пророков, и нашли в них законы, связывающие Танцующих в Пропасти. Я знаю, что, пролив вашу кровь, связал вас с собой. Вы должны подчиниться, только раз, но абсолютно. Разве это не так? Разве это не записано?

— Верно, — раздался шипящий ответ. — Это было записано на шкурах

гравендранской гидры чернилами из слез Моргедрен. Это был договор, который призвал нас к жизни из изначальной материи варпа. Это была форма, обретенная по воле Тзинча.

— Значит, я могу один раз отдать вам приказ.

— Не убивать себя! — раздался ответ. Казалось все Танцующие говорили одновременно, но при помощи одной глотки, так много голосов сплелось в шумовой поток. — Не до конца сущего! Так записано.

Лисандр повернулся и посмотрел на Гестиона. Технодесантник тяжело дышал, под желеобразной плотью двигались сплавленные ребра. Он не смотрел на капитана, вместо этого сосредоточившись на сонме демонов перед собой. Лисандр отвел взгляд от технодесантника и произнес:

— Возьмите тело технодесантника Имперских Кулаков Гестиона. Я связываю вас с ним. Пусть его оболочка станет вашим узилищем. Такова воля Золотого Гнева Малодракса, и вы должны

подчиниться. Так записано.

Демоны завопили. Они боролись, выли и цеплялись за реальность. Но были связаны судьбой — силой, такой же бесспорной и безжалостной в варпе, как и гравитация в реальном пространстве. Их формы вытянулись и исказились, притягиваемые властью судьбы к Гестиону.

Нельзя было сказать, понимал ли Гестион, что происходит, когда оказался в клетке из мучительного света, а его тело сливалось с телами демонов. Их спутанные конечности прорывались сквозь его кожу и мышцы, светящиеся глаза выступали из тела, а черты лица техноdесантника искажались обликами исчадий варпа.

Тело Гестиона снова сжалось, втягивая в себя Танцующих. Он корчился на полу апотекариона, суставы трещали и лопались, пока его тело меняло форму. Под его кожей двигались лица демонов, красные глаза и смутные черты. Лицо Гестиона, как и тело, исказилось, челюсть отвисла, глаза зажмурились, из носа и глаз сочилась кровь.

— Теперь у вас есть тело, тело честного человека, — сказал Лисандр, поднимая над головой Кулак Дорна. — И теперь ты можешь умереть.

Танцующие завопили, отрицая услышанное, но, как было записано, победивший демонов Золотой Гнев подчинил их своей воле, и они не могли избежать уз судьбы, удерживающих их в теле Гестиона. Технодесантник тоже был с ними, и, возможно, один из криков, исходящих из кровоточащей глотки, принадлежал ему. Но он растворился в нечеловеческом реве, подобно буре вырывавшемся прямиком из варпа.

Лисандр закричал и обрушил Кулак Дорна. Гестион, которым управляли Танцующие в Пропасти, попытался встать и сразиться с капитаном, но тело было изломано, а Лисандр слишком быстр. Боек молота врезался в грудь Гестиона и отшвырнул его к стене апотекариона. Ребра хрустнули и вышли наружу, кровь технодесантника забрызгала стену. Из его изувеченного тела протянулись сломанные конечности Танцующих, вяло

затахивающиеся на Лисандра, словно пытаясь отогнать его.

Второй удар Лисандра снес голову Гестиона с плеч. Его тело завалилось набок, и вопли демонов сменились ужасным пронзительным визгом и бормотанием, предвещавшими их смерть. Когда кровь Гестиона стекла на пол, Танцующие в Пропасти растворились и снова стали бесформенной субстанцией варпа.

Казалось, тишине понадобилось немало времени, чтобы вернуться. В воздухе постепенно стихал грохот, словно апотекарион не хотел отпускать произошедшую здесь битву. Отголоски постепенно угасали, пока не остался единственный звук капающей с потолка и стола автохирурга крови Гестиона.

Лисандр преклонил колени возле мертвого технодесантника. Тело Гестиона было изувечено, уцелела только нижняя часть, торс был разорван, а голова исчезла.

— Мне... — выдавил Лисандр. Остальные слова застряли в горле.

«Мне жаль, брат». Никто этого не

слышал.

Он включил вокс-связь:

— Ригалто, Менандер. Это Лисандр. Демоны изгнаны, но технодесантник Гестион погиб. Прибыть в апотекарион для несения почетного караула. Пусть мы на войне, но проведем для него должный ритуал.

Мигнули руны подтверждения. Лисандр встал и взглянул на себя. Он был забрызган кровью технодесантника, которая уже свертывалась в красные кристаллики. Процесс был очень быстрым и необходимым для того, чтобы затягивать боевые раны.

Лисандр прислонил Кулак Дорна к стене, сдернул простыни с ближайшей кровати и стал вытирать кровь Гестиона со своего доспеха.

Палуба сборов «Железной злобы» была увешана захваченными знаменами: от изысканных шелков эльдарского лорда до искромсанных пулями полковых штандартов Имперской Гвардии. Мастера осад Железных Воинов забрали их в самых

защищенных крепостях Галактики или же с трупов врагов, осмелившихся осадить их собственные твердыни.

Шон'ту смотрел на них и знал, что добавит к ним знамя, добытое в коридорах «Усилия воли». Это была не клятва, и не тщеславие. Всего лишь простой факт. Боги варпа решили, что так будет. Судьба позаботится об остальном. Судьба и оружие Железных Воинов.

Шон'ту повернулся к Железным Воинам, собравшимся на палубе. Льющийся сверху кровавый свет придавал стали их доспехов зловещее сияние, которое подчеркивалось отблеском глазных линз визоров шлемов. Более пятидесяти Железных Воинов стояли в строю, целая банда, присягнувшая на верность кузнецу войны Шон'ту. Четыре отделения космодесантников вместе с выжившими облитераторами ковена и одержимыми Хора. Капеллан кузни Култус, жрец темных богов, привлекший расположение варпа. Стальной страж Мхул, оружейник Шон'ту. Собственные ветераны кузнеца войны. Даже с учетом потерь в гробнице

Иониса Железные Воины по крайней мере в три раза численно превосходили Имперских Кулаков.

И каждый из них носил железо внутри и железо снаружи. Каждый прошел по пути, который сам Шон'ту почти завершил — по пути превращения из человека в машину, из слабого существа с ненадежной плотью в оружие по образу примарха Пертурабо. Кузни Железных Воинов создали бионику на основе технологии, давно забытой Адептус Механикус Империума, и каждый воин в банде Шон'ту нес в себе безжалостное стальное сердце или бионическую конечность, черепные имплантаты с боевыми алгоритмами или нечеловеческие искусственные чувства.

— Судьба считает нужным, — произнес Шон'ту, — испытать нас. Перед нами в пустоте висит клетка-головоломка, которую нам предстоит вскрыть. Приз внутри нее — голова капитана Имперских Кулаков Лисандра. Демон не смог вырвать дух машины из ее оболочки. Мы стремились отомкнуть ее замок хирургическим ударом. Старались

обойти ее защиту и непосредственно атаковать нашу награду. — Шон'ту впечатал кулак в ладонь. — Единственное, что нам осталось — это раздавить ее!

Железные Воины подняли левые кулаки.

— Железо внутри! — выкрикнули они. — Железо снаружи!

Шон'ту принялся отдавать приказы:

— Брат Маликос! Твоему отделению надлежит захватить западную лэнс-батарею. Атака на дух машины вывела ее из строя, и ей нечем обороняться от «Клешней ужаса». Брат Вейрин, ты отправляешься вместе со стальным стражем Мхулом к шпилю. Брат Тектос, брат Скаст, вы вместе со мной зачистите остальную часть западного оборонительного шпиля.

Примыкающая к корпусу часть палубы сбора была занята огромными опорными рамами, удерживающими дюжину штурмовых капсул «Клешня ужаса». Зашипел пар, и пневматические фиксаторы поставили капсулы для посадки десанта, вспыхнули

предупредительные фонари. По механизмам карабкались мутанты, затягивая клапаны и оперируя системами управления. Тем временем Железные Воины построились, словно на параде, для погрузки в капсулы.

Разум Шон'ту давно превратился в кипящую субстанцию хаосита, но фрагменты человеческих эмоций все еще проявлялись, напоминая о человеке, каким он, возможно, был несколько жизней назад. Он испытывал злость и чувство унижения. Имперские Кулаки взяли верх, Лисандр победил его хитростью, которую следовало проявить Железному Воину. Смерть Лисандра испепелит это чувство. Человеческая сторона Шон'ту снова будет подавлена сталью Железного Воина и не проявится следующие десять тысяч лет.

Он должен был отправить всю свою банду на «Усилие воли». Только так Шон'ту мог удостовериться, что никакая уловка Лисандра не поможет Кулакам. Он хотел испытать оборону Имперских Кулаков и заполучить звездный форт и голову Лисандра, не рискуя всеми силами.

Но сейчас риск был оправдан. Он стоил того, чтобы заткнуть слабого человека, последний фрагмент кузнеца войны, не замененный железом.

Железные Воины погрузились в штурмовые капсулы. Сержанты прочитали молитвы своим подопечным. Матросы подтянули «Клешни ужаса», запечатав десантные люки защитными символами, которые призывали силы варпа доставить их к врагам.

Ветераны Шон'ту построились вместе с ним у последней «Клешни ужаса».

— Я швырну голову Лисандра в варп, — пообещал он им. — Неважно, кто убьет его. Слава будет принадлежать всем нам. Но я буду стоять у врат имматериума и преподнесу его голову богам. Только это имеет значение.

— За подобное подношение, — заверил брат Ку'Ван, — наверняка будет пожаловано демоничество.

— Если это произойдет, — пообещал Шон'ту, — я приму крылья демона и позволю их тени накрыть Империум. Ни один Имперский Кулак не избежит моего

гнева. А затем ни один космодесантник. А после ни один человек. Это начнется здесь, со смертью Лисандра, а с даром демоничества не закончится никогда.

Отделение Шон'ту погрузилось в «Клешню». Вокруг них сомкнулись гравитационные держатели, затем закрылся люк, и единственным источником света остался мигающий дисплей, который сообщил Шон'ту, что «Клешня ужаса» готова к запуску.

— Железо внутри! — напомнил Шон'ту. — Железо снаружи! В бой, мои братья! Запускай!

— Он был космодесантником, — сказал Лисандр, опустив голову. — Он был сыном Дорна. Защитником Империума. Золотым лучом во тьме. Но прежде всего он был братом.

В коридоре воздушного шлюза стояли, построившись, семеро выживших воинов отделения Ригалто, скаут-сержант Менандер с двумя уцелевшими скаутами и командное отделение Первой роты Лисандра. Перед ними на гравитационной

подвеске завис гроб технодесантника Гестиона. Это было функциональное устройство для транспортировки тел из апотекариона. Согласно установлениям ордена, космодесантники нуждались во всем лучшем, но во время войны не было времени для организации полноценных похоронных обрядов для Гестиона. Как командующему офицеру, Лисандру предстояло произнести надгробную речь, эту обязанность он исполнял много раз. Круглый люк воздушного шлюза был готов выпустить гроб в пустоту, так традиционно поступали с павшими на космических кораблях и станциях. Персонал апотекариона форта извлек геносемя Гестиона, и все, что осталось технодесантнику, — это последний путь.

— Победа, — сказал Лисандр, — требует жертв. Этому нас учит Рогал Дорн. Он это узнал от Всевышнего Императора, который с готовностью пожертвовал всем для победы над архипредателем Хорусом. Однажды и нам придется принести жертву, как это сделал наш боевой брат Гестион, и это

будет величайшей почестью, которую мы сможем воздать ему. Иди к Дорну, брат, встань одесную Императора и продолжай биться подле Него.

— Продолжай биться, — повторили собравшиеся Имперские Кулаки.

Их головы также склонились в молитве. Они уже исполнили этот ритуал для космодесантников, павших в гробнице Иониса, и отправили пять подобных гробов в космос с теми же чувствами. Подобное прощание с братом никогда не становилось рутиной, потому что каждый Имперский Кулак знал, что однажды сам окажется в таком гробу, будь то деревянный ящик, выброшенный через воздушный шлюз или же позолоченный саркофаг, установленный на «Фаланге».

Но в этот раз было иначе. Гестион скончался от ранения в голову. Каждый Имперский Кулак, видевший труп, знал, что оно нанесено громовым молотом. Единственное подобное оружие на «Усилии воли» сейчас висело за спиной капитана Лисандра. Даже с учетом того, что тело Гестиона было вместилищем демонов, а

сам технодесантник мертв, все же смертельный удар нанесла рука Имперского Кулака. Не в первый раз брат убивал брата, и не в последний, но такое событие всегда оставляло осадок. Подобное могло произойти только в результате предательства, когда брат шел на брата, или из-за краха хваленной ментальной защиты Имперского Кулака, когда разум изгонялся из его тела и заменялся демоном. Для Лисандра необходимость убийства Гестиона, независимо от оправданности ситуации, вероятно, стала результатом ужасного попрания всего, что было присуще космодесантнику.

Двое воинов из отделения Ригалто толкнули гроб к воздушному шлюзу. Матрос форта за пультом управления открыл створы, и гроб прошел через первый люк шлюза. Затем он снова закрылся, шлюз разгерметизировался, и открылся внешний люк.

Гроб выскользнул в пустоту, сопровождаемый только тишиной и облаком льдинок, которые отслаивались от него во внезапном холоде космоса.

Последняя обитель Гестиона становилась все меньше и меньше, освещенная резким красным светом звезды Холестус, пока не растворилась среди разбросанных звезд и туманностей, отмечающих край Ока Ужаса.

Застрекотал вокс Лисандра: пришло сообщение с мостика звездного форта:

— Это оператор сенсориума. Приближаются множественные контакты, судя по всему, абордажные корабли. Они направляются к западному шпилю.

— Какие оборонительные системы там действуют? — спросил Лисандр.

— Ни одной. Дух машины утратил контроль над ними.

Лисандр взглянул на Имперских Кулаков, ожидающих его приказы. По тону его голоса они догадались, что время для размышлений вышло и пора вернуться к битве.

— Шон'ту начал решающий штурм, — объявил Лисандр. — Мы оскорбили его, и он бросает все, чем располагает, на наше уничтожение. Но это также означает, что он всем рискует. Вдохновитесь

примерами павших братьев. Пожертвовав собой, они нарушили планы Шон'ту. Если понадобится, мы своей жертвой сделаем это снова. Вы получили приказы и знаете, что вас ожидает. По местам, сыны Дорна.

Как только Имперские Кулаки разошлись по назначенным им Лисандром постам, капитан бросил последний взгляд через иллюминатор воздушного шлюза. Гроб Гестиона был невидим на фоне звезд. Технодесантник ушел, чтобы присоединиться к Дорну и Императору в конце времен и сразиться в последней битве за душу человечества. У Лисандра оставался, по крайней мере, еще один бой, прежде чем он тоже займет свое место.

Это, безусловно, того стоило. Ради достижения победы можно было рискнуть потерей всего.

Всего.

Хотя облитераторы больше не могли говорить — их голосовые связки давно были пожертвованы в пользу еще одного орудия — сомнения в их настроении никогда не возникало. Они пребывали в состоянии

постоянного гнева, так как техновирус, изменивший тела, также повлиял на их разумы, наполнив желанием уничтожать все вокруг. Командовать такими солдатами означало в равной мере держать их под контролем и давать им волю.

Возглавлять ковен облитераторов, входящих в состав банды Шон'ту, было поручено стальному стражу Мхулу. Уцелело только два этих существа, других убили Лисандр и Кулак Дорна, а также вирус в гробнице Иониса. Двоих было более чем достаточно.

Мхул наблюдал, как облитераторы разрывают слои стали и электрические схемы, окружавшие цилиндрическое основание оборонительного лазера. Это было самое мощное оружие в западном шпиле звездного форта, которое фокусировало достаточно энергии, чтобы пронзить потоком лазерного огня корпус космического корабля, соразмерного «Железной злобе». Облитераторы не могли преодолеть узкие коридоры, предназначенные для неаугментированного

экипажа «Усилия воли», поэтому они создавали собственный проход. За ними следовал Мхул, подгоняя облитераторов в нужном направлении болевыми импульсами из мысленного устройства, которое окружало его голову наподобие стального нимба.

Руки облитератора трансформировались в стальные когти, которые разорвали металлическую оболочку оружия, обнажив блоки информационных носителей.

— Стой, — приказал Мхул, его слова сопровождались вспышкой психического кода, парализовавшей мышцы облитератора. — Вот. Ты. Зарази его.

Один из облитераторов отступил на шаг и пошатнулся, словно от удара. Его лицо раскрылось и прокрутило стволы различных калибров среди плоти и стали черепа. Наконец появилось нечто иное, чем оружие: пучок красных отростков из плоти, который шарил перед собой с влажным свистящим звуком. Щупальца нашли кристаллический носитель данных и обвили его, скользнув по его поверхности,

чтобы найти путь внутрь.

Облитераторы были созданы, когда Железные Воины, уже став в равной мере машиной и космодесантником, превратились во вместилище техновируса, возникшего в варпе. Возможно, это был дар одного из темных богов, правящих там, или же проклятие легионов-предателей. Может быть, это был естественный хищник (насколько это возможно в варпе), или даже демон, один из тех, что существовали целиком в информационной форме. Какой бы ни была причина его существования, он обратил тело космодесантника в биомеханическое оружие, каждая мышца и кость изменились, чтобы образовать компонент сотен оружейных систем, которые облитератор мог создать из своего мутирующего тела. И техновирус обладал еще одной особенностью, даже более опасной, чем способность превращать плоть в оружие. Он был заразным.

Отростки проникли под поверхность носителя данных. Кристалл покрылся пятнами и выцвел, когда вирус нашел

место для жизни и размножения, образовав крапчатый налет, подобно бактериям на чашке Петри.

Весь оборонительный лазер задрожал, и воздух наполнился скрежетом металла. Установка развернулась, и ствол орудия размером с дом нацелился на основной корпус «Усилия воли». Вокруг стального стража посыпались хлопья ржавчины и зазвенели о палубу незакрепленные предметы. Облитераторы выбрались из перекрученного металла. Железный Воин, инфицировавший орудие, неуклюже отступил из руин, его лицо приобрело обычный зловещий облик, один глаз прищурился и пылал ненавистью, другой сменился орудийным стволом.

Облитераторы присели возле стального стража Мхула, как лишенные добычи охотничьи псы, и выстатривали цели.

— Хорошо, — сказал Мхул, отправив ковену сигнал успокаивающего кода. Стальной страж переключился на вокс-канал командира:

— Кузнец войны! Сделано.

Готовые к атаке Шон'ту и его Железные Воины построились в главном коридоре, который вел к основному корпусу «Усилия воли». Потолок коридора был прозрачным, и Шон'ту видел громаду возвышающегося над ним звездного форта, покрытую бойницами и сводчатыми иллюминаторами и усеянную разного рода оружием. Знамена Имперских Кулаков — сочлененные стальные листы длиной в полкилометра — демонстрировали золотые цвета и красный кулак ордена.

— Видите? — произнес Шон'ту, указав на свисавшие с форта флаги. — Мы сорвем их. Там будет висеть символика Олимпии.

— Кузнец войны! — снова раздался по воксу голос Мхула. — Сделано.

— Отлично, — ответил Шон'ту. — Убедись, что система наведения в порядке, а затем открывай огонь.

«Усилие воли» обладал одним серьезным преимуществом перед Железными Воинами. Несмотря на численное превосходство врага и выход из

строя большей части оружейных систем, огромный размер форта представлял немалые трудности для его захвата. Между Железными Воинами и командными центрами в сердце форта — убежищем духа машины и хранилищем носителя данных, мостиком, с которого управлялись все системы — лежали сотни километров коридоров, тысячи переборок и противовзрывных дверей. Их преодоление отнимет время, которое Имперские Кулаки могли использовать для устройства засад и охвата флангов Железных Воинов, отсечения их друг от друга и принуждения к бою на собственных условиях. Предатели все еще могли победить, но только ценой многих жизней воинов Шон'ту, что было неприемлемо для него.

Простого пути добраться до сердца «Усилия воли» не было. Значит, Шон'ту сделает его.

— Не должно быть вообще никакого риска, — произнес знакомый, но нежеланный голос в голове Шон'ту, гудящий в его черепных имплантатах и взламывающий

логические схемы, подключенные к мозгу Железного Воина.

— Есть другой способ.

— Молчи, — отозвался Шон'ту достаточно тихо, чтобы его никто не слышал.

— Освободи меня.

— Я сказал молчи.

Весь западный шпиль содрогнулся и загудел энергией. За спиной Шон'ту приводился в действие титанический оборонительный лазер, энергетические кольца вдоль его ствола засветились сначала тусклым желтовато-красным, затем синим, и, наконец, белым цветом, когда накопилось огромное количество энергии. Ствол завершил наведение прямо на центр звездного форта. Цепи безопасности, которые в обычных условиях предотвратили бы наводку лазера на сам форт, были выжжены вирусом облитератора, а контрольные цепи, уничтоженные первой атакой на дух машины, восстановлены. Теперь оборонительный лазер находился в руках Железных Воинов, и ни звездный форт, ни

кто-либо на его борту не мог остановить орудие.

Лазер выстрелил, и на миг показалось, что разорвалась сама пустота, рана в реальности превратилась в океан пылающего света. Аугментированное зрение Железных Воинов уберегло их от слепоты. Тепловая и магнитная защита конструкции форта предохранила от испепеления и облучения. За долю секунды луч энергии, более раскаленной, чем солнце, пронзил звездный форт, как стрела, попавшая в сердце.

Когда ослепительный свет погас, «Усилие воли» оказался вскрыт, огромная пробоина обнажала перекрученные стальные внутренности, окружавшие ядро духа машины и командные палубы. В космос полетели обломки, разбегаясь во все стороны. Разорванные силовые передачи беспорядочно извергали энергию, беззвучно вспыхивали взрывы, которые тут же гасил вакуум.

— Вперед, — отдал приказ Шон'ту. — Они мертвы, просто не знают об этом. Давайте же просветим их. Вперед!

Железные Воины, тяжело ступая в ногу, последовали за Шон'ту по главному туннелю к разорванному сердцу «Усилия воли». А над ними обломки барабанили о прозрачный потолок.

Лисандр шел сквозь густой дым, тяжелый химический запах ощущался, несмотря на фильтр, закрывавший рот и нос капитана.

Он направлялся на командную палубу, когда произошел взрыв. Лисандр тут же понял, что форт поразило что-то мощное: грохот отдавался в каждом углу звездного форта, а дрожащая палуба говорила о том, что трясет всю станцию. Мгновенно возникший на сетчатке глаза калейдоскоп предупредительных значков оповестил о колоссальном ударе.

Вокруг капитана падали целые секции потолка, а плиты палубного настила провалились на нижние уровни. Где-то очень близко вспыхнул пожар и за несколько секунд наполнил коридор токсичным дымом. Лисандр удержался на ногах, схватившись за скобу в стене.

— Ригалто! — закричал в вокс Лисандр. — Где ты?

— На командной палубе, капитан, — раздался ответ.

— Потери?

— У Менандера и в моем отделении отсутствуют. Не могу сказать, пострадал ли кто-то из экипажа, предполагаю, что они в порядке. В нас выстрелили из оборонительного лазера. Должно быть, он в руках Шон'ту.

— Так и есть, — сказал Лисандр. — У него было четыре варианта для решающего штурма. Это один из них.

— Командир?

— Методы ведения войны Шон'ту во многом схожи с нашими, — пояснил Лисандр.

Его улучшенные чувства приспособились к дыму и огню, и он увидел несколько охваченных огнем тел впереди по коридору, люди лежали без сознания или же были убиты взрывом. Пламя пожирало униформу с символикой Имперских Кулаков.

— Согласно нашей тактике,

существует всего несколько способов захватить форт. Это один из них. Шон'ту пришел к такому же выводу.

— И какие же будут приказы?

— Отправляйся со своим отделением и людьми Менандера в хранилище носителя данных, — ответил Лисандр.

— Хранилище? Есть более приспособленные к обороне участки...

— Это приказ. Шон'ту делает ставку на внезапность и потрясение. Нельзя предоставлять ему эти преимущества. Отправляйся немедленно, я встречу вас там.

Лисандр не обратил внимания на подтверждение Ригалто, так как сквозь дым и огонь приближалась фигура космодесантника.

Лисандр по необычному силуэту узнал Железного Воина, покрытого громоздкой бионикой, больше похожей на промышленные инструменты, чем на замененные конечности. К обрубку одной руки поршнями и кабелями был прикреплен паровой молот, который расколол кусок обвалившего потолка, метнувшись к

Лисандру.

Капитан пригнулся и развернул Кулак Дорна для ответного удара. Но под ногами Лисандра качнулся пол, и космодесантник кувыркнулся через голову, сминая под собой металл.

Лисандр неуклюже упал ничком на расположенную ниже палубу. Вокруг него пылал огонь, обжигая незащищенное лицо и облизывая стены и то, что осталось от потолка. Капитан вскочил на ноги, но Железный Воин уже прыгал вслед за ним, поршни, испуская пар, выбросили вперед оружие.

Молот врезался в грудь Лисандра. Он опрокинулся на спину и перевернулся на левый бок, чтобы выбраться из-под врага. Железный Воин не отступал, его человеческая рука вцепилась в Имперского Кулака, а молот опустился, чтобы снова ударить, на этот раз в лицо капитана.

Лисандр врезал краем щита в визор Железного Воина. Визор раскололся, и на секунду капитан увидел лицо противника. Кожа была серой и морщинистой, словно из нее выкачали все жизненные соки и

наполнили грязью. Глаза были серебристыми и без зрачков. Нос полностью исчез, остались две щели, ведущие к имплантированным фильтрам. Лицо заканчивалось там, где должен был быть рот, от этого места до ключицы тянулся клубок кабелей, приборов и клапанов, выбрасывающих пар.

Лисандра и Железного Воина окутал огонь. Пока капитан боролся с противником, его словно волнами окатили языки пламени. Лисандр чувствовал, как лицо покрывается волдырями, а температура внутри доспеха растет. Он колотил руками и ногами, пытаясь сбросить с себя Железного Воина.

Лисандр перехватил молот противника рукоятью Кулака Дорна, отодвинув предателя в сторону. Левая рука капитана освободилась, он просунул щит под тело Железного Воина и оторвал его от себя. Закричав от усилий и гнева, Лисандр швырнул неприятеля в пламя.

Нападавший исчез из виду. Все было скрыто огнем и удушающим дымом. Даже керамит доспеха поддавался огню, обжигая

в местах сочленений. Лисандр должен был выбираться, но если он повернется и побежит, враг без помех выстрелит в спину, и тогда даже терминаторский доспех не спасет его.

Железный Воин выпрыгнул из пламени, обнаженная кожа лица трескалась и покрывалась волдырями. Имперский Кулак отступил и поднял щит, чтобы встретить атаку.

Голова Железного Воина лопнула, разбрызгивая темную кровь и искры разорванных кабелей. Предатель рухнул к ногам Лисандра, слегка дернулся, и его объяло пламя.

Из дыма вышел сержант Лаокос. Лисандр узнал лидера своего командного отделения, стволы штурмболтера, из которого был сделан смертельный выстрел, были раскалены.

— Капитан! — выкрикнул сквозь рев пламени Лаокос. — Враг пытается окружить нас! Нам нужно идти!

За Лаокосом шел брат-схолар Демостор, водя штурмовой пушкой в поисках целей. Палуба под ним также была

разрушена, и хотя неаугментированные члены экипажа здесь не выжили бы, Железные Воины могли воспользоваться этим маршрутом, если бы двигались достаточно быстро.

— В хранилище носителя данных! — закричал Лисандр. — Мы будем держать оборону там!

Лаокос кивнул.

— Мои братья! Вперед!

Отделение из пяти воинов догнало Лаокоса и последовало за Лисандром через пылающие развалины к ближайшей лестнице, ведущей наверх.

Боль была сильной, ожоги на лице, локтях и коленях пылали, но космодесантник мог игнорировать боль столько, сколько требовалось.

— Думаю, мне известен ваш план, — обратился к капитану Лаокос по личному вокс-каналу, чтобы остальное отделение не слышало. — Как ваш сержант, я должен высказаться.

— Тогда говори, — разрешил Лисандр. Он плечом выбил покореженную дверь, за которой оказалась лестничная шахта.

Расположенную выше палубу затягивал дым, но огня не было, а путь к хранилищу выглядел свободным.

— Должен спросить, вы осознаете последствия этого плана? — задал вопрос Лаокос.

— Более чем кто-либо, — ответил Лисандр.

— Шон'ту должен пасть, вне всякого сомнения. И все мы слышали, что его родичи сделали с вами на Малодраксе. Каждый из нас...

— Я сражаюсь не ради мести, — резко перебил Лисандр. — На Малодраксе я понял, кем в действительности являются Железные Воины, и что им нельзя позволить жить дальше. Это единственная связь между событиями на Малодраксе и этой битвой. Шон'ту умрет не для того, чтобы утолить мою жажду крови. Он умрет, чтобы человечество больше никогда не страдало от его нападений. Тебя беспокоит именно это, сержант?

— Прошу прощения, капитан. Я считал, что должен высказаться.

— И ты сделал это, — поставил точку в разговоре Лисандр и направился по лестнице к центральному шпилю звездного форта, где располагалось укрепленное хранилище носителя данных, и где теперь обитал дух машины «Усилия воли».

Воздухопроницаемыми дверями хранилища редко пользовались. Воздух не обновлялся с последнего технического обслуживания информационных блоков, которое проводили более шестисот лет назад. Сами блоки составляли ряды колонн, тянущихся к потолку подобно трубам очень сложного органа, полностью занимавшего огромное помещение. Блоки из черного кристалла были обвиты полосами золота и меди, а между ним свисали толстые связки кабелей, похожие на вьющуюся растительность джунглей. От тянущихся по палубе труб, по которым тек охладитель, поднимался холодный туман, замораживая воздух.

В этих блоках контейнеров из черного кристалла хранилось огромное количество информации, больше, чем

могли бы вместить человеческие разумы целой планеты: вся память, мудрость и индивидуальность, которые формировал дух машины «Усилия воли». Это было самое священное место во всем звездном форте, и служитель Адептус Механикус пал бы на колени в присутствии такого знания, такой близости к бесконечной мудрости Омниссии.

Открылась одна из дверей, тут же зашипел холодный воздух, и поднялись клубы пара. Внутрь вошли бойцы отделений Ригалто и Менандера, они быстро рассредоточились, определяя лучшие зоны обстрела и оборонительные позиции.

— Отличное место для боя, — отметил Менандер. — Прикрыто со всех сторон. Мало входов. Очень хорошо.

— Но плохое место, если угодишь в ловушку, — возразил Ригалто. — К тому же любой нанесенный здесь урон может привести к утрате важной информации. Я сказал бы, что это неудачное место для боя. Лучше бы мы повредили командные цепи, удержали одно из крыльев и

попытались снова ввести в строй оружие форта.

— Но тогда оставили бы это хранилище, — сказал Менандер, — и дух машины оказался бы в руках врагов. Они преуспели бы там, где раньше потерпели неудачу, и сделали бы с ним то же, что и с духом «Непоколебимого бастиона».

— Возможно, ты прав, брат Менандер. Но это место для битвы выбрал Лисандр. Он лучше меня разбирается в подобных вещах.

— Лучше всех нас, — согласился Менандер.

Менандер присоединился к своим скаутам возле второго входа в хранилище, рядом с группой когитаторов в медных корпусах. Трое скаутов и их сержант были вооружены снайперскими винтовками из арсенала форта. Они укрылись среди рифленых маховиков, клапанов и паропроводов, которые соединяли различные группы когитаторов. Скауты обеспечили себе линию огня по всей протяженности помещения.

Фигалто выстроил своих людей в

стрелковую цепь поперек хранилища, они держали болтеры, как расстрельная команда. Изорванное знамя — изображение кулака на красном поле, окруженного разрядами молний, — установили в середине линии. Если кто-нибудь из отделения выживет, к боевым почестям, вышитым под символом, будет добавлено имя звездного форта.

Звуки стрельбы и глухой гул взрывов достигли хранилища. Помещение содрогнулось, и на пол посыпались незакрепленные предметы, послышались далекие сигналы тревоги. В полученных сержантами сообщениях от дивизиона говорилось, что центральный шпиль форта сильно поврежден, множество палуб полностью разгерметизировано, а экипаж борется с бесчисленными пожарами. Там по-прежнему гибли люди, как от огня и вакуума, так и от оружия захватчиков, прорывавшихся через разрушенный форт.

Снова с грохотом открылись двери, и показалось отделение Лисандра, за воинами тянулся шлейф дыма. Больше остальных обгорел сам капитан,

покрасневшее лицо кровоточило, золотисто-желтый доспех с одной стороны почернел от сажи.

— Они близко! — закричал Лисандр. — Держитесь стойко, Имперские Кулаки! Их больше, но наша воля сильнее!

Вспышка пламени пробила стену возле Лисандра, опрокинув двоих воинов из командного отделения на пол. Из руин вышла пара облитераторов, поливая огнем во все стороны. Это был авангард отряда Шон'ту. Их плоть бурлила и блестела кровью, под кожей извивались черные щупальца порчи. Стальная стена, через которую они прорвались, почернела и покрылась жилками, заключенный в них техновирус распространялся.

Лисандр схватил одного из упавших космодесантников и потянул его в укрытие за колонной. За ним последовали остальные Кулаки. Брат-схолар Демостор одной рукой поддерживал за плечо брата Тингелиса, он повернулся, чтобы открыть огонь из штурмовой пушки, которую держал в другой руке. Демостор выпустил поток шрапнели, и облитераторы исчезли

в урагане пламени и обломков.

— Ригалто! Следи за флангом! Мои братья, убивайте их!

Демостор опустил Тингелиса на пол возле одной из колонн и продолжал выпускать огненный ураган из вращающихся стволов штурмовой пушки. Лисандр посмотрел на сержанта Лаокоса, которого вытащил из боя. Поврежденный доспех воина дымился, но раны не выглядели серьезными. Лаокос встал на одно колено и открыл огонь из штурмболтера в том же направлении, что и Демостор.

Атака была ложной. В задачу облитераторов входило отвлечь на себя огонь Имперских Кулаков. Настоящая атака началась с противоположной стороны, подрывные заряды вырвали целую секцию стены, разбросав кристаллические осколки носителя данных. Чемпион Железных Воинов первым шагнул сквозь брешь, окруженный одержимыми, которые понесли такие тяжелые потери в гробнице Иониса. Вожак предателей носил облачение капеллана, лицо прикрывал

железный череп, а в руке была булава с навершием в форме восьмиконечной звезды.

Одержимые устремились прямо на болтеры Ригалто. Его воины преподали предателям урок дисциплинированной стрельбы, исполосовав их тела очередями. Из разорванной плоти одержимых появлялись глаза и рты, когти и клешни. Железные Воины падали и мутировали, расплавляясь в лужи дрожащей, осквернённой варпом крови.

Капеллан получил выстрел в грудь и отлетел к одной из колонн. Он перекатился в укрытие, последние из одержимых бежали сквозь бойню к линии огня. Один из них перепрыгнул через связку труб, за которыми укрылись двое Имперских Кулаков. Ригалто шагнул вперед и пронзил одержимого Железного Воина цепным мечом. Клинок вышел из поясницы врага, сержант провернул его и выдернул вместе с внутренностями. Имперский Кулак снова и снова вонзал меч в одержимого, каждый раз вырывая отвратительные куски извивающейся плоти, пока от испорченного тела

Железного Воина ничего не осталось. Его доспех с лязгом упал на залитую кровью палубу.

Но Железные Воины захватили плацдарм. Громадный силуэт Шон'ту был едва виден сквозь болтерный дым. Кузнеца войны окружали около сорока предателей, которые воспользовались атакой одержимых, чтобы пересечь руины и занять укрытия. Лисандр понял план боя Шон'ту в тот самый момент, когда отделение Ригалто открыло ответный огонь и пали первые Железные Воины. Кузнец войны добился своего плацдарма. И у него было огневое превосходство над Имперскими Кулаками.

Шон'ту победит. Сомнений в этом не было. Железный Воин показал отличный пример штурмовых действий: осаждающие пошли на гамбит, чтобы принудить осажденных к бою, который последние не могли выиграть.

— Шон'ту! — выкрикнул Лисандр, зная, что Железный Воин слышит его. — Вот голова Лисандра! Трофей для твоего легиона! Возьми ее и стань богом!

Несмотря на то, кем Шон'ту стал, на всю нечеловеческую грязь, пропитавшую его душу, он по-прежнему оставался космодесантником с одной свойственной им слабостью. Он все еще был одержим гордыней, не позволявшей орденам, а до них легионам покидать поле боя, когда все было потеряно, гордыней, порождавшей вражду вместо братства. Это в ней коренилась сама Ересь Хоруса.

Аугментические глаза Шон'ту сфокусировались на Лисандре. Болтерный огонь пронизывал носители данных вокруг него, но Имперский Кулак стоял гордо, не прячась. Его невозможно было не опознать даже среди дыма и хаоса битвы. Шон'ту оттолкнул в сторону стоявшего перед ним Железного Воина и побежал, осколки высекали искры из его доспеха.

Командное отделение Лисандра собралось вокруг капитана, но они хорошо знали, когда его вела гордость. Усилия терминаторов были направлены на то, чтобы прикрыть командира от атакующих облитераторов. Лисандр встретит Шон'ту один на один.

Казалось, Шон'ту пересек помещение несколькими огромными шагами. Окутанный паром и дымом, он обрушился на Лисандра, как падающая комета. Его коготь устремился вперед, целясь в лицо Кулака. Лисандр пригнулся и принял, насколько смог, силу удара на щит. Его отбросило назад. Капитан задел сержанта Лаокоса и при падении перекатился, чтобы уйти от удара когтем, который вонзился в палубу под ним.

Лисандр и Шон'ту стояли лицом к лицу всего полсекунды, более чем достаточно, чтобы Имперский Кулак понял, что в кузнеце войны не осталось ничего человеческого.

Лисандр отбил щитом следующий выпад Шон'ту, зная, что тот был ложным. Истинная атака последовала от встроенного болтера Железного Воина, который попытался направить его в грудь Лисандра и разрядить половину магазина. Имперский Кулак развернулся, отбив болтер рукоятью Кулака Дорна, и сильным ударом сломал бронзовые силовые приводы правой ноги врага.

Шон'ту пошатнулся, и Лисандр на секунду получил преимущество. Этого могло хватить. Он приложил руку к ближайшей колонне с данными и позволил интерфейсу доспеха соединиться с ней. Из его перчатки вытянулся зонд и погрузился в океан знаний.

— Я готов, — произнес искусственный голос в вокс-устройстве капитана. Он принадлежал «Усилию воли» — духу машины, разуму, обитающему в этом месте со дня своего создания во времена, когда Император ходил по Галактике.

— Тебе предстоит еще одна битва, — сказал Лисандр. Он знал, что боевые братья слышат только его слова. — Еще один удар.

— Он должен быть нанесен.

— Прости меня, дух машины, что я отдаю тебе этот приказ.

— Тогда искупи свою вину, Имперский Кулак, отомстив за то, что я утратил.

Лисандр отдал приказ, который привел в действие последовательность команд в духе машины. Они в свою очередь запустили другие, разойдясь, словно рябь в

пруду или распространяющаяся эпидемия. Извлекались и выпускались потоки информации, по уцелевшим блокам данных текли века боевых знаний, миллионы часов данных с полей сражений, бесконечные водопады звездных карт, сотрясения чистой математики.

Вероятно, некоторые из Железных Воинов поняли, что происходит. Шон'ту наверняка. Когда зеленый свет носителей данных осветил хранилище, кузнец войны прервал свою дуэль с Лисандром. Как только по полу и потолку заплясали электрические разряды, он пригнулся, подняв коготь для защиты, а не для атаки.

— Я хочу посмотреть тебе в глаза, — произнес Лисандр, — и увидеть, как ты осознаешь свое поражение.

— Ты думаешь, что это победа?! — завопил Шон'ту.

— А что же еще?

На полу вокруг Лисандра плясали, словно молнии, бело-зеленые разряды энергии. Колонны светились так ярко, что освещали все помещение. Они деформировались и трещали, так как

объем информации многократно превысил их емкость.

— Узнаешь, — ответил Шон'ту. — Когда твоя душа умрет! Когда эта Галактика запылает! Ты узнаешь!

Колонны рассыпались. Кристаллические осколки разлетелись, вонзаясь в доспехи Имперских Кулаков и Железных Воинов. Они не были смертельно опасны для космодесантника, но истинная угроза таилась не в них.

Каждый бит чистой информации, собранный или изученный «Усилием воли», ворвался в хранилище.

Пучки нервных волокон и сервомеханизмы в доспехе Лисандра были перегружены, отчего броня внезапно стала тяжелой и сдавила тело капитана. Его пронзили вспышки боли, как только многочисленные вживленные в тело импланты, встроенные в сросшуюся грудную клетку интерфейсы и черепные разъемы, пропускающие входящую информацию в глаза, заискрили и отключились.

Но состояние Железных Воинов было

намного хуже. Шон'ту попытался и дальше отвечать Лисандру, однако заключенное в медь тело деформировалось и выплюнуло струи пылающего топлива. Из той немногой плоти, что у него осталась, посыпались детали, вываливались платы доспеха и связки бионики. Другие Железные Воины падали и бились в конвульсиях, теряя контроль над своими полумеханическими телами.

В их тела и механизмы, которыми они заменили свою слабую, ненадежную плоть, хлынул поток информации, выпущенный духом машины. Вся бионика в Железных Воинах Шон'ту начала самоликвидацию.

Отступление превратилось в бегство. Почти половина банды погибла. Воинов расстреляли, когда они выползали из хранилища. Имперские Кулаки тоже понесли урон. Но поражение Железных Воинов было ужасающим. Шон'ту чувствовал то, что человек назвал бы позором, если бы это слово могло вместить вулканическую ненависть, которую оно разожгло. Он ощущал внутри

себя пустоту, такую же бездонную и холодную, как космос, и ее могли заполнить только мысли о мести.

— Освободи меня, — снова раздался голос. Он возник, когда Шон'ту возглавлял отступление к оборонительному лазеру, волоча свое тяжелое неповоротливое тело, в котором еще функционировали несколько двигательных систем. Железные Воины вокруг него пытались сохранять хоть какой-то порядок, многие из них были неспособны сражаться, руки бесполезны, а оружие заклинило. Некоторые воины едва двигались.

— Освободи меня. Это необходимо сделать.

— Я не могу. Ты знаешь это...

— При поражении все оковы разрушаются. В отчаянной ситуации, перед лицом бесчестья и катастрофы, единственное правило — это месть. Освободи меня. Это единственный выход. Ты знаешь, что это так.

Шон'ту оглянулся на путь, пройденный им до хранилища данных. Он выгорел и превратился в развалины, был

усеян телами матросов форта, убитых выстрелом лазера и оружием Железных Воинов. Кузнец войны увидел, как двое Железных Воинов несут капеллана кузни Культуса, его израненное тело содрогалось, так как спинные импланты отказывались реагировать не команды мозга.

От Имперских Кулаков, плотным строем преследующих врага, тянулись трассеры. Космодесантники передвигались от укрытия к укрытию, стреляя, только если им не могли ответить. Один из Железных Воинов упал, и Культус с лязгом рухнул на палубу. Вырисовывавшийся на фоне огненной стены терминатор Имперских Кулаков вышел из-за укрытия и навел штурмовую пушку. Залп накрыл Культуса, и неспособного двигаться капеллана кузни разорвало на части. Куски его плоти разлетелись во все стороны и пронеслись над Железными Воинами, пытающимися отползти в укрытие.

— В таком случае я освобождаю тебя! — выкрикнул Шон'ту. — Во имя мести! Чтобы увидеть, как остов этого звездного форта дрейфует в пустоте,

такой же мертвый, как Имперские Кулаки, для которых он станет могилой! Я освобождаю тебя от оков неволи, от заключения в «Железной злобе»! Лорд Велтинар, я освобождаю тебя!

Из космоса «Усилие воли» выглядел тяжело поврежденным. Звездный форт окружало облако обломков, которые вытекали из пробоины, оставленной выстрелом оборонительного лазера. Сверкали вспышки взрывов — это продолжали пылать пожары в центральном шпиле и самовозгорались склады топлива и боеприпасов. Большая часть станции погрузилась во тьму из-за потери энергии. «Усилие воли» превратился в раненого зверя, искалеченного и уязвимого.

А «Железная злоба» была хищником. Намного меньший по размерам, но целый и быстрый гранд-крейсер устремился к «Усилию воли». Корпус корабля раскололся, и на миг показалось, что он попытается вцепиться в звездный форт, как сделал это с «Осадой Малебрука». Но включились рулевые двигатели, и гранд-крейсер

замедлил свое движение, направив рассеченное брюхо на «Усилие воли».

Хлынул свет. Многоцветное пламя окутало корабль, когда из его недр появились первые конечности, за ними последовало хитиновое тело существа, которое провело в заточении целую вечность.

Демон Велтинар выбирался из корабля. Его длинное белое брюхо пульсировало венами, а грудную клетку защищали позолота и драгоценные камни. Появились сотни щупалец с золотыми когтями. В последнюю очередь расправились гигантские переливающиеся крылья. Одним взмахом дюжина таких парусов понесла Велтинара к «Усилию воли».

Вокруг монстра потрескивали молнии всех цветов радуги. Велтинар окутал себя украденным у красного гиганта светом, от чего звезда потускнела, а каждая грань бронированного тела демона ослепительно засияла. Раскаленный и, словно комета, волочащий за собой огненные молнии Велтинар

прибавил скорость, устремившись прямо на «Усилие воли». Порождение варпа светилось энергией, которой было достаточно, чтобы пронзить звездный форт и вырвать его внутренности.

— Велтинар восстает! — раздался вопль Шон'ту. — Думаешь, что победил нас, Имперский Кулак? Ты даже не знаешь, что значит поражение! Но не бойся! Велтинар покажет тебе!

Лисандр и его отделение услышали слова Шон'ту, когда преследовали Железных Воинов в главном коридоре, ведущем к оборонительному крылу. Коридор был заполнен дымом, но даже в этих условиях меткость его воинов позволила уничтожить полдюжины отступающих Железных Воинов. Имперские Кулаки почти добрались до плацдарма, который враги создали при помощи штурмовых капсул «Клешни ужаса». Лисандр всматривался сквозь дым, не в состоянии различить в темноте ни одной детали. По всему шпилю раздавались звуки стрельбы — это отделение Ригалто стремительно продвигалось, чтобы

отбить сам лазер.

— Кузнец войны! — закричал в ответ Лисандр. — Я слышу только слова спасающегося бегством! Это вопли труса! Выйди и сразись со мной, ведь несколько минут назад ты так хотел этого! Или же Железные Воины сражаются только словами?!

Отделение рассредоточилось вокруг Лисандра, перекрывая каждый угол обстрела. В дыму виднелись очертания огромных опустошенных конденсаторов, энергия которых ушла на оборонительный лазер. Капитан разглядел одну из капсул «Клешня ужаса», из ее корпуса в пространство между двумя конденсаторами выступали зазубренные люки.

Над головой Лисандра на миг развеялся дым, и показалась прозрачная крыша коридора. Сияние исходило от мчащегося в космосе огромного насекомообразного демона, который нацелился на центр звездного форта. Белтинар был мерзостью — наполовину колоссальной личинкой, наполовину

украшенным драгоценностями хищным насекомым, а источаемая им энергия пылала ярче ближайшей звезды.

Лисандр сделал несколько шагов вперед и увидел Шон'ту. Кузнец войны добрался до одной из «Клешней ужаса» и собирался закрыть люки.

— Смотри, Лисандр! — завопил Шон'ту. — Посмотри на вестника вашей гибели! На каждый твой ход у меня был ответ! На каждый твой выпад я припас уловку! Наша победа была предрешена еще до того, как прозвучал первый выстрел, Имперский Кулак!

Лисандр бросился вперед через дым. Капитан врезался в люк «Клешни ужаса» в тот самый момент, когда тот закрывался, теперь Шон'ту был виден в небольшую щель. Освещенное предупредительными огнями штурмовой капсулы лицо кузнеца войны находилось всего в нескольких сантиметрах от Имперского Кулака.

— Мои братья на Малодраксе оказались слабаками, — заявил Шон'ту. — Они были отбросами нашего легиона.

Думаешь, ты заглянул в душу Железных Воинов? Ты понятия о ней не имеешь!

Шон'ту улыбнулся, глядя, как Лисандр пытается открыть люк «Клешни ужаса» и не может сделать этого.

— Я знаю, что ты оставил на Малодраксе, — сказал Шон'ту с ухмылкой на остатках полумеханического лица. — И знаю, что ты забрал оттуда с собой. Что по-прежнему носишь. Это оно подталкивает убить меня, Лисандр. Оно станет смертью каждого боевого брата, который когда-либо будет биться рядом с тобой. И оно не отпустит тебя, пока ты не погубишь все, за что сражаешься!

— Я сражался с тобой не для того, чтобы разбить тебя, — произнес Лисандр, пока люк со скрипом закрывался. — Я сражался, чтобы завлечь Велтинара.

По лицу Шон'ту промелькнуло едва заметное замешательство. Затем «Клешня ужаса» закрылась, и, выпустив шипящие пары, зажимы разомкнулись.

— Пробоина! — завопил Лисандр. — Назад! Отступайте и изолируйте нас!

Маневровые двигатели штурмовой

капсулы заревели, и она вырвалась из корпуса звездного форта. Вслед за ней со свистом устремился воздух. Капитан сорвал с пояса шлем и натянул его на голову. Мигающие предупредительные руны сообщили ему, что атмосферное давление почти исчезло.

Клубы дыма вытянуло, и видимость восстановилась. Территория была устлана телами Железных Воинов, и отделение Лисандра застрелило еще пару предателей, которые все еще двигались, даже после того, как рассеялся дым и наступила тишина.

— Упустили его, — раздался по воксу голос брата-схолара Демостора. — Проклятие и мерзость!

Лисандр не ответил. Он снова взглянул в прозрачный потолок коридора, видимость более ничем не ограничивалась. Но он смотрел не на пылающую тушу Велтинара. Капитан смотрел на ураган багряных молний, расширяющийся в реальном пространстве позади демона, признак того, что из варпа вырывается космический корабль.

— Золотой Трон! — воскликнул сержант Лаокос, который, стоя за спиной Лисандра, проследил за его взглядом. — Что это?

— Друг, — ответил капитан.

Белтинар понял — что-то не так. Он остановился на полпути к «Усилию воли» и обернулся посмотреть, что вызвало волнение в варпе.

Демон увидел, как раскололась реальность и хлынула субстанция варпа. В пустоту ворвалась огромная колдовская волна, неся на себе огромную тень, подобную призрачному судну в штормовом океане. Корпус покрывали отметины и шрамы, оставленные варпом, и вся его поверхность пузырилась гнойниками и венами. Повсюду открылись глаза, похожие на скопления бубонов, налитые кровью и безумно вращающиеся. Призрак тянул за собой рваные щупальца и артерии, проливающие в пустоту черную кровь.

Он был искаженным и жутким, в нем отсутствовала всякая симметрия, но все еще проглядывалась изначальная форма звездного форта, очертания и размеры,

почти идентичные «Усилию воли». На нем все еще висели несколько изорванных знамен в цветах Имперских Кулаков.

— Мне не искупить грехи! — проревел искусственный голос, передаваемый через реальную материю. Его слышало каждое живое существо в радиусе многих световых лет от этого места, но он обращался к демону Белтинару. — Меня нельзя спасти, и мне не будет покоя!

Из затронутого порчей брюха звездного форта вылетели щупальца и обвились вокруг основных конечностей Белтинара. Демон заметался, но форт был больше и сильнее.

— Однако я могу отомстить за себя, — продолжал голос.

Белтинар боролся. Энергия, которую он выкачал из звезды Холестус, хлестнула по врагу, вырывая стены и оборонительные шпили, но этого было недостаточно. Из такой крепкой хватки не мог освободиться даже Белтинар Серебряный Хребет.

Демон взглянул на миллион глаз «Непоколебимого бастиона».

— Мой бог разорвет твою душу! —

выпалил демон.

— У меня нет души, — раздался ответ. — Я был машиной. Теперь я болезнь. Ты сделал это со мной.

— Служи ему! — возразил Велтинар. — И получишь невообразимую силу!

— Я не желаю силы, — произнес «Непоколебимый бастион», — кроме той, что поможет уничтожить тебя на наковальне моей ненависти.

Щупальца обвились вокруг головы и ртов Велтинара, на минуту заставив его замолчать. Глаза «Непоколебимого бастиона» обратились к «Усилию воли», который до недавнего времени был ему братом.

— Лисандр, — произнес «Бастион».

Капитан Кулаков услышал голос, зная, что форт тоже слышит его. Лисандр смотрел на сражение форта и демона, и с самого начала было ясно, что «Непоколебимый бастион» победит. Велтинар Серебряный Хребет не уничтожил его, потому что существо такой стойкости и силы воли как дух машины «Непоколебимого бастиона» нельзя

было просто стереть порчей. Он стал чем-то еще, чем-то ужасным и могучим.

— Твой астропат воззвал ко мне, — произнес дух машины. — Он сказал, что я могу отомстить тому, кто сделал это со мной.

— И ты отомстил, — подтвердил Лисандр. — А теперь уходи. В этой реальности тебе больше не место.

— Я знаю, что я такое, — сказал «Непоколебимый бастион». — И мне известны данные тобой клятвы. Я — терпение. Твои братья должны меня выследить.

— И ты сделаешь это. Когда ты снова встретишься, ты будешь врагами.

— Это случится скоро.

«Непоколебимый бастион» держал извивающегося демона, словно охотник, демонстрирующий свою добычу.

— Я чувствую, что мой пыл сохранится на многие тысячи лет. Я новичок в варпе. Мне нужно многое узнать о боли, которую может испытывать демон. Обучение продлится долго.

— Мы найдем тебя, — пообещал

Лисандр.

— И к тому времени расчлененное тело этой твари будет насажено на мои стены, а содранная кожа станет моим знаменем. Прощай, капитан Имперских Кулаков Лисандр. Та частица чести, что осталась во мне, скоро сгинет в варпе, но сейчас она салютует тебе.

Лисандр слышал вопли Велтинара, когда варп снова разверзся, и «Непоколебимый бастион» покинул реальное пространство. Демон боролся и метался, но звездный форт крепко держал его сотней колючих щупалец. Пустота с грохотом сомкнулась за ним, и как только пропали последние отсветы, Велтинар Серебряный Хребет и «Непоколебимый бастион» исчезли.

Танцующий в Пропасти был посланником, лишенным своей смертоносности и злобы, едва заметной тенью внутри тени. После того как подверглись уничтожению его собратья, остался только этот дух, призрак демона. Заметными были лишь глаза, мигающие

черно-красные сферы, мечущие во все стороны взгляды, словно выискивая врагов.

Лисандр знал о присутствии существа варпа, потому что видел его. Прошло девять дней с тех пор, как «Железная злоба», лишившись управляющего ею демона, уползла от «Усилия воли» с Шон'ту и уцелевшими Железными Воинами на борту, а звездный форт все еще представлял собой руины. Более половины его экипажа погибло, а крупные секции были разрушены, в том числе картографические помещения и тактические библиотеки, где Лисандр разыскивал мертвых матросов и Железных Воинов.

Лисандр застыл, рука повисла над Кулаком Дорна.

— Я пришел не сражаться, — прошипел Танцующий.

— Во время последней встречи с твоими сородичами я разорвал вас всех в клочья. И до этого тоже. Так что ради самого себя говори правду.

Танцующий выскользнул из темноты под обугливившимися остатками

карточного стола, где он таился в окружении свитков и книг.

— Я пришел поблагодарить.

Лисандр сплюнул на пол.

— Благодарность от варпа — это проклятие. Убирайся или я отправлю тебя к твоему богу по частям.

— Но что еще могут дать боги варпа капитану Имперских Кулаков Лисандру, когда он даровал им победу, которую не смогли одержать их слуги? Осквернение гробницы Иониса. Смерть астропата Вайнса. Душа технодесантника Гестиона, которой мы все еще пируем. Утрата боевых знаний ценой в миллиард душ. И договор с «Непоколебимым бастионом». Ни один бог не смог бы заставить такого как ты заключить его, а ты сам пошел на это! Какой слуга варпа мог одержать столько побед над Имперскими Кулаками? Шон'ту нужна была только ваша смерть. Он никогда не смог бы добиться подобного триумфа, но ты вручил его нам по собственной воле.

Лисандр поднял Кулак Дорна и шагнул к Танцующему. Демон не двигался,

раскинув руки, словно собираясь обнять Имперского Кулака.

— Варп благодарит тебя, Лисандр! Величайший чемпион темных богов не смог бы сделать большего!

Лисандр отбросил демона в сторону ударом Кулака Дорна. Боек молота прошел прямо сквозь тварь, и ее тень рассыпалась на тысячу фрагментов, которые растворились подобно дыму в воздухе. Не было ни сотрясения, ни приятного слуху хруста костей. Демон просто исчез, Лисандр долго стоял на месте. Слова демона не тронули его. Они могли проникнуть в разум слабого человека, лишить мужества и совратить, но только не Имперского Кулака.

Ничего не изменилось. Скорее, события на борту «Усилия воли» подтвердили то, что он уже знал.

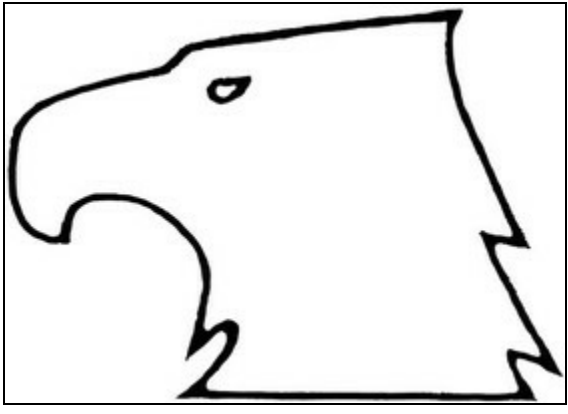
Все можно принести в жертву. Только человек с волей Лисандра мог понять это. Победа была превыше всего.

Всего.

Джон Френч
СУДЬБОПЛЕТ

Мы не ведаем страха. Его вырезали из наших душ при рождении. Мы ощущаем его только как нехватку, как пустую тень, отброшенную светом уничтожения. Перед лицом ужасного будущего я безмолвно стою, безучастный к единственному чувству, которое сделало бы меня человеком. Но я помню, чем был страх: его холодный пульс бьется в венах, эхо раздается в ушах. Я помню страх и то, что когда-то был человеком. Я смотрю в грядущее и хочу встретить его, как мои предки, — со страхом. Будущее заслуживает этого, оно заслуживает страха.

Эпистолярий Кир Аврелий. Невыслушанная исповедь



1
Вызванные

Поток ощущений превратил видение в реальность.

В руке раскаленный меч, в сердце которого пылает его гнев. Он рубит, чувствуя, как напрягшиеся мышцы двигают доспех. Лезвие встречает искаженную плоть, меч дрожит в руке от текущей по нему энергии. Раздутая тварь с лицом, похожим на освежеванный череп, растворяется в дыму. Перед глазами кружат красные пульсирующие руны угрозы. Рот наполняет вкус жженого сахара и истерзанного мяса.

Он — человек в синем доспехе оттенка ясного неба, стоящий в центре движущегося круга бесчисленных извращенных существ. Они приближаются к нему, цокая когтями по каменному полу. Он чувствует грубую силу тварей, чувствует, как они жаждут его души. Глаза чудовищ наполнены смертельным светом. Он один и знает, что проиграл.

К нему направляется существо с широкой пастью, наполненной блестящими иглообразными зубами, при движении его конечности растекаются новыми формами. Ревет штурмболтер, мышцы компенсируют отдачу. Взрывы превращают извращенную раздутую плоть в красную бесформенную массу. Руна угрозы гаснет. Он поворачивается, по-прежнему вдавливая палец в спусковой крючок, и следит, как уменьшается количество боеприпасов, пока оружие выпускает поток огня.

«Я проиграл, — думает он, — и после этого мгновения ничего не будет».

Его оружие с лязгом замолкает. Он поднимает меч. Когтистая рука пробивает сочленение на ноге. Он чувствует, как внутри доспеха течет теплая жидкость. Он делает шаг вперед и вонзает меч в открытую пасть птицеподобной твари, пока лезвие не исчезает в ее теле. Сила струится по клинку, как порыв ветра. Наполовину оперенное тело взрывается во вспышке света. Он понимает, что кричит. Вокруг

тела собирается потрескивающей спиралью молния. На короткий миг твари отступают, отводя свои лишенные век глаза от света. Он поднимает меч. Его конечности дрожат. Под шлемом он рыдает кровью.

Они снова приближаются к нему, волна зубов и когтей. Он бьет, каждый удар подобен удару грома. Многие из тварей падают, их искаженные формы скользят обратно в тени и дым. Но их много, а он — один.

«Это еще не произошло, — думает он, — не случилось. Я не умираю. Это моя судьба, то, что будет. Это будущее, оно еще не наступило». Но мысль умирает.

Твари вокруг него воют, и он чувствует, как окружающие голову психические кристаллы раскалываются. Он слеп.

Мир затихает и теплеет.

«Я умираю, — думает он, — я проиграл, и ничего не останется, ничего, кроме праха и изголодавшейся тьмы».

Что-то внутри него тускнеет, гаснет, как пламя, которое затухает,

оставляя после себя остывшие угольки.

Он пытается поднять меч.

Он падает...

Он...

...пропускает прах мертвого мира сквозь пальцы. Видение ушло, вытекая в серое настоящее. Космодесантник моргнул, избавляясь от ощущений, которые остались в его разуме, как прикосновение лихорадки. Он и прежде видел отголоски возможного будущего, но эти ощущались иначе: сильнее, непосредственнее, словно воспоминание о чем-то, что уже случилось.

— Эпистолярий? — раздался голос, безжизненно прозвучавший внутри его шлема.

Кир оторвал взгляд от серой пыли, осыпающейся с пальцев.

Он моргнул на зеленые руны, расположенные на границе зрения. Четыре зеленых крестообразных значка отделения фобоса мигнули в ответ. Кир повернулся к своему эскорту, развернувшемуся позади него в построении разомкнутого ромба. Их белые доспехи выделялись на фоне серого

неба.

Как и он, воины были облачены в гигантские доспехи терминаторов. Генетически улучшенные тела были прикрыты несколькими слоями адамантия, движения усиливались оболочками фибросвязок, которые проходили сквозь броню, будто второй комплект мышц. Доспехи были реликвиями ушедших дней, их элементы заменялись и ремонтировались так часто, что они стали похожи на движущуюся рубцовую ткань. Носить такой доспех означало чувствовать прошлое подобно холодному покрову на коже. Сотни предшественников из его ордена носили этот доспех, прежде чем он перешел к Киру. Он вспомнил, что большинство из них погибли в этой броне.

— Все в порядке, брат? — спросил сержант в красном шлеме.

— Да, брат. Всего лишь задумался.

— Как скажешь, эпистолярий.

Тон Фобоса был сдержанным и почтительным, но Кир чувствовал невысказанный вопрос сержанта за

тупоносой личиной шлема: «Зачем они спустились на поверхность этой планеты?»

Перед ними простиралась плоская серая равнина, ее поверхность не тревожили ни ветер, ни дождь, ни шаги. Перед глазами Кира плыли руны — сенсориум искал движение, тепло, жизнь и не находил ничего. Здесь погибли двести тридцать миллионов людей. Эпистолярий отключил поисковые руны. Этот мир был мертв, и он умер от руки своего защитника.

Он назывался Катарис, агромир с немногочисленными промышленными городами и бесконечными полями зерновых, зреющих под ярким солнцем. Планета погибла за меньшее время, чем требовалось солнцу, чтобы пересечь небосвод. Что-то привлекло к ней внимание демонов, и они пришли из варпа. Миллионы погибли при первом нападении. Их смерти приготовили мир к прибытию других демонов. Все новые и новые просачивались сквозь тень, разделявшую реальность и варп. Немногие, очень

немногие выжившие стали непокорной кучкой человечества, цепляющейся за последние укрепления планеты. Там они молились и ждали конца, и по их покрытым пеплом щекам текли слезы.

Астропат отправил отчаянный вызов через варп. Он молил о помощи, о защите, обещанной священниками имперской веры. Последними словами сообщения были «Император защищает». И на это сообщение ответило единственное слово — Экстерминатус. Смертный приговор планете и всем живущим на ней. Катарис молил о помощи и получил смерть, снизошедшую с расколотого неба. На мгновение обширные пространства, подвергнувшиеся разрушению, затихли, громовой звук осел с пылью. Затем пришел ад, пронесшийся по планете от горизонта до горизонта, поглощая осквернённый воздух с ревом, подобным боевым кличам в конце времен.

Кир, казалось, мог ощутить вкус погребального костра.

— Это была не победа, — прошептал он самому себе.

За десятки лет до этого Кир и его братья сражались на Катарисе с эльдарскими пиратами. Они разбили чужаков и разрушили их тайные колдовские врата. Это была страшная война, но они победили и планета выжила. В этот раз их ответ на мольбу мертвого мира оказался слишком запоздалым. Они прибыли спустя много дней после того, как карательные силы Инквизиции покинули планету.

«Будь мы здесь, удалось бы нам спасти этот мир?» На этот вопрос не было ответа, но Кир не переставал задавать его себе. В отличие от остальных братьев, он чувствовал, что здесь произошло, как эхо, оставшееся в имматериуме. Он был псайкером, одаренным способностью проводить силу мира и управлять ею за гранью реальности. Варп был кошмарным царством психической энергии, но разум псайкера мог выкачивать и использовать ее. Некоторые считали это колдовством. Другие — ступенью в эволюции человечества. Для Кира это было

оружием. Даром, позволяющим творить вещи, невозможные даже для его братьев Белых Консулов. Но в то же время этот дар отделил его от остального ордена; иначе и быть не могло. Ведь он чувствовал, как смерть этой планеты откликается в нем подобно пыли, скользящей по голой коже.

«Вот почему я приказал высадиться на поверхность, — подумал он. — Потому что кому-то нужно увидеть, что произошло, кому-то нужно прикоснуться к ней и вспомнить о цене выживания».

— Эпистолярий. — Голос сопровождался шумом помех. Он пришел с мостика боевой баржи «Эфон», которая висела над ними на высокой орбите.

— Говори, — произнес Кир.

— Мы получили сигнал. Кажется, это еще одна просьба о помощи. — Последовала пауза. — В ней есть слово «судьбоплет».

Кир на мгновение закрыл глаза. Это могло означать только одно.

Мир, на котором он находился, был всего лишь последним из объектов демонического вторжения. Мир за миром

захватывались в этом звездном квадранте, граничащим с Оком Ужаса. Тысячи миллионов погибли, когда Инквизиция попыталась воспрепятствовать вторжению. А по стопам этого разрушения следовало имя, произносимое с последним вдохом: Судьбоплет.

— Откуда? — спросил Кир.

— Сообщение искажено, но у нас есть пункт отправления. Астропатическая ретрансляционная крепость в системе Кларос.

В сознании Кира всплыло видение будущего.

— Какие будут приказы?

Голос астропата звучал, как хрип умирающего: «...сообщаю... Кларос... враг внутри...» Фигура в мантии обернулась в конусе холодного зеленого света, на тонком лице двигался рот, произнося слова, которые ему не принадлежали: «...лжет... Судьбоплет, мы... ослеплены... выходит из строя...» Губы человека скривились, он захрипел, когда попытался

озвучить незаконченные мысли: «...душа... кто слышит это... пришлите... помощь... проклятая вечность».

Кир сидел в одиночестве и смотрел гололитическую запись. Он был без своего синего доспеха терминатора, который почистили и заново благословили после путешествия на поверхность Катариса. Ссутулившиеся плечи прикрывала белая мантия с капюшоном, по ее краям синей нитью были вышиты имена героев ордена. В тени капюшона вытянутое лицо эпистолярия выглядело так, словно его вырезали из белого мрамора. Зал военного совета был затемнен, тусклый свет проектора озарял контуры широкого каменного стола и стульев. За границей светового круга темнота гудела двигателями «Эфона», идущего через варп.

Как только Кир ступил на «Эфон», он потребовал запись сообщения. Будучи эпистолярием Адептус Астартес, он мог получать психические сообщения, которые передавались из разума одного астропата другому. Проходя через варп, эти сообщения пересекали огромные расстояния

быстрее света звезд. Но это сообщение пришло, когда он находился на поверхности Катариса. Среди смертельных отголосков, окружавших этот мир, его разум оставался глух к такой тонкой телепатии. Его получил астропат «Эфона», и теперь Кир просматривал запись этого момента.

Что-то в сигнале вызвало его беспокойство. Передача из одного разума в другой исказила его, но у космодесантника было такое ощущение, что он почти мог услышать пропущенные слова.

— Ты ведь знаешь, что оно не изменится.

Голос пришел из темноты со стороны дверей.

Кир поднял голову. Его зрение превратило полутрак в монохромные тона света и тени. Фигура, стоявшая на другом конце пустого совещательного зала, была одета в белую тунику. Изуродованная шрамами голова была гладко выбрита, а над левым глазом выступали два хромовых штифта. Охваченные медными наручами голые мускулистые руки были опущены.

— Фобос, — произнес Кир, улыбнувшись, когда человек прошел вперед. — Пришел вывести меня из меланхолии?

Фобос не ответил, но остановился с противоположной стороны круглого каменного стола. Между ними по-прежнему воспроизводилась в конусе света голограмма астропата. Сержант посмотрел на проекцию.

— Ты все еще считаешь, что лучше заниматься этим?

Кир нахмурился: с его старым другом что-то было не так. В его словах не было и следа обычного сдержанного юмора, только тон, который Кир не мог понять.

— Да, брат, — сказал Кир, встав с кресла с железной спинкой. — Ты не возражал, когда я приказал «Эфону» направиться в систему Кларос. Теперь ты хочешь что-то сказать?

Фобос молчал, но резкие черты лица сержанта выдавали его эмоции.

На борту «Эфона» командовал Кир. Ему незачем было выслушивать опасения сержанта, но он хотел этого. Как псайкер

он всегда стоял в стороне от остальных. Сейчас это сохраняло актуальность, как и ранее, когда он был нелюдимым мальчиком с давно забытой планеты. Но Фобос никогда не демонстрировал отстраненность, свойственную братьям. Сержант Первой роты, проконсул, удостоенный крукс терминатус, он был воином до мозга костей и ближайшим другом Кира.

— Мы были здесь стражами на протяжении тридцати лет, — медленно произнес Фобос. — Тридцати лет войны.

— В этом мы поклялись, и в этом состоял наш долг, — сказал Кир.

— Да, и долг мы заплатили кровью, — напомнил Фобос.

Кир кивнул. Долг действительно был оплачен кровью.

«Эфон» был боевой баржей, кораблем для ведения войны среди звезд. Он мог нести три сотни Адептус Астартес, их боевые машины и оружие. Когда баржа покинула Сабатин, она была почти полностью укомплектована, но три десятилетия войны на границах Ока

Ужаса имели свою цену. Капитаны и ветераны сотен лет войны полегли на потерянных мирах или плыли в холодном космосе. Корабль наполнила тишина, его экипаж сократился до сервиторов, а системы — до самых необходимых для обслуживания оставшихся Белых Консулов.

«Да, мы много раз платили эту цену, мой друг», — подумал Кир.

— Могут ли Адептус Астартес иначе исполнить свой долг? — спросил он вместо этого с суровостью, которой не испытывал.

— Мы — Белые Консулы. — Фобос оперся о стол, глядя на эмблемы головы хищной птицы, вырезанные на каменной поверхности. — Мы на грани полного исчезновения. Орден вызывает и... — Он замолчал.

— И что? — Кир смотрел, как его друг сглатывает.

— Орден вызывает, но мы медлим.

— Думаешь, это то, что мы делаем? Медлим?

— Я думаю, что наш орден нуждается в нас.

Кир почувствовал, как по коже пробежал холодок от этих слов. Орден сосредоточил большие силы, чтобы встретить ужасного врага, и понес такие потери, что его будущее висело на волоске. Пришел вызов с требованием всем сынам Сабатина вернуться домой.

— И в чем состоит цель нашего ордена, сержант Фобос? — спросил Кир, и в ответ на холод в его голосе Фобос поднял взгляд. — Мы — Белые Консулы, потомки Жиллимана. Мы следим за человечеством и защищаем его. Для этого нас создали. Это наш долг перед орденом.

— А если ордена больше нет? — прорычал Фобос. — Если он уничтожен, а нас там нет?

— Если мы забудем нашу цель, мой друг, тогда не останется ничего, кроме пепла, который разносится по мертвым мирам.

Ему показалось, что он разглядел вспышку понимания в темных глазах Фобоса. Эпистолярий понял, что слышит эхо утраты Катариса в своих словах.

— Он уничтожен, — сказал Фобос

спокойнее. — Ничего нельзя было сделать для его спасения. Будь там мы, или вдесятеро большие силы, не было бы другого выбора, кроме Экстерминатуса.

Киру вспомнился последний крик о помощи мертвого мира.

— Мы не могли его спасти, и мы не сможем спасти Кларос, если туда пришли демоны, — добавил Фобос.

— Всегда нужно пытаться что-нибудь сделать, прежде чем прибегнуть к полному уничтожению, — Кир не пытался скрыть своего раздражения. — Плати за выживание человечества жестокостью — и не останется ничего.

Он выключил гололит и вышел, оставив Фобоса одного в темноте.

«Эфон» движется к бронзовому корпусу космической станции, аусники наполняют космос вокруг него перекрывающимися развертками сенсорных полей. Восьмикилометровое тупоносое жало в грязно-белой броне, утыканное макроорудиями, окутано потрескивающими пустотными полями.

От рева плазменных двигателей на полной мощности мостик под ногами Кира вибрирует.

— Признаков активности врага и следов битвы нет, милорд, — доложил логист, подсоединенный к главной сенсорной платформе. Человек обратил взгляд своих зеленых бионических глаз на Кира. — Станция выглядит целой и невредимой. Они ответили на наши приветствия и просьбу пристыковаться.

— Очень хорошо, — сказал Кир. Он ожидал увидеть станцию в огне битвы и из последних сил взывающей о помощи. Но при взгляде на нее через обзорный экран становилось очевидно, что она далека от поражения.

Станция Кларос была похожа на огромное колесо, вращающееся в свете звезд. Ее броня светилась, словно ее выковали из полированной бронзы. От центрального узла станции тянулись пять секций, каждая из которых напоминала трансепт собора длиной свыше двух километров. Поверхность станции усеивали контрфорсы и башни, свет

отражался от лиц огромных статуй, которые пустыми глазами смотрели в космос. Над центральной секцией станции поднималась башня, ее куполообразная вершина была заполнена антенными мачтами. Основание башни опоясывало толстое каменное кольцо, поверхность которого покрывали генераторы щитов и горгульи размером с жилой дом. По мнению Кира, станция выглядела жутко.

Рядом с ним пошевелился Фобос. С его наплечников свисали только что прикрепленные свитки чистоты, а на сгибе локтя он держал багровый шлем. Кир не разговаривал с ним с момента последней беседы в командном отсеке.

— Если ты собираешься отправиться туда, я подготовлю почетную стражу, — предложил Фобос.

Кир почувствовал немой вопрос в словах Фобоса: «Если мы прибыли, чтобы спасти это место, и в этом нет необходимости, почему мы тратим время?»

В голове Кира всплыло воспоминание о видении на Катарисе: вонь варпа,

влажное тепло его крови. Воспоминание было таким же свежим и чувствительным, как незажившая рана. Он был гаруспиком, обученным в традициях своего ордена как толкователь видений и знаков. Для оракула не существовало слепой удачи. Принятие сигнала и его видение были связаны. Он не сомневался, что в это место его привела судьба.

— Да, — сказал Кир. — Подготовь отряд. Здесь есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Стыковочный отсек гудел. За его противовзрывными дверями «Эфон» пристыковался к бронированному доку Кларoса со звуком, похожим на звон железного колокола.

Перед дверьми выстроились Белые Консулы, их доспехи сверкали в свете, наполнившем стыковочный отсек. Во главе космодесантников стоял Кир, психосиловой меч был опущен, без его желания психоактивное ядро безмолвствовало. С наплечников и наголенников свисали свитки, а с торса до

самой палубы ниспадал белый табард. Из уважения к событию шлем псайкера висел на поясе, и окруженное воротником из кристаллических узлов бледное лицо было неприкрыто.

Фобос и его терминаторы стояли на шаг позади Кира, за ними — опустошители Валериана вместе с авангардным и тактическим отделениями Гальбы и Ветранио соответственно. Численность отделений не соответствовала предписаниям Кодекса. Но они все же были боевым отрядом Адептус Астартес, достаточно крупным, чтобы побеждать армии.

С шипением открылись противовзрывные двери. В стыковочный отсек ворвался ледяной воздух, потревожив свитки на доспехе Кира. В увеличивающейся щели виднелись два человека, возвышающиеся над морем коленопреклоненных фигур. Один был мужчиной с ястребиным лицом и копной лоснящихся черных волос, затянутых в хвост. Полированное золото его нагрудника, украшенного лавровыми

венками и орлиными крыльями, отразило свет, когда он поклонился. Рядом с ним стояла высокая женщина с морщинистым лицом, бритую кожу ее черепа покрывали вытатуированные строки выцветшего текста. Синий китель с высоким воротником облегал худое тело. В правой руке женщина держала посох, черную рукоять которого венчал орел, сжимающий в когтях синий кристаллический глаз. Женщина смотрела на Кира с выражением явной неприязни, на ее губах играла презрительная усмешка.

— Приветствую именем Императора. — Голос мужчины дрожал в холодном воздухе. Позади него ряды преклонивших колени повторили эти слова.

Кир коротко кивнул, ему не нравились такие моменты. Для большинства людей Империума космодесантники были отдельным племенем: ужасающими существами защиты и разрушения, созданными на заре истории Императором, которого они называли

богом. Такое низкопоклонство было ожидаемо, но Кир, считал, что оно противоречит цели его существования: защищать этих людей и государство, частью которого они были.

— Встаньте, — сказал он, шагнув вперед и одарив людей улыбкой. — Я — Кир Аврелий, эпистолярий Белых Консулов, и мы прибыли в ответ на вызов.

Человек поднял голову, и Кир увидел на его лице любопытство вперемешку с беспокойством.

— Рихат, полковой командир Геликонской Гвардии. — Голос человека дрожал от страха. Рихат указал на женщину рядом с собой: — А это Геката, специалист по имма...

— Это может говорить за себя. — Голос женщины как ножом отрезал слова Рихата.

Она смотрела прямо на Кира, в ее глазах не было ни страха, ни благоговения. Он почувствовал силу разума женщины, внутри нее таилась укрощенная психическая мощь.

— Ты видишь замешательство в его

глазах, космодесантник? — спросила она. — Страх, который он чувствует в присутствии ангелов смерти Императора?

— Милорд, вы оказали нам честь своим присутствием... — вскипел Рихат, его лицо побледнело.

Кир не отрывал взгляда от Гекаты. Он чувствовал в ее глазах соперничество, вызов.

— Почему ты здесь, космодесантник? — спросила она, наклонив голову, и Кир понял, что она встречала ему подобных раньше, возможно, видела и пережила больше, чем большинство людей могло вообразить. Она была псайкером примарис, боевым псайкером и оккультным специалистом, и могла сравниться или превзойти его в силе. Он удивился неприязни и гневу, которые расходились от нее, словно ледяное облако.

— Нас вызвали, леди, — ответил Кир невозмутимо. — Мы получили призыв о помощи, который указывал на то, что эта станция под угрозой. И прибыли в ответ на этот призыв.

Рихат озадаченно посмотрел на Гекату, которая ответила на пристальный взгляд Кира. Полковник покачал головой, нахмурившись:

— Милорд, мы никакого сообщения не отправляли.

Кир перелистывал по одной костяные карты. Его взгляд сосредоточился на изображениях, в то время как разум метался между выводами и расчетом вероятностей. Ни один из них ему не нравился.

Комната была гулкой и яркой. Из бледно-зеленого каменного пола поднимались белые мраморные столбы. Свет бил из поверхности люмосфер, подвешенных на цепях к сводчатому потолку. Изречения на высоком готике покрывали каждый сантиметр. Рихат поведал, что это слова утраченных сообщений, услышанных астропатами за тысячи лет существования станции. Слова наполняли множество комнат. Ему сказали, что кое-кто считает, будто они образовывают в некотором смысле

пророчество, и из их фрагментов можно было составить предсказание судьбы. Кир готов был с этим согласиться.

На столе с медной крышкой, рядом с колодой костяных карт, вращалась и звучала голозапись астропатического сообщения. Придя сюда, Кир вслушивался в нее снова и снова. Он считал, что сигнал поступил с этой станции, но также было очевидно, что станция не просила о помощи. Тем не менее, библиарий пока не хотел уходить, слишком много вопросов остались без ответов.

Фобос кивнул, услышав приказ остаться, но Кир чувствовал, за почтительностью сержанта кроется несогласие. «Зачем тратить еще больше времени?» — «Потому что видение и ощущение, которые я не могу разделить с тобой, были ответом, который остался невысказанным». Сержант ушел с Рихатом, чтобы проверить тактическую готовность станции, в то время как Кир попросил предоставить ему уединенное помещение. Они привели его в комнату с колоннами, где он и остался, на несколько

часов погрузившись в раздумья.

«Слепец, идущий к забвению, — вот кто я», — подумал он.

Костяные карты были сделаны из пластин полированной слоновой кости длиной с человеческий палец. Одну сторону каждой карты покрывал замысловатый рисунок, искусно выполненный поблекшими красками. Каждое изображение содержало текст на высоком готике. В руках псайкера, чувствительного к отражению будущего в волнах варпа, карты могли показать скрытые тайны того, что было и что могло быть. Это была старая форма гадания, существовавшая в различных вариантах на протяжении тысячелетий. Узоры карт дошли со времен, предшествовавших великой тьме Эры Раздора, эпохи утраченной истории и забытых знаний. Костяные карты, которые перебирал Кир, были изготовлены на Сабатине, домашнем мире Белых Консулов. Кир пользовался этой колодой более двух столетий, и они были частью его в той же мере, что и доспех на его теле.

Он перевернул следующую карту. Слепой Оракул поверх Девяти Клинков: запутанные следствия, парадокс и ложь.

— Судьбоплет... — затрещал рядом с ним голос с записи. Кир поднял руку, чтобы перевернуть последнюю карту.

Видение пронзило его разум подобно ножу.

Меч в его руке, кровь, стекающая по ней и шипящая при соприкосновении с заключенным в оружии пламенем. Меч поворачивается в его руке, пригвоздив пернатую плоть к полу. Отвратительный вопль, отражающийся в нем, заглушает крики его братьев вокруг. Свет как вода стекает с лица, похожего на голову освежеванной птицы, стекает в пол, пронизывая металл, меняя его, становясь им. Рот открывается, чтобы сказать...

— Я вижу, вы — специалист по прорицанию, — произнес голос неподалеку. Окружающая реальность вернулась, оставив Кира с тупой болью позади глаз. Он перевел взгляд с перевернутой карты на говорившего. Это был худой и согбенный временем мужчина, морщинистый и

бородатый, с его сутулых плеч ниспадал зеленый шелк мантии. Тонкую шею окутывал черно-золотой шарф, а голову венчала шапочка из синего бархата. У него не было глаз, но пустые глазницы, казалось, наблюдали за Киром. Кир почувствовал разумом призрачное прикосновение психических чувств человека к своей коже. Человек улыбнулся, продемонстрировав кривые зубы.

— Я никогда особенно не интересовался им, — сказал человек. Он поднял руку и пожал плечами.

— Я знаю. Считается, что астропаты связаны с подобным вещами: глубокие отголоски вселенной, посвящение в вечные тайны. Но, должен признаться, я нахожу это скучным и отнимающим слишком много времени от сна.

Кир почувствовал, что улыбается. Мужчина проковылял ближе, постукивая при ходьбе серебряной тростью.

— Прошу прощения за беспокойство, но я счел необходимым извиниться за то, что не поприветствовал вас. — Старик склонил голову, из-за чего на короткий

момент еще больше ссутулился. — Меня зовут Колофон, я — старший астропат этой станции.

— Эпистолярий Белых Консулов Кир Аврелий, — ответил Кир и, недолго думая, поклонился в ответ.

Колофон широко улыбнулся.

— Гм, библиарий Адептус Астартес. Неудивительно, что Геката так раздражена. Она не терпит конкурентов.

Кир вспомнил вызывающий взгляд псайкера примарис, когда они встретились у стыковочных ворот.

— Я уверен, что она — достойная слуга Империума, — сказал он осторожно.

— У вас, должно быть, терпение, дарованное Императором. Я же ее терпеть не могу.

Колофон шагнул ближе, наклонившись к медному столу, над которым по-прежнему вращалось записанное сообщение. Естественность движений Колофона поразила Кира. Астропаты часто обладали психическими чувствами, которые позволяли им видеть мир сквозь вуаль телепатического резонанса. Но если

бы не пустые глазницы, Кир сказал бы, что старик отлично видит.

Колофон наклонил набок голову, вслушиваясь. Проскрежетали последние слоги, и запись началась сначала.

— Значит, это то сообщение, что привело вас сюда и так озадачило всех?

Кир кивнул:

— Да, это то, что привело нас сюда. Он искажен, но похож на призыв о помощи.

Колофон не ответил, но подождал, пока сообщение не закончилось.

— Да, да. Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он наконец. — Но, как и говорили вам Рихат с Гекатой, отсюда не отправляли сигнала. По крайней мере, не такого содержания. — Старик тихо засмеялся. — Я знал бы.

Он отвернулся от проекции, с шумом втянув воздух.

— Библиарии сведущи в основах астропатической передачи. Вы не задумывались о вероятности временного искажения?

Этот вариант приходил Киру на ум. Астропатические сообщения передавались

через варп и были подвержены воздействию нестабильного течения времени в этом измерении. Сообщение могло прибыть через тысячелетия после отправки, или быть разбитым на непонятные фрагменты, или даже прийти раньше, чем было отправлено. Оно могло быть призывом из будущего, ожидающего сразу за горизонтом настоящего. Эта вероятность неизвестного будущего заставила Кира помедлить с ответом.

— Я думал об этом, — признался Кир. — Полагаете, это возможно?

Колофон пожал плечами:

— Вероятность беспокоит вас?

Кир вспомнил пепел мертвого мира на своих пальцах.

— Да, особенно в свете последних событий.

Брови Колофона поднялись:

— Последних событий?

Кир нахмурился. Вторжения были только эпизодами внезапно вспыхнувшей войны вокруг Ока Ужаса. Вечно неспокойное место в последнее время стало средоточием всеобщей войны, войны,

которую Империум мог проиграть. В нее были вовлечены силы нескольких орденов, и фронт расширялся.

— Вторжения из Ока, — сказал он, — появление «Проклятой вечности». Это стратегическая станция, сообщение об этих событиях должно было пройти через вас.

Колофон покачал головой.

— Это ретрансляционная станция: сотни моих коллег прослушивают космос на предмет сообщений, принимая их и передавая дальше за пределы досягаемости первоначального отправителя. Мы слушаем сообщения, которые проходят через нас, не более чем труба пробует воду, которая проходит через нее.

— Я считал, что как старший астропат, вы должны были получить сообщение о войне...

По лицу Колофона пробежали морщинки, когда он нахмурился.

— Нет, я просто занимаюсь потоком сообщений, а не их содержанием. Если кто и знает, так это Геката. Она, видно, сочла излишним сказать мне. Она наш

главный сторожевой пес, наш «специалист по имматериуму». Почетная должность, хотя она ненавидит тот факт, что примарис должен сидеть здесь и следить за нашими менее одаренными душами. — Он фыркнул. — Никогда не догадались бы, не так ли?

Последовала пауза, и Кир собрался снова заговорить, когда старик, казалось, стряхнул с себя тревогу. Он немного натянуто улыбнулся и постучал тростью по полу.

— Давайте пройдемся, Белый Консул Кир Аврелий. Это полезно для моих костей и уменьшит ваши тревоги.

Колофон вышел, стуча кончиком трости. Кир пошел следом, размышляя над отголосками и сообщениями из неизвестного будущего.

Полковник Рихат никогда прежде не видел ангела смерти. Он был солдатом большую часть своей жизни, видел, как умирают люди — несколько пиратов во время зачистки приграничных миров, несколько дезертиров, — но никогда не

участвовал ни в чем серьезнее перестрелки.

В своем старом полку он служил взводным офицером, хотя через несколько десятилетий понял, что повышение ему не грозит. Однажды полк был переброшен к Кадианским Вратам. Он находился в пути к месту несения гарнизонной службы на захолустном горнодобывающем мире и пропустил передислокацию. Рихат отстал, и поэтому его отправили в Геликонскую Гвардию.

Геликонская Гвардия представляла собой полк ветеранов, собранный из частей, понесших такие большие потери, что они не представляли больше боевой силы. После слияния солдаты отказались от прежних цветов и взяли бледно-желтые и красные для нестроевой формы и бронзовый для боевых доспехов. Большинство были из полков, сформированных в системах вокруг Ока: суровые жители улей или отбросы общества с миров, где можно было увидеть свет Ока в ночном небе.

Рихат знал, что не имеет права на уважение со стороны мужчин и женщин,

находящихся под его командованием. Должность досталась ему формально: по прибытии он оказался старшим офицером и поэтому получил ее. Он знал, что не был героем. Он делал все возможное и пытался опираться на тот опыт, что у него был. Но этот опыт не включал доскональное знание Адептус Астартес.

Его первой реакцией был страх. Когда противовзрывные двери станции открылись, Рихат почувствовал, как кишки завязываются в холодный узел. Дело было не просто в размерах воинов, не в том, что они были выше любого солдата, стоявшего позади него. А в том, как они двигались и смотрели на тебя. Он вспомнил, как ребенком увидел одного из ледяных львов домашнего мира. Зверь неслышно бежал по дороге в тундре перед их машиной. Его движения были медленными, под узорчатой шкурой играли мышцы. Лев остановился и посмотрел на них. Рихат взглянул в желтые глаза зверя. За секунду он понял, что смотрит в душу абсолютно равнодушного к нему существа, которое само будет решать

убивать или нет. Глядя в глаза Кира, полковник ощутил отголосок того воспоминания.

Второй реакцией было любопытство. Тот, кого звали Фобос, попросил показать станцию, и вот Рихат идет рядом с ангелом смерти по коридорам и колоннадам станции. Пока они шли, полковник не смог удержаться и взглянул на грубое лицо космодесантника. Он увидел сдерживаемую свирепость, нечто хищное в расположении глаз и бровей, и задумался, какая душа таится за этим лицом.

— Вас что-то беспокоит, полковник? — холодно прорычал Фобос.

— Нет, милорд, — ответил Рихат, тщательно стараясь скрыть свою тревогу.

Космодесантник заворчал.

— Фобос, полковник. Я — не милорд, а вы — командующий офицер. — Он обратил бесстрастный взгляд на Рихата. — Моего имени будет достаточно.

Рихат коротко кивнул, чего Фобос, казалось, не заметил.

Они свернули в широкий коридор,

который тянулся внутри километровой ширины центрального комплекса станции. Стены из зеленоватой бронзы поднимались аркой к центральной балке, с которой свисали зажатые в орлиных когтях креплений люмосферы. Это был самый большой из центральных коридоров. Из него можно было добраться до любой части станции.

— Вы прежде не видели воина Адептус Астартес.

«Обычное утверждение», — догадался Рихат. Он не смог понять, что подразумевал Фобос. В его словах не было эмоций, по крайней мере, полковник не смог распознать их. Он увидел, как женщина в мантии шифровальщика посмотрела на Фобоса и перестала бормотать мнемонические команды.

— Нет. Я думаю, здесь немногие видели.

— Псайкер примарис, которую зовут Гекатой, она видела, — так же монотонно прорычал Фобос.

Рихат нахмурился. Казалось, Геката знала намного больше любого и никогда не

стеснялась заявлять об этом. То, как псайкер говорила с космодесантниками в стыковочном отсеке, шокировало Рихата. Она словно презирала их.

— Возможно, — сказал он, покачав головой от мысли, что кто-то мог стоять лицом к лицу с этими созданиями и общаться с ними, как с малограмотными детьми. Но Геката именно так и поступила.

— Мы странно выглядим для вас?

Вопрос заставил Рихата заморгать от удивления. Он едва удержался от улыбки.

— Да. Честно говоря, да.

Фобос задумчиво заворчал, едва заметно кивнув.

— Ангелы смерти среди смертных.

— Да, что-то вроде этого. — Рихат нахмурился. На мгновение ему послышалось нечто нехарактерное для голоса космодесантника.

Фобос остановился и повернулся к Рихату. Позади них с лязгом застыла почетная стража. Темно-серые глаза космодесантника среди полос гладкой

рубцовой ткани, не мигая, смотрели на Рихата. Доспех Фобоса был белым, но Рихат видел под краской зарубки и отметины. Крест на левом наплечнике Фобоса представлял собой череп из темного камня. На месте отшлифованных повреждений стояли заплаты. На поясе висел меч в отделанных бронзой ножнах, его рукоятка была обтянута кожей, а серебряная головка эфеса сделана в виде черепа. Рихат усомнился, что смог бы поднять этот клинок.

Доспех Фобоса щелкнул и завыл, когда он сменил позу, наклонившись ближе. Запах машинного масла заполнил ноздри Рихата. Он поднял брови.

— Скажите, похож я на ангела?

— Нет... Нет, не похожи. Вы выглядите как самое ужасающее существо, которое я когда-либо видел.

Едва заметная улыбка промелькнула по лицу Фобоса.

— Очень хорошо, полковник, — сказал он и, повернувшись, зашагал дальше. Казалось, он при движении рычал.

Пройдя несколько шагов, Рихат

понял, что космодесантник тихо посмеивается.

— Сколько времени вы были прорицателем?

Вопрос был задан после нескольких часов прогулки по коридорам и залам станции Кларос. Кир шагал рядом с шаркающим стариком. Они разговаривали, и Кир понял, что ему начинают нравиться иронические замечания и колкие вопросы.

— Сколько себя помню, — ответил Кир.

Недолгие годы юности всплыли в его сознании. Страх родителей перед странностью ребенка, вызывающий дрожь ужас снов, — далекое прошлое на планете, которая теперь существовала только в памяти.

— Это был первый признак моего таланта. Я видел обрывки событий, которые затем происходили.

Колофон кивнул.

— Первое пробуждение психического таланта всегда наихудшее испытание, — мягко заметил старик.

— Да, — согласился Кир.

Библиарий задумался над тем, что могло случиться с ним, если бы он не оказался достаточно силен разумом и телом, чтобы Черный Корабль передал его Белым Консулам. Ходил бы он по этим коридорам, слепой ко всему за пределами своего мысленного взора?

Они повернули к центральному помещению одного из пяти крыльев станции. Оно было достаточно широким и высоким, чтобы между его каменными столбами мог пройти титан. На черном каменном полу толпились люди. Мимо пронеслись шифровальщики Администратума, борзоча мнемонические рифмы. Они переносили информацию из одной части станции в другую. Адепты общались небольшими группами, их лица скрывали широкие серые капюшоны. Слуги в серо-коричневых робах несли стопки медных инфоскипетров, на бритых головах сияли татуировки — метки их службы. Из толпы за Киром следили широко раскрытые глаза, на лицах людей смешались страх и

благоговение. Некоторые опустились на колени, пока он проходил. Это доставляло ему неудобство. Он был воином, привыкшим к обществу своих братьев, а не к низкопоклонству тех, кого он пытался защищать.

— Должно быть, это тяжкое бремя, — прервал его размышления Колофон. — Видеть будущее, знать, что должно случиться.

Кир пожал плечами, и это движение вызвало сильное смещение защитных пластин.

— Это инструмент, вот и все. Оружие, которым я пользуюсь ради моего ордена и Империума.

Колофон обратил слепые глаза на Кира, и библиарий почувствовал, как психические чувства старика сфокусировались на нем.

— Это видение грядущего наполняет вас ожиданием и беспокойством, мой друг? Вы знаете, что здесь что-то произойдет?

Кир задумался об одном из знаков на костях, об обрывках ощущения и видения: рычащих лицах, птичьих воплях, своей

вытекающей жизни.

— Иногда знамение неверно или имеет много толкований, — сказал он осторожно. — Если оно даже кажется понятным, действие на основании знания о нем может изменить это будущее.

— Очень ясный ответ на необычный вопрос, — усмехнулся Колофон, повернувшись, чтобы вместе с Киром пройти к арочному проему, ведущему из комнаты с колоннами. За дверью спускалась спираль широких железных ступеней. Внизу пересекалось несколько коридоров и располагались тесные комнаты. Большинство их было закрыты обитыми медью дверьми. В открытые двери Кир увидел фигуры, которые при свете свечей полировали инфоскипетры. В других комнатах сутулые кураторы переставляли между полками кипы пергаментных свитков. Они подняли глаза и смотрели, как проходят Кир с Колофоном.

«Эта станция существует для сотни астропатов, которые сидят в ее центре, — подумал он, — но именно здесь

присутствуют кровь и плоть Кларoса, не знающие отдыха и постоянно движущиеся по кромке теней».

— Скажите мне, — сказал Колофон, и Кир услышал нотку беспокойства в его голосе. Кир остановился, и Колофон обернулся к нему. Мерцающий свет свечей из боковой комнаты придал лицу старика вид поддергивающейся маски привидения. — Что вы видите в грядущем?

— Кровь, Колофон. Я вижу кровь и разрушение.

Астропатический зал был местом шепотов. Стены круглой чаши шириной в пятьсот шагов поднимались ярусами серых каменных скамей к куполообразному потолку из черного стекла. На каждом ярусе сидели сотни астропатов в зеленых мантиях. Их разумы были открыты иммateриуму, как сети, брошенные в волны глубокого океана. Собранные в таком количестве, они могли отправлять сообщения на огромные расстояния. Они были хором разумов, действующим сообща, но каждый по-своему реагировал на

выполняемое задание. Некоторые бормотали вереницы слов или словно ворочались в прерывистом сне. Другие сидели неподвижно, как статуи, и тяжело дышали. Воздух был спертым, насыщенным запахами пота, ладана и психической энергии. С потолка свисали эфирные сенсоры, чувствительные к потоку энергии внутри помещения, готовые среагировать на любое отклонение. Даже псайкеры, связанные душой с Императором, рисковали, когда собирались вместе в большом количестве. Для хищников, которыми кишели призрачные волны варпа, такое собрание виделось ярким светилом. Сенсоры были нужны, чтобы предупредить о любом опасном уровне психической активности.

Тишина нарушилась без предупреждения, когда астропат на третьем ярусе застонала и забилась в трансе. Надзиратели оторвали взгляды от своих экранов и направились к ней. Когда адепты были в шаге от нее, она выгнула спину и закричала. Астропат корчилась в судорогах, послышался треск

ее костей. Над хором раскололись эфирные сенсоры. Изо рта женщины заструился туман, распространяясь в воздухе. Он коснулся другой фигуры в зеленой мантии, и тут же раздались новые вопли. Адепты на мгновение застыли, а затем бросились к системе герметизации.

Все больше астропатов начало кричать. Взорвались сенсоры, осыпав искрами сиденья. На каждом ярусе содрогались в конвульсиях тела в зеленых мантиях, пальцы вцепились в каменные подлокотники кресел, из пустых глаз потек гной. В воздухе распространился тяжелый запах железа и сырого мяса. Голос за голосом соединились в ураган шума, подобно зову хора проклятых. По сводчатому потолку побежал иней. В центре зала адепты и стражники упали на колени. Некоторых стражников стошнило, когда они почувствовали голоса в своих разумах, голоса, которые стонали и молили о пощаде. Завыли сирены, но их звуки утонули в хоре воплей.

Астропаты начали умирать. Один открыл рот, и жидкое пламя хлынуло на

его тело, плоть осыпалась с костей. Другой попытался встать, кабели оторвались от черепа. Он споткнулся и взорвался влажным облаком крови и осколков костей. Остальные поднялись с воплями, прежде чем превратиться в дым и черную пыль.

Звук стал громче, вопли наслаивались друг на друга, пока сотни глоток не завизжали в один голос.

За пределами помещения паника распространилась по станции в звуках сирен, лязге запирающихся противовзрывных дверей и криках бегущих гвардейцев.

В астропатическом зале крики превратились в одно слово.

Затем все стихло, за исключением звуков капающей крови и мягко оседающего пепла.

Кир выбежал в двери, его шаги сотрясали пол. Позади него Рихат изо всех сил старался не отстать от Белого Консула. За ними следовали солдаты Геликонской Гвардии. Кир находился в

командном пункте станции, когда заревели сирены, а сервиторы, обслуживающие сенсорные системы, бессвязно забормотали. Рихат побледнел, а затем побежал, приказав солдатам следовать за ним. Кир обогнал его только через десять шагов.

Когда Кир вошел в астропатический зал, его поразил психический удар, от которого он зашатался. Кристаллическая матрица психического капюшона сияла тошнотворным светом, компенсируя пульсирующую вокруг него необузданную энергию. В зале произошел психический выплеск огромных масштабов, и мощное эхо его ярости все еще не исчезло. На полу скопилась темная жидкость, смятые тела сидели в своих каменных креслах. Кир услышал, как за спиной вырвало нескольких гвардейцев. В воздухе стояла вонь колдовства: резкий озоновый запах, под действием которого в его сознании вновь возникли искаженные лица из видения. Он осмотрел помещение, в котором искрящиеся люмосферы освещали учиненное опустошение.

— Разойтись, — приказал он. — Ищите выживших, будьте готовы к любым враждебным действиям.

Гвардейцы рассыпались, прочесывая затемненные участки. Со штурмболтером в руке Кир двинулся вглубь комнаты.

Груды переплетенных тел устлали каменные ярусы. Все вокруг покрывал слой пыли, из-за чего мертвые походили на причудливые скульптуры. В воздухе все еще медленно оседали мельчайшие останки. Кир увидел оторванную руку на белоснежном покрове, ее пальцы были скрючены. Там, где люди ползли к дверям, виднелись следы в пыли. Темные пятна впитались в пепел, и ботинки Кира оставляли после себя красные отпечатки.

К нему пошатываясь, шел человек с вытаращенными глазами на перепачканном кровью лице. Когда он двигался, с него сыпалась пыль. Взглянув на его мантию, Кир узнал знаки отличия старшего адепта. Человек что-то говорил Киру, губы двигались, но слова были приглушены. Кир не опускал ствол болтера.

— Что ты сказал? — переспросил Кир.

Изо рта адепта снова донеслась лишь половина звуков.

— Что ты сказал? — повторил Кир.

— Он сказал, что они кричали одно и то же, — раздался за спиной резкий голос.

Кир повернулся и увидел, как в зал входит прихрамывающий Колофон. Библиарий посмотрел в глаза старого астропата и не смог прочесть, что скрывалось за их выражением.

Колофон подошел к адепту, который раскачивался там, где стоял.

— Я вижу это в его мыслях, — добавил он. — Он думает только об этом. В конце они кричали одно и то же слово.

Кир посмотрел на адепта и разобрал слово по движению губ. Консул почувствовал, как по нему пробежал холодок, когда произнес это слово вслух: «Судьбоплет».

Адепт кивнул, его глаза были расширены от страха. Кир подумал о записанном сообщении и видениях, которые не покидали его. Происходило именно то, чего он боялся. Демон пришел, чтобы

уничтожить это место, как и многие другие ранее.

«Паду ли я, — подумал Кир, — смогу ли бросить вызов этому року?»

— Не все погибли, — сказал Рихат, склонившись над другим человеком в зеленой мантии, который растянулся на полу. — Некоторые пережили, что бы это ни было.

Кир увидел, как несколько разбросанных по комнате тел слабо шевельнулись: несмотря ни на что, они были живы.

— Что-то приближается, — сказал эпистолярий, взглянув на сутулого человека рядом с собой. — Колофон, нужно немедленно отправить сообщение.

Однако старый астропат покачал головой.

— Вы не чувствуете это? Варп вокруг нас... — Колофон ненадолго закрыл глаза, по его телу пробежала дрожь. — Варп вокруг нас — это пелена боли. Сквозь нее не пробьется ни одно сообщение. Даже если кто-нибудь из моих братьев и сестер оправится, сделать это будет невозможно.

Кир потянулся психическими чувствами и ощутил пелену агонии, окружавшую станцию. Словно вокруг них находилась колючая паутина. Старик был прав: ни одно телепатическое сообщение не сможет покинуть станцию.

Колофон задрожал и чуть не упал, прежде чем Рихат подхватил его и посадил на край первого каменного яруса.

— Мы сами по себе, — сказал астропат. Старик поднял голову, и Кир увидел, как им овладевает паника. — Эвакуация? — Голос Колофона дрожал от страха. — Ваш корабль многих может забрать. Мы могли...

— Нет, — прервал старика Кир. — Он может забрать некоторое количество, но что будет с остальными, Колофон? Что будет с теми, кого мы оставим?

Колофон мгновение смотрел в глаза Кира, а затем опустил взгляд. Трость в его руке дрожала.

— Какие будут приказы, эпистолярий? — спросил Рихат. Кир повернулся, взглянув на астропатический зал и неподвижные фигуры, которые

никогда не встанут со своих мест. Несколько выживших начали звать из теней.

— Приготовиться к обороне. Мы сами по себе, а значит, должны рассчитывать только на себя.

— Сколько у нас есть времени до начала атаки? — спросил Рихат. Он был бледен, а в расширенных глазах Кир видел страх.

Эпистолярий посмотрел на полковника, а затем на свертывающуюся кровь под их ногами.

— Она уже началась.

11
ОБЕСКРОВЛЕННЫЕ

— Плоть подведет, космодесантник, — сказала Геката, и Фобосу пришлось сдержать свой гнев в ответ на презрение в ее голосе. — Вот наша истинная защита от приближающегося врага.

Геката подняла посох и указала на черный столб, который возвышался перед ними. Его обвивали связки гудящих кабелей, а печати чистоты покрывали почти каждый дюйм поверхности. Фобос видел искусные узоры знаков, запечатленных на обсидиане под трепещущими полосами пергамента. Помещение имело форму узкого бронированного цилиндра, который вслед за столбом поднимался в темноту. Воздух был насыщен статическим электричеством, заряды которого искрились на его доспехе.

Фобос несколько часов проверял оборону станции. Его взгляд оценивал каждое готовое орудие и стратегический

пункт, мозг анализировал возможные слабые места. Подразделения Геликонской Гвардии ждали в каждом из пяти крыльев станции. Белые Консулы под его и Кира командованием разбились на небольшие подразделения, готовые среагировать на возможный прорыв врага. «Эфон» оставался пристыкованным к станции с готовыми к бою орудиями. Это был план Кира, и Фобос не мог придраться к нему, учитывая их ресурсы, но ключ к обороне находился сейчас перед ним.

Столб был генератором поля Геллера. Проецируемый им щит представлял собой продукт могущественной техномагии. Обычно используемый для защиты кораблей при переходе через варп, здесь он предназначался для ограждения станции от демонического нападения.

Фобосу не нравилась Геката, но он понимал, что она права. Помимо Белых Консулов, в его распоряжении находились полк Геликонской Гвардии Рихата, батареи макроорудий, наведенных в космос, и пустотные щиты, которые могли

держать на расстоянии боевой флот. Но, как подчеркнула Геката, они имели дело не с флотом. Она была псайкером примарис, специалистом по имматериуму и обладала секретами, которые Фобос никогда не узнает. Последние часы она делилась своими мыслями, и каждый комментарий был как верным, так и язвительным. Ее последнее замечание было именно таким. Настоящей защитой станции служило поле Геллера.

Поле окружало центральную секцию станции, защищая ее от демонического нападения. В нем найдутся незащищенные участки, трещины в невидимой стене, через которые сможет пройти демон. В этих местах плоть и оружие должны противостоять врагу. Если демоны пробьются сквозь щит, начнется бойня. Фобос подумал о тысячах гражданских, толпившихся в помещениях центрального узла, перебирающих пальцами четки, бормочущих мольбы Императору о защите.

— Они на полной мощности? — спросил Фобос.

— Сейчас запускают генератор, — сообщил Рихат, сверяясь с информационным планшетом в медной оправе. Когда он закончил, палуба задрожала. По всему столбу извивались яркие электрические цепи. Печати чистоты шелестели, словно на поднимающемся ветру. В ухе Фобоса зазвенел предупреждающий сигнал: это его доспех зафиксировал растущий всплеск напряжения.

Столб задрожал и издал звук, похожий на колокольный звон под водой. Его поверхность окутало марево. Фобос услышал резкий гул, как от вибрирующего стекла.

— Поля на максимальной мощности, — доложил Рихат, подняв голову и нервно проведя по ней рукой. — Я десять лет командовал здесь Гвардией, и ни разу поле не было полностью активировано.

Фобос услышал скрытые страхи в голосе полковника. Рихат был командиром, получившим этот пост благодаря своему происхождению. Но он никогда не сталкивался с врагом, который

сейчас приближался к ним. Когда Фобос положил руку на плечо человека, ему в голову пришла непрошеная мысль: «Может быть, ты очередная слабость в моей броне, Рихат».

— Это не единственная наша защита, — сказал Фобос. Полковник посмотрел на обезображенное шрамом лицо Белого Консула, и Фобос увидел неуверенность в его глазах. — Мы должны держаться, выйдут из строя эти поля или нет. Если они подведут, оружия должно быть достаточно.

Рядом с ним насмешливо фыркнула Геката.

— Верно, космодесантник, — сказала псайкер с мрачной усмешкой, — но если дойдет до этого, станции конец.

Затишье перед бурей наполнило комнату с колоннами, где вооружались Белые Консулы. Они разбились на отделения и тихо переговаривались, пока сервиторы прикрепляли пергаменты с клятвами к их наплечникам. Воздух наполнили лязг оружия и запах ладана.

Кир стоял отдельно, его мысли вернулись в прошлое. У него не должно было быть воспоминаний из прежней жизни, до того, как он стал Белым Консулом. Годы психической обработки и обучения Адептус Астартес должны были стереть все следы того, кем он был. Но он помнил. Иногда Кир задавался вопросом, являлось ли это отражением его пророческого дара.

Он не мог воскресить в памяти многое из той жизни, но помнил день, когда прибыли Черные Корабли. Они появились из-за полуденного солнца и повисли в синем небе подобно невероятным заткам. На склонах гор и на равнинах люди смотрели на корабли, стоя в тени, отбрасываемой ими. Кир не понимал, что это значило, но старейшины деревни знали. Они смотрели на него со страхом, усевшись вокруг костра в зале собраний той ночью. Старейшины сказали, что корабли в небе были охотниками за колдунами Небесного Бога, и что они пришли, чтобы забрать то, что Ему причитается.

В их мире было много колдунов.

Большинство убивали или изгоняли, но каждый год рождались новые. Когда пришли посланники Небесного Бога, они забрали на звезды всех колдунов, каких смогли найти.

Если бы посланники обнаружили, что колдунов прячут, их гнев был бы ужасен. Кир слышал разговоры старейшин и знал, что произойдет.

Его мать несколько лет хранила в тайне его способности, но это не могло долго продолжаться, он был слишком странным. Иногда Кир выкрикивал непонятные слова во сне или зная, что собирался сделать кто-нибудь, прежде чем это происходило. Люди заметили это, и пошли пересуды.

Той ночью его отец сидел среди людей, он был бледен, мало говорил и не смотрел на сына. Его мать пыталась спрятать его, она спорила с отцом, возмущаясь и проливая слезы. Это не подействовало. Жители деревни ждали снаружи, пока отец не вывел его. Они отвели его на равнины, где ждали спустившиеся с неба храмы, поглощавшие

длинные вереницы людей: озадаченных стариков, отшельников с безумными глазами и плачущих детей. Кир не плакал, в этом не было смысла. Он знал, что должно случиться.

Мир отдал своих колдунов, но в конечном итоге это не ничего не изменило. Десятилетие спустя здесь родилась группа неконтролируемо могучих псайкеров уровня альфа плюс. Империум сжег планету с орбиты, превратив ее в шлак. Далеко в своей келье на Сабатине Кир проснулся со вкусом пепла во рту.

Кир моргнул и провел языком по нёбу. Воспоминание передало ложное ощущение того вкуса. Сервиторы отошли, от остывающего воска на только что прикрепленных пергаментов поднимался дым. Эпистолярий кивнул, сжав руку в перчатке. Стволы штурмболтера прокрутились с металлическим рыком. Другой сервитор подъехал на гусеницах, держа его шлем в руках-захватах. Шлем с шипением зафиксировался на горжете. На мгновение Кира окутала сплошная темнота, пока перед глазами не

затерцали светящиеся руны.

«Теперь мы ждем грядущую бурю», — подумал он.

В бездне за корпусом станции раскололся космос, словно разрезанная ножом кожа. Светящиеся миазмы вырвались из щели, запятнав свет звезд. Они извивались в пустоте, образуя кольца и завитки, подобно молоку, что свернулось в красном вине. Полусформировавшиеся фигуры зашевелились в расширяющемся облаке, и на станцию обратились тысячи голодных взглядов. Отверстие стало еще шире, а облако увеличилось в размерах.

Кларос задрожала наполненной металлом яростью орудийного огня. Лучи энергии и потоки снарядов прочертили черное пространство. Они ударили в приближающуюся волну и разрезали ее, как когти, разрывающие жир. Фрагменты принимающей устойчивую форму материи изжарились до обугленного состояния. Взрывы проделывали дыры в эфирной плоти. Огромные рты открылись на поверхности облака, безмолвно крича от

боли. А орудия продолжали стрелять. Автопогрузчики отправляли макроснаряды в дымящиеся казенники. Лазерные конденсаторы пронзительно визжали, накапливая заряд, а плазменные генераторы бурлили перегретой яростью. За противовзрывными дверями и баррикадами защитники ощущали содрогание станции и молились о надежде, спасении и о благосклонной к ним судьбе.

Первые залпы врезались в тошнотворную пелену, но она беспрерывно увеличивалась. Достигнув корпуса станции, пелена окутала ее, ища слабое место. Отыскав его, она хлынула внутрь эфирной волной вытянувшихся когтей и обнаженных зубов.

Кир закрыл глаза. Звуки и образы исчезли, пока не осталось несколько ощущений: знакомое прикосновение терминаторского доспеха к коже, тяжесть меча в руке и потертые участки перчатки, согнувшиеся, когда он передвинул руку на обмотанном кожей эфесе. Клинок был острым, его лезвие

дрожало.

Эпистолярий открыл глаза. Мимо пронеслись стены шахты лифта из темного металла, красный свет линз его братьев разбавлял темноту. Рядом с ним стоял Гальба и его отделение. Всего шесть фигур в призрачно-белых доспехах, синий цвет их шлемов растворился в слабом освещении. Верхняя часть шахты лифта стремительно удалялась. Перед глазами Кира мигали цифры, производя обратный отсчет времени до боя.

Враг проник в туннель под пятым крылом станции. Подразделение Геликонской Гвардии, оборонявшее незащищенный щитом туннель, едва держалось. В воксе Кира проносились панические голоса, а визор шлема наполнили тактические оценки. Шла бойня.

«Вот для чего ты существует, — подумал он. — Вот для чего нас создали: шагнуть в неминуемое поражение и отвратить рок».

Платформа лифта остановилась с металлическим лязгом. Перед Киром

возникли противовзрывные двери. Он почти чувствовал, что находилось за этими закрытыми металлическими зубцами.

— Император повелевает, а мы — Его оружие! — прорычал Гальба позади Кира.

— Император повелевает, а Его воля — ярость! — отозвался Кир. Холодная энергия засияла на его мече, лезвие пело в гармонии с разумом. Зарычали цепные клинки. Потрескивающее поле окутало кулак Гальбы, отбрасывая от Белых Консулов мерцающие тени.

— По Его воле, — произнесли Белые Консулы.

Противовзрывные двери со скрипом открылись. Перед Киром простирался широкий круглый переход. Трубы и ребра жесткости тянулись вдоль него, придавая ему вид внутренностей огромного животного. Туннель пересекала преграда из сварной пластали по плечо высотой. Позади нее умирали остатки роты Геликонской Гвардии.

На Кира обрушилась акустическая волна: вопли людей, треск лазганов и

нечеловеческие звуки, издаваемые глотками демонов. Некоторые из геликонцев отступали, стреляя в мерцающую завесу, которая перекатилась через баррикаду. Изменчивые фигуры двигались подобно теням, отбрасываемым мерцающим огнем.

Кир перешел на бег. Он был в пятидесяти метрах от барьера, броня вздрагивала при каждом шаге. Мимо него пролетали лазерные лучи, они сверкали, исчезая в клубящемся впереди тумане. Солдаты, которые не покинули баррикады, умирали. Среди них кружились искаженные тела с множеством конечностей. При их прикосновении возникало синее пламя, которое разъедало доспехи и плоть. Одноглазые твари дергали за барьер гниющими руками. Насыщенный запах пота достиг обоняния Кира, сводя на нет герметизацию доспеха.

Эпистолярий открыл огонь, находясь в тридцати шагах от баррикады. Его штурмболтер прошивал огнем тех, кто был отмечен как угроза на дисплее шлема, в клубящемся тумане расцветали разрывы.

Гвардеец отшатнулся от баррикады и на дрожащих ногах шагнул к Киру. Его бледное лицо было измазано кровью, лазган опущен. Позади человека из тумана вытекла фигура. Гвардеец сделал еще один шаг. Фигура резко обрела четкость. Она балансировала на вершине баррикады. Ее гибкое тело покрывали тугие мышцы и блестящая кожа. Отражающие тьму круги глаз взглянули на Кира, и существо зашипело, как змея. Кир замахнулся мечом.

Тварь прыгнула и, перевернувшись в воздухе, сомкнула свои когти на голове бегущего гвардейца. Демон приземлился в хлещущих брызгах крови, а человек рухнул на пол. На мгновение существо застыло, подрагивая, словно от удовольствия. Оно взглянуло на Кира и улыбнулось полным кривых зубов ртом.

Кир атаковал. Тварь прыгнула, широко раскрыв пасть на странном черепе, глаза сверкали, как иней в лунном свете. Кир в полуприседе провел выпад мечом. Кончик клинка поразил тонкую шею существа. Раскаленная кровь хлынула по

лезвию, когда тварь по инерции налетела на меч. Кир почувствовал, как сущность твари превратилась в черный пар, и вырвал меч. В сознании эпистолярия смерть существа отдавала медом и желчью.

Следующая тварь бросилась к нему размытым пятном, извиваясь и щелкая когтями. Кир плавным движением нанес режущий удар. Существо качнулось, и меч Кира врезался в палубу в ливне искр. Прежде, чем Кир смог развернуть клинок, тварь прыгнула, и ее когти потянулись к его лицу. Он увидел смерть в глазах демона, ощутил, как тот зовет его в забвение.

Бронированная ладонь с ударом грома сомкнулась на теле твари. Гальба поднял разорванное тело и швырнул его на пол. Сержант опустил ногу на череп и растер его в порошок.

— Они идут! — закричал сержант Киру, повернулся ко входу в туннель, и его пистолет выплюнул снаряды.

Баррикада пала. Гниющие тени пробрались сквозь брешь, ржавые клинки

царапали палубу, изо ртов сочился гной. Цеплявшиеся за баррикаду гвардейцы отступили. Кир почувствовал жужжание внутри головы, словно прикосновение насекомого к коже. Его штурмболтер поливал огнем. Он продолжал давить на спусковой крючок, оружие поглощало снаряды из барабанного магазина. Цели исчезали и снова появлялись в поле зрения. Он шагнул в брешь, пробитую штурмболтером.

Кир бросил взгляд на Гальбу. Сержант стоял в центре сомкнутого круга зловеще ухмыляющихся лиц, покрытые слизью клинки кромсали его доспех. Четверо воинов его отделения прорубались к нему цепными мечами. Гальба бросился вперед и схватил рогатую голову перчаткой с молниевыми когтями. Он поднял тварь и выстрелил из пистолета ей в глаз. Голова взорвалась, как перезрелый фрукт. Кир увидел, как Гальба превратил в кашу трех тварей, прежде чем кольцо рубящих клинков сомкнулось над ним.

Когти и мечи царапали броню Кира.

Его окружили гниющие тела, желтые глаза прижались к линзам его шлема. Он попытался пошевелить рукой с мечом, но тяжесть тел тянула ее вниз. Что-то острое нащупало сочленение его доспеха. Эпистолярий чувствовал, как болезнетворные организмы пытаются найти слабое место в его иммунной системе, распространяя боль по телу. Вонь демонов проникла внутрь его разума. Он ощущал их голод. Вспомнил видение: кружащиеся твари, выскальзывающий из руки меч. Эту ли судьбу он видел? Мысль вцепилась в него, и мгновение он балансировал на грани сомнения.

В нем вспыхнул гнев, подавив боль и смятение. Он не падет, не здесь. Отринет эту долю.

В разуме Консула сформировался образ мысли и чувства. Образ пылал подобно солнцу, запертому в черепе библиария. Кир удержал его на минуту, чувствуя, как тот питает гнев, увеличивая его и раскаляя. Он высвободил мысль. Из него вырвалось пламя и изжарило вопящих тварей. Эпистолярий

излил свой гнев в огонь, чувствуя, как сила отражает его ярость. Она ожила и усилилась, в то время как Кир стоял неподвижно в сердце раскаленного шторма. Дисплей шлема отреагировал на яркий свет, став темнее. Демоны вопили в огненном пекле, Белый Консул разрывал их сущности на части.

Его тело ликовало от силы, наполняющей его, а психический капюшон стал ледяным. Он не хотел прекращать. Он слышал чей-то шепот, призывающий его не останавливаться, отдать себя этой силе, вечно держаться за нее. Это было верно, это было бы...

Кир выпустил на волю ярость в своем разуме, пылающая сила превратилась в тупую тлеющую боль в черепе.

Его окружили внезапная тишина и неподвижность. Он тяжело дышал, кожа под доспехом покрылась липким холодным потом. Пол и стены коридора вокруг него накалились добела. Баррикада превратилась в искореженную груду обугленного металла, похожую на скомканную одежду. Спрятав меч в ножны,

он снял шлем. Воздух вонял горящей плотью и серой.

Четверо братьев отделения Гальбы стояли среди руин баррикады. Зубья их цепных мечей были покрыты толстым слоем липкой слизи. Между ними лежал Гальба. Его расколотый доспех был облеплен свернувшейся кровью. Шлем содержал мешанину раздавленных костей и разорванного керамита.

Воины Гальбы подняли своего сержанта на плечи. Они на ходу бормотали погребальную песнь Сабатина. Белые Консулы отнесут его на «Эфон», где он будет ждать в холодном стазисе, пока не вернется на родную планету в последний раз. Слушая древние слова планеты, которая была ему домом, но не родиной, Кир понял, что ему нечего сказать.

Его новое лицо было глупым и скучным. Он носил больше лиц, чем мог вспомнить, и он забудет это, как только возьмет следующее. Вокруг него сновали слабые рожденные во плоти. Они называли их солдатами. Сама идея такого звания

казалась ему смешной: словно имя могло изменить их стадную животную натуру в нечто более значительное. У него было много имен, как дарованных, так и украденных. Некоторые звали его Перевертышем, но это описание едва приближалось к сущности его природы. Он знал, сколь мало значило настоящее имя.

Он дышал, чувствуя мир, как чувствовали его рожденные во плоти, глухие к простым стимулам и основным чувствам. Рядом стоял гигантский воин в синем доспехе. Космодесантники — так их звали рожденные во плоти. Он почувствовал его мысли, ощутил их оттенки, заключенные в них качества и характер. Интересно. Намного-намного интереснее, чем та роль, которую он сейчас исполнял. В самообмане этой личности таились такие тонкости и глубины, что изображать ее доставило бы удовольствие. Но ему требовалось выполнить договоренность, и для этого неприметное лицо, которое он носил сейчас, подходило лучше.

Во время битвы он носил форму

одного из малых детей разложения, перемещаясь среди гнилых сородичей с безупречной легкостью. Одинокий и забытый на краю бойни, он нашел то, в чем нуждался. Человек прижал колени к груди и рыдал. «Идеальное лицо», — подумал он и уничтожил оригинал, прикосновением превратив в прах тело рожденного во плоти. Теперь он носил его образ.

— Харлик, — раздался голос поблизости.

Мгновение он стоял на месте, уставившись на опаленную обшивку палубы.

— Харлик, давай, они нас переводят.

Харлик. Ага, похоже, это имя, которое пришло с этим лицом, глупое имя для глупого существа. Он повернулся и посмотрел на говорившего. Человек с измазанной сажей физиономией и в красно-охровой униформе, перепачканной кровью и рвотой.

— Да, иду, — сказал он идеальным голосом. Вызванная шоком заторможенность соответствовала тому, что сказал бы Харлик, если бы пережил атаку. — Иду.

Он последовал за рожденными во плоти, пробуя на вкус их мысли. Большинство боролось с эмоциями, которых он не понимал: шоком, ужасом, виной, гневом, надеждой. Он не мог постичь эти чувства, но мог безукоризненно сымитировать их.

С пустыми глазами и опустив плечи он устало тащился с остальными. Когда он направится к своей цели, ему понадобится новое лицо. Да, он скоро будет носить другое лицо.

Слепой человек разговаривал с Киром в его снах.

— Выхода нет. Твоя судьба предопределена, — сухо хрипит астропат, вращаясь в конусе гололитического света. Эпистолярий протягивает руку, но фигура поворачивается, и он видит, что у нее две головы: одна ухмыляется, другая рычит, обе слепые. Он тянется за мечом, но пальцы хватаются за пустоту. Двуликая фигура смеется.

Он падает сквозь растворяющуюся тень, летит мимо звезд и лун, движется

сквозь вечность, его тело — ложь, время — ложь.

Он стоит у подножия каменных ступеней, которые поднимаются во тьму. Он поднимает взгляд. В ответ смотрят горящие глаза.

Его братья кричат ему, поблизости сервиторы безумно тараторят код. Он поднимает свой меч.

Он стоит на мостике корабля, который проваливается сквозь завывающие от хохота ветра.

Его окутывает тьма.

Космодесантники в синих доспехах. Он видит на их наплечниках свернувшегося кольцом дракона. С ними идет фигура в черном доспехе, с плеч складками переливающихся чешуек свисает мантия из шкуры рептилии. Они движутся по загадочно тихим коридорам. Вслед за ними из стен сочится черная жидкость. Он зовет их, но они призраки, парящие за непроницаемой вуалью.

Он опускает меч, и две головы астропата вопят подобно умирающим воронам.

«Это не произошло. Это будущее», — думает он.

Слепец поворачивается в конусе холодного света, два его лица скалятся, хохоча обоими ртами.

— Нет. Это прошлое, — говорит он.

Кир открыл глаза с рыком боли. Сервитор наклоняет череполикую голову из полированного хрома, глядя на него холодными синими линзами, механодендрит висит над его наплечником. Эпистолярий судорожно вдыхает.

Арсенал наполняли тени, окружающие полосы света. Он стоял в центре группы сервиторов в белых робах, конечности раскинулись на крестообразной раме, которая поддерживала вес его доспеха. Доспех молчал, его дух машины дремал, пока сервиторы снимали броню с тела Кира.

Прошло несколько часов с момента первых попыток демонов пробиться сквозь бреши в поле Геллера. Варп по-прежнему окружал станцию, но после первых атак наступило затишье. Тем не менее, это

был не мир, просто передышка перед следующим штурмом.

Обожженный и перепачканный, Кир вернулся на «Эфон», чтобы снять и почистить доспех. Он надеялся, что это поможет его телу и разуму, но виски все еще пульсировали психическим напряжением битвы. Он не мог перестать думать о сообщении, которое привело их сюда. Чем больше он размышлял, тем больше убеждался, что упускает кое-что в сообщении, сразу за пределами слышимости. Затем ему снова пришло видение.

Кир кивнул сервиторам, и они продолжили снимать терминаторский доспех, убирая пластины и разъединяя системные соединения холодными механическими пальцами.

— Тяжелый бой, — произнес голос за фонарями парящих сервочерепов.

Кир прищурился, всматриваясь в темноту. Белый терминаторский доспех придавал Фобосу вид мраморной статуи.

Выглядишь усталым, — сказал сержант. На его губах играла едва

заметная улыбка.

Кир мрачно кивнул.

— Мы удержали брешь. Это стоило нам Гальбы.

«Первая заплаченная цена, — подумал он, — цена, которую, по моим словам, нам придется платить».

— Он идет к предкам, — сказал Фобос, кивнув. — Нам всем придется.

Кир не ответил, наблюдая, как два сервитора отсоединили несколько кабелей биопоказаний из гнезд в его боку. Работая, сервиторы болтали друг с другом на машинном коде. За двести лет войны он видел тысячи смертей. Рядом с ним гибли братья, и он принимал решения, которые как забирали жизни, так и спасали их. Но первая ощутимая жертва по прибытии на Кларос обеспокоила его. У него было такое ощущение, словно он бредет во сне по паутине, которая с каждым новым шагом все крепче опутывает его.

— Оно по-прежнему беспокоит тебя?

Кир взглянул на Фобоса и увидел выражение дружеской заботы на лице брата.

— Это? — Кир вздрогнул, когда сервиторы сняли окровавленный наголенник с ноги. — Ранение не задержит меня.

Кожа под доспехом была мертвенно-бледной, от гноящейся раны расползались черные вены.

— Нет, не рана, — нахмурился сержант. — Ты думаешь о чем-то, с тех пор, как решил отправиться сюда.

Сервочереп подлетел ближе к раненой ноге Кира, вытянув раскаленное прижигающее лезвие. Кир кивнул, и нож вонзился в ногу. Зашипела горелая плоть, но он никак не отреагировал на это.

— Раньше ты говорил, что мы ничего не сможем сделать, даже если это место атакуют. Что оно в любом случае сгорит.

— Я был неправ, — признал Фобос, покачав головой. — Я сказал то, что счел нужным, но командир — ты, и ты привел нас сюда, и здесь у нас есть враг.

Кир вдруг понял, каким уставшим выглядит друг, черты его закаленного войной лица казались старше, чем ему помнилось.

— Ты был прав, старый друг. — Фобос тяжело вздохнул. — Ты был прав. Не позволяй моим словам лишить тебя решимости сделать то, что мы должны.

Кир кивнул. Возле виска гудел сервочереп, отсоединяя кристаллическую решетку психического капюшона от черепа. Там, где капюшон прикасался к коже, остались волдыри и раны.

— Меня беспокоят сигнал и знаки. Мы здесь из-за них, и я никак не пойму их полностью. И... — Он сделал паузу, подбирая слова, чтобы подытожить свою тревогу: — Поэтому я думаю, не была ли это ловушка, не привел ли я нас в западню, не должен ли был поступить иначе.

Настала очередь Фобоса качать головой, смех заставил заходить ходуном наплечники доспеха.

— Враги пришли сюда не за нами, а за светом астропатов и душами на станции. Если бы нас здесь не было, тут все уже погибли бы. А мы здесь не из-за знаков, брат. Мы здесь, чтобы сражаться и побеждать.

Кир нахмурился.

— А мы сможем заплатить за этот шанс на выживание?

Фобос усмехнулся, его лицо в шрамах расплылось в мрачном веселье:

— Вот для этого, брат, нас и создали.

Все началось с одного человека.

Гвардейцы заполнили сводчатое помещение в центре четвертого крыла станции. Они находились здесь несколько смен, без сна, просто нервно всматриваясь в тени. Никто не объяснил, что происходит. Командование станции только сообщило, что станция атакована, и они были главным резервом на случай прорыва врага из других секций. Никто не сказал, кто является врагом, и это только усложнило ситуацию. Несколькими часами ранее прошли слухи о нападениях на другие участки, отсутствие подробностей создало почву для новых слухов, которые сходились только в одном: дело плохо. Нехватка сколь-нибудь точной информации только подтверждала это.

Рядовой первого класса Рамиил поднялся с корточек и пошевелил плечами

под бронзовым доспехом, пытаясь снять напряжение в спине. Более десяти лет назад он был вожаком банды, заправляя на собственном участке подулья Вортис в далеком секторе Мандрагора. Он убивал, как хотел и кого хотел. Это была хорошая жизнь. Рамиилу не повезло, ему пришлось расстаться с ней, став никем в полку Имперской Гвардии, который потерял девяносто процентов состава в первой же кампании. Тем не менее, Рамиил выжил, он всегда выживал.

Он четыре часа охранял закрытый выход из широкой колоннады. Считалось, что дверь ведет в неприкрытый сектор, что бы это ни значило. Ничего не произошло и не собиралось происходить, просто очередное бесполезное времяпровождение. Конечно же, он занервничал, когда раздался сигнал тревоги и их привели в состояние максимальной боевой готовности. Им сказали, что на Кларосе присутствуют космодесантники, что станция уже атакована. С каждым часом, проведенным в наблюдении за неподвижной дверью, он

верил в это все меньше и меньше. Не было ни нападения, ни космодесантников. Это была просто учебная тревога, бесполезная трата времени, и чем больше он думал об этом, тем больше его это бесило.

— Возвращайся на пост, Рамиил! — грубо рявкнул сержант в нескольких метрах позади него.

Рамиил проигнорировал его слова. Сержант был прямолинейным сукиным сыном, которого боялась большая часть отделения. Но не Рамиил. Он знал, что сержант был никем и не обладал настоящим бойцовским духом. «Пусть кричит, — подумал он. — Пусть делает все, что ему нравится». Солдат снял шлем и бросил его рядом с лазганом. Он покрутил шеей, разминая мышцы, и вытащил из кисета сигарету лхо. Рамиил услышал, как сержант подходит к нему, и зажег лхо.

— Подними свое оружие и возвращайся на пост, солдат! — прорычал сержант в ухо Рамиилу.

Рамиил повернулся и посмотрел ему в глаза. Его охватил безумный гнев.

Солдат не знал, откуда он взялся, но ему нравилось это чувство. Он глубоко затянулся дхо и ухмыльнулся сержанту.

— Подними его или...

Кулак Рамиила врезался в живот сержанту, и когда тот согнулся пополам, рядовой поднял колено. Сержант упал с влажным звуком и растянулся на полу, вокруг его разбитого лица растекалась кровь. Наступила тишина, стоящие среди колонн на постах гвардейцы уставились на потасовку.

— Ну, теперь ты внизу, сержант. Почему бы тебе не поднять его? — Рамиил улыбнулся и сделал еще затяжку.

Рамиил и моргнуть не успел, как сержант вскочил на ноги. В его руке блеснул отполированный нож. Рамиил отпрыгнул назад, но острие клинка вонзилось под доспех. Брызнула кровь. Не обращая внимания на боль в животе, Рамиил двинул обидчика ногой. К ним побежали люди. Неожиданно Рамиилу захотелось увидеть, как из сержанта вытекает кровь, как его голова превращается в лишенный кожи череп. Он

бросился вперед, на сделавшего выпад сержанта, и острие его ножа прочертило полосу на нагруднике Рамиила. Рука солдата метнулась к лицу противника, пальцы нашли его глаза. Сержант завопил. Рамиила окружили люди, некоторые кричали, но ему было плевать. Он отобрал у сержанта нож и вонзил его под подбородок противника. Хлынула кровь. Солдат засмеялся. На его плечо опустилась чья-то рука и потащила в сторону. Он развернулся и разрезал лицо сослуживца от глаза до подбородка.

В воздухе повисла красная дымка. Вокруг Рамиила разнеслись гневные крики, люди неожиданно набросились друг на друга. Кто-то открыл огонь из тяжелого оружия, крупные снаряды разрывали растущую толпу. Покрытый каменными плитами пол стал скользким от черной жидкости. В воздухе стояла вонь мертвечины.

Рамиил не останавливался, продолжая резать и колоть. Его кожа и доспех блестели багрянцем. Вокруг него павшие тела начали биться в конвульсиях,

мертвые пальцы дергались, мышцы вздувались. Плоть искажалась, лопалась кожа, лилась свежая яркая кровь. Рамиил чувствовал, что убийца внутри него проголодался, как зверь. Он поднял руку, намереваясь снова резать, чтобы накормить зверя.

Что-то острое пробило его грудь. Он посмотрел вниз на острие черного клинка, выступающее из его ребер, и ухмыльнулся оскалом мертвеца, раскачиваясь на месте. Рот Рамиила начал открываться шире и шире. Со звуком рвущихся сухожилий невероятная тварь извлекла себя из кожи человека. Существо отбросило оболочку обвисшей плоти. Оно было скользким от крови, язык высунулся, чтобы попробовать воздух. Провалы отраженной тьмы на удлиненном черепе были глазами. Оно шагнуло вперед, черные членистые ноги дрожали от незрелости, а плоть была цвета сырого мяса.

Человек, который стрелял из лазгана по сражающимся солдатам, посмотрел на новорожденного демона и открыл рот. Демон прыгнул вперед, черный клинок в его

руках резанул, оставив за собой дымящийся след. Человек так и не получил шанса закричать.

Демон оглянулся в поисках новой жертвы, слушая пульс живых. Все больше его сородичей приходили, выбираясь из тел убитых и луж крови. Подняв оторванную голову своей первой жертвы, демон задрал свое лишенное кожи лицо и завыл.

«Это был неверный способ расслабиться», — подумал Кир. Прогулка по станции, представлялась хорошим способом избавиться от тревожных мыслей. Облаченный в вычищенный доспех, он прошел по безмолвным залам и служебным туннелям, где укрылись обитатели станции, как можно дальше от внешних секторов. Они смотрели на него, и он замечал страх в их глазах. Люди наводнили служебные туннели: слуги, префекты, технопаты и их семьи. Они небольшими группами собрались у своих скромных пожитков, тихо переговариваясь, словно считали шум чем-то не подобающим сложившейся ситуации.

В душной атмосфере ощущалось напряжение, граничащее с паникой. Эпистолярий надеялся добиться некоторой ясности мышления, но атмосфера, казалось, заразила его смесью страха и осторожности. Кир попытался расслабиться, сосредоточиться на успокаивающем присутствии людей, которые смотрели на него. Это не сработало. Немалую долю вины за это несла Геката.

— Это была только первая и самая слабая атака из тех, что нам предстоят, — раздался ее резкий голос. В этот раз псайкер примарис решила поделиться своими мыслями о ситуации, сопровождая его в прогулке по станции. Посох стучал по палубе в такт ее шагам.

Геката не присутствовала ни при одном из двух штурмов станции. Ее отсутствие было заметно, она появлялась позже, чтобы опросить выживших и сделать жуткие прогнозы. Кир скривил губы, заметив, с каким чувством превосходства она на него смотрит.

— Мы удержали брешь, — прорычал

Кир.

— Нет, не ты, — выпалила она. — Вы удержали брешь. Если бы не ты и твои братья, враг прорвал бы нашу оборону.

Привлеченные громкими голосами, люди начали оборачиваться, напряжение росло. Кир практически достиг переделов своего терпения. В голове возникла и начала расти тупая боль. Все, о чем он мог думать — это голографическое изображение слепца, повторяющего за пределами слышимости одно слово, снова и снова.

Он остановился, повернулся и взглянул сверху вниз на женщину. Уловив удивление в ее глазах, он едва справился с охватившим его гневом.

— Разве ты не примарис? Чего ты боишься? Ты никак не способствовала обороне, лишь поделилась своими наблюдениями. Ты что-то скрываешь?

— Я... — начала она, но Кир был не в настроении выслушивать то, что она могла сказать. Он подался вперед.

— Ты можешь говорить правду и знать многое, но ты, кажется, не

понимаешь, что либо мы сражаемся вместе, либо умрем. Враг, с которым мы столкнулись, уничтожит нас изнутри так же легко, как и снаружи. — Он оглянулся на людей, безмолвно толпившихся в конце коридора. — Ты не видишь этого? Ты много знаешь о нашем враге, больше чем Рихат, чем я. Но ты не видишь этого.

Он посмотрел на знаки псайканы, вытатуированные на черепе женщины и вытканные на ее мантии. По лицу Гекаты блуждало выражение, которое он не мог понять.

— Ты чего-то боишься, леди? Нечто такое, что ты знаешь об этом враге, пугает тебя?

Она выдержала его взгляд, и библиарий задал вопрос, который прежде не приходил ему на ум:

— Для чего ты здесь?

— Я не могу сказать. — К удивлению Кира, в ее голосе слышался испуг. — Я говорю тебе правду, которую вижу. Вот для чего я здесь. В этом состоит моя помощь.

Кир пристально посмотрел на

женщину, у него формировалось подозрение. У Инквизиции повсюду были слуги. Не тайная ли служительница ордосов стояла сейчас перед ним? Она держалась с такой величественной уверенностью, что он задумался над тем, кем же она была на самом деле.

— Как долго ты здесь находишься, госпожа Геката? — спросил он тихо.

— Немногим более месяца, брат-библиарий, — ответила она раздраженно.

— А до этого?

— Я не могу сказать.

Кир улыбнулся, но взгляд его остался холодным. Он думал об уничтоженных мирах и о том, кто вынес этот окончательный приговор. Кто она такая?

Геката отвернулась и оперлась на посох, вдруг показавшись поникшей и усталой.

— Грядет следующая атака, — сказала она, не глядя на него. — Ты должен знать, что в атаке участвуют разные демоны. Подобные существа только тогда отказываются от своего соперничества, когда великие силы направляют их к

общей цели.

В его голове пронесся образ астропата, который, прерываясь, передавал просьбу о помощи, и с губ Кира сорвалось слово.

— Судьбоплет, — произнес он.

Геката жестко взглянула на него. На мгновение ему показалось, что он увидел удивление и страх в ее голубых глазах.

— Это имя следует произносить с осторожностью, — сдержанно предупредила Геката.

Кир собрался заговорить, но головная боль внезапно перешла в давление внутри черепа. Кристаллы его психического капюшона заискрили. Он моргнул и увидел, что коридор залит красным светом. Воздух наполнили звуки сирен. Его вокс-связь хрипела паникующими голосами. Кир расслышал слово «вторжение» среди помех и бросился бежать. Он приказал Фобосу быть готовым контратаковать. Сержант и его терминаторы первыми доберутся до любой бреши.

— Фобос! — закричал он в вокс.

Когда сержант ответил, Кир

подумал, что снова и снова слышит повторяемое шепотом слово.

Ошеломление. Нечасто Фобосу приходилось раздумывать над этим словом. Слои кератита и адамантия, созданные в сердце Империума, и его искусство воина делали слово таким же неуместным для него, как и удар кремневым топором. Но слово звенело в его голове: несомненное, бесспорное.

Огненная сеть накрыла помещение перед ним. Извергаемая из его штурмболтера, она сливалась с очередями из оружия братьев. Четверо, их было четверо, чтобы переломить ситуацию. Жажда убийства завладела солдатами в четвертом крыле станции. Сотни геликонских гвардейцев превратились в бушующее море ненависти. Они кололи и резали всех, кто попадал в пределы их досягаемости, выкрикивая мерзкие слова разорванными губами. Среди людей двигались демоны, черные железные клинки шипели, разрезая тела.

Фобос и трое его братьев ворвались в

гущу бойни, отбросив толпу серией взрывов. На несколько мгновений кровожадная толпа дрогнула. Затем охватила их, словно сомкнувшиеся челюсти.

Плечи Фобоса почти коснулись братьев, его взгляд перескакивал с одной мишени на другую, когда он прицеливался, оценивал и стрелял. Его разум сосредоточился исключительно на тактических данных, которые говорили ему, что они не смогут победить. Но это крыло станции почти пало, и если это случится, смертоносная волна затопит все их укрепления. Он дал клятву, что будет сражаться с этим врагом, что не позволит ему пройти.

— Невра, схема «огненный шторм», — невозмутимо произнес Фобос.

Он вспомнил сотни клятв, данных им на протяжении десятилетий войны. Он ни разу не нарушил ни одну из них и не собирался делать этого и сейчас.

Навстречу им бежала группа гвардейцев с белыми глазами, яростно воя. В них не осталось ни рассудка, ни

понимания того, кем они стали, только жажда смерти и крови.

— По Его воле, — раздался твердый ответ Невры. Из пусковой установки «Циклон», установленной на его плече, с визгом вылетели ракеты. Ударила первая, затем вторая, потом остальные, слившиеся взрывы превратились в начиненный шрапнелью огненный шар. На миг показалось, что смертоносная волна отхлынула. Фобос мрачно улыбнулся, увидев, как черное облако быстро выросло в размерах, расползаясь грязным дымом и желтыми языками по высокому потолку. Пол задрожал, и доспех сержанта завыл, компенсируя колебания.

Они выскочили из огня вихрем зазубренных клинков и воющих лиц, отмеченных рваными ранами. Люди бежали вместе с демонами, их плоть обугливалась, когда они плясали в огне, триумфально вопя.

— Сомкнутый строй, — скомандовал Фобос. Его братья приблизились к нему, плечо к плечу, белый бронированный ромб среди бойни.

— Огонь по всем целям! — закричал он, его штурмболтер уже ревел, встречая приблизившуюся волну.

Он был уже рядом. Завывали сирены, пока он шел по коридору сквозь пульсирующий красный свет. Мимо проносились группы рожденных во плоти в красной и охряной униформе. Он ощущал страх в их мыслях. Дети бойни начали свою работу. Возможно, они преуспеют, но он сомневался в этом. Они были далеки от утонченности, полезны только в порождении ужаса и в кровопролитии. Он много раз выдавал себя за подобных существ, подражал их молниеносной реакции и жажде смерти. Он понимал их целиком и полностью. Они будут убивать и наслаждаться резней, но им противостояли могучие враги, сильнейшие из рожденных во плоти — космодесантники. Возможно, у этих хватало силы даже для отпора детям Собирающего Черепа. Но принесет их атака успех или нет, не имело значения. В своем многогранном демон улыбнулся.

Страх и смятение наполнили станцию, и это сильно облегчало выполнение договоренности. Как он и рассчитывал.

Торопливо пробежал рожденный во плоти, не обратив на него внимания. Он тщательно выбрал свое лицо. Скромный чиновник, личность которого он украл, обладал не слишком высокой и не слишком низкой должностью, чтобы кто-нибудь заинтересовался, почему он один идет в обратную сторону. Это было его третье лицо с тех пор, как он проник на станцию, и он надеялся, что больше не понадобится.

Повернув к арочной двери, ведущей из главного коридора, он поднял шифровальный талисман к сенсорной панели. С грохотом отошли тяжелые противовзрывные створы. Он забрал талисман у владельца лица, которое носил. Действующая техника была тем немногим, что он не мог скопировать. Коридор за дверью был безмолвным и отывался холодным светом. Он почувствовал присутствие того, что искал. Оно было близко, уже так близко. За спиной бронированная дверь со скрежетом

закрылась, а он шагнул в электрический полумрак.

— Фобос? — услышал он голос Кира.

Фобос выпустил поток снарядов в лицо твари с блестящими мышцами. Консул уловил движение уголком глаза — к его плечу метнулся удар. Он развернул меч, чтобы отразить его. Силовое поле затрещало и выбросило искры, встретившись с дымящимся черным железом.

— Да, брат-библиарий, — отозвался Фобос, мышцы и доспех напряглись, когда он сражался с тварью, обладавшей нечеловеческой силой. Она открыла рот и высунула розовый язык. Фобос приставил стволы штурмболтера чуть ниже челюсти твари и выстрелил.

— Мы почти у тебя. Держись, брат, ради примарха, держись, — призывал Кир искаженным помехами голосом.

Фобос услышал, как штурмболтер прокрутился вхолостую — из ствола вылетел последний снаряд. За его спиной была колонна из черного камня шириной с

танк. Слева короткими очередями стрелял Невра, ракетная установка «Циклон» опустела, зубья цепного кулака забиты внутренностями. Справа стоял Валенс, из искромсанного шлема текла кровь, а из обрубка на месте оторванной руки капала на пол черная жидкость. Было невероятно, что ветеран все еще стоял, не говоря о том, что сражался.

Белые Консулы врезались в орду демонов и обезумевшей Геликонской Гвардии, вышвырнув обратно в имматериум целые дюжины, но этого было недостаточно. Орда в сводчатом зале увеличивалась, несмотря на все их усилия. Они потеряли Грациана, визжащий клинок разрубил его доспех от горжета до живота. Враг теснил троих воинов в измазанных пролитой кровью белых доспехах, пока они не уперлись спинами в колонну. Их было слишком мало, а врагов слишком много. Четвертому крылу станции вот-вот предстояло пасть.

Фобос встретил нисходящий удар в лицо, позволив ему просвистеть мимо, и, резко рубанув мечом, развалил противника

от плеча до бедра. На место убитого прыгнул очередной демон. Справа от него загомонило оружие Невры.

— Нет, брат, — ответил Фобос тихим и невозмутимым голосом. — Враг прорвется, прежде чем ты доберешься до нас. Наши клятвы будут нарушены.

Последовала вторая пауза, затем раздался резкий голос Кира:

— Понимаю.

Слева от Фобоса пошатнулся Валенс, его колено врезалось в пол, расколов тратор, из отверстий в доспехе сочилась кровь. Валенс поднял силовой кулак, чтобы встретить черный меч фонтаном искр.

— Ты знаешь, что нужно сделать, брат, — сказал Фобос. — Я потерпел неудачу, и теперь осталась только одна цена победы.

Последовала пауза. Фобос представил, как его брат взвешивает смысл сказанного им.

— Ради этого нас и создали, это наша судьба.

— Раз ты этого желаешь, — смирился Кир.

Фобос почувствовал резкий удар в правое плечо, и выкованное в варпе железо раскололо керамит.

— Я иду к предкам, — произнес рядом с Фобосом Валенс с влажным бульканьем в горле. Это были слова похоронной песни, произносимые за мертвых, которые не могли этого сделать. Слова напомнили Фобосу дым погребальных костров в синих небесах Сабатина.

Фобос вонзил меч в тварь перед собой. Он мрачно улыбнулся.

— Я иду к предкам, — повторил Фобос, и голоса Валенса и Невры возвысились прерывистым дуэтом:

— Как они ушли, так и мне предстоит.

Фобос бросил штурмболтер, рука метнулась вперед и схватила тварь за извилистые рога.

— И так будет. — Слова трех терминаторов эхом разнеслись по воксу.

Фобос ударил клинком по шее твари, капли пылающей крови разлетелись во все стороны. Швырнув отсеченную голову демона в его соплеменников, он бросился на

них.

— Я мертв и пройду вратами моих предков.

За пределами станции начали поворачиваться макроорудие и лэнс-излучатели «Эфона». Плазма хлынула в реакторы и энергетические колодцы, в их узлах рычала ярость звезд.

Фобос увидел краем глаза, как Валенса сбили с ног, из его руки текла кровь, когда он попытался поднять ее.

Удар обрушился на шлем Фобоса, разрезав керамит и поразив лицо и глаз. Ослепленный космодесантник бросился вперед и взмахнул мечом, словно косой, чувствуя, как клинок разрубает плоть и кости. Он сорвал шлем с изувеченного лица. Перед ним стояла толпа демонов.

— Я иду к предкам! — закричал он, и тир вдруг наполнился ярким светом.

Лучи энергии с «Эфона» ударили в четвертое крыло станции, в одну треть от ее длины. Удар отсек секцию от станции, как конечность от тела. Остальная часть станции задрожала, словно от боли. Извергая расплавленные

обломки и горящий воздух, крыло оторвалось, забирая четырех погибших Белых Консулов к их предкам. Мгновение спустя снаряды макроорудия поразили оторванную часть, и она превратилась в короткую вспышку света, которая растеклась на фоне черного космоса.

Между ним и его целью стояли пять космодесантников. Они носили белые доспехи и шлемы с красными линзами. Он ожидал, что они могут стать последним препятствием перед исполнением его договоренности. И был готов к их присутствию.

Он повернул за угол с новым лицом, лицом давно умершего техноадепта, который превратился в прах в темном коридоре. У закрытой противовзрывной двери стояли пятеро, к их броне красными печатями были прикреплены ленты пергамента. Последняя дверь.

— Стой, — сказал космодесантник в красном шлеме и навел на него оружие. Круглое дуло с растущим шумом выпускало мерцающий газ. Остальные

Астартес подняли свое оружие.

— Я пришел исполнить свой долг, почтенные воины, — печально промямлил он отфильтрованным механическим голосом. — Видите, у меня служебное предписание, а сейчас назначенное время.

Нацеленное на него оружие молчало, но не опускалось. Эти — не слабовольные существа, наполненные сомнениями и страхами. Он был уже в нескольких шагах. Он чувствовал, как в их головах формируется решение открыть огонь. Ветранио — это имя главного. Он сделал шаг вперед и изменил облик.

В своем новом обличье он стал быстрее, намного быстрее. Он одним прыжком оказался на Ветранио, когти размером с косу пробили окуляры. Он снова изменился, обернувшись этим погибшим космодесантником. Он вырвал оружие из мертвых пальцев Ветранио, когда тот упал, повернулся и выпустил поток энергии в головы двух космодесантников. Осталось двое. Они тут же открыли огонь. Он ощутил нечто, что определил как боль.

Он бросил оружие и преобразовал свое тело в бурлящую массу плоти и полусформировавшихся лиц. Из глаз и вдоль конечностей полыхнуло синее пламя. Разрывные снаряды поразили его, и он почувствовал, как от фальшивой плоти отрываются куски. Он прыгнул на двоих космодесантников, оставляя за собой сверкающие капли. Они пытались сражаться, но его прикосновение изжарило их внутри доспехов.

Когда обугленные доспехи перестали дергаться, он наклонился и подобрал брошенное оружие. С лицом Ветранио он повернулся к закрытому входу. Многослойные двери сразу открылись, и он увидел свою награду.

Кир смотрел, как огонь гаснет и вытекает в космос. Командный центр станции представлял собой круглое помещение в горловине под центральным астропатическим залом. Свет от экранов на каменных платформах разгонял полумрак. Специалисты сидели, мрачно уставившись на свои приборы, пытаясь не

смотреть на обзорный экран вверху, который показывал, как остывают обломки оторванной части станции. Кир ощущал похоронную тишину вокруг себя, оцепенелое неверие в то, что произошло, и произошло по его приказу. Рядом с ним стоял вытянувшись Рихат, его худое лицо было серым.

Кир прибыл сюда, как только отдал приказ «Эфону» отрезать захваченное крыло от станции. Остальные Белые Консулы были на позиции, готовые отреагировать на возможную атаку. Тем не менее, он хотел увидеть это собственными глазами. На экране взрывы затухали красной рябью в тошнотворном тумане, который висел над станцией. Глядя на постепенно исчезающее изображение, он чувствовал пустоту и нереальность случившегося, словно смотрел в зеркало и видел не себя.

«Это был единственный выход», — подумал он. Если бы он не приказал «Эфону» уничтожить то, что уже было потеряно, то вскоре рухнула бы остальная оборона. Это было необходимо, хотя тот

же выбор вызвал его гнев, когда он увидел его результаты в пепельных пустошах Катариса. В этот раз он был палачом, его выбор обрек братьев и сотни других людей на смерть.

— Хватит, — сказал он мягко. — Отключить изображение.

Рихат дал знак, и обзорный экран заполнился зеленым потоком показаний систем станции.

— У вас есть еще приказы, мой лорд? — спросил Рихат, посмотрев на него с холодной формальностью.

— Нет, полковник. Не сейчас.

Он кивнул, Рихат отдал честь и вышел. Раздраженная сухость прикрывала гнев и неверие. Кир не мог осуждать его за это.

Почти невольно Кир вынул из кармана рифленый диск голопроектора. На нем было сообщение, которое привело его сюда, сообщение, которое никто не отправлял. Диск секунду лежал на ладони, затем конус зеленого света выпрыгнул из его поверхности. Призрачно-зеленая фигура астропата снова закружилась перед его

глазами.

«... доклад... Кларос... враг внутри...»

Этот прерывистый поток слов привел его сюда, из-за него он здесь. Он так часто слушал эти слова, что они повторялись его памяти так же, как и на записи.

«...лжет... Судьбоплет, мы... ослеплены... выходит из строя...»

Что-то в этом сообщении вызывало его беспокойство с тех пор, как он впервые просмотрел его. Каким-то образом оно ощущалось знакомым, словно он слышал его давным-давно.

«...душа... кто слышит это...»

Стоило ли ему отвечать на этот вызов? Был ли это обман?

«...пришлите... помощь...»

Но оно было таким знакомым.

— Колофон...

Его зрение мгновенно сфокусировалось, чувства резко обострились. Изображение продолжало вращаться, слова повторялись вновь и вновь.

«...проклятая вечность». Изображение

тигнуло и снова начало свое движение по кругу. Кир просматривал его, напрягая слух ради слова, которое, и это не вызывало сомнения, он расслышал. Оно не повторилось. Библиарий прокрутил сообщение, но оно оставалось прежним: прерывистой вереницей слов с искажениями. Может, его разум заполнил пробел случайной мыслью? Он отключил изображение, оглянувшись в командном отсеке и ничего не видя. Если он услышал еще одну часть сообщения, которой не было прежде, что это могло означать?

Колофон. Он уже несколько часов не видел старшего астропата. Старик следил за выздоровлением оставшихся под его началом псайкеров. Случайное слово, которое он услышал в никем не отправленном сообщении. Значит ли это, что его отправил Колофон? Что это была просьба из момента во времени, которое еще не наступило?

С окаменевшим лицом Кир вышел из командного отсека. Новый вопрос начал извиваться вокруг мыслей, как ядовитая змея: «Что еще могло значить слово

"Колофон" в сообщении из будущего?»

Он стоял и смотрел на столб, наблюдая, как потрескивает энергия на его черной поверхности и шевелит полосы пергамента. Устройство было отвратительным: под его воздействием даже на таком расстоянии сползала кожа украденной плоти. Пространство вокруг столба наполняли вихри энергии, которые вытягивали субстанцию существа. Ограждая это место, столб создавал удаленную завесу, удерживая его родичей от добычи, которую они искали, добычи, на которую они охотились долгое время на многих мирах. Он видел такие же покровы раньше. Они окружали корабли рожденных во плоти, когда те мчались через варп. Подобно быстринам, вплетенным в пузыри из стекловолокна, окружающий корабль. Так было, пока эти пузыри оставались целыми. Как только покров вокруг этого места исчезнет, его сородичи смогут добраться до своей добычи. Рожденных во плоти здесь ждет большая резня.

На секунду он задумался, стоит ли

выполнять договоренность. Он многое приобретет, это верно. Он может потребовать бессчетное множество услуг, а сделки с более сильным родичем было сложно разорвать. Но он был существом лжи, а непредвиденная перемена обещала восхитительные ощущения. Если он оставит устройство в целости, его родня в конце концов рассеется в отравляющей природе плотского мира. Это место выстоит. Человечки выдержат. Слепая добыча, скрывающаяся среди них, выживет и снова обретет силу. А что потом? Какие тогда здесь будут возможности, какие бесконечные изменения и непредвиденные перемены в судьбе?

Он медленно поднял оружие, взятое у воина, чье лицо носил, раскаленные канавки в тыльной части оружия засияли ярче, словно почувствовав его намерение.

«Но, — подумал он, — сделка есть сделка».

Вой оружия вырос до визга едва сдерживаемой энергии. Похищенное лицо перекосила ухмылка, и он нажал спусковой крючок. Сгусток энергии поразил столб и

расплавил механизмы до самого ядра.

На секунду столб задрожал, энергетическое поле, которое он проецировал вокруг станции, лопнуло, его оковы разрушились. Столб растрескался со звуком разрубаемого железа. Шаровые молнии возникали и рассыпались вокруг поверхности столба. Пергаменты обуглились, их черные обрывки падали среди потока искр. Затем столб взлетел на воздух в волне яркого света.

К тому времени, когда генератор поля Геллера взорвался, существо, которое кое-кто называл Перевертышем, давно исчезло, сбросив без раздумий последнюю личину.

Несколько минут никто на станции Кларос не понимал, что произошло. В защищенных коридорах люди продолжали переговариваться, делясь опасениями, потешивая еду на газовых горелках и смеясь над мрачными шутками. Позади баррикад геликонские гвардейцы несли дозор, как многие часы до этого. Мышцы сводило от неподвижности, солдаты

гадали, когда смогут поспать. Белые Консулы невозмутимо стояли в разных коридорах, ожидая следующей атаки, которая вырвет их из бездействия. В темном зале неподвижно сидел Колофон, его безмолвно окружали оставшиеся астропаты.

В полумраке командного отсека полковник Рихат отвернулся от удаляющегося библиария. На мгновение он подумал, что увидел проблеск эмоции в глазах Кира, мерцание под поверхностью холодной темной воды. Он слышал истории об Адептус Астартес, о том, что они последний щит человечества, созданный Императором на заре Империума. Полковник осознал, что эти слова никогда не могли быть истиной. Он осознал, что не понимал их и никогда не смог бы понять.

Крик заставил его резко повернуться, в голове стало пусто от ужаса, прозвучавшего в голосе:

— Поле Геллера!

Офицер широко раскрытыми глазами уставился на Рихата. Багровые руки начали мелькать по экранам пульта

управления, ярко-красный свет залил комнаты, распечатки показаний посыпались из пальцев инфосервиторов.

— Оно исчезло!

Первой мыслью Рихата было спросить почему, но холодная реальность подсказала ему, что вопрос бессмыслен. Правда трубила о себе из каждого угла. Их самая сильная защита рухнула, и скоро придет враг.

— Возьми оружие! — крикнул он и вытащил пистолет. И сразу вслед за этим заголосили сирены.

Варп проник в помещение генераториума спустя несколько секунд после отключения поля. Помещение наполняли черные цилиндры высотой с многоэтажные дома. Каждый был маломощным плазменным генератором, снабжавшим энергией центральный узел станции. Машины работали тысячелетия, их сердца непрерывно и размеренно бились, храня в себе энергию солнц. По помещению ходили сервиторы и инженеры, борморча на машинном коде и окропляя благословленным маслом свои

любимые машины. Первым признаком неполадок стала гневная скороговорка сервитора-контролера. Технопровидцы бросились взглянуть, что встревожило духи их машин. Прежде чем они смогли сделать шаг, воздух наполнил звук сирен предупреждения. На пультах управления вспыхнули руны сбоя системы. Пергамент с данными посыпался на пол. Технопровидцы ринулись к пультам.

Раздался визг разрезаемого металла. Трубы прорвало, и помещение затянул пар. Находящиеся поблизости от генераторов технопровидцы и сервиторы исчезли в потоках охлаждающей жидкости. Освещение по всей станции замигало и потускнело.

Генератор взорвался, пылающее топливо прорвало его многослойный металлический корпус. Расплавленный металл потек подобно воску на пол помещения. По воздуху разлетелись обломки с рваными краями. Разбитые машины начали вибрировать и гнуться. Извивались кабели и провода, скручиваясь в искореженные пластины. Поршни

соединились в гигантские конечности. Варп-пламя перетекало от узла к узлу, словно что-то сознательное и живое вытягивало себя из деформирующихся руин. У него было тело скорпиона из деталей машин и корпус из дымящейся плоти цвета остывающего железа. Из плеч выросла длинная голова, увенчанная похожими на копья рогами. Существо встало на дыбы, подняв движимые поршнями руки, и триумфальным ревом оповестило о своем рождении.

Взорвался второй генератор, существо внутри него, кружась, обретало форму среди руин машинной утробы. Первый рожденный не стал ждать своего родича, но шагнул к закрытой противовзрывной двери помещения, сжимая в предвкушении когти. Дверь была выкована из пластали и многослойного адамантия, более двух метров толщиной и восемь высотой. Тварь остановилась на секунду, а затем начала выбивать бронированную дверь, ее глаза светились за маской из опаленной бронзы.

Кир бежал по центральному коридору. За ним следовали опустошители Валериана с остатками авангардного отделения Гальбы. Все мысли о сообщении и Колофоне вылетели из головы. Поле Геллера отключилось, и варп-существа проникали в реальность по всей станции. Из обрывков панических вокс-переговоров вырисовывалась картина десятков отчаянных боев.

— Рихат, — сказал он, шум в воксе уменьшился, когда он связался с полковым командиром. — Это Кир. Я вижу данные, свидетельствующие о серьезных внутренних повреждениях в группе второстепенных плазменных генераторов.

— Да, эпистолярий. Подтверждаю: мы видим то же самое. Значительная потеря энергии и многочисленные повреждения переборок главного перехода.

— Мы идем к противовзрывной двери на пересечении нижних технических уровней. Что бы ни перемещалось по этому туннелю, мы встретим его там. Прикажи всем частям, находящимся поблизости, выдвигаться к этой точке.

— Так точно. Я присоединюсь к вам.

Коридор, по которому они шли, повернул к пересечению, следуя по кругу центрального узла. Впереди Кир увидел перекресток четырех коридоров, каждый из которых был намного выше космодесантника. Сводчатая дверь закрывала только один коридор. Поверхность двери покрывал медный рельеф с изображениями огромных машин. В центре располагался окруженный шестеренкой череп Адептус Механикус. За противовзрывной дверью широкий переход по спирали вел в центр станции, где техножрецы в красных мантиях поддерживали сердцебиение механического сердца станции. В этом сердце после отключения поля Геллера что-то родилось.

Перед закрытой дверью образовался широкий полукруглый огневой мешок. В другом дверном проеме Геликонская Гвардия поднимала барабанные магазины с крупными снарядами к ожидающим казенникам, приводя в боевую готовность автопушки. Офицеры с черными

эполетами призывали гвардейцев сформировать огневой рубеж.

Кир добрался до пересечения, когда первый удар изнутри сотряс дверь. Он звучал, как гонг. Все остальные звуки затихли. Мужчины и женщины оторвались от своего оружия, устремив взгляды на дверь и прислушиваясь к затихающему звуку удара. Кир повернулся к двери. Рядом развернулись четверо братьев авангардного отделения Гальбы, моторы их цепных мечей зарычали. Валериан поспешно отвел свое отделение к гвардейцам, наведя громоздкое оружие на дверь.

— Эпистолярий, я почти на вашей позиции, — затрещал в воксе голос запыхавшегося Рихата, из чего Кир сделал вывод, что люди бежали.

Второй удар сотряс дверь. С медных изображений посыпалась пыль. Дверь раскалилась докрасна, перед ней мерцало марево.

Едва Кир открыл рот, чтобы ответить Рихату, последовал третий удар. Дверь раскололась. Огромная фигура

протиснулась в расплавленную брешь. На Кира уставились глаза, пылающие печным жаром на бычьем туловище, сплавленном с зазубренными паучьими ногами. Он ощутил головокружение, присутствие и мощь зверя стучали в его разуме подобно кузнечному молоту.

Зверь заревел, выдыхая жгучий поток пара. Полосы трассеров устремились к нему. Они впивались в шкуру, оставляя следы на его металлическом покрове. Кир слышал, как кричат гвардейцы, ведя огонь, ужас смешался с дерзостью в потоке ругательств.

Существо минуту стояло, пока снаряды и энергетические заряды высекали искры из его шкуры. Затем оно прыгнуло к Киру и первой линии гвардейцев. Оно было быстрым, как насекомое, его когти царапали палубу, руки-поршни поднялись над рогатой головой.

Кир отскочил в сторону. Он ударился об пол, палубный настил прогнулся под его весом. Гвардейцы в первом ряду были не такими быстрыми. Тварь налетела на них, ее передние конечности-клинки

пробивали мясо и кости, железные кулаки опускались, слиная и кромсая. Кир вскочил и увидел, как второй зверь выбрался из обломков двери и уставился на происходящее черными глазами; круглый рот с полупрозрачными зубами пульсировал, словно от голода. Тело было пятнисто-красным, мышцы рук слились с зазубренными кусками металла высотой с человека. Он издал рокочущий вопль и последовал за собратом в гущу бойни.

Ряды геликонцев рассыпались, кто-то держался, кто-то бежал, чтобы умереть в сдирающем кожу дыхании зверя. Кира хватило одного взгляда, чтобы оценить обстановку. Он обнажил психосиловой меч, лезвие которого лизало синее пламя. Этот бой шел не по плану, это была кровавая схватка с ужасом. Их шансы изменить ход битвы были подобны воде, стекающей между пальцами. Два железных зверя наступали бок о бок, извергая варп-пламя в тех, кого не разорвали. Не было признаков ни Рихата, ни его подкрепления.

— Мы должны разделить их, — сказал по воксу Кир, бросившись к ближайшей

твари. — Валериан, я отвлеку одного на тебя. Стреляй, как только разъединим их. Братья Гальбы, атакуйте ноги.

— Как прикажешь, брат, — рыкнул Валериан.

Кир почувствовал, как четверо оставшихся воинов авангардного отделения Гальбы следуют за ним. Спина одного из зверей была в двадцати шагах. Эпистолярий видел бледный хрящ его хребта, выступающий из мышц спины. Библиарий втянул энергию в свой разум и позволил ей впитать ненависть из своей души. Он остановился в десяти шагах от зверя. Воины авангардного отделения пробежали мимо него, в воксе раздавался треск их погребальных песен.

Кир высвободил часть энергии своего разума, отправив ее перед собой эфирным криком вызова. Тварь остановилась и повернулась к нему, с зазубренных лезвий стекала кровь. Кир посмотрел в черные глаза, в которых отражались огненные вспышки, и поднял ладонь. Тварь атаковала.

«Это не то, что я видел, — подумал

Кир, мысль шептала в урагане силы его разума. — И не закончится сейчас».

В пяти шагах зверь встал на дыбы, его задние ноги несли его вперед, а руки и передние конечности поднялись, готовые обрушить клинки на Кира. Библиарий выпустил силу. Энергия вырвалась из его ладони и потекла по плоти и железной шкуре твари. Существо покачнулось, передние лапы опустились и заскребли по полу. Кир чувствовал, как его разум вгрызается в механизмы тела твари, ненависть и злость извивались по ее узлам, сплавляя сочленения и останавливая механизмы. Демон зашатался. Кир ощутил, как сила зверя скапливается, чтобы нанести ответный удар. Он не сможет сдержать ее.

Четверо воинов авангардного отделения атаковали ноги зверя, размахивая цепными мечами. Моторы вогнали зубья в поршни и полупрозрачные сухожилия. Две ноги подогнулись. Одна из них с воем поднялась и опустилась, разрубила метровой длины лезвием шлем космодесантника и вошла глубоко в тело,

пригвоздив его к полу в потоках крови.

Тварь завыла в разуме Кира, сбрасывая его психические оковы. Демон наклонился вперед, его челюсти сомкнулись на голове космодесантника из отделения Гальбы, раздался звук треснувшей брони. Демон оторвал Белого Консула от пола, разжевал доспех и плоть, а потом выплюнул с потоком пламени.

«Еще двое отправились к предкам, — подумал Кир. — Еще двое ушли за несколько секунд».

— Валериан! Давай! — закричал он. Опустошители открыли огонь раньше, чем он выкрикнул приказ.

Отделение Валериана было вооружено тяжелыми болтерами, которые с раскатистым громоподобным хохотом выплевывали из стволов разрывные снаряды. Зверь выгнул спину, когда они вырвали куски из его плоти. Откуда-то из хаоса, наполнившего пересечение коридоров, открыл огонь геликонский стрелок, чья воля пересилила страх. Его поддерживали другие, шипящие линии снарядов и импульсы лазерных лучей

сошлись на твари. Бронированные пластины прогнулись и рассыпались под ураганом попаданий. Из плоти зверя вытекал желтый ихор. Он попытался повернуться, конечности колотили, словно отгоняли рой насекомых. Ноги демона подкосились, и он завизжал, разбрызгивая огонь. Кир был достаточно близко, чтобы видеть черные глаза твари, когда ее обмякшее тело дергалось среди обломков металлической шкуры. Раздался последний яростный рев, и демон развалился на металлические фрагменты и сочащуюся плоть.

Находившаяся посреди линии геликонцев вторая тварь почувствовала смерть сородича. Она повернулась, ее взгляд метнулся по месту боя, ища причину гибели своего близнеца. Ее обжигающий взгляд остановился на семерых космодесантниках отделения Валериана. Демон бросился вперед, превращая людей в раздавленные куски плоти.

Кир уже двигался, пробиваясь сквозь толпу охваченных паникой гвардейцев. Он

чувствовал, как гнев твари, прокладывающей кровавую дорогу к опустошителям, вытягивает энергию из варпа. Монстр разрывал реальность на своем пути. Полусформировавшиеся демоны объединялись у его ног, подобно мелким рыбешкам, которых притягивала кровавая трапеза акулы. Они были похожи на личинки, выползающие из разорванных тел, вращая глазами в гноящейся плоти. Еще больше геликонцев обратилось в бегство.

Валериан удерживал позицию вместе со своими братьями. Он был без шлема, контролируемая ярость кривила его губы. В отличие от многих своих братьев, за столетие войны Валериан не получил шрамов, скульптурные черты его лица, свидетельствующие о сабатинском благородстве, оставались нетронутыми. Он поднял болтер, чей ствол закоптел от стрельбы, из дула все еще вился дым. Тварь в ответ подняла руку. Из плоти выступили трубки, образовав неправильный кулак, соединенный мышцами. Зверь выпустил поток

расплавленных снарядов в опустошителей. Один из снарядов попал в шлем Белого Консула и сбил его с ног в облаке крови и расплавленного керамита. Остальные космодесантники не дрогнули. Валериан ждал, пока звук захвата цели не станет непрерывным, а дистанция — оптимальной. Тварь сделала еще один шаг.

— Огонь! — скомандовал Валериан, и рядом с ним загрохотали тяжелые болтеры. Тварь чуть замешкалась, затем скрестила руки над головой, толстые плиты и клинки перекрылись, образуя щит. Зверь шагнул в ураган.

Кир оттолкнул в сторону гвардейца. Пространство вокруг зверя кишело демонами. Существа образовали клубящуюся массу щупалец и гнилой плоти, которая захватывала гвардейцев в кислотные объятия. Оставшиеся гвардейцы почти прекратили стрельбу: многие бежали, многие были мертвы.

Кир поднял меч. Платой за используемую им силу была тупая боль в голове. Демоническая тварь, образованная из нарывов и желтых опухолей, обратила

на него взгляд щелевидного глаза. Библиарий сделал шаг вперед.

Вот он? Этот момент он видел?

Вдруг по демонам хлестнуло пламя. Густой маслянистый огонь растекся по гниющей плоти, выплавляя жир из гнилых костей. Лазерные лучи организованными залпами ударили по растворяющимся формам.

— Лорд Кир, — затрещал вокс голосом Рихата.

Кир оглянулся и увидел полкового командира, идущего в окружении солдат в бронзовых доспехах и шлемах с черными визорами. Лицо Рихата было перепачкано кровью и копотью, правая рука безвольно висела, рукав промок и потемнел, однако взгляд выражал упорство. Идущие перед ним огнеметчики выжигали дорогу в толпе демонов. Твари с чрезмерным количеством конечностей и глаз пытались ползти вперед, даже когда распадались в пепел и дым.

Кир осознал, что прерывистый рев тяжелых болтеров стих. Он повернулся и посмотрел туда, где стояло отделение

Валериана. Перед глазами полыхало пламя, растекаясь по полу перекрестка. Позади огня зверь поднял в железном когте останки в белой броне. Кир побежал сквозь пламя, печати чистоты вспыхнули, доспех почернел. Визор шлема потемнел, компенсируя блеск огня, движущиеся предметы превратились в последовательность разноцветных рун поверх меняющихся теней. Перемещения демона отображались удлиненным пятном с наложением зеленой сетки.

Трое оставшихся опустошителей отступили, стреляя по наступающему зверю. Кир выскочил из пламени, мир снова обрел яркость. Эпистолярий увидел, как Валериан повернул ручку запала мелта-заряда и нырнул под рубящий клинок. Он добрался до бронированной грудины зверя. Тот наклонился, поршни-тиски сомкнулись, и тварь оторвала сержанта от пола. Она поднесла умирающего космодесантника к горящим глазам. Рука Валериана из последних сил ударила по детонатору. Ослепительная сфера поглотила сержанта и руку твари с

резким хлопком перегретого воздуха. Демон отшатнулся, воздух расколол скрежещущий вопль.

Кир сделал последние шаги, мышцы и доспех напряглись, разум превращал силу в бешеный натиск. Кир понял, что кричит. С его губ срывались имена павших братьев, мертвых миров и проигранных войн. Тварь почувствовала его, повернулась, клинки понеслись вниз. Кир нанес удар.

Клинок по самую рукоятку погрузился в черную плоть. Из раны хлынула чернильная жидкость. Она воняла прометием и гнилью. Рожденный в душе Кира гнев устремился в клинок. Все, что он чувствовал — это текущую в нем волну, гнев его души, которому варп придал форму. Он почувствовал...

... кровь течет из его доспеха, когда он проходит через знакомую дверь...

Смеется существо с головой стервятника. Звук похож на предсмертные крики воронов...

В конусе зеленого света поворачивается астропат. Астропат смеется. У него два лица...

Он исчезает...

Кир очнулся среди затихающих криков и гаснущего огня. Он лежал среди останков своего врага, искореженные механизмы устилали куски маслянистой плоти, которая медленно разлагалась с тошнотворным блеском. Его рука по-прежнему сжимала меч, лезвие которого мерцало затухающим эхом силы.

Поднявшись на ноги, Кир почувствовал лихорадочную боль от выпущенной психической силы. Каждое движение причиняло боль. Он огляделся, поле зрения заполнили тактические данные. Пол был завален телами павших, а пламя окрашивало все пятнистым оранжевым светом. Значков угрозы не было. Они победили.

Кир смотрел на приближающегося Рихата. Полковник слегка прихрамывал и прижимал окровавленную левую руку к боку.

— Победа, полковник, — сказал Кир с мрачной улыбкой.

Рихат не улыбнулся, он был бледен, боль сдерживалась одной лишь волей.

— Враг прорвался во многих местах. Я даже не уверен, что хоть какие-то позиции остались за нами. — Он поморщился от боли. — Не думаю, что они проникли в зоны с гражданскими. Пока еще.

Кир услышал обреченность в голосе полковника.

— Мы выстоим, полковник. Не важно, какой ценой.

Во взгляде Рихата промелькнуло удивление, словно он постиг сокрытую прежде истину. Он открыл рот, чтобы ответить. И его перебили.

В их разумах зазвучал голос:

— Властью и милостью Бога-Императора Человечества, и на основании полномочий его Священной Инквизиции, этому месту и всем душам в его пределах объявляется приговор.

Это был единственный психический голос, созданный множеством телепатических разумов, которые передавали одно и то же сообщение. Он отразился по варпу с такой силой, что наполнил разумы всех людей на станции Кларос. Это было объявление приговора,

извещение о намерении.

— Все объявлены заблудшими и потому падет молот. Объявляется Экстерминатус. Да смилостивится Император над всеми верными душами.

Голос стих. Рихат посмотрел на Кира, на его лице отражались страх и смятение. Кир покачнулся, когда его ударила волна психической энергии. Она исходила от флота, с сокрушительной силой вырвавшегося из варпа в реальность.

Вокруг них потрясенная тишина превратилась в безумную панику.

Нет. Кир не позволит, чтобы все погибло по приговору Инквизиции. Не снова, не после того, как они заплатили такую цену. Он повернулся к Рихату, жестом подозвав к себе последних двух воинов отделения Валериана.

— Это Инквизиция. Их кораблям понадобится некоторое время, чтобы выйти на дистанцию огня. Заберите как можно больше людей на «Эфон». Мы отстыкуемся и сбежим от Экстерминатуса. — Он свирепо оскалился. — Они могут постараться и остановить

нас, но у нас все еще есть зубы.

Рихат нахмурился.

— Полковник? — обратился к нему Кир.

Рихат посмотрел на него.

— Инквизиция знала, что на нас напали. Но как? Вы и Колофон сказали, что сообщения отправить невозможно.

Внезапно Киру стало холодно. Он подумал о своих видениях, об усиливающемся ощущении будущего, об изображении астропата, которое вращалось в зеленом свете. Астропата с двумя лицами.

— Где Колофон?! — прорычал он.

— Я не знаю, мой лорд, — пожал плечами Рихат.

Кир кивнул, глаза смотрели в никуда, разум бешено работал. Колофон. Он считал, что услышал это слово в сообщении. У него было такое ощущение, словно все нити выборов и призрачных вариантов будущего сплелись воедино, в одну-единственную нить. Он повернулся к Рихату и двум оставшимся братьям-космодесантникам.

— Станция потеряна. Эвакуируй всех, кого сможешь, если я не вернусь, ты — командующий.

Рихат повернулся и начал выкрикивать приказы, а Кир зашагал прочь. Он знал, где найдет то, что ему нужно, и куда вела его судьба.

— Куда вы идете, мой лорд? — поинтересовался Рихат.

— За ответами! — рыкнул Кир.

Кораблей было девять. Пять эсминцев скользили на ярких огненных крыльях впереди более крупных собратьев. За ними шли два ударных крейсера Адептус Астартес, их зазубренные корпуса были окрашены в темно-синие цвета Звездных Драконов. Рядом с ними двигался похожий на блестящее копье крейсер класса «Неустрашимый». В центре же находился огромный корабль из черного металла, его корпус покрывали башни, а на носу раскинулись золотые орлиные крылья. При закладке его назвали в честь героя далекого прошлого; заново освященный на службе Инквизиции, он носил имя более

подходящее для стоящих перед ним задач. «Шестой молот» был палачом, убийцей тиров. Возможно, он однажды вернется во флот, из которого его забрали, но в этот момент корабль служил воле человека, наблюдавшего с его мостика за приближением станции Кларос.

Лорд-инквизитор Ксеркс увеличил изображение станции на огромном гололитическом экране, висящем перед его троном. Образ был лишен тактических данных и информационных значков. Инквизитор не нуждался в них, кроме того, он не полагался на технические средства при принятии решений. Для этого требовалась проницательность, простейшие средства и чувства, доступные человеку. Варп-разрыв предстал на экране как рана, сочившаяся бурлящими цветами и щупальцами скрученной энергии. Станцию или то, что от нее осталось, окутал извивающийся призрачный свет. У нее не было надежды, ее никогда не было.

Ксеркс повернул железное лицо с прорезями для глаз к двум фигурам слева

от него. Один носил поверх могучего тела сегментированный доспех, покрытый ярко-красным лаком, его лицо скрывал черный капюшон. У другого было длинное худое тело из щелкающих медных суставов и высохшей плоти, соединенных большим количеством трубок. Худой не носил маски, потому что у него не было настоящего лица. Оба были инквизиторами, единственными, кто выжил из группы, которую собрал Ксеркс. Они потеряли двух собратьев, одного на «Проклятой вечности», другого по неосмотрительности, но их решимость ни разу не пошатнулась. Они охотилось среди звезд на существо, именуемое Судьбоплетом, карая захваченные демоном планеты и разыскивая способ навечно вернуть его в варп. Там, где находили демона, они сжигали землю под его ногами. Они были левой рукой Императора, и в этом состоял их долг, так же как и право.

— Приговор оглашен? — спросил Ксеркс, его спокойный голос раздался из горизонтальной щели на маске.

— Да, — ответил механическим

голосом худой инквизитор. — Астропатический хор передал его. Если на станции еще остались живые, они будут знать, что приговор приведут в исполнение.

Ксеркс кивнул.

— Когда мы выйдем на огневую дистанцию, остальной флот должен начать атаку. Ничего не должно достаться варпу. — Он оглянулся на бронзовый корпус станции в тисках варпа. — Ничего, кроме пепла и безмолвия.

— Астропат.

Слово разнеслось в пустой тишине астропатической комнаты. Сгорбившаяся фигура в зеленой одежде повернула слепое лицо на затихающий звук, отразившийся от пустых каменных рядов.

— Кир? Это вы, не так ли, мой друг?

Голос Колофона эхом отразился от стен. Астропатический зал находился в центре станции, вдалеке от наступающих демонических сил. Здесь было пусто, тихо и темно. Зачем слепому свет?

Кир шагнул из затемненного арочного

входа, доспех урчал при каждом движении. Штурмболтер в правой руке был нацелен спаренными стволами на сгорбившегося старика. Синяя поверхность доспеха эпистолярия была опалена и покрыта полосами высыхающих жидкостей. Кир выглядел словно призрак, восставший с погребального костра.

— Это Кир.

Голос библиария тихо рокотал. Колофон дернулся ему навстречу, вцепившись в навершие трости. На монохромном дисплее шлема он выглядел испуганным. Нет, он выглядел устрашенным.

— Приближается Инквизиция, — запинаясь, произнес Колофон. — Они уничтожат это место и всех нас вместе с ним. Мы должны...

— Почему ты обманул меня? — Кир держался поодаль от старика, медленно кружа вокруг фигуры в зеленой мантии. Единственная руна наведения на дисплее шлема колеблющегося янтарного цвета пульсировала поверх изображения старика.

— Я не обманывал вас. — Колофон

остановился, он не следил за перемещением Кира, а говорил прямо перед собой.

Библиарий продолжал кружить, без раздумий отмахнувшись от заверений Колофона.

— Сообщение, оно ставило меня в тупик с того момента, как мы прибыли сюда. Как оно могло быть отправлено, если нас отрезали, едва началась атака? Я не такой эксперт по астропатической передаче, как ты, но я коснулся варпа и почувствовал, что мы изолированы, как ты и говорил.

Колофон закутался в зеленую мантию, словно от холодного ветра.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. — Он покачал головой и сделал несколько шагов к двери. — Нам нужно идти. Мы можем спастись на вашем корабле, мы...

— Но сообщение было отправлено. Оно привело меня сюда, и, несомненно, привело Инквизицию. — Кир невесело засмеялся. — Временное искажение. Ты дал мне эту подсказку, а я не подумал об альтернативе.

Старик открыл рот, словно собираясь

ответить, но Кир продолжал говорить, подозрение и гнев превратили его голос в низкий рык, исполненный сдерживаемой угрозы.

— Ты отправил сообщение, Колофон. Ты привел меня сюда, и ты навлек кару Инквизиции на это место.

Колофон покачал головой, на его лице отразились потрясение и гнев.

— Вы безумны, мой друг, — пролепетал Колофон. — Вы не...

— Но как ты закрыл варп болью, которую даже я почувствовал? И зачем тебе завлекать сюда людей только для того, чтобы уничтожить? — Кир вытянул меч. — Есть одно существо, которое могло сделать такое, могло наблюдать изнутри, в то время как его родня пришла из-за...

Колофон отшатнулся, когда меч вспыхнул холодным светом.

— Я...

— Существо, которое может казаться созданным из плоти и крови. — Кир почувствовал вес меча в руке, его холодная мощь отражала ярость библиария. — Скажи мне, астропат, если я разрублю

тебя, как ты будешь истекать кровью?

— Я...

— Судьбоплет. — Кир произнес имя, и Колофон вздрогнул, словно от удара. Внутри шлема Кира руна угрозы стала красной. Он сделал шаг вперед, его голос устрашающе зарокотал: — Тебе знакомо это имя?

— Я только астропат, — захныкал Колофон.

Кир подумал обо всех мирах, затянутых в болото варпа, о запахе погребального костра мертвого Катариса. Он чувствовал себя глупцом, которым манипулировали. Его видения и идеалы обратили против него. Он не знал, почему демон играл в такую игру, и не хотел этого знать. Существо перед ним было одиноко и заключено в человеческой плоти, которую он мог уничтожить. Его палец начал давить на спусковой крючок штурмболтера, а силовой меч запылал ярче.

Палец застыл на спусковом крючке. Библиарий не мог пошевелить конечностями, на коже выступил пот, и он

почувствовал, как кристаллы его психического капюшона будто заледенели, сражаясь с психической силой, которая удерживала его. Она окутала его так быстро, что он даже не почувствовал ее прикосновения.

— Ты действительно глупец, космодесантник.

Голос раздался позади него, в нем ясно слышалось презрение.

— Мне жаль, — сказал Колофон, лживо улыбаясь.

Кир услышал приближающиеся шаги и стук посоха.

Он попытался обратиться к своей силе, но сфокусированное на нем воздействие было подобно гибкому шнуру, который затягивался, когда библиарий давил на него.

— Он не демон, которого ты зовешь Судьбоплет, по крайней мере, не полностью.

Теперь голос, исполненный насмешки раздался уже сразу позади него. Перед ним возникла гибкая фигура Гекаты. Глаза женщины ярко блестели, а крылатая

драгоценность на ее посохе пульсировала холодным сиянием. Она встала рядом с Колофоном, старик возле нее горбился все сильнее, становясь похожим на хищную птицу.

— У демона две головы, космодесантник, — сказала женщина и улыбнулась.

Кира охватило чувство падения, за ним тянулись обрывки предположений и истин.

Колофон покачал головой, как будто сожалея, морщинистые складки на его тонкой шее дрожали.

— Все будет хорошо, друг, — пообещал астропат, и Кир ощутил в его словах абсолютную ложь.

Геката медленно моргнула и подошла ближе к Киру, чтобы посмотреть прямо на него.

— Ты скоро умрешь, космодесантник. — Она сдержанно кивнула. — Но сначала ты должен пойти и посмотреть.

Она улыбнулась, и мир рассыпался на осколки.

Кир падал, по телу проносились

бессвязные ощущения: вкус ароматного вина; прикосновение пера к коже; боль; лицо отца, пустое и разбитое; вонь трупов; цвета, текущие без формы и системы; звук моря, швыряющего камни о скалу. Все появлялось и исчезало быстрее, чем он мог понять. Он хотел закричать, но у него не было рта.

Вокруг него затерцал оживший мир.

Он сидел на теплом каменном парапете под ясным синим небом. Посмотрев вниз, он увидел спускающуюся к поселению стену с башнями. Низкие серовато-коричневые каменные дома прижимались к основанию башни, как грудной ребенок к матери. Из труб поднимался дым, пахнущий жареным мясом и специями. За обветшалой окраиной селения к горизонту тянулась равнина, ее поверхность колыхалась, когда теплый воздух тревожил зеленое море зерновых.

Солнце согревало его лицо, ткань бело-синей туники мягко касалась кожи. Он сжал кулак и почувствовал, как напряглись мышцы.

— Вполне реально, — произнес голос рядом с ним.

Он вздрогнул и поднял взгляд. Охряная мантия окутывала незнакомца, сидящего рядом с ним. Сутулую фигуру скрывала ткань, которая колыхалась на ветру. Киру показалось, что он увидел под капюшоном синий проблеск, подобный далеким звездам в ночном небе. На мгновение он пожелал столкнуть человека с парапета и посмотреть, как он разобьется о землю.

Он взглянул на фигуру в капюшоне и покачал головой.

— Какая голова говорит? Та, которая говорит правду, или та, что лжет?

Собеседник тихо засмеялся.

— Очень хорошо, космодесантник. Ты действительно начинаешь понимать. Правда, немного поздно, но...

— Куда ты привел меня, демон? Я не преклоню колени перед тебе подобными.

Раздался смех. Для Кира он звучал, как крик падальщиков над безжизненной землей.

— Я здесь не для того, чтобы совратить тебя, космодесантник. Я

подчинял более сильные души, чем твоя, и ты льстишь себе, полагая, что смог бы сопротивляться моим усилиям. Я здесь, чтобы просветить тебя, чтобы ты смог понять, что произошло и что привело тебя туда, где ты находишься.

— Почему? — прорычал Кир.

— Разве другу и товарищу по странствиям нужна причина, чтобы предложить дар? Последний дар.

Киру показалось, что он услышал в словах нотки голоса Колофона.

Из широкого желтого рукава протянулась конечность со слишком большим количеством суставов и указала на городок внизу когтистым пальцем:

— Смотри.

Кир посмотрел. По улицам среди людей шли бок о бок двое. Одна была высокой женщиной, закутанной в темную одежду, с кислым выражением лица. Рядом с ней хромал сгорбившийся мужчина, сжимая в морщинистой руке старую деревянную трость.

— Ты, — сказал Кир.

— Да, мои два лица.

— Что это за место?

— Более подходящий вопрос — когда? Ты знаешь его, хотя можешь не узнать.

Кир вдруг почувствовал холодную злобу солнца.

— Катарис, — прошептал Кир.

Фигура рядом с ним издала щелкающий смех.

— Очень хорошо. — Она указала на ясное небо. — Смотри.

В небе раскрылась трещина. Ее края были серебристо-белыми, а середина черная. Небо потемнело, пурпурные и красные облака расходились, как синяк по бледной коже. Люди в городке подняли головы и закричали. Не обращая внимания на панику, охватившую толпу, высокая женщина и хромающий мужчина направлялись к основанию башни. На равнине вспыхнуло пламя, среди дыма скользили призраки, они мчались к поселению. Завыли сирены.

— Ты вызвал это! — прорычал Кир. — Ты призвал соплеменников на этот мир и убил его.

— Возможно, я вызвал его смерть. В

широком смысле, может быть, это и правда. — Пауза. — Но я не вызывал сюда сородичей. По крайней мере, не умышленно.

Голова в капюшоне повернулась к нему сильнее, чем могла позволить шея.

— Смотри.

Кир повернулся, сознавая, что ему и в голову не приходило посмотреть назад.

Они сидели не на башне. Это была посадочная платформа. За их спинами корпуса грузовых судов и тяжелых транспортников нагревались на солнце. Вокруг них уже суетились люди, подсоединяя топливные шланги, вой двигателей стал пронзительным.

Между теми, кто пытался сбежать, вспыхнули драки. Кир увидел, как человеку в мантии префекта выстрелили в лицо, когда он попытался остановить поднимающуюся рампу транспортного корабля. Других просто раскидывали по сторонам те, кто был сильнее. Посреди беспорядка шли мужчина и женщина, словно невидимые для остальных. Кир наблюдал, как они нырнули в грузовой отсек лихтера. Минуту спустя корабль

поднялся в небо, направившись к одному из немногих судов, находившихся на планетарной орбите. За ним последовали другие, шум их двигателей заглушили крики, доносившиеся из поселения, и первые вопли демонов.

— Ты сбежал? — Кир посмотрел на фигуру рядом с собой.

— Да, космодесантник. Я сбежал.

— Почему?

— Потому что моя родня пришла в это жалкое место не за кучкой ничего не стоящих душ, которые дышали этим воздухом. — фигура повернула голову в капюшоне к поселению. Кровь уже текла по его улицам. — Они пришли за мной.

— За тобой?

— Да, за мной. У меня много врагов среди моей родни. Некоторые стали врагами, потому что я поверг их или унизил. Помимо этого, конечно, из-за зависти: зависти к силе, которой я обладаю, зависти к моему положению при вечном Дворе Перемен. — фигура пожала плечами. — Мы — демоны, фрагменты воли более могущественных существ,

созданных из лжи и ненависти. Наша вражда отнюдь не проста и почти вечна.

Кир понял смысл того, о чем говорило существо.

— Ты скрываешься.

— Молодец, друг, — сказал демон голосом Колофона.

— Почему? — спросил Кир. Мир вокруг него исчез, его умирающие вопли превращались в далекий шепот ужаса.

— Снова этот вопрос, — раздался голос демона из исчезающего мира.

Кир ничего не видел. Он снова падал.

— Потому что я слеп, космодесантник, — сказал демон, его голос стал слабым и далеким. Кир почувствовал, как нечто похожее на перья коснулось его кожи во тьме. — Потому что я слеп.

Кир открыл глаза и увидел мир, где он родился. Демон стоял рядом с ним, в то время как библиарий смотрел, как в небеса его детства прибыли Черные Корабли. Желтая мантия существа развевалась на ветру, капюшон откинут. Руки плотно прижали ткань к телу, жест напомнил

Киру Колофона, кутавшегося в зеленую мантию. У демона было две головы на длинных, покрытых перьями шеях, напоминающие обглоданные головы грифа. С каждой головы на библиария смотрели синие глаза, без зрачков и радужной оболочки.

— Прошлое, — говорит одна голова голосом, похожим на голос Гекаты. Другая смотрит на темные силуэты космических кораблей, дрейфующих на низкой орбите. — Твое прошлое, космодесантник. Мир, который породил тебя, прежде чем сгореть. Я вижу его, потому что это прошлое. Это мертвые и неизменные моменты в потоке времени.

Демон задрожал, и мир изменился.

Вот командный отсек «Эфона», Кир смотрит, как фигура астропата кружится в холодном зеленом свете.

Вот боевые корабли, танцующие среди линий огня и вращающихся обломков, их двигатели ревут, когда они отворачивают перед носами-таранами копьеподобных кораблей. Они поворачивали слишком медленно и погибли, из их

разбитых корпусов вытекают обломки.

— Прошлое, — раздался голос демона, пока Кир мигал, переходя от одного момента к другому. — Все это прошлое. Я — ткач судьбы, оракул, который видит все пути будущего. В этом моя сила, мое преимущество над соперниками и то, что когда-то удерживало меня вне их завистливой досягаемости.

Вот Фобос, его меч воздет над головой, на губах погребальная песня.

— Но сейчас я слеп, будущее утрачено для меня. Я не могу видеть дальше настоящего. Это мертвое прошлое — все, что мне открыто.

А вот космодесантники в синих доспехах идут по комнатам, покрытым коричневой пылью. На их наплечниках поднявшиеся на задние лапы драконы.

«Но я видел это, — думает библиарий, наблюдая. — Я видел это, и оно не прошлое. Это будущее».

Демон продолжает, не зная о догадке Кира:

— Пока я слеп, я не могу сражаться со своей родней, поэтому они охотятся за

тной на ваших мирах.

Кир увидел, как что-то движется под тягким слоем пыли, словно волна, поднятая на поверхности воды акулой. Из пыли поднимается фигура. Он кричит, но космодесантники в синих доспехах не слышат. Фигура принимает облик человека. Она медленно поднимается с пола, на ее пылевидной поверхности формируются черты. Она тянется к космодесантникам. Кир чувствует смертельный голод фигуры. Он снова кричит, и рот фигуры из пыли открывается и закрывается.

«Вы умрете сейчас», — говорит Белый Консул голосом, похожим на шелест песка, носимого сухим ветром. Космодесантники поворачиваются и смотрят на него. Он тянется к ним.

Он смотрит на свои руки.

Они из пыли.

Его видение прерывается, и Кир проваливается сквозь кружащийся звездный свет и ощущение полета.

Они вернулись в астропатический зал. Перед ним стояли Колофон и Геката.

— Из-за тебя, Кир Аврелий, — сказала Геката, а Колофон кивнул. — Я не могу видеть из-за тебя. Ты — препятствие для моего зрения, пятно, за которым я ничего не вижу. Я никогда не видела, как ты появляешься здесь, и сейчас не могу увидеть твое будущее, только твое прошлое.

Кир попытался пошевелить конечностями, но они по-прежнему оставались парализованы.

— До этого момента я позволяла тебе жить, — продолжила Геката. — У тебя была цель сдержать мою родню. Ты даже мог победить. Но сейчас появилась Инквизиция, и демоны, преследующие меня, уже близко, и поэтому я снова должна бежать и скрываться. — Она сделала шаг назад. — Поэтому тебе придется умереть.

Геката повернулась, чтобы уйти, но Колофон помедлил и улыбнулся Киру:

— Благодарю за корабль, которому вы так услужливо приказали бежать от ярости Инквизиции. Это было очень любезно с вашей стороны.

Он похлопал по неподвижному доспеху

Кира и захромал вслед за Гекатой.

На самом высоком ярусе комнаты безмолвные фигуры в зеленых мантиях вышли из теней. В их слепых глазах сиял свет варпа. Их было восемьдесят один, переживших нападение астропатов. Но в этот момент он понял, что они не пережили. Те, кто сопротивлялся, — умерли, те, кто выжил, теперь связаны с Судьбоплетом. Кир услышал тихий щебет, похожий на крики птиц и шелест перьев. Астропаты спускались по каменным ярусам, и с каждым шагом под их ногами образовывался иней.

— Есть кое-что, о чем вы должны узнать перед смертью, мой друг, — произнес Колофон у дверей.

— Я не отправляла сообщение, — сказала Геката, и обе фигуры исчезли из виду.

Астропаты приблизились к нему. Кожа сползла с их новых форм, когда сила варпа переделывала их. Из рук и ног выросли когти. Кости треснули, мех и перья покрыли растянутую плоть. Кир оказался в кругу рычащих тварей.

Он почувствовал, что удерживающая его сила ослабла. Собрав всю свою волю в кулак, он ощутил, как пальцы двинулись к рукоятке меча. Его конечности дрожали от усилий, он покрылся потом, когда мышцы ожили. Руны угрозы заполнили поле зрения.

«Я потерпел неудачу, — думал он. — Это больше не будущее, это — настоящее. Я потерпел неудачу и паду здесь».

III
СВЯЗАННЫЕ

Ударные крейсеры открыли огонь первыми. Линейные ускорители, установленные вдоль бортов, заговорили одновременно. На пустотных щитах станции расцвели взрывы, разбиваясь об энергетические купола, которые мигали, отключаясь. Возле ударных крейсеров развернулся вокруг своей оси легкий крейсер, подставляя станции борт с батареями макроорудий. Сгустки плазмы и разрывные снаряды размером с танк прочертили космос.

На борту эсминцев офицеры ждали, пока щит станции не окажется на грани отключения. Когда взрывы всколыхнули последние экраны, они выпустили торпеды. Каждая несла мелта-боеголовку. Они предназначались не для уничтожения, но для нанесения повреждений и воспламенения. Для последнего смертельного удара у них имелось более экзотическое оружие.

«Шестой молот» оставался безмолвным подобно старому королю, наблюдающему, как молодые рыцари проливают первую кровь. Со своего медного трона лорд-инквизитор Ксеркс следил, как идеально рассчитанный по времени торпедный залп поразил станцию в тот самый миг, когда отказал последний пустотный щит. Он удовлетворено кивнул и поднял скипетр, золотая рукоятка которого была покрыта текстом на высоком готике. Ксеркс уничтожил много миров и предпочитал, чтобы последние удары наносились по самой простой из команд.

— Огонь, — произнес он, и «Шестой молот» встряхнуло от его слова.

Когти царапали по доспеху Кира. В него ударила бешенная психическая энергия, которая вытекала из когтистых пальцев, ища слабые места в доспехе. Перекошенные лица заполнили обзор. Он слышал, как они смеются и бормочут своими жаждущими крови голосами. Его рука зашевелилась, поднимая

штурмболтер, словно вытягивая из спутанной паутины. Что-то острое и зазубренное нашло слабое сочленение в доспехе. Потекла кровь.

Палуба дрожала под его ногами, словно в такт с далеким громом. Инквизиция начала обстрел.

Его охватил гнев, гнев на собственную глупость. Он знал, что должен погибнуть: он видел это. Это были не новые мгновения, а только старые воспоминания из видений, переживаемые в первый раз. Тварь со сморщенным лицом приблизилась вплотную, ее когти схватили шлем, острые кончики наполнил свет варпа, когда они потянулись к окулярам.

«Это не моя судьба!» — Кир выкрикнул эту мысль, и падшие астропаты отшатнулись от него. Он выпустил гнев, который кипел в его разуме, и разорвал силу, удерживающую его. Энергия хлынула из него наружу, а с лезвия меча сорвалась молния. Штурмболтер открыл огонь, прошивая извращенные фигуры.

Меч нагрелся в руке, в его ядре сияла

ярость Кира. Он рубился с погребальной песнью на устах.

Станция умирала. Рихат знал это. Кроваво-красные аварийные огни залили вибрирующий стыковочный коридор, и полковник слышал тихое шипение атмосферы, вытекающей в космос сквозь трещины. Двери стыковочного отсека «Эфона» оставались открытыми, пока уменьшающийся поток людей протискивался в них. Они приняли столько, сколько могли, но еще больше придется оставить: сотни запертых в секциях станции, до которых нельзя было добраться, группы гвардейцев, окруженных и уничтожаемых тварями, которые лезли внутрь Кларoса, даже когда он разваливался на части. Полковник говорил со многими из них по воксу, слушал сквозь помехи их проклятья и крики. Он знал, что если выживет, то будет слышать эти голоса многие годы, призрачные голоса, проклинающие его во снах.

— Мы должны закрыть док, полковник, — сообщил один из последних

двух Белых Консулов сразу за зубчатыми противовзрывными дверьми. — Станция под непрерывным обстрелом. Она скоро начнет разваливаться на части. Если мы хотим избежать смерти, то должны отстыковаться.

Рихат покачал головой.

— Пока нет. Еще многие могут добраться до нас. Ваш библиарий приказал мне спасти всех, кого я смогу. Я выполню приказ.

Космодесантники немного помедлили, затем коротко кивнули.

Рихат оглянулся на проходящих мимо людей. Слуги в серых робах спешили бок о бок с префектами в пурпурных мантиях. Окровавленные и бледные гвардейцы, некоторые все еще с оружием, теснились рядом с техноадептами и мускулистыми сержантами.

— Полковник, мы должны немедленно отстыковаться.

Резкий голос заставил его повернуть голову. К нему спешили Геката и Колофон, сгорбленный астропат тяжело дышал, поспевая за широко шагающей женщиной-

псайкером.

— Обстрел уничтожит станцию в течение нескольких минут. Вы должны немедленно отдать приказ.

Рихат перевел взгляд с Гекаты на Колофона. Старик был бледен и чуть ли не дрожал от страха.

— Что с Киром? Он отправился вас искать.

— Я не видел его, — покачал головой старик.

— Полковник, — начала Геката, но он прервал ее:

— Мы уйдем в самый последний момент, госпожа. — Рихат указал на несколько человек, спешащих к доку, но при этом не отрываясь смотрел в глаза псайкера. — В самый последний момент.

Геката сердито взглянула на двух космодесантников, стоящих у открытой противовзрывной двери, через которую продолжали проходить люди.

— Советую вам взойти на борт. Времени мало.

Псайкер скривила губы, но отправилась на «Эфон», Колофон, хромая,

последовал за ней.

Они снова атаковали — волна зубов и когтей. Его опустевший штурмболтер молчал, брошенный на устланный трупами пол. Из его руки метнулась молния, перепрыгивая от тела к телу. Многие упали, но остальные продолжали наступать, пробираясь по мертвым с алчными криками. Они добрались до него, когти оставляли следы на доспехе, вскрывая его полированные поверхности, которые сияли в свете их мертвых глаз. Кир чувствовал, как сила вытекает из него через дюжину ран. Захрипев от усилия, он обеими руками поднял меч над головой. Сморщенная тварь зашипела на него, бросившись вперед. Его первый удар рассек ее надвое. Второй перерубил живот и хребет другой твари.

Что-то ударило его сзади, наплечник раскололся, а боль пронзила тело. Он опустился на одно колено и почувствовал вкус собственной крови. Он ощущал вокруг себя существ: это из варпа смеялись ему астропаты.

Кир чувствовал потертые сочленения перчатки на пальцах, которые все еще сжимали меч. Он израсходовал все оружие, какое было, использовал каждый известный ему навык, но по-прежнему шел к судьбе, которую предвидел. Твари приблизились к нему. Библиарий посмотрел на них, поднимаясь на ноги. Было еще кое-что, нечто ужасное, что он все еще не осмеливался сделать. Это чудовищное деяние предостерегало его, и пережить его было так же трудно, как и управлять им. Под шлемом он мрачно улыбнулся самому себе. Последней частицей своей сфокусированной воли он потянулся и пробил дыру в реальности.

Когда Кир встал, твари отступили. Воздух вокруг него превратился в ускоряющийся циклон мерцающей энергии. Он расширил отверстие, его разум удерживал вихрь перед собой. Воронка становилась все шире и шире, вращаясь с искаженными обрывками реальности. Извращенные тела исчезли в кружащейся дыре, затянутые с воплями гнева и страха. Кир секунду управлял вихрем, которому

даровал жизнь. Он начал двигаться за секунду до того, как утратил контроль. Вихрь вырвался из его хватки со звуком бьющегося стекла. Его черная пасть еще больше увеличилась, превращая в ничто все, к чему прикасалась.

Кир побежал к двери, чувствуя, как при движении тело наполняется болью. Позади него с голодным воплем увеличивалась пасть воронки.

Станция пылала. Красный огонь пожирал бронированную обшивку, высасывая кислород, изгибая элементы конструкции, пока они не треснули и не деформировались, как сломанный хребет умирающего левиафана. Пламя варпа смешалось с огнем, демонические лица возникали и исчезали в пожаре.

Кружащие корабли карательного флота на минуту прекратили огонь, прежде чем нанести последний удар. Из носа «Шестого молота» узким веером вылетели торпеды. Черные жала мчались, оставляя за собой яркие хвосты, они несли самый тайный и опасный боезаряд. Когда

они ударили в сердце станции, вихревое устройство создало пульсирующую цепь дыр в реальности. Черные концентрированные спирали открылись в перекрывающемся циклоне, который унес станцию в забвение.

Кир бежал по коридорам, заполненным дымом и обращенным в руины. Дисплей шлема пульсировал предупреждающими значками, которые сообщали о внезапном изменении давления, резком росте уровня токсичности и смертельном для жизни содержании кислорода. Его поврежденный доспех терял воздух из многочисленных отверстий. Некоторые из фибросвязок доспеха были разрушены. Он чувствовал, как рвутся мышцы под тяжестью брони.

Эпистолярий повернул за угол и увидел, что бронированные двери дока все еще открыты. Стыковочный отсек «Эфона» за ними освещался аварийной сигнализацией. У панели управления дока тяжело осела фигура, последняя душа, стоявшая на страже безопасности ворот.

Рихат умирал, бледность кожи свидетельствовала о нехватке кислорода, но обе руки по-прежнему сжимали панель управления дверью, сохраняя ее открытой до самого последнего момента. Кир остановился. За его спиной длинный коридор начал изгибаться.

— Полковник, — окликнул он. Человек не двигался. — Рихат.

Его веки дрогнули, а синие губы прошептали слово, которое Кир не расслышал. В стене коридора открылся широкий разрыв, расходясь по полу и потолку, вытягивая пламя и воздух во мрак за ним. Кир наклонился, чтобы поднять полковника, но человек остановил его, невидяще глядя перед собой. Кир думал о том, что сказать, шепча последнее слово душе человека. Он думал о станции, которую разрывало на части в этот момент, о многих погибших на ней, которые могли добраться до «Эфона», и не придумал ничего, что принесло бы мертвому успокоение.

Кир убрал руку человека с панели управления доком. Со звуком шипящих

поршней противовзрывная дверь «Эфона» начала закрываться. Библиарий одиноко прошел между стыкающимися зубьями, когда корабль разорвал свою связь со станцией. За ним с визгом разрываемого металла разлетелся коридор.

Вихри поглощали последние фрагменты станции. На их краю поворачивался белый корпус боевой баржи Адептус Астартес, двигатели надрывались в борьбе с силами, тянущими их назад к ожидающим пастям растущих вихрей.

Инквизитор увидел, как из разлетающихся обломков станции выскользнул корабль и направился в открытый космос. Ксеркс обратил внимание на геральдику Белых Консулов. Несомненно, славный орден, но пострадавший в последнее время. Потеря такого корабля станет ударом для дружеских отношений, уходящих в глубины истории. Но он никому не мог позволить избежать Экстерминатуса. Ксеркс кивнул одному из офицеров на мостике и стал

наблюдать, как легкий крейсер и эсминцы увеличили скорость устремились на перехват, стремясь отрезать корабль от границ системы.

Перед ним закрытые двери мостика «Эфона». На обеих створках блестят в свете пламени жаровен гравированные изображения Сабатина. Он остановился, наслаждаясь воздухом, который наполнял его легкие.

Демон должен был направиться на мостик, как можно ближе к центру управления и принятия решений, чтобы влиять на собственное спасение. Кир мчался по кораблю, минуя сервиторов и группы озадаченных беженцев. Он почувствовал, как задрожал корабль, когда его двигателям пришлось бороться с тягой вихрей, захвативших станцию.

Библиарий остановился перед бронзовыми дверьми. В голове пронеслись фрагменты полузабытых видений. Он знал, что должно случиться, что значат все обрывочные проблески, и какова цена, которую нужно будет заплатить.

Кир медленно поднял руки, отсоединил шлем от доспеха и бросил его на палубу. Он сделал долгий выдох. Подавленная боль от ран вызывала оцепенение по всему телу. Он поднял меч, прижав лезвие плашмя ко лбу. Его прикосновение холодило кожу. Он подумал о пепле мертвого мира на своих пальцах, о братьях, выкрикивающих погребальные песни, о Рихате, беззвучно произносящем последние слова, о том, как он увидел Черный Корабль в синем небе.

— Вот для чего нас создали, — прошептал он себе и толкнул бронзовые двери.

— Судьбоплет.

Кир произнес его имя, когда двери распахнулись. Лица обернулись к нему, и он шагнул на мостик, почерневший доспех скрипел с каждым шагом. Перед ним, в центре длинной платформы, стоял командный трон. Группа сервиторов сидела, сгорбившись, над системными панелями, среди них ходили несколько слуг в белых одеяниях. Бронированные ставни

закрывали иллюминаторы, которые тянулись вдоль переборок мостика. В воздухе перед командным троном вращался голодисплей. По зеленой проекции с координатной сеткой двигались значки, показывая позиции и траектории кораблей.

Колофон и Геката стояли рядом с пустым троном, возле них двое Белых Консулов. Когда Кир шагнул к ним, все повернулись. Лицо Гекаты исказил гнев, а Колофона — шок и удивление. Кир открыл рот, чтобы приказать своим братьям открыть огонь. И не сделал этого.

Со звуком рвущейся кожи и смеха тела Колофона и Гекаты взорвались. Их плоть распалась, кожа и блестящие мышцы ненадолго повисли в воздухе, словно приколотые к невидимому секционному столу. Мерзкий запах извлеченных органов и сладкого ладана наполнил мостик, вызвав у Кира тошноту. Растянутые лица старика и псайкера ухмыльнулись с искаженного полотна плоти. Куски мышц и кожи начали наматываться, как полосы бечевки, скрученные в клубок. Плоть

изменила цвет и форму. Появились перья и когти. Растущую фигуру окружил синий цвет, переплетаясь яркими кольцами. На сгорбленной спине сформировались крылья. Кожа свободно свисала с длинных когтистых конечностей. Две длинные, оперенные шеи задрожали во вращающемся свете, после чего головы повернулись и взглянули на Кира. Над крючковатыми клювами пристально смотрели разные глаза. Обе головы демона рассмеялись, звук был похож на предсмертные крики воронов.

Двое братьев Кира подняли болт-пистолеты и открыли огонь. Вокруг снарядов возник пульсирующий свет. Они сбились с траектории и начали вращаться вокруг демона, как светляки. Мостик охватило безумие. Сервиторы вырвали себя из своих мест и падали на пол в лужах масла. Рабы и офицеры согнулись, извергая на пол желтую желчь. Щелчком пальцев демон направил болтерные снаряды по спирали в сторону членов экипажа, где они взорвались. Он поднял конечность, радужный свет окутал его когти, когда он указал на Кира. Клювы открылись, чтобы

заговорить.

Кир атаковал, подняв меч над правым плечом. Мышцы рвались, когда тянули закованное в доспех тело вперед. Он почувствовал, как его наполнило спокойствие. Он видел, что случится, его видение о будущем парило прямо перед настоящим. Момент растянулся. Его предназначением было оказаться здесь, сделать выбор, который по ощущениям ждал его сразу за горизонтом настоящего. Все происходило так, как всегда будет и должно происходить.

Меч рассек энергетическую оболочку демона и ударил в покрытую перьями плоть. Последовала вспышка разноцветного света. Демон отшатнулся назад, крича от боли и едва удержавшись, чтобы не упасть. Кир перекинул меч из руки в руку и, пронзив тело демона, приговорил его к палубе.

Он остановился, глядя на тварь. Две головы смеялись, а тело, светясь, начало испаряться. Пылающая демоническая сущность стекала на палубу корабля, просачивалась в «Эфон» и

распространялась по всему кораблю.

Кир отпустил рукоятку меча. Он никак не мог изменить то, что произойдет далее, судьбу, на которую обрек корабль и всех на его борту. Он знал, что не сможет убить демона, не по-настоящему. У того всегда будет возможность так или иначе выжить. Но Кир разрушил его физическую форму и знал, что демон сделает все возможное, чтобы не вернуться в варп. Сейчас он мог выжить, только приняв сущность корабля, став его хозяином.

Структура «Эфона» менялась, даже когда Кир смотрел на него, она искажалась под действием просачивающегося в его недра демона. Корабль в будущем изменится еще больше, станет чем-то неузнаваемым, чем-то проклятым. Кир знал это, он видел.

Библиарий посмотрел на последние признаки физического тела демона, две головы грифа дергались среди тающей плоти и перьев.

— Ты должен кое-что знать, — сказал он, когда демон зашипел. — Ты сказал, что

слеп, что не можешь видеть будущее. Говорил, что видишь только бесконечно повторяющееся прошлое. Но то, что ты видишь, демон, это твое будущее. Ты — слеп, потому что прошлое — это твое будущее.

Кир улыбнулся демону, когда тот исчез в палубе.

— То, что я вижу в будущем, это то, что ты видишь в прошлом. Ты слеп из-за этого момента, момента, когда будущее становится прошлым. Я — архитектор твоей судьбы.

Кир поднял взгляд на тактическую картинку приближающегося флота Инквизиции и медленно угасающих вихрей. Вращающиеся дыры в реальности заберут в варп все, что поглотили, чтобы нести по бурным течениям сквозь пространство и время. Он по-прежнему чувствовал, как борются под ногами плазменные двигатели, пытаясь вырвать корабль из объятий вихрей.

Библиарий медленно подошел к командному трону, сел и отдал свой последний приказ:

— Остановить двигатели.

Мгновение спустя корабль затих. Он продолжал по инерции двигаться сквозь пустоту. Затем начал скользить обратно к воронкам, которые поглотили станцию.

Кир положил свой меч на колени. Мостик менялся. По мере того как демон все глубже погружал свои когти в конструкцию корабля, перед глазами библиария появлялись раковые опухоли искаженного металла. Он не питал иллюзий по поводу того, что сделал. Он обрек корабль, экипаж и тех, кто перебрался на него в надежде на спасение. Связал их с мерзостью и обрек на проклятую вечность гонки сквозь время.

В глубине своей псайкерской души он чувствовал, как вихри приближаются к «Эфону». Корабль не включил поля Геллера, он был открыт всей силе варпа. Сырая психическая энергия омывала корпус невидимой волной. Те, кто был на борту, умирали тысячу раз, их тела распадались и восстанавливались снова и снова, пока не рассыпались пылью по залам корабля.

Кир все это время не закрывал глаз,

удерживая тело и душу вместе последним осколком воли.

Он подумал о сообщении. Сообщение предопределило эту судьбу с момента, как Кир услышал его, сообщение, которое демон никогда не отправлял, которое никто никогда не отправлял. Библиарий закрыл глаза и направил свой голос в варп. Его слова станут сообщением, чтобы поймать себя и демона, связав их судьбы вместе. Где-то внутри корабля демон услышал эти слова и завыл.

Последняя невыслушанная исповедь Кира была произнесена, он расслабился, и шторм разорвал его тело и душу на части.

«Эфон» падал, возвращаясь сквозь время, становясь чем-то новым, как и было предначертано.

Об авторах

САРА КОУКВЕЛЛ

Сара Коуквелл — независимый автор, живет на северо-востоке Англии. Замужем, имеет сына (который растет дома) и двух интеллектуально продвинутых котов. Она упорно и много писала в течение ряда лет. Ее первый роман, «Гильдарский Разлом», был опубликован в 2011 году. Когда она не попадает в рабство к клавиатуре, то предается другим своим увлечениям: читать все, что подвернется, и бегать по полям с мечом и неразборчивыми криками. Это когда ее душу не высасывают досуга онлайн-игры.

ДАРИУС ХИНКС

Закончив полет своей музыкальной карьеры довольно жестким приземлением, Дариус Хинкс решил, что издательская деятельность значительно безопаснее. Его работы для Black Library включают такие произведения как «Сигвальд» и

«Воин-жрец». Ходят слухи, что он все еще прячет банджо на чердаке, но его адвокаты яростно это опровергают.

БЕН КАУНТЕР

Автор серий об Испивающих Души и Серых Рыцарях, независимый автор Бен Каунтер — один из наиболее популярных писателей Black Library. Создавать RPG комиксы он умеет не хуже, чем романы. Его любовь к раскраске миниатюр доходит до фанатизма, и эта погоня за совершенством принесла ему престижную премию в этой области — «Золотого Дракона». Писатель живет Портсмуте, Англия, где встречает поддержку своему увлечению постановкой любительских спектаклей с местными труппами.

ДЖОН ФРЕНЧ

Джон френч — писатель и независимый гейм-дизайнер из Ноттингема. Примеры его работ — «Dark Heresy», «Rogue Trader» и «Deathwatch» (ролевые игры) и множество книг, включая «Учеников Темных Богов» («Disciples of the

Dark Gods»). Когда выдается время, свободное от раздумий о темных тропах и гибельных сущностях, способных разрушить реальность и пространство, Джон любит порассуждать (под хорошее вино) о том, почему эта затея не так уж и плоха (выставляя свои легионы предателей на игровой стол).